Андрэ Нортон

Ночь масок

Андрэ
Нортон

Ночь масок

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

****

том десятый

Ночь масок
Звёздное колесо
Опасные сны

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
г. Зеленоград
«Амбер Лтд», г. Ангарск
1993г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ
Ночь масок. /Перевод с английского.
Зеленоград: Издательство «Зеленоградская книга»,
1993г. — 448 стр. «С» — 11

Оригиналы: **Andre Norton «Night of Masks»**, *Ace Books 1981 (1964),*
Andre Norton «Wheel of Stars», *A Tor Book 1983,*
Andre Norton «Perilous Dream», *Ace Books 1976*

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента — ЛИА «БАЗИАТ»
Перепечатка отдельных романов и всего издания
в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчиков.
Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.

Н $\frac{4701000.000 - 11}{480\ (03) - 93}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 017 — 8

© Andre Norton «Night of Masks», 1964 г.
© Andre Norton «Wheel of Stars», 1983 г.
© Andre Norton «Perilous Dream», 1976 г.
© Издательство «Зеленоградская книга», издание на русском языке, 1993г.
© Перевод с английского «Ночь масок», А. Щупов и И. Головщиков, 1992г.
© Перевод с английского «Звёздное колесо», Д. Арсеньев, 1993г.
© Перевод с английского «Опасные сны», К. Прилипко, 1993г.

НОЧЬ МАСОК

Глава 1

День выдался на редкость унылый. Земля, небо, здания — всё было окрашено в одни и те же серые безрадостные тона. Ник Колгерн стоял, притулившись, под выступом арки, спасаясь от дождя. Холодный, мелкий, наполняющий воздух хлюпаньем и шуршанием, он был под стать гнетущим мыслям, никак не покидающим его головы. Глаза Ника глядели в пустоту, тонкие пальцы машинально теребили и поглаживали выцветшую, свисающую с худых плеч куртку. Он дрожал от сырости и холода, но по-прежнему не делал ни единого шага к близкой двери. Слишком хорошо знал он, что ожидает его за этой дверью. Тот же серый цвет, только ещё более тусклый, прогнившие нары и звуки дыхания множества людей.

Большие бараки Диппла... Особая зона для бродяг и отребья. Всё, чем мог бы похвастаться обитатель здешних мест, — это право на угол, угол, который нужно было постоянно отбивать и отстаивать. На большее здесь не рассчитывали.

Правая ладонь Ника прикрывала нижнюю часть лица — привычка, которую он давно уже не замечал. Зыбкая защита от чужих взглядов, чужих кулаков. Он прятал то, что располагалось ниже его больших голубовато-зелёных глаз. Заметив людей, входивших во двор, он теснее прижался к стене. Они прошли мимо, хлопнув дверью и не обратив на него никакого внимания.

Моук Варн и Брин Ник. В мире Диппла их по праву считали важными персонами. По праву... Ник поискал более подходящее слово, но не нашёл.

Само собой, все его определения там, за воротами Диппла, не стоили и ломаного гроша. Важными персонами Моук и Брин были только здесь, внутри этих почерневших от сырости стен. Но это были границы его мира, и Ник безропотно принимал Диппл со всеми его законами и оценками в отношении других и в отношении самого себя. И если уж он слыл в этом мире неудачником, то, видимо, так оно и было, а не то, чтобы Моуку или кому-то другому взбрело в голову называть его так.

Впрочем, когда-то не существовало Диппла, не ведали ужасов космической войны. Когда-то, когда-то... Это было то далёкое время, когда маленький мальчик был кем-то

другим, совсем другим... Глаза Ника потемнели. Он неотрывно смотрел на косую сетку дождя и продолжал вспоминать. Всё началось с войной. Да, именно тогда разразившиеся беды обдирающей в кровь метлой взмутили и подняли на поверхность, а затем небрежно и грубо смели в смердящую кучу всё самое грязное и никчёмное. Это и стало Дипплом — имеющимся почти на каждой планете местом, где было позволено догнивать в забытьи и нищете, где речь даже не заходила о людях. Они являли собой мёртвое статистическое число, сноску в малочитаемой литературе, факт, о котором в свободном мире старались всячески забыть. Война практически завершилась, но равнодушие с ненавистью, порождённые ею, продолжали жить. Они укрылись под глянцевые красочные слои, научились улыбаться, но при всём том не забывали напоминать о себе. Напоминать ежедневно...

Пальцы Ника плотно прижались к лицу. Загрубевшие шрамы, морщины... Давным давно уже лицо его покрывала маска, что была страшнее всяких кошмаров, и которую ему теперь никогда больше не придётся снять. Десять лет прошло с тех пор, как грузовой корабль попытался спасти маленькую колонию, волею судьбы оказавшуюся в пограничной зоне, контролируемой врагом. Неудачливого спасателя зацепили слепым залпом, заставив рухнуть на бесплодную планету.

Ник до сих пор недоумевал, что же позволило ему выжить, уцелеть в той беде. Как ребёнок с разодранным обожжённым лицом продолжал жить рядом с умирающим? Он продержался до того самого момента, когда, казалось бы ниоткуда, пришло спасение: люди в космической броне, нечаянно заглянувшие в отсек изувеченного корабля, где съёжившимся комком Ник продолжал свою маленькую борьбу между жизнью и смертью. Он помнил тот их приход, окутанный хаосом впечатлений, затуманенный бредом и болью. И ещё был страх. Страх перед неизвестностью, не отпускавший его ни на минуту. Именно тогда в его жизнь и вошёл Диппл. Здесь, на Корваре. Сначала больница, а позднее бараки. Тот самый Диппл, в котором ни на мгновение он не расставался с тоской, с отчаянным чувством одиночества.

Впрочем, иногда он мечтал — да! Он грезил о стране под

другим небом и другим солнцем, более тёплом и иного цвета. Но было ли это воспоминанием или только сном? Память хранила лишь разрозненные обрывки блеклой, потянувшейся с момента аварии череды дней. С тем лучезарным миром его связывал разве что именной диск, что нашли на его теле явившиеся на корабль люди. Ник Колгерн, имя, состоящее из стандартных символов, ровным счётом ничего не говорившее властям. На первых порах ему пытались задавать вопросы об его прошлом, но очень скоро прекратили, убедившись в полной его беспомощности. Кроме того, людей отталкивала его внешность. Обезображенное лицо не располагало к дружеским беседам, и в конце концов случилось то, что и должно было случиться: Ник превратился в отшельника, единственным развлечением которого стало чтение. Для книг и летописей не имел никакого значения тот факт, что Ник походил на человека лишь от уровня глаз до макушки головы, скрытой под копной жёстких, как проволока, волос, цветом напоминающих чёрный янтарь. Он научился уходить в мир фантазий, заставляя трудиться собственное воображение. Он погружался в сладостные галлюцинации столь глубоко, что временами ему начинало казаться, что это и есть его настоящая жизнь. Диппл с его переполненными людьми бараками чёрным пугающим силуэтом уплывал в далёкую мглу. На робкие уколы разума, пытавшегося вернуть его на землю, Ник не обращал внимания. Маленький мир грёз был единственным из всего его небогатого имущества, что он по-настоящему ценил. Именно этот мир выгнал его под дождь. Он желал поскорее окунуться в грёзы, хоть на короткое время забыть о бараках и сером унынии. Оттолкнувшись от стены, Ник побежал к темнеющей громаде склада. Скучающая в дверях охрана не заметила его. За все эти долгие годы Ник успел превратиться в первоклассного специалиста по части конспирации. Пригибаясь и стараясь ступать бесшумно, в несколько секунд он достиг обычного своего укрытия. Крохотное отверстие между ящиками и полусгнившими досками, в которое едва мог протиснуться взрослый человек. Вытянувшись на расстеленном куске материи, Ник замер. Барабанная дробь дождя доносилась теперь приглушённо и действовала успокаивающе. Забыв

о неудобстве, готовый вот-вот погрузиться в сон, Ник покорно закрыл глаза

—...должно быть, ты прав. Я поторопился...

Слова эти совершенно не вписывались в ту фантазию, что начинала уже обволакивать Ника. Они вызвали у него лёгкое раздражение. Их можно было бы пропустить мимо ушей, но что-то в голосе говорившего заставило Ника открыть глаза и прислушаться.

— Нельзя действовать, пока мы не будем абсолютно уверены.

— Да, но пока мы здесь рассиживаем и дожидаемся взлёта, дело может принять действительно неважный оборот.

Ник перевернулся со спины на живот и начал как червь продвигаться по своему затемнённому тоннелю к крайним ящикам. Он захотел рассмотреть беседующих. Добравшись наконец до ящиков, он приподнял голову, но перед его глазами предстал лишь мрак. Разговор, который он услышал, наверняка носил конфиденциальный характер. Диппл был переполнен подобными тайнами, и далеко не в первый раз Ник получал возможность прикоснуться к одной из них. И он прекрасно сознавал, что подобная осведомлённость может оказаться чреватой для него.

— Повторяю, мы можем упустить свой шанс! Время идёт, и слишком большая роскошь распыляться в этом деле. Это, надеюсь, вы понимаете?

Стовар! Ник увидел внизу две фигуры, лишь немногим отличающиеся от теней, но этот голос он знал. Здесь, на Диппле, Стовар был одним из тех, кого называли крупным хищником. По крайней мере, ни Моук, ни Брин не шли ни в какое сравнение с ним. Стовар ворочал делами, о которых они и не подозревали. До Ника доходили слухи, что он принадлежал к Воровской Гильдии, а для того, чтобы попасть в Гильдию, нужны были огромные средства. Обладая связями, как поговаривали, охватывающими Пол-Корвара, он не гнушался и торговлей краденым, всегда мог снабдить партией наркотиков.

Ника трясло. Подслушать даже самую малость из сказанного Стоваром могло означать верную смерть. Вцепившись в ящик, возле которого он лежал, стараясь унять взволнованное дыхание, Ник не осмеливался пошевелить-

ся. Ему страшно было подумать о том, что будет с ним, если Стовар и его приятели поймут, что они не одни.

— Ладно, выбора нет, — человек, стоявший возле Стовара, говорил неторопливо и спокойно. — Но меня смущает то, что мы принимались за это дело уже дважды, и дважды оно обходилось нам в кругленькую сумму. И если мы снова направимся к Маргану, он обязательно поднимет цену. Не такой уж он осёл, чтобы не понимать своей выгоды.

— Мы можем прижать Маргана.

— Хотел бы я знать, кому от этого не поздоровится. Стоит его припугнуть, и можете смело попрощаться с Бретреном. Готовы ли вы к этому? Марган наш человек и он необходим нам. Кроме того, в своём деле он незаменим. Так что не стоит хитрить, Бретрен вступится за него, какой бы фокус мы не выкинули.

Бретрен! Только теперь мозг Ника окончательно очистился от полусонных фантазий. Стовар, вероятно, пытался связаться с Бретреном — космической секцией Воровской Гильдии, которая занималась сбором добычи в далёких пограничных мирах. О чём это ему говорило? Только об одном: сделка, на которую намекали говорящие, должна была быть очень крупной. Стовар возглавлял уголовный мир Диппла, но среди членов Гильдии он был наверняка лишь невзрачной пешкой, которой действительные властелины бросали лишь малые крохи со своего стола.

— Похвально! Но кое в чём наш друг безусловно прав. У нас совершенно нет времени.

Там внизу находился третий! Ник попытался уловить хотя бы его тень, но не смог. Незнакомец стоял вне поля его зрения. Узнать Стовара Нику было несложно. С кажущимся безразличием к уродству Ника тот время от времени снабжал его мелкими поручениями, что было для Ника, пожалуй, единственным способом заработать на покупку книг...

— Согласен. Но третья попытка Маргана будет действительно выглядеть подозрительно. У нас могут быть неприятности.

— Серьёзное предостережение, — отозвался невидимый третий. — Кажется, вы упоминали о том, что мы располагаем пятью днями? Это в самом деле так?

— Пять дней. А затем придётся выжидать три планетных месяца, прежде чем совершить новую попытку.

— Пусть так. Мы подождём.

— Но... — Стовар попробовал возразить, но его перебили.

— Подумай! Разработать весь план, найти нужного человека — и всё это за пять дней? Это невозможно! Когда-то я пытался выполнить нечто подобное, но вовремя сообразил, что забрать всё с Корвара и добраться до звёзд — это ещё не всё. Нужна длительная подготовка, и мы должны выждать эти три месяца.

— Но не забывайте, — подал голос Стовар, — мы ведь уже убедились, что Инэд успел предпринять кое-какие шаги против нас. Поэтому я считаю, что надёжнее выполнить прямой бросок.

— Что совершенно невозможно, — холодно возразил его собеседник. — Уровень безопасности не слишком-то высок. Я имею в виду установку, разработанную Геригарцем. Никакой иной техникой мы попросту не располагаем. И разве не вы сами настаивали ещё совсем недавно на необходимости соблюдать осторожность?

— Разумеется, осторожность прежде всего. Но каждая новая отсрочка — это ещё один шанс Инэду, чтобы вычислить нас.

Из темноты донёсся тихий смех.

— Похоже, забрели в тупик, а, Стовар?.. А я, признаться, всё-таки верю в свою звезду. Мы либо осуществим задуманное, либо...

— Поставим на всём крест! Некоторые детали операции до сих пор неосуществимы. Это самая дрянная ракета, которую я когда-нибудь видел!

— Кажется, ваш командир не совсем согласен со вами, Боувей? Если желаете, вы всегда можете выйти из игры.

В ответ послышалось невнятное ворчание. Ник с напряжением прислушался. Что-то настораживало его в голосе третьего. Произношение было правильным, тон властным, но отчего-то Ник всё больше склонялся к тому, что человек этот не принадлежал Дипплу. Обитатели бараков догадывались, что Гильдия имеет своего человека в Планетной Службе среди руководства порта. Могло оказаться и так, что человек этот был одним из этих троих.

— М-да... Три месяца, — пробормотал Стовар. На этот раз в его голосе отчётливо послышалась нотка покорности. — А что будет, если по истечении трёх месяцев мы так и не найдём нужного человека?

— Мы постараемся его найти. Во всяком случае, если верить прогнозу ФС, мы отыщем его.

Кто-то из собеседников скептически хмыкнул.

— Тогда почему бы вашей ФС не подсказать, где его искать? Может быть, этот человек даже не на Корваре. Вы думали об этом?

— Скорее всего, он всё-таки здесь. Оглянитесь вокруг! Диппл — превосходное сборище кандидатов!

— Не вижу здесь ничего, кроме нагромождения грязи и своры оборванцев, — презрительно высказался Боувэй.

— Это лишь на первый взгляд. Вглядитесь повнимательнее, и вы увидите иное. Здесь самый полный набор галактических рас, представителей более чем сорока миров. Осколки войны и кораблекрушений, согнанные в одно место без всякого разбора. Такой пестроты вы больше нигде не найдёте.

— Ну, разве что в другом Диппле, — вставил Стовар.

— Согласен. Только где это? Ближайший от нас Диппл находится на Кали, шесть месяцев беспрерывного полёта. Мы не можем себе позволить длительные поиски. Если ФС предполагает, что он здесь, то нечего и голову ломать, надо искать. Лучшего варианта вы всё равно не предложите.

— Вероятно, вы правы. Придётся искать его здесь... Надо сказать, здесь намешано всякого добра. Единственное, что объединяет этот сброд — это внешнее сходство с людьми.

— А большего нам и не понадобится, — добавил невидимый Нику человек. — Лишь бы он сумел пройти контрольные фильтры. Так что терпение, и мы...

Ник вздрогнул. То же сделал, наверное, и говоривший, оборвав фразу на середине. Резкий свист оглушил их. Тени Стовара и Боувэя застыли. Глядя на них, Ник ощутил, что во рту у него пересохло, часто и сильно забилось сердце. А в следующий миг каким-то шестым чувством он понял, что его заметили. Но каким образом?

Закричав, он рванулся, силясь высвободить ноги, но

тот, кто ухватил его за лодыжки, был намного сильнее Ника. Он барахтался, цепляясь за пустоту, словно зверёк, попавший в капкан, но не мог сдвинуть своё тело ни на сантиметр. Хватка незнакомца на мгновение ослабла, но только лишь для того, чтобы освободившейся мощью подхватить обессилевшего Ника и швырнуть его с высоких штабелей вниз, под ноги заговорщикам. Беспомощный, жалкий, он рухнул на землю не в силах ни говорить, ни сопротивляться.

— Крысёнок, заглянувший не в свою нору, — процедил кто-то.

Нику не следовало подниматься. Едва он сделал это, вылетевший из темноты кулак обрушился на его челюсть. Съёжившись, он ждал второго удара, но его не последовало. Вместо этого яркий луч резанул ему по глазам, и он невольно поднял руки, защищаясь от выжимающего слёзы света.

— Только поглядите на него!

Кто-то ухватил Ника за волосы и грубо подтолкнул поближе к фонарю. Ник зажмурился.

— Ты знаешь его, Стовар?

— Кажется, да. Боувэй уже сказал: крысёнок, сунувшийся не в свою нору.

— Чёрт побери! Личико-то — что надо! Вполне достаточно, чтобы вывернуться наизнанку от ужаса. Стовар, а может быть, нам использовать его? Или дать ему бластер, и пусть покончит с собой. Не думаю, что жить с такой рожей — большая радость.

— Какая у него рожа, это не так уж и важно, — голос человека, держащего фонарь, звучал вдумчиво и неторопливо. — Пожалуй, по росту и возрасту он подошёл бы нам. Кто знает, возможно, это именно то, что нам нужно. Во всяком случае, одной проблемой было бы меньше.

— Вы действительно собираетесь использовать этого оборванца? — удивился Боувэй. — Сказать по правде, не очень-то мне нравится эта затея.

— Твоё дело. А я вот, напротив, начинаю верить, что госпожа Удача наконец-то улыбнулась нам. Если показать его Джине, она сделает из него всё, что мы пожелаем.

— Как бы то ни было, с ним надо что-то делать. Он слышал нас, — проговорил Стовар. — Пожалуй, мы

упрячем его в один из этих ящиков, и парочка ребят поможет перетащить его ко мне.

Последнее, что расслышал Ник, было недовольное ворчание Боувэя. А в следующее мгновение он стремительно погрузился в непроглядную тошнотворную тьму...

Он лежал на твёрдой неудобной поверхности. Кусок полотна, который обычно расстилался на полу убежища, куда-то пропал. И страшно болела голова, чего никогда не было прежде. Он выходил из своих снов наоборот — поздоровевшим, с окрепшим желанием жить и терпеть своё горестное существование. Но сейчас всё было иначе. Да и было ли это пробуждением? Ник всё больше начинал сомневаться в этом. Мысли его прыгали, и чувство тошноты странным образом концентрировалось в больной голове, а не в желудке, как обычно. Постепенно обрывочные воспоминания складывались в цельную картину. Продолжая оставаться в неподвижности, не открывая глаз, Ник лежал, последовательно, кусок за куском, выстраивая цепочку печальных событий, приведших его сюда. Склад, трое заговорщиков и внезапное нападение сзади. Да, всё так и было. Они сумели заметить его и не позволили убежать. От напряжения мускулы Ника заныли. Теперь он изо всех сил вслушивался в окружающее, ловя малейшие шорохи, пытаясь выжать из них хоть малейшую информацию о сложившемся положении. Он лежал на чём-то твёрдом — это он уже определил, но прежде чем открыть глаза и выдать тем самым своё пробуждение, Ник хотел узнать всё, что только представлялось возможным.

Издали донеслись приглушённые голоса, и вместе с ними долетел слабый неуловимо знакомый запах. Что-то сладковатое, со специфическим ароматом. Ник догадался. Это был запах Канбианского вина, и единственный обитатель Диппла, кто мог позволить себе подобную роскошь, был, безусловно, Стовар. Стало быть, Ник по-прежнему находился у него в руках.

Ник наконец-то осмелился открыть глаза, но взгляд его тотчас увяз в темноте.

Он попробовал пошевелить руками, но обнаружил, что справа и слева тело его стиснуто дощатыми стенками. Должно быть, глаза начинали привыкать к мраку, потому что он разглядел над собой тонкие щели в перекрытии

ящика. Открытие было не из приятных. В панике Ник попытался было сесть, но быстро понял, что не в состоянии сделать этого. Ему приходилось мириться с обстоятельствами.

Итак, он в ящике, и ящик этот во владениях Стовара. Но если он до сих пор жив, это говорило уже о многом. Они могли бы расправиться с ним ещё там, на складе, и раз уж этого не произошло, стало быть, Стовар не собирался приканчивать его.

Бездействие вынуждало его к анализу ситуации, и Ник продолжал ворошить свою память. Он вспомнил, как что-то или кто-то ухватил его за ноги, помнил свой странный паралич после приземления. Только теперь он сообразил, что забраться следом за ним в тесную нору никто из этих троих не мог. Значит, сила, швырнувшая его вниз, не принадлежала человеку. Но тогда что же?.. Впрочем, сейчас его интересовало не это, он размышлял о причине своего пребывания у Стовара. Кто-то из тех троих сказал, что Ник подходил им по росту и возрасту, и что его уродство не имело для них никакого значения. Но зачем он мог им понадобиться?..

Звук приближающихся шагов заставил его замереть. Шаги остановились совсем рядом, и крышка ящика отлетела в сторону. На Ника пристально смотрел загорелый до черноты незнакомец. Такой загар мог быть только у настоящего астронавта. Черты лица его были правильными, но глаза сидели столь глубоко, что невозможно было определить, какого они цвета. Гладко выбритую голову незнакомца украшал хохолок, казавшийся на расстоянии белым пером птицы. Губы незнакомца тронула лёгкая улыбка, и Ник почувствовал, что сковывающий его страх начал понемногу рассасываться.

Бронзового цвета рука протянулась к нему и, ухватив за ворот, поставила на ноги. Проделал всё это незнакомец с удивительной лёгкостью — так, словно Ник совершенно ничего не весил.

— Не волнуйся. Через минуту ты будешь в полном порядке.

Затёкшие члены действительно вновь обретали чувствительность. С помощью того же незнакомца Ник перешагнул через стенку ящика и неуверенно присел на

предложенный стул. Незнакомец устроился напротив него. Только теперь Ник получил возможность разглядеть его целиком. Человек, вызволивший его из ящика, носил одежду астронавта, грудь его украшала тройная звезда капитана. Сложив свои огромные ладони на коленях, незнакомец чуть подался к Нику, и впервые за многие годы Ник не попытался прикрыть своё изуродованное лицо. С упрямым вызовом он ответно взглянул в глаза незнакомца, выставляя напоказ свои шрамы.

— Я был прав! — белый хохолок на голове незнакомца забавно дрогнул. — Похоже, ты наш шанс.

Глава 2

Незнакомец продолжал с улыбкой глядеть на Ника. Казалось, сложившаяся ситуация забавляла его. Помедлив, Ник проговорил:

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— В этом пока необходимости нет. Давно у тебя такое лицо?

— Около десяти лет. Меня вытащили из обломков полуразрушенного корабля. Ещё во время войны.

— М-да... И ты не пытался лечь на операцию?

Ник с трудом справился с нахлынувшим на него волнением. Но в словах спрашивающего не было ни отвращения, ни брезгливости, и Ник заставил себя ответить правдиво.

— Они пытались что-то делать с моим лицом, но ничего не вышло. Что-то там из-за кожи. Она отслоилась через несколько месяцев, а на повторную операцию они не раскошелились. Кому это нужно — тратить деньги на какого-то бродяжку из Диппла.

Незнакомец, сам того не подозревая, коснулся самой больной его темы. Ник прекрасно знал, что здесь, на Корваре, существовал целый штат прекрасных хирургов и косметологов, которым было бы нетрудно вернуть ему человеческий облик. Но между ними и Ником лежала пропасть, широкая и непреодолимая. Он прекрасно представлял себе, сколько нужно было заплатить медикам за возню с пациентом, у которого столь плохо приживается искусственная плоть.

— Дело не поздно исправить и сейчас.

Ник подавил вспышку ярости.

— К сожалению, я — не один из них, из семей элиты, — с трудом проговорил он. — Кроме того, при такой восстанавливаемости, как у меня, даже их кошельков может оказаться недостаточно.

— Не говори столь уверенно о том, чего не знаешь, — незнакомец поднялся на ноги. — Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и элементарное везение.

— Везение? — эхом отозвался Ник.

— Да, везение, чёрт подери! Слушай меня внимательно, малыш. Сейчас я скажу тебе нечто важное. Так уж вышло, что ты оказался кандидатом номер один. Мне понадобится твоя помощь, а взамен я мог бы тебе кое-что предложить. Что, к примеру, ты сделал бы ради своего нового лица?

Взгляд Ника застыл. Незнакомец говорил вполне серьёзно. Что бы он отдал за своё новое — настоящее — лицо? Спросить такое у него?.. Он был поражён. Неужели незнакомцу ещё нужно было отвечать?..

— Всё, что угодно! — выпалил он.

— Отлично. Тогда с тобой стоит поработать... Стовар!

В дверях появилась знакомая Нику фигура.

— Я забираю у тебя Колгерна, — объявил ему незнакомец.

Мутные глаза Стовара равнодушно скользнули по лицу Ника. Он слегка нахмурился.

— Тебе виднее. Когда ты хочешь забрать его?

— Прямо сейчас.

Стовар пожал плечами.

— Как хочешь, Лидс. Если ты выбрал, то теперь это уже твоя забота.

Незнакомец, которого звали Лидсом обернулся к Нику.

— Ну, а ты запомни. Если ты хочешь получить смазливое личико, тебе придётся сперва заработать его. Это понятно?

Ник кивнул. Конечно же, он понял. Всё, чего жаждет душа, надо или зарабатывать или завоёвывать. Он уже понял, что Лидс был одним из парней Гильдии или Бретрена, и нетрудно было догадаться о том, какого рода работу хотят ему предложить. Но это ничуть не смущало его. Это чепуха в сравнении с тем, что ему обещали взамен.

Кроме того, любой бродяжка Диппла знал, что для него и ему подобных существует лишь один закон — закон тьмы. Закон света существовал для имущих, и только для них.

— Значит, поступим так, — незнакомец продолжал внимательно смотреть на него. — Слушай и запоминай. Ты — сын астронавта, моего бывшего командира. Я нашёл тебя здесь и, поручившись перед властями, вызволил из Диппла. Думаю, охрана не будет возражать. Они только рады, когда вас становится меньше. Тем более, всё будет исполнено вполне законно. Ты возьмёшь что-нибудь из своих вещей?

Ник недоумённо дрогнул бровями. Что Лидс имел в виду? Устройство для чтения летописей, книги?.. Это было единственное имущество Ника, но и от него он мог сейчас с лёгкостью отказаться ради того, чтобы вырваться отсюда, стать новым Колгерном, свободным, и, может быть, счастливым. Никогда ранее не испытываемое им чувство клокотало в груди. Чувство, связанное с замаячившими на горизонте надеждами.

— Нет, — Ник не в состоянии был управлять голосом, и его хватило только на это единственное слово.

— Хорошо! — та же бронзовая рука, что вытащила его из ящика, помогла Нику подняться на ноги. Запинаясь, он прошёл через комнату и, минуя деловые апартаменты Стовара, равнодушно отметил про себя, что в одном из кресел сидит Моук Варн. Моук был тенью из прошлого и теперь не значил для него ровным счётом ничего. Это было одним из снов Ника, кошмарным, уходящим навсегда сном. Прошлые же его грёзы, воплощённые в реальность, в эту мускулистую, поддерживающую его руку, властно вводили его в жизнь. Он был настолько опьянён, что даже не порадовался тому недоумению, что явственно проступило на лице привставшего Моука.

Они вышли во дворик, окутанный туманом, и голос Лидса стал более резким.

— А теперь слушай внимательно. Меня зовут Строуд Лидс. Я вольный торговец. Твой отец был моим командиром на Дневной Звезде, когда разразилась война. В одном из сражений на Иджоку он был убит, и в течение последних трёх лет я искал тебя в Дипплах на разных планетах. Искал и нашёл, понял, мой мальчик?.. Удача, конечно же,

госпожа Удача! Я знал, что она сопутствует мне. Я бы не понял этого лучше, если бы не почувствовал тогда на складе, что кто-то подслушивает наш разговор. Держись за меня малыш, и частица Удачи сама собой перепадёт и тебе!

Лидс подмигнул ему. На губах его играла улыбка игрока, собирающегося снять с зелёного бархата крупный куш. Торопливо перебирая вялыми ногами, Ник тщетно пытался приноровиться к широкому шагу капитана, повторяя в голове сказанное Лидсом. Он с трудом заставлял себя поверить, что происходящее с ним — не сон. Туман окутывал дворик, туман стоял перед глазами. Он почти не слышал бойких объяснений Лидса в регистратуре и машинально кивнул, когда тучный надсмотрщик поздравил его с нежданно привалившим счастьем. Всё это и в самом деле походило на счастье. И он, который давно уже не помнил, как выглядит прекрасное лицо фортуны, начинал верить в неё с той же заразительной страстью, что и Лидс.

Вскоре они были уже за пределами Диппла. Немного отставая от своего властного спутника, Ник наслаждался новыми нахлынувшими на него ощущениями. Он мог бы пересчитать по пальцам те редкостные случаи, когда он оказывался за воротами Диппла. Больница и связанная с нею боль безнадёжного приговора, магазин, в котором через третьи руки ему удавалось покупать дешёвенькие книжки. О, когда-то в них заключалась вся его жизнь! Как тщательно он оберегал её от посторонних!.. И вот он уходил из Диппла насовсем, действительно уходил!

У ближайшего коммутатора Лидс торопливо набрал незнакомый Нику код. Начинался дождь, второй за этот промозглый день, и капитан накинул на голову капюшон. Нику было нечем прикрыться и он стоял, слизывая с жёсткой, покрытой рубцами кожи губ прохладную влагу. Его это ничуть не трогало. Даже дождь здесь, вне бараков Диппла, казался совсем иным, чуть сладковатым на вкус и чистым.

Долго ждать не пришлось. Вызванный капитаном флиттер, взметнув брызги, приземлился в десятке шагов. Когда они уже садились на обитые бугорчатой кожей места, Лидс молча поглядел на парня. Он больше не улыбался. В лице его проглядывала какая-то пугающая жёсткость.

— Я принял решение, но это ещё не всё. Многое зависит от того, что решат Джина и Искхаг.

Ник съёжился. В его огромном, разросшемся до небывалых размеров счастье появилась трещинка. И ядовитой струйкой через эту трещину начал просачиваться страх.

— Но, — продолжил Лидс, — поскольку многое в этом деле зависит от меня, думаю, они согласятся с моим выбором.

Бурлящее опьянение проходило. К Нику вновь возвращалась способность спокойно оценивать события. Он был счастлив, что Лидс вытащил его из Диппла, но он понимал также, что если дело, ради которого его взяли с собой, провалится, он вновь вернётся в бараки. Иного места для его изуродованного лица не существовало. Корвар слыл планетой удовольствий. Вся экономика планеты работала на обеспечение сытой роскоши для богатейших людей галактики. В этом мире Нику Колгерну отводилось лишь одно-единственное место — Диппл.

Флиттер отклонился от транспортных линий города и теперь летел над внешним кольцом загородных вилл и особняков. Ник, обмирая, смотрел вниз — на чудесные дома, пышную растительность, завезённую может быть из полусотни разных миров. Кто знал, доведётся ли ему ещё когда-нибудь видеть всё это?..

Флиттер подпрыгнул в воздухе, преодолевая живую изгородь кустарника, усыпанного сияющими, похожими на капли воды цветами, и совершил посадку на крыше широкого, примостившегося на склоне горы здания. Выйдя из летательного аппарата, они спустились в сад. Дождь продолжал лить, собираясь в шумные ручьи и устремляясь в водостоки, расположенные вокруг дома. Ник, подняв голову, увидел, как освободившийся от пассажиров флиттер резко взмыл в воздух, возвращаясь на городской таксодром.

— Давай, давай! — Лидс подтолкнул его вперёд, поясняя тем самым, что времени у них не так уж и много. Внезапно дождь прекратился. Нику показалось, что их окутало мерцающее серебряное сияние, воздух пронзило низкое гудение. На мгновение сияние стало материальной поверхностью, но вновь затуманилось, растворяясь в воздухе, наподобие сахара, брошенного в воду. Они находились уже

не под открытым небом, а в затемнённой нише, из которой можно было видеть длинный коридор.

— Сюда!

Лидс шагал быстро, и Ник едва поспевал за ним. Стены, вдоль которых они двигались, были блестящие и гладкие, такого же серо-зелёного цвета, как и вся наружная часть здания. Постепенно у Ника сложилась убежденность, что они спустились не во внутренние этажи здания, а значительно глубже. Возможно, это было подвальное помещение. Ник изумлённо расширил глаза. Стена, до которой дошёл Лидс, отъехала в сторону, открыв вход в ярко освещённую комнату. Они ступили на красный, пружинящий под ногами ковёр, и Ник бегло окинул взглядом находившихся в комнате людей. В креслах новейшей конструкции, какие Ник видел только на рекламных плакатах, сидели мужчина и женщина. Судорожным движением Ник попытался прикрыть лицо, но остановил руку на полпути. Что-то особенное во взгляде женщины остановило его. Может быть, отчасти это было то самое, что привлекло его в Лидсе. На лице женщины не отразилось ни брезгливости, ни отвращения. Она смотрела на него так, словно он был обычным парнем, ничем не отличающимся от сотен других людей. Присмотревшись к ней, он решил, что она значительно старше, чем показалось ему вначале. Светловолосая, с огромными голубовато-зелёными глазами, одета она была удивительно просто. Тонкими пальцами она держала молочного цвета пластину, время от времени поднося её ко рту и слизывая с неё розовую пасту. Делала она это довольно непринуждённо и ни на миг не сводила с него своих завораживающих глаз.

В соседнем кресле расположился мужчина, чьё одеяние представляло полный контраст с бесцветной туникой женщины. Его распахнутая на груди рубаха была расшита драгоценными камнями. Голубоватого оттенка кожа, чересчур крупные нос и подбородок выдавали в нём чуждое Земле существо. Небольшой, тщательно подогнанный по размеру черепа шлем покрывал его голову, и там, где у обычного человека располагались уши, Ник разглядел два медленно вращающихся полукруга. Из глубины полуоткрытого рта, меж синих полосок губ, двумя светящимися камешками выглядывали зубы.

Галактика была достаточно богата цивилизациями самых различных видов. Корвар привлекал не только людей в привычном смысле слова. Ник слышал, что на планету прилетают и представители иных космических рас, но воочию убедиться в этом ему пришлось только теперь.

Ни женщина, ни мужчина ни единым жестом не прореагировали на их вторжение. Молчание стало слишком тягостным. Наконец, отложив пластинку, женщина плавным шагом пересекла комнату и остановилась напротив Ника. Его рука снова потянулась к лицу. Женщина была одного роста с ним, но он никогда бы не подумал, что она обладает такой силой. Взяв за запястье, несмотря на всё его сопротивление, женщина заставила Ника опустить руку. С пугающим вниманием она продолжала рассматривать Ника и особенно его лицо, так, словно решала при этом увлекательнейшую задачу. Лидс слегка шевельнулся.

— Подойдёт?

— Возможно, — тихо произнесла женщина.

— Какова вероятность того, что всё пройдёт благополучно? — скрипучим, лишённым интонации голосом спросил сидящий в кресле мужчина.

— Процентов семьдесят. Может быть, и больше. Сейчас посмотрим, — женщина вернулась к своему креслу. Чёрный, незнакомый Нику аппарат, повинуясь её команде, развернулся на своём столике, обратившись широким стеклянным раструбом к стене. Незнакомец в кресле надавил кнопку на подлокотнике и вместе с сидением тоже развернулся к стене. Женщина что-то проделала с аппаратом. Раздался щелчок и гладкая поверхность стены замерцала. Ник ахнул. Стена показывала в полный рост изображение молодого человека. Чем-то неуловимым он походил на него самого, но его лицо... Ник не сводил с него глаз. Правильные черты, нежная, загоревшая на солнце кожа. Парень, глядевший на них со стены, был симпатичным, хотя что-то в выражении его глаз выдавало затаённую грусть. Женщина шагнула назад и перевела взгляд на Ника, будто что-то про себя сравнивала.

— Он рассказывал, что первая операция по трансплантации плоти закончилась неудачей, — предупредил Лидс. Видимо, он хотел быть честным со своими компаньонами.

— Да?.. — она отсутствующим взглядом воззрилась на Лидса, затем снова посмотрела на изображение. — Искхаг! Ты видишь, какие у него волосы? Кажется, я начинаю верить нашему Строуду. Всё, что он твердит без конца о своей удаче, может действительно стать правдой. Эти волосы!..

Ник недоумевающе смотрел на светящуюся стену. Чёрные вьющиеся кольца, обрамляющие голову изображённого юноши, действительно напоминали его собственную шевелюру. Странно, что они находили в ней что-то особенное.

— Похоже, что мы не зря доверились прогнозу ФС, — пронзительно проскрипел Искхаг. — Вероятность успеха в этой точке космоса превысила вероятность неудачи. И если только ты считаешь, что сумеешь преобразить его...

Женщина, которую по-видимому звали Джиной, небрежно пожала плечами.

— Думаю, я сумею это сделать, хотя гарантировать удачный исход пока не берусь. Если прошлая операция действительно прошла безрезультатно, то это вполне может повториться и теперь.

— С того времени многое изменилось, Джина, — возразил Лидс. — Должны были появиться новые эффективные методы, ведь так?

Он вопросительно взглянул на Искхага, и тот кивнул.

— Вероятно. Наша Джина попросту желает подстраховаться. Кстати, этот паренёк понимает нас?

Прежде чем ответить, Лидс задумчиво достал из кармана маленькую коробочку и, выщелкнув из неё таблетку, положил её на язык.

— Понимает. И прежде всего, он понимает, что своё новое лицо он должен заработать.

Женщина снова подошла к Нику. Её длинная туника прошелестела по ковру.

— Так ты согласен ради этого поработать? Верно, мой мальчик?

И до того, как он успел увернуться, её рука сделала неуловимое движение, и мягкие нежные пальцы легли на его несчастный подбородок.

— Ты правильно решил, — продолжила она. — Всё в

этом мире нужно заслужить. Даже те, кому от рождения отмерено богатство, время от времени должны делиться им... Я займусь тобой. О цене можешь не беспокоиться.

Впервые за всё время своего пребывания в удивительном доме Ник набрался смелости, чтобы задать вопрос.

— Я что-то должен для вас сделать?

— Кое-что, — женщина отпустила его и обернулась к Строуду. — Расскажи ему, Лидс.

Это прозвучало почти как приказ.

— Только не здесь, — Искхаг откатил своё кресло на прежнее место. — Забери его к себе и посвяти в детали. У нас с Джиной есть ещё о чём поговорить. Неплохо бы поберечь время.

Лидс улыбнулся.

— Но такие дела, как наше, нельзя решать в спешке. Можно ошибиться. Не так ли, милейший?

— Я хочу лишь быстроты и чёткости, капитан.

Женщина вновь взяла в руки пластинку с розовой пастой. Её аккуратненький язычок лизнул неизвестное Нику лакомство. Взяв юношу за плечи, Лидс дружески подтолкнул его к выходу.

Миновав коридор и ещё одну раздвигающуюся стену, они оказались в комнате, по роскоши обстановки ничуть не уступающей той, первой. Лидс кивнул Нику на диван.

— Ты голоден?

Не дожидаясь ответа, он подошёл к кнопочному пульту, расположенному в стене на уровне груди, и набрал комбинацию цифр. Из той же стены бесшумно выехал столик с шестью или семью блюдами. У Ника, который не ел уже почти сутки, обморочно закружилась голова. Лидс снял крышечку с одной из тарелок и осторожно попробовал.

— Неплохо, попробуй.

Ник робко приступил к еде. Пища настолько отличалась от всего того, что он видел в Диппле, что с трудом верилось в реальность происходящего. Это не могло называться пищей! Он даже не знал, из каких чудесных продуктов она приготовлена.

Когда непривычное ощущение сытости положило конец его трапезе, Ник откинулся на мягкую спинку дивана, подумав про себя, что этим великолепным ужином нача-

лась его новая жизнь, ведущая, может быть, в незнакомые земли и миры, с их неизвестностью и опасностью.

— А теперь поговорим, — Лидс нажал на кнопку, и столик послушно покатился обратно в раздвигающуюся стену.

Глава 3

Но капитан начал не сразу. Он долго и пытливо рассматривал Ника, словно что-то окончательно прикидывал про себя. Невольно съёжившись, Ник вынужден был мобилизовать всё своё мужество, чтобы скрыть смущение. Но руку он так и не поднёс к лицу.

— Поразительно! — пробормотал Лидс. — Хорошо... Надеюсь, ты понял, что тебе придётся работать под руководством Гильдии?

— Да, — коротко ответил Ник.

— И ты не боишься этого?

— Не забывайте, что я житель Диппла, — Ник неожиданно подумал, что в действительности ещё никогда не пытался по-настоящему определить своё отношение к существующим порядкам. Все обитатели Диппла ненавидели власть, ненавидели просто потому, что им не за что было любить её. Они ненавидели своё положение, и в этой ненависти заключалась своеобразная форма протеста против тех, кто жил лучше, жил вне Диппла. Ник никогда бы не сумел наняться на работу, как не сумел бы и предложить себя ни одной фирме, замораживающей наёмную силу для последующей продажи в другие миры. Ник был самым обречённым существом Диппла и потому не видел теперь причины, чтобы гнушаться возможными связями с Воровской Гильдией.

— Разумно, — Лидс кивнул. — Джина собирается вернуть тебе человеческое лицо и, уверен, она справится с этим. Она — хирург-косметолог первой категории.

Ник осмелел.

— То изображение на стене... Я буду выглядеть точно так же?

Сейчас ему так хотелось верить, чтобы всё, что он слышал о чудесах косметической хирургии, оказалось правдой. Джина принадлежала Гильдии, а могущество

клана было широко известно. И Ник поспешил со вторым вопросом, опередив Лидса, который собирался ответить на первый.

— Это было изображение или живое существо?

Лидс хмыкнул:

— В определённом смысле это было живое существо. Некий дух, лишённый тела, — Лидс говорил довольно загадочно. — Дух, которому ты в скором времени поможешь.

Возбуждённый мозг Ника высказал страшное предположение. Как ни мечтал он о нормальном лице, он мог бы с ходу назвать вещи, которые были для него дороже посулов Джины и Лидса. Очевидно, испуг в достаточной степени отразился на его лице, потому что капитан громко рассмеялся.

— Признайся-ка, что ты там навоображал себе? Думаешь, хотим отнять у тебя тело? Всё не так, Ник. Ты должен стать героем из прекрасной, пока ещё неосуществимой мечты.

Окончательно сбитый с толку, Ник молчал. Он решил слушать.

— Не знаю, увлекаешься ли ты политикой, скорее всего, нет, но наша операция связана с ней, — поудобнее расположившись на диване, Лидс снова достал свою коробочку с таблетками. — Не ошибусь, если скажу, что последнюю космическую войну нельзя считать законченной. То есть, все эти перестрелки эскадрилий и тому подобная чушь безусловно подошла к концу, но по-моему именно теперь начинается главное — экономическая фаза всё той же войны. Никто не получил то, чего хотел. Сражения принесли не только болячки, они разожгли аппетит. Можешь мне поверить, за кулисами идёт крупная игра, и, само собой, Гильдия не может остаться в стороне.

Ник внимательно слушал. Он начинал понимать.

— Отчего-то мне думается, что сегодня у нас появился козырь, который мы можем ввести в игру.

— И этот козырь...

— Ты, — заключил Лидс. — Вернее, ты можешь им стать, если постараешься. А постараться тебе придётся, потому что обратного пути уже не будет.

Ник Колгерн кивнул.

— Я готов к этому.

— А раз готов, слушай, — Лидс всё ещё улыбался, но глаза его смотрели весьма напряжённо. — Год назад лорд войск одного из миров под названием Небула послал своего единственного сына сюда, на Корвар. Он стремился запрятать его подальше. Видимо, кто-то пытался там его шантажировать. Словом, он укрыл мальчугана здесь на одной из хорошо охраняемых вилл, точно такой же, в которой мы сейчас находимся. Это особое здание, выстроенное по секретному проекту. Ни один посторонний не способен проникнуть в эти стены.

Ник с готовностью поверил сказанному. Всё, что он успел повидать в доме, подтверждало слова Строуда.

— Два месяца назад, — продолжил Лидс, — военный лорд перестал беспокоить своих многочисленных шантажистов.

— Умер? — Ник не очень удивился кивку Лидса.

— И теперь его сын не представляет никакой важности в качестве заложника, но он владеет необходимой нам информацией. Он осведомлён о секретах, которые знал его отец, и которыми очень интересуются по крайней мере две партии. Одна из них — та, что сейчас у власти, — считает, что юношу надо держать под замком. Другая мечтает о том, чтобы...

— ...его убрали, — закончил Ник.

— Точно. Но они не могут добраться до него, кроме как через нас.

— А Гильдия в состоянии разрушить эту полукрепость?

— Мы можем это сделать, но, согласись, интереснее покопаться у этого паренька в мозгах. К сожалению, лорд тщательно поработал над ним. Его мозг накрепко заблокирован. Попытка напугать его приведёт только к тому, что информация попросту сотрётся.

— Но как же тогда к нему подступиться? — Ник был заинтригован.

С загадочной улыбкой Лидс включил стоящий на столе аппарат. Перед ними высветилась необычайная картина. Ландшафт, какого Ник не видел никогда в жизни, возвышенности абсолютно чёрного цвета, упирающиеся в жёлтые небеса. Извиваясь меж песчаных берегов, в даль к горизонту текла мутная, напоминающая по цвету кофе,

река. На берегу реки стоял темноволосый юноша, тот самый, которого Ник видел на стене. Не сразу он понял, чем занят юноша, и только приглядевшись, сообразил, что тот сдирает шкуру с огромного пресмыкающегося. Желтоватый свет играл бликами на покрытых металлом частях униформы мальчугана, но непокрытая голова его чётко прорисовывалась на фоне светлого неба. Рядом со сражённым чудовищем стоял ещё один мальчуган, выглядевший значительно моложе первого. Одет он был точно так же, и те же чёрные кудри покрывали его голову. В руках он держал оружие — некое подобие бластера. Он напоминал часового, охраняющего своего хозяина.

Лидс вновь нажал на клавишу и картина погасла. Глядя на него, Ник ждал объяснений, и они тотчас последовали.

— Дети, лишённые сверстников, одиноки, — произнёс капитан. — И именно одиночество толкает их на выдумки и фантазии. Они выдумывают себе друзей, которые не существуют в действительности. Наш Вэнди Наудин Аркама — тоже не исключение.

— Воображаемый друг, — тихо проговорил Ник. — Но аппарат показал двоих.

— Это одна из его фантазий. Запись мысленного воображения, так сказать. Ты убедился, что картинка, которую мы видели, отнюдь не напоминает сад, расположенный перед виллой. Это планета иллюзий, в которых находит утешение наш заключённый. Кажется, он даже назвал её как-то по-особенному. Вивера... Слышал что-нибудь подобное?

— Но как? Каким образом вы смогли узнать, о чём он думает?

— Каким образом? — Лидс вздохнул. — Не жди от меня толковых объяснений. Не очень-то я разбираюсь в подобной механике. Знаю лишь, что Гильдия располагает самой дорогой аппаратурой. Есть и детекторы лжи, есть и кое-что посложнее. Такая техника, сам понимаешь, особо не рекламируется, но диапазон возможностей её практически безграничен. Если бы не специальные усилия лорда, мы бы давно расшифровали все тайны Вэнди. Но, увы, юноша заблокирован, и любой контакт с кем-либо помимо пятерых доверенных ему людей исключён... — Лидс выжидательно посмотрел на Ника. — Но давай предположим

следующее. В один прекрасный день Вэнди выходит прогуляться в сад и встречает там Хакона.

— Хакона? Кто это?

— Ты только что видел его на картинке. Он сдирал шкуру с убитого животного. Вэнди воспринимает этих чудовищ, как вечных своих врагов и постоянно охотится на них со своим другом. Впрочем, я надеюсь, ты будешь встречаться с Хаконом довольно часто, — Лидс усмехнулся. — Стоит тебе только взглянуть в зеркало...

— Я должен встретиться с Вэнди в качестве Хакона, и он расскажет мне... — начал было Ник, но Лидс замотал головой.

— Всё будет несколько иначе. Ты действительно встретишься с ним, но никаких вопросов! Ты предложишь ему отправиться с тобой в маленькое путешествие.

— В путешествие?

Лидс поморщился.

— На твои вопросы ответы сложнее, чем ты думаешь. Ты ведь не астронавигатор, и всё сказанное мной прозвучит для тебя полнейшей бессмыслицей. Единственное, что тебе важно знать, это то, что у тебя будет персональная ракета, которой мы зададим нужный курс.

— Но зачем нам покидать пределы планеты?

— Нам нужно безопасное место, как ты не понимаешь! Только в таком месте у вас будет вдоволь времени, чтобы не спеша поговорить о самых различных вещах, в том числе и об интересующей нас информации.

— А что будет потом?

— Самый простой вопрос из всех, что ты задал, — Лидс опять бросил в рот одну из своих таблеток. — Вэнди будет переправлен обратно сюда. А ты на почётных правах войдёшь в Гильдию с новым лицом и с новым будущим. А кое-кто из противников вскоре поперхнётся информацией, что мы выудим с твоей помощью. Думаю, в конечном счёте, и сам Вэнди не против того, чтобы расквитаться за своего отца. Не очень-то я уверен, что лорд умер своей смертью.

— Но, может быть, имеет смысл разыграть всё прямо здесь?

— Увы, — Лидс покачал головой. — Мы не можем охранять эту виллу до бесконечности. Если кто-то всерьёз

вознамерится уничтожить это местечко, мы навряд ли сумеем предотвратить подобные действия. В данном случае преимущество на стороне нападающего. Поэтому для вашей же безопасности мы придумали эту экспедицию. По нашим сведениям, за домом постоянно наблюдают оставленные покойным лордом агенты. Необходимо оторваться от них. Там, в пути, ты и разговоришь нашего дружка Вэнди. Ну как, ты ещё не передумал?

Передумал ли он!.. Ник задохнулся. Цену, которую ему предлагали выплатить за его мечту, можно было даже не принимать в расчёт. То, что он покупал, стоило много большего!

— Когда мы начинаем? — только и спросил он.

Лидс сунул коробочку с таблетками в карман и, потянувшись, ответил:

— Скорее, чем ты думаешь, Ник. Прямо сейчас.

Он оказался прав. События понеслись со стремительностью, поразившей Ника. Чем-то это напоминало некоторые из его фантазий. Бесконечные коридоры таинственной виллы, участливое лицо Джины и сверкающее металлом медицинское оборудование. Всё это пёстрым сумбуром отложилось в его памяти. Сознание Ника было не готово к такому внезапному повороту в жизни. Ярким солнечным островком среди бесконечного тумана отпечатался лишь тот первый миг, когда Лидс поднёс ему небольшое зеркало. Ник смотрел на себя и тихо смеялся. Он стал Хаконом! Огромная радость переполняла его, и он не отдавал себе отчёта, что смех, рвущийся из его груди, больше похож на рыдания. Лидс стоял возле него и тоже невольно посмеивался. Он с удовольствием наблюдал реакцию потрясённого Ника.

— Отлично сделано, Джина! Ты — настоящая кудесница! — похвалил он.

Ник заметил в зеркале приближавшуюся к ним Джину. Если Лидс с лёгкостью мог высказать похвалу, то у Ника просто не находилось слов. Он обернулся к ней, готовый броситься на колени, но замер, потрясённый выражением её лица. Она смотрела на него холодно, с какой-то странной отчуждённостью. Внезапно повернувшись, она вышла из комнаты. Какое-то время Ник глядел ей вслед, затем, рванувшись к зеркалу, осторожно провёл пальцами

по щеке. Да, это был он, и на него смотрело его новое встревоженное лицо.

— Лидс! Что-то не так? — он ждал объяснений от капитана, боясь услышать что-нибудь касающееся его внешности. Больше всего теперь он опасался вновь лишиться лица.

Улыбка на губах Лидса медленно потускнела.

— Видишь ли, Ник, — начал он медленно, — такие вещи не делаются быстро. У нас было лишь три месяца без малого, чтобы превратить тебя в человека. В действительности же Джина убеждена, что процесс заживления кожи нужно было растянуть на год или даже полтора. Она не уверена, что всё пройдёт гладко. Ты должен вернуться на операционный стол в течение ближайших двух месяцев.

— Значит... — Ник больше не осмеливался взглянуть на зеркало. — Значит, повторяется старая история. Плоть не желает прирастать к моим костям.

Та, первая неудача произошла слишком давно. Он был почти ребёнком, чтобы по-настоящему осознать весь ужас случившегося, но сейчас он понимал, что возврат в прежнее состояние будет для него во сто крат мучительнее.

— Только не надо паниковать раньше времени, — сказал Лидс. — Тот метод, что применила Джина, достаточно эффективен, но, чтобы результат оказался стойким, полезно было бы подождать и полечиться ещё с годик. Но, увы, у нас нет времени. Ты знаешь о нашем плане. Остаётся одно: ты выполнишь задание и вернёшься назад в руки нашей Прелестной Дамы.

— Ты обещаешь это? — с дрожью в голосе спросил Ник.

Сильные руки Лидса легли на его плечи.

— Могу поклясться тебе в этом чем угодно. Единственное условие — информация, которую необходимо раздобыть. Если ты сделаешь это, Гильдия позаботится о тебе самым лучшим образом.

Ник не знал, радоваться ему или впадать в отчаянье. Он верил, что Гильдия вознаградит его за информацию, но информацию ещё нужно было добыть...

— Хорошо, через два месяца...

— У тебя достаточно времени, чтобы справиться с заданием. Всё, что тебе будет нужно в общении с Вэнди, мы заложим прямо в твой мозг.

Он говорил правду. Ник уже испытал на себе пару сеансов. Огромные аппараты посредством гипноиндукции постепенно вводили его в образ Хакона. Ник должен был знать всё, что знает о нём Вэнди. Он обязан был найти подход к сыну именитого лорда.

— А теперь, пошли, — Лидс ласково похлопал его по плечу.

Впервые за эти долгие недели Ник самостоятельно ступил за пределы знакомых ему комнат. По нетерпеливому шагу Лидса он догадывался, что время торопит их. Едва поспевая за ним, он ломал голову над тем, долго ли ему удастся играть роль Хакона, сможет ли он уговорить Вэнди. Он знал о мальчике уже достаточно много, и всё же всего этого было наверняка мало для того, чтобы войти к Вэнди в доверие.

Тяжёлое, опутанное проводами кольцо опустилось ему на голову, и словно из тумана долетел слабеющий голос капитана.

— Это последний сеанс, малыш. Ты будешь знать теперь о Вэнди всё или почти всё. Информация настолько глубоко войдёт в твой мозг, что сможет опекать тебя от неверных действий. Главная твоя задача — заслужить его доверие и пригласить на корабль...

Нику показалось, что никакого гипнотического сна и не было. Он снова уже стоял возле Лидса, который приглашающе кивал ему на дверь. Вот и всё. Они приступали к операции.

— Что произойдёт на планете, на которую мы прилетим?

— Об этом не волнуйся. Тебе предоставят там всю необходимую помощь.

Они вышли не на крышу здания, как ожидал того Ник, а в густо заросшую часть парка. На небольшой полянке, открывшейся перед ними, стоял флиттер странного серебристого цвета. Ещё один трюк для Вэнди. Они подошли к летательному аппарату и забрались в кабину. Здесь Ник обнаружил, что они не одни. Незнакомый человек разместился на крайнем сидении. Лидс спокойно взялся за штурвал, и это подсказало Нику, что курс не имеет определённого кода и должен оставаться тайной для

окружающих. Человек позади Лидса что-то шепнул. Флиттер вздрогнул и единым рывком взмыл в воздух.

— Держись курса «два-четыре», — загадочно произнёс третий пассажир.

Флиттер слегка наклонился, корректируя курс. Они как раз одолевали гряду гор.

— Вот то самое место, где ты увидишь его.

Ник понял, кого Лидс имеет в виду. С волнением он посмотрел вниз. Флиттер снижался широкими кругами. Огромное здание, выглядывавшее из-за густой поросли, осталось чуть в стороне.

— Командуй, Джей, — напряжённо произнёс Лидс.

Человек сосредоточенно смотрел на проносящийся внизу ландшафт.

— Сейчас!

Флиттер, как перепуганное существо, сделал стремительный бросок вперёд, проскочил между высокими кронами деревьев и резко снизил скорость, почти зависнув над поросшим травой взгорком.

— Давай, Ник! Удачи тебе!

Ник выпрыгнул через распахнутый люк. Дёрн, на который он упал, был мягким, и Ник совсем не ушибся. Поднявшись на ноги, он тотчас огляделся. Флиттера уже не было видно. Очевидно, он снова был за пределами опасной зоны. Ник хорошо помнил рассказ Лидса о том, как тщательно охраняется секретная вилла. Они тщательно просчитали вариант проникновения на территорию виллы. Флиттер мог миновать зону контроля лишь в одной-единственной точке, открытой на считанные мгновения аппаратами Снуппера. Впрочем, ничего удивительного. Комитет прогнозов Гильдии — тот самый таинственный ФС — с самого начала выдавал семьдесят три процента вероятности успеха проникновения. Первый шаг они совершили. Теперь основная работа была за Ником. Отряхнув свою покрытую металлическими застёжками униформу астронавта, Ник спокойно двинулся вперёд. Он был теперь Хаконом и никем другим. На время он должен был забыть о Нике Колгерне. Шагнув за большой развесистый куст, он остановился.

На краю упрятанной среди деревьев поляны стоял на коленях черноволосый мальчуган. Всё его внимание было

приковано к прыгающей по траве твари, и он не заметил появления Ника.

Выйдя на открытое место, Ник тихо позвал:

— Вэнди!...

Глава 4

С трудом, задыхаясь, Ник пробирался по тёмному тоннелю на далёкий, едва проблескивающий свет. Ему казалось, что он лежал и шёл одновременно. Тоннель и голубоватый металлический блеск, окруживший его ложе, странным образом соединились в его дремлющем сознании. Прикрыв глаза, Ник постарался сосредоточиться. Звон. Медленно нарастающий, давящий на уши... Он порывисто приподнялся на локте. Они были в ракете! Кажется, Лидс говорил что-то о стартовом анабиозе, и если он очнулся, значит... Ник повернул голову и увидел Вэнди. Опутанный ремнями безопасности, юноша всё ещё спал. Ник неожиданно обратил внимание на дрожащую тень, отбрасываемую длинными ресницами Вэнди на щёки, перевёл взгляд вправо и заметил моргающий огонёк на пульте. Они садились. Но куда? Лидс так и не объяснил этого. Ник знал лишь, что Корвар в своей планетной системе был единственным обитаемым местом. Значит, они были достаточно далеко, может быть даже на той самой планете, что виделась Вэнди в его грёзах.

Вэнди, Хакон и загадочная Вивера... Продолжая оставаться в лежачем положении, Ник ждал, когда закончится приземление, думая о том, насколько точно капитан предугадал всё то, что произойдёт с ним и Вэнди. Гильдия знала на что шла. Увидев возникшего перед ним «Хакона», Вэнди не задал ни единого вопроса. Он воспринял его появление как должное. Операция началась без сучка без задоринки, и на взгляд Ника даже чересчур успешно. Он опасливо прикоснулся ко лбу и щекам. Сколько у него ещё времени? Лидс говорил о двух месяцах, но сколько дней прошло с того момента, когда аппаратура корабля погрузила их в анабиоз? Корабли подобного класса, как рассказывал капитан, в состоянии были совершать скачки через гиперпространство. Но означает ли это, что у него ещё

достаточно времени?.. Из уст Ника вырвался стон. Как ему сейчас хотелось верить словам Лидса! Если бы тот только смог сдержать своё обещание! Задача, которая ещё совсем недавно представлялась ему простой и разрешимой, теперь всё больше начинала пугать его. Успеет ли он выведать у Вэнди всё то, что упрятал в него покойный лорд? Одно дело — доверие в игре, и совсем другое — если Ник начнёт расспрашивать его о главных секретах отца...

Взвизгнув последней неприятной нотой, звон стих, и тотчас Ник ощутил нарастание тяжести. Вероятно, корабль садился как надо, но Ник давно уже не испытывал подобных перегрузок, и тело его невольно напряглось.

— Хакон! Что это?

Ник обернулся, увидев совсем рядом расширившиеся от страха глаза.

— Всё в порядке, — Ник пытался подобрать верный тон. — Корабль садится.

Едва он договорил, как с рёвом заработали тормозные двигатели. Перегрузки возросли, вогнав их обоих в полубессознательное состояние.

Ракета вздрогнула и застыла. С трудом приподняв одну руку, Ник расстегнул держащие его ремни. Присев, поглядел в иллюминатор. Тьма окружала корабль, чёрная, как самая чёрная ночь на Корваре.

— Где мы, Хакон? — тонким, дрожащим голосом спросил Вэнди.

— На Дисе, — ответил Ник. Это название он узнал от капитана.

— Дис? — удивлённо повторил Вэнди. Тем не менее, он немного успокоился. — А что мы здесь будем делать?

Освободившись окончательно от ремней, Ник подвинулся к юноше и проделал ту же операцию.

— Мы должны исследовать эту планету, — авторитетно сообщил он.

— И здесь тоже есть Микксы?

Под Микксами Вэнди подразумевал тех самых мифических врагов, которых Ник наблюдал в его заснятых видениях. Если сказать, что они водятся здесь, Вэнди тотчас заговорит об охоте на них. Но не объяснять же ему, что никаких Микксов в природе не существует.

— Я не знаю точно, водятся они здесь или нет, —

осторожно сказал он. — Для начала мы организуем небольшую вылазку.

— Хакон, взгляни-ка туда!

Ник быстро обернулся к иллюминатору. Во тьме неизвестной планеты смутно угадывалось какое-то движение. Часто вспыхивающие и гаснущие огоньки приближались к кораблю. Это походило на свет покачивающегося в руке фонаря. Ник помог Вэнди подняться, и они вместе прошли в шлюзовой отсек. Прежде чем открыть выходной люк, Ник дождался лёгкого постукивания снаружи. Лязгнул замок, и влажный горячий воздух пахнул им в лица гнилым запахом. Вэнди тотчас закашлялся: «Отвратительный запах», — пожаловался он.

— Всё в порядке, ребята?

Ник вытянул шею и разглядел внизу, у подножия корабля человека в защитных очках и с фонарём. Он приветливо взмахнул рукой и протянул Нику какой-то предмет.

— Привяжитесь и покрепче, ребятки. Здесь не то место, где можно теряться.

Ник понял, что ему протягивают ременные концы. Послушно обвязав себя и Вэнди, выбрался из люка. Вэнди вышел следом за ним, и через секунду они уже стояли возле незнакомца. Оба не прошли по планете и двух шагов, но уже ощутили, как тяжело здесь дышится. Лицо Ника покрыла испарина.

— Идите за мной, — их гид шагнул в темноту и почти сразу растворился в густом, столь похожем на дым воздухе. К счастью, он двигался не спеша, и ровная поверхность под ногами позволяла не спотыкаться. Чувствуя, что необходимо поддержать своего спутника, Ник обнял Вэнди за худенькие плечи.

По мере удаления от огней корабля, глаза их всё более адаптировались, выхватывая ранее не замеченные детали. Только теперь Ник обратил внимание на то, что вся расстилающаяся вокруг них местность светится мутным переливающимся блеском. В небе не было ни единой звёздочки, и прилипчивая маслянистая влага оседала на их костюмах крупными каплями.

— Хакон, — Вэнди поднял свою голову, и Ник встре-

тился с его непонимающими глазами. — Почему этот человек не пользуется фонарём?

Выглядело это действительно странно. Через иллюминатор они видели колеблющийся свет фонаря, но сейчас их странный гид предпочитал не включать его. Тем не менее двигался он уверенно, так, словно всё видел без фонаря. Может быть, дело заключалось в его необычного вида очках? Но разве не проще воспользоваться помощью электричества? Ник ощутил беспокойство. Невольно он встал, загородив Вэнди от ведущего их человека.

— Эй, приятель! — окликнул он незнакомца. — Почему бы не воспользоваться фонарём? Ночка выдалась тёмная.

— Ночь... — человек хрипло рассмеялся. — Сейчас середина дня!

Если он ставил своей целью смутить Ника, то цель была достигнута.

— Что это за день, когда кругом сплошная темень! — возразил он сердито.

— Увы, здесь несколько иное солнце, нежели то, к которому вы, вероятно, привыкли. Инфракрасное излучение.

Ник был озадачен. Он не мог похвастаться исключительным образованием и потому не понял объяснений гида. Зато Вэнди неожиданно для него кивнул со знанием дела.

— Поэтому-то вы и надели эти очки? — он не спрашивал, он утверждал.

— Всё верно, — и тут человек неожиданно остановился. Голос его взвился до крика: — Вниз! Немедленно вниз!

Ник бросился куда-то вбок, увлекая за собой Вэнди. Ноги его сорвались, и они покатились по крутому, покрытому слизью склону. Ник только успел заметить, что их проводник, включив фонарь, высветил очертания чего-то огромного, движущегося прямо на них. Вспышка бластера пронзила тьму, и в десятке шагов от них неизвестное существо яростно зарычало. Ник едва успел отпрянуть в сторону. Что-то чёрное и скрюченное, судорожно извиваясь, скатилось по склону. Сверху донёсся смех проводника. Ник ощутил, что ремень, привязанный к его поясу нетерпеливо дёрнулся.

— Следует поторопиться, иначе нам не избежать пов-

торного нападения. Местные хищники не упустят шанса полакомиться двумя подростками.

Они двинулись в путь и очень скоро Ник сообразил, что движутся они по каменистому, поднимающемуся вверх склону. Это походило на выложенную булыжником улицу, но Ник не был уверен в этом. Обернувшись, он увидел, что они оставляют за собой цепочку фосфоресцирующих следов. Вероятно, объяснение крылось в той слизи, которой здесь было покрыто абсолютно всё. Он подумал о том, что в случае чего найти дорогу до корабля будет несложно. Правда, что из того? Взлететь они всё равно не могли. Программа полёта была заложена ещё там, на Корваре. И куда бы они полетели? Ник впервые задумался над тем, а есть ли у него дом? Диппл, его тёмные сырые бараки — было ли это его домом? Рука Ника машинально дёрнулась к лицу. Нет. Он не хотел бы туда возвращаться ни за что на свете. Да и чего он собственно боится? До сих пор он находил с Вэнди общий язык, и вполне можно было надеяться, что операция завершится успешно. Хотя он и не ожидал, что им подсунут такую негостеприимную планету. Ник чувствовал некоторую растерянность. Он даже не понял слов незнакомца об инфракрасном светиле. Как же он дальше будет играть роль Хакона? Ник окончательно запутался. Они попали на планету, на которой людской род не мог чувствовать себя в безопасности, на которой они были не в лучшем положении, чем всякий лишённый зрения.

Человек замедлил шаг, и Ник с Вэнди заметили впереди полоску света.

Полоса становилась всё шире и шире, пока не превратилась в дверной проём. Они вошли в помещение, и дверь позади них с металлическим прищёлкиванием закрылась. Воздух здесь был более свежим, и Ник понял, что невидимые фильтры очищают его от запаха гнили. Мужчина обернулся к ним и неловким движением снял свои огромные очки. Загаром он напоминал астронавта и обладал коренастой приземистой фигурой. С полнейшей невозмутимостью он шагнул в углубление в стене, и из невидимых отверстий на него брызнули струйки серого тумана. Выбравшись наружу, он жестом показал, чтобы они заняли его место.

— Зачем? — Вэнди недоумевающе изогнул брови.

— Вы не должны заносить это с собой, — согнутым пальцем мужчина показал вниз, на покрывшие пол желтоватые, масляно поблескивающие капли. Ник опустил глаза и содрогнулся. В маленьких, стекающих с ног лужицах барахтались и тянулись щупальцами маленькие существа. Они росли прямо на глазах, ветвясь по пластиковому покрытию тёмными нитями. Это было страшнее, чем та напавшая на них тварь. Крепко взяв Вэнди за плечи, Ник решительно вошёл с ним в нишу, подставив лицо пряному аромату струящегося газа. Когда с дезинфекцией было покончено, человек провёл их во внутренний коридор. Вся система переходов была вырублена в мощном скалистом массиве, и большая часть помещений встречала их гулкой пустотой. Лишь однажды мимо них прошагали двое одетых в униформу людей. Оба они даже не взглянули в сторону юношей и их немногословного спутника. Ник ощутил всё возрастающее раздражение. Это было совсем не то, чего он ожидал. Он готов был поклясться, что и Вэнди в своих мечтах и сновидениях отводил Хакону куда более активную роль. Ник обещал мальчугану приключение, но до сих пор приключением здесь и не пахло.

— А теперь сюда, ребятки! — мужчина кивнул в сторону прохода. Машинально они подчинились его команде и, только убедившись, что перед ними всего-навсего комната, обернулись к проводнику. Но прохода уже не было. Массивная дверь загородила от них коридор. Не нужно было обладать особенной интуицией, чтобы понять, что их заперли. Всё ещё не веря в то, что они пленники, Ник судорожно надавил на клавишу слева от двери. Но преграда и не думала исчезать.

— Хакон!

Ник медленно обернулся. Вэнди стоял между кроватью и столом с судорожно сжатыми кулаками. Брови его были насуплены. — Это... Это не сон, это реальность!

— Ты прав, — Ник отлично понимал замешательство юноши. В чём-то Вэнди напоминал ему его самого. Он тоже увлекался фантазиями и хорошо помнил своё изумление, когда Лидс впервые вывел его пределы Диппла. Но, чёрт подери, куда же подевался Лидс?! Ник предполагал, что капитан каким-нибудь образом встретит их здесь, но

этого не случилось. И он злился теперь, что ему так мало рассказали о том, что ожидает их на этом загадочном Дисе.

— Хакон! Я хочу домой!

Это походило уже не на просьбу, а на приказ.

— Если ты не возьмёшь меня домой, я...

— Что ты? — Ник хмуро присел на скамейку.

— Я позову Умара, — пригрозил Вэнди. Рука его потянулась к серебристой застёжке кармана. Вытащив блестящий, оснащённый кнопками аппаратик, он взволнованно взглянул на безжизненное табло. — Он не работает, Хакон!.. Но... Но отец всё равно найдёт меня! Он пришлёт сюда армию, лучших космодесантников!

Ник всё так же хмуро смотрел на него. Стало быть, они даже не уведомили Вэнди о смерти отца... Он вспомнил, что и у него на поясе согласно мечтам Вэнди было изобилие всевозможного инвентаря. Во всяком случае с оружием они почувствуют себя увереннее. Он перебирал один за другим металлические стержни и рукоятки и ощущал, как растёт в нём сомнение. Слишком уж всемогущим должен был представлять его себе этот мальчуган. А что он мог? Он даже не знал, камуфляж или нет все эти компактно уложенные по его карманам побрякушки. Он ничего не знал ни о Дисе, ни о том, что их здесь ожидает. Ему необходимо было поддержать веру Вэнди в себя, но каким образом он мог это сделать?

— Как бы то ни было, — он старался говорить убедительно, — это приключение мы переживём вместе.

В ладони его оказался толстый стержень со сверкающим диском на одном из концов. По версии Вэнди такая штуковина должна была резать металл и камень мощным тепловым лучом. Но сейчас Ник использовал его в качестве зеркальца, в котором он с внутренним удовлетворением рассмотрел собственное лицо. Неужели ему предстоит лишиться этого изящного подбородка, этих румяных щёк?.. Он должен был что-то немедленно предпринять. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Вэнди заподозрил неладное.

— Почему мы здесь, Хакон?

В голосе мальчугана прозвучала истерическая нотка. Нику не оставалось ничего другого, кроме как попытаться сымпровизировать.

— Вероятно, намечается масштабная операция против Микксов. Этим людям нужна наша помощь, но они боятся, что мы передумаем и покинем их. Когда же охота завершится, твой отец свяжется с ними, и мы вернёмся домой.

— Нет, — Вэнди решительно замотал головой. — Это не так, Хакон! Здесь наверняка замешан Лик Искхаг! О какой помощи ты говоришь, если они заперли нас! Они пытаются заманить на эту планету отца, устроив ему ловушку. Мы стали вроде приманки, как ты не понимаешь! Мы должны выбраться отсюда, Хакон!

Ник торопливо засунул свой «тепловой луч» обратно в кармашек. Ему не понравился тот яростный блеск, который появился в глазах этого юного существа. Если так пойдёт и дальше, Нику не видать секретов лорда, как своих ушей. И откуда Вэнди знает об Искхаге? Ник почувствовал, что медленно впадает в панику. Он не готов был к решительным действиям, которых ждал от него Вэнди.

— Послушай, — он лихорадочно соображал. — Я ведь не могу действовать с завязанными глазами. Помнишь ту охоту за драгоценностями Караски? Нам помогли тогда зашифрованные записи на покинутом корабле. Без них бы ничего не вышло. Семь слов Сарда, ты помнишь их? Теперь мы должны располагать другой информацией...

— О какой информации ты говоришь? — глаза Вэнди враждебно заблестели. Он не был простачком, этот Вэнди!..

— Ты ведь помогал своему отцу, не так ли? Я знаю, что ты хранишь некоторые из его шифров. Это правда?

Вэнди упрямо затряс головой. Ник и не ожидал, что он выложит свои секреты по первому требованию.

— Подумай сам, Вэнди. Зачем-то ведь мы понадобились Искхагу.

— Он хочет добраться до моего отца! — незамедлительно выпалил Вэнди.

— Но для чего ему это нужно?

— Потому что отец не собирается сдавать свои полномочия. Он будет держать галактику под контролем, но Искхаг зарится на его земли.

Ник снова подосадовал на то обстоятельство, что мальчугану ничего не сообщили об отце. Интересно, из каких

соображений? Из жалости или в угоду политике, чёрт бы её побрал?

— Если Искхаг доберётся до отца, он убьёт его! — горячо продолжал Вэнди. — Гланогог падёт, и вся гвардия будет перебита. Мы не должны допустить этого. Нам надо успеть выбраться отсюда!

Оттолкнув Ника, Вэнди метнулся к металлической двери и навалился на неё всем телом. Его худенькие плечи напряглись.

— Мы должны, Хакон! — он тяжело и часто дышал, силясь открыть запертую дверь.

Глава 5

— Вэнди! — проговорил Ник резко. — Дубасить в дверь — не самый лучший способ выбраться отсюда. Ты не прошибёшь её своими кулачонками.

Смутно он подумал, что зная чуть ли не всё о фантазиях мальчика, самого Вэнди с его реальным миропониманием он не знает. Взывать лишь к одним романтическим порывам — занятие рискованное. В сущности Ник даже не мог сказать, сколько этому мальчугану лет. Различные ветви людского рода видоизменялись и адаптировались в столь отличных условиях, что длительность жизни варьировалась от семидесяти до трёхсот лет. Соответственно и молодые годы могли быть растянуты втрое, а то и вчетверо. Вэнди мог быть мальчиком десяти-двенадцати лет, но он мог быть и в два раза старше.

Тем временем, отойдя от двери, Вэнди встал лицом к Нику. Челюсти его были сжаты, глаза выдавали недетскую решительность.

— Мы обязаны выбраться отсюда, Хакон!

— Согласен. Но это не так-то просто и нужно хорошенько обмозговать ситуацию.

Ник мечтал получить некоторую передышку, и, к его великому облегчению, мальчик, кивнув, опустился на скамью.

— Во-первых, даже если мы выберемся отсюда, нам понадобятся очки, — произнёс Ник.

— Очки и бластеры, — добавил Вэнди. — Если на нас нападут те твари, мы должны будем защищаться.

— К сожалению, этого недостаточно, — Ник начал перечислять трудности. — Мы можем и не найти наш корабль, а даже если и найдём, то вернуться на Корвар невозможно. Звездолёт с самого начала был настроен на строго определённый курс...

Почувствовав, что в поведении Вэнди что-то изменилось, Ник быстро взглянул на него. Вэнди сидел всё так же неподвижно, но в глубине его золотистых глаз зажёгся зловещий огонь.

— Ты... Ты не... — он не договорил. Ник сделал ему предупреждающий жест. Дверь позади мальчугана с лязгом распахнулась. Тот же астронавт, что привёл их сюда, небрежно выставил на столик пищевые контейнеры.

— Я хочу видеть капитана Лидса! — требовательно произнёс Ник.

— Его здесь нет.

— Когда же он будет?

— Ему предстоит выполнить кое-какие дела, прежде чем он прибудет сюда.

— Но кто-то ведь должен быть за него! — настаивал Ник.

— Само собой. И этот кто-то желает тебя видеть. Его зовут Оркхаг.

Ник с беспокойством посмотрел на Вэнди, но мужчина истолковал его взгляд по-своему.

— Мальчуган останется здесь!

— Я вернусь, — пообещал Ник. Лицо Вэнди осталось безучастным. Ник колебался до тех пор, пока широкая ладонь не легла ему на плечо.

— Оркхаг не любит ждать.

Ник подчинился. На сопровождающего мужчину он почти не смотрел. Он гадал, что может означать для него и для Вэнди внезапное отсутствие Лидса. Оглядывая каменную поверхность стен, он пытался определить, как давно построили эти помещения. Комнаты походили одна на другую, тёмные влажноватые пятна украшали пол и потолок. Они миновали длинные стойки с бластерами и штабеля каких-то пронумерованных грузов. Анфилада комнаток закончилась, и Ник ступил на широкий карниз, направо от которого уходило затемнённое пространство, в котором словно лучи одной огромной звезды сходились

каменные коридоры. Нику подумалось, что это не что иное, как главный пост управления всей здешней системы жизнеобеспечения. Он удивился, что в полумраке огромного зала не было видно ни одного человека. Карниз привёл их к другому коридору, и едва ступив в него, Ник ощутил слабое дуновение чего-то знакомого. Знакомого ещё по Корвару. Нечто, напоминающее смесь табака и слабого наркотика. По мере их продвижения вперёд запах усиливался, и с каждым вдохом этого тошнотворного запаха беспокойство Ника росло. Если его ведут на беседу с наркоманом, то трудно ожидать чего-либо хорошего.

Комната, в которую они вошли, представляла разительный контраст с тем, что видели они по пути сюда. По крайней мере обставить её попытались с некоторой долей комфорта. Каменный пол укрывала разукрашенная циновка, на широкой койке лежало богато исполненное покрывало из птичьих перьев. На стене висел крупный кристалл, в прозрачной глубине которого в неподвижности замерли какие-то твари. В комнате было накурено. Ник разглядел лежащую на круглом столике трубку. В кресле возле столика сидел человек с кожей голубоватого оттенка и внимательно разглядывал искусной резьбы чашу. Он принадлежал явно к той же расе, что и Искхаг, хотя отличался от последнего менее щёгольским одеянием. Красного цвета накидка и пояс, разукрашенный драгоценными камнями. Ноги же хозяина комнаты были облачены в обычные астронавтские сапоги. Он был без всякого оружия, хотя Ник разглядел на его поясе металлические петли, предназначенные для ношения бластера.

Сопровождающий Ника мужчина приветливо взмахнул рукой и, отойдя к стене, занял одно из свободных кресел. Нечеловек поднял голову и пристальным взглядом уставился на приведённого к нему юношу. Он не нарушал тишины, и Нику не оставалось ничего другого, как тоже молчать. Оркхаг опустил чашу на стол.

— Зачем ты прибыл сюда?

Тонкий голосок его прозвучал раздражённо. Для Ника вопрос не имел ровным счётом никакого смысла. Он должен был доставить Вэнди сюда и он доставил его. Лидс достаточно ясно определил его задачу.

— Заманив мальчишку на корабль, ты выполнил всё, что

от тебя требовалось. Ты не нужен здесь! На Дисе и без того мало пищи.

— Но капитан Лидс говорил совсем другое. Я ещё не сумел разговорить Вэнди...

Оркхаг посмотрел на него так свирепо, что Ник примолк.

— Лидс... — он повторил это имя, словно ругательство. — Наш бравый капитан Лидс... Так что же он тебе говорил насчёт Вэнди?

Ник насупился. Оркхаг явно играл против правил капитана.

— Я буду отчитываться только перед Лидсом.

— Каким образом? — Ник уловил в мертвенном голосе Оркхага насмешку. — Сожалею, но вероятнее всего, Лидс не появится здесь. По крайней мере в ближайшее время. Это не Корвар, и приказы здесь отдаю я. Ты подарил нам сына армейского лорда, и это замечательно. Мы сумеем воспользоваться этим подарком. Но это не твой мир и не твоё солнце. Ты даже не способен увидеть его лучей. Эта планета не любит живых людей.

— Но вы живёте здесь и даже построили такую огромную станцию, — угрюмо возразил Ник.

— Мы ничего здесь не строили, — голова Оркхага качнулась. — Когда-то здесь действительно обитали аборигены, но беда этой планеты в том, что она слишком близко расположена к своему карликовому чёрному солнцу. Одна единственная вспышка сумела превратить землю, горы и леса в опалённый мир. Все моря обратились в пар. Они и сейчас над нами — в виде грязной пелены туч. Ливни, что выпадают на наши равнины, не сравнятся с самыми жуткими дождями на Корваре. Если разумная жизнь и существовала здесь, то теперь от неё остались лишь эти безликие катакомбы. Ночные очки и бластер — это то, без чего жизнь среди этого пепла протянется не долее десятка минут. Ты веришь моим словам?

Ник ошарашенно кивнул.

— Стало быть, кое в чём мы понимаем друг друга. Эта база означает для нас и для тебя жизнь. За пределами её начинается тёмная и необозримая смерть... И на этом маленьком клочке жизни я единственный царь и Бог. Поэтому забудь о Лидсе и о надежде удрать отсюда.

Поскольку сын лорда знает тебя, мы оставим пока на базе вас обоих. Нам не нужны лишние хлопоты с этим щенком, поэтому ты будешь удерживать его от истерик. Это и будет твоей основной задачей... А теперь, Фабик, уведи его обратно!

Осмысливая всё, что услышал от Оркхага, Ник поплёлся знакомой дорогой. На балконе следующий за ним астронавт неожиданно заговорил.

— Я никогда не видел тебя в компании капитана.

— Я был одним из членов его экипажа, — пробормотал Ник.

Фабик ухмыльнулся:

— Не надо считать меня дураком. Чтобы быть членом экипажа Лидса, тебе следовало бы быть лет на пятнадцать постарше. Но, как бы то ни было, теперь ты его человек, а потому сразу хочу предостеречь тебя. Оркхаг был прав, когда говорил, что он здесь царь и Бог. Не зли его, иначе с тобой разделаются в мгновение ока.

— Но у меня есть распоряжение капитана насчёт мальчика!

Фабик пожал плечами.

— Я пытался предупредить тебя. Лидса здесь нет, стоит совершить один небольшой шажок — и ты сильно обожжёшься.

— На кого ты работаешь? — тихо спросил Ник. — На капитана?

— Пока я сам по себе, — Фабик неуверенно улыбнулся. — Это не то место, где можно дружить с оппозицией и испытывать судьбу. Я вовсе не желаю оказаться вне базы без очков и без бластера, — голос его снизился до шёпота. — Такое здесь уже бывало. А тебе скажу так: если Лидс прибудет сюда, я рад буду поработать на него, но пока, увы, здесь правит Оркхаг. И я искренне советую тебе: придержи свой язык до прибытия капитана.

— Но я даже не знаю, как скоро это произойдёт.

— Видимо, когда он сочтёт это необходимым, — Фабик показал на отъезжающую в сторону дверь. — А сейчас залезай в свою нору и не пытайся протестовать.

Всё ещё озадаченный словами Фабика, Ник шагнул в комнату. Вэнди сидел на том же самом месте, где он оставил его. Остановившимся взором мальчик глядел на

тускло поблескивающую жестянку из-под концентратов. Вероятно, он был голоден, и Ник даже обрадовался этому. Он страшился затруднительных объяснений.

— Ты не против того, чтобы малость перекусить? А? — покрутив одну из жестянок в руках, Ник включил автоматический подогрев и, откупорив крышку, протянул баночку Вэнди. Его контейнер разогрелся так же быстро. Густой ароматный пар защекотал ноздри. Вэнди тускло глядел на пищу секунду-две, но на большее его не хватило. Он действительно был голоден. Они ели в полном молчании, и Ник мимоходом быстро подсчитал количество принесённых консервов. Дня на три или четыре хватит. Он нахмурился. Означает ли это, что все три дня они будут оставаться здесь взаперти? Это ему совсем не нравилось. Кроме того, теперь он знал, какое отношение испытывают здесь к капитану. Они были врагами Лидса, а, значит, и его врагами. Мысли его сделали вираж и перенеслись к увиденному им посту управления. По размерам зала можно было прикинуть масштаб базы. Впрочем, если все эти комнаты и тоннели были выстроены аборигенами, информация о зале ему ничего не давала. Кто знает, что здесь было раньше? Может быть, целый город, упрятанный в массиве скал... Если бы знать побольше об устройстве этого лабиринта, о количестве сил, которыми располагал Оркхаг. В любом случае, пока Лидса здесь нет, вся их безопасность зависела от прихоти гуманоида с голубой кожей, любителя одурманивающих наркотиков.

С жестяным звуком Вэнди поставил опустевший контейнер на стол.

— Я хочу вернуться домой, — произнёс он тихо, но решительно.

— Это невозможно, — так же тихо ответил Ник.

— Тогда я отправлюсь один!

И до того как Ник успел вскочить на ноги, Вэнди подбежал к двери и ладонью надавил на чуть выступающую из стены панель. К удивлению Ника дверь медленно отползла в сторону. Бросившись к мальчику, Ник обхватил его поперёк туловища и потащил к койке. Вэнди сопротивлялся, как дикая кошка. Бросив его на койку, Ник попытался прижать его своим телом.

— Ну, чего ты? Зачем? — он хотел успокоить разбуше-

вавшегося мальчугана. — Пойми ты! Мы не можем сейчас выйти отсюда.

Но почему дверь открылась? Фабик не запер её — это очевидно, но почему, по какой причине? Намеренно или по оплошности? Может быть, подобным образом астронавт выразил свою привязанность к капитану? Или, напротив, сам Оркхаг хотел позволить им выскользнуть наружу и погибнуть там в когтях нападающих из темноты тварей?

Вэнди утихомирился, но глаза его по-прежнему сверкали. Ник прекрасно понимал, что он должен был что-то предпринять. Забрать с собой пищу, взять пару бластеров, очки и спрятаться в туннелях до прилёта Лидса... Мысль показалась ему дикой, но он не отбросил её сразу же. Он уже понял, что план, разработанный капитаном, не сработал. Всё шло вкривь и вкось.

— Послушай, Вэнди! — Ник заговорил сбивчиво и торопливо. — Мы не сумеем уйти на своём корабле. Для этого нужно полностью поменять программу курса. Но у них здесь могут быть и другие корабли. Скоро должен прибыть капитан Лидс. Он сообразит, что что-то неладно, и обязательно прилетит на Дис. Если мы сумеем спрятаться в системе тоннелей, всё будет в порядке... — и он рассказал Вэнди обо всём, что увидел и услышал. По мере того, как он излагал всё это, глаза Вэнди менялись. Он уже не смотрел на Ника рассерженным волчонком.

— Нам обязательно понадобятся очки, — наконец подал голос сын лорда.

— Нет, нам нельзя выбираться наружу, — возразил Ник. — Мы там попросту погибнем.

— В любом случае, это лучше, чем фонарь. И мы ведь не знаем, что нас ожидает. А если их корабль тоже за пределами базы? Тогда всё равно понадобится выбираться отсюда.

Слушая его, Ник мельком вспомнил о своих давних фантазиях на Корваре. Он воображал себе самое разное, порой связанное с героическим риском, но теперь перед ним была живая, реальная опасность, и она разительно отличалась от тех невинных грёз. Кроме того, он всерьёз подозревал, что Вэнди всё ещё считает происходящее неким подобием сна. Может, оттого он и проявлял столь

безрассудную храбрость. Само собой, что придуманный им Хакон должен был поддерживать его, но беда заключалась в том, что Ник не был Хаконом, а происходящее не было сном.

— Хорошо! — он всё-таки решился. Сорвав с кровати одеяло, Ник завернул в него банки с концентратами и затянул их в неуклюжий узел. С трудом подавил возникшее желание сбросить с себя пояс с никелированной бутафорией. Кто знает, может быть, им пригодится и это? А бластеры они возьмут из тех стоек...

Осторожно, дюйм за дюймом, Ник заставил отъехать дверь до конца. Коридор встретил их всё тем же размытым желтоватым светом. Прислушавшись, он сделал знак Вэнди следовать за собой. Дверь они тихо задвинули обратно.

Продвигаясь почти на цыпочках, они добрались до первой полуприкрытой комнатки. Ник заглянул в полумрак помещения, и сердце его взволнованно застучало. Вэнди нетерпеливо дёрнул его за ткань куртки. Он тоже разглядел лежавшую на столе связку громоздких очков. Можно было войти и взять пару, но Ник не был уверен, что комната пуста. С того места, где они стояли, они могли видеть лишь половину помещения. А достать очки означало сделать три, четыре шага к столу...

Но прежде чем Ник успел решить что-либо, Вэнди уже двинулся вперёд. Внутри у Ника похолодело. Он услышал отчётливое сопение. Кто-то находился слева от двери. Вэнди был уже у самого стола. У Ника не было возможности вернуть его и он только следил напряжённым взором, как, опустившись на четвереньки, Вэнди бесшумно приближался к столу. Кусая губы, он увидел, как правая рука мальчугана протянулась к небрежно брошенной связке. Ник услышал скрип койки. Хозяин комнаты ворочался, сонно причмокивая губами. Тонкая рука сделала ещё одно движение, и пальцы её сомкнулись на очках.

Глава 6

Секунды показались Нику минутами, он даже успел вспотеть от волнения. Прижав очки к груди, Вэнди всё так же бесшумно выбрался в коридор. На губах его играла

довольная улыбка. Ник схватил его за плечи и оттащил подальше от дверей.

— Никогда больше не рискуй подобным образом! — шепнул он.

Вэнди не обратил на его тон ни малейшего внимания. Покачав в руке добычей, он ухмыльнулся.

— Я достал их!

— А если бы тебя увидели и схватили? Что тогда? Мы потеряли бы последующий шанс скрыться от них.

Теперь-то Ник прекрасно понял, каково приходилось мифическому Хакону. Судя по тому, что знал он о сновидениях Вэнди, космические герои работали и путешествовали на равных. И чувствуя себя более опытным и старшим, Ник, увы, не мог позволить себе поучать Вэнди. Мальчишка только разозлился бы на него. Он лихорадочно вспоминал излюбленные словечки Хакона, которыми можно было бы повлиять на благоразумие Вэнди.

— Мы должны трижды всё взвешивать, прежде чем что-либо предпринимать, — горячо заговорил он. — Твой промах мог означать для нас полный крах.

— Да ладно тебе! Главное, я достал их! Всё уже позади. Вот если бы раздобыть ещё одну пару...

Ник подумал, что это было бы чересчур большой удачей. Лучше бы им не рисковать снова. Он вспомнил заражающую веру Лидса в собственное везение. Вот если бы и ему так!..

Они тронулись дальше. Единственным звуком, нарушавшим повисшую в коридорах тишину, было лёгкое дуновение очищенных струек воздуха, проникающих через множество зияющих в потолке отверстий. Ник сосредоточенно отсчитывал про себя двери, стараясь припомнить за какими из них он заметил стойки с оружием. Один раз обоих напугало донёсшееся из-за тонкой перегородки бормотание. Видимо, обитатель апартаментов бодрствовал или только что проснулся...

У входа в арсенал их постигло первое разочарование. Бронированные двери оказались запертыми. Они встревоженно переглянулись. Оба отлично понимали, что без бластеров им придётся туго. Зубастые твари или посланники Оркхага — в любом случае им не хотелось превращаться в лёгкую добычу. Ник яростными усилиями пытался

сдвинуть с места упрямую защёлку. Она не поддавалась. А у него не было той силы, которой наделил его в своих мечтах Вэнди. В отчаянии он покосился на свой пояс. Может быть, что-то из этих игрушек поможет ему?

Он покрепче сжал цилиндрик «теплового луча» и заострённым краем упёрся в округлую ложбинку механизма защёлки. Работая словно рычагом, он начал медленно перемещать металлический стерженёк замка. Вскоре он уже мог приложить большее усилие, затем, к его великой радости, раздался щелчок, и дверь медленно отошла от косяка. Если помещение запирали, стало быть, никого внутри не было. Ник покосился на темноту комнаты и решительно взялся за очки. Следовало проверить их в действии.

Нечто подобное он и ожидал, но всё же не смог удержаться от трепетного вздоха. Очки прекрасно исполняли свою функцию. Ник увидел полки с оружием, коробки и ящики. В комнате не было ни единой живой души. Он кивнул Вэнди, и они вошли внутрь.

Четыре бластера аккуратной шеренгой стояли в прорезях стойки. Взяв ближайший, Ник с облегчением убедился, что цифровой индикатор свидетельствует о полном заряде. Расправив ремень, он надел бластер на грудь. Вэнди то же самое проделал со вторым бластером. Ник в нерешительности поглядел на него, но возражать не стал. Два ствола всё же лучше, чем один. Взглянув на остающиеся бластеры, он взял их в руки и внимательно осмотрел. Всё было достаточно просто. Он повернул их регуляторы на разряд и сунул под стоящий у стены шкафчик. К тому времени, как Оркхаг хватится беглецов, оружие будет уже разряжено. Для того, чтобы снова зарядить их, понадобится, вероятно, не так уж мало времени.

Он ещё раз оглядел комнату. Они добыли очки, справились с бронированной дверью и обзавелись космобластерами. Может быть, действительно частица везения Лидса досталась и ему? Он тут же оборвал себя от радужных мыслей. Впереди предстояло самое трудное — выбраться из владений Оркхага или по крайней мере надёжно спрятаться. Вэнди коснулся его локтем и указал на дымящуюся от температуры стену. Ник и сам почувствовал, что становится жарко. Он уложил остающиеся бластеры стволами к

стене, совершенно не зная, чем завершится разряд. Во всяком случае, он надеялся, что стены выдержат. Выбравшись из помещения арсенала, они снова закрыли за собой дверь. Уперев конец своего нового оружия в механизм защёлки, Ник дважды надавил на спуск. Теперь он находился в уверенности, что с этим «замком» людям Оркхага придётся основательно повозиться.

Вскоре они добрались до того самого карниза, с которого открывался вид на пост управления. А что если им не обнаружить спуска? Ник завертел головой. Пространство, лишённое света, теперь не пугало его — на нём были волшебные очки! Внимательно осмотрев выстроенный в форме гигантской звезды вал, он понял, что ни Оркхаг, ни его люди никогда не спускались вниз. Зал выстроили для себя аборигены. Здесь не было ни лифта, ни лестницы. Ник решительно расстегнул на себе пояс. Часть узла тоже пошла на создание верёвки.

— Мы спустимся вниз? — шёпотом спросил Вэнди.

— Нет. Им нельзя оставлять следы. Я спущу тебя, а сам спрыгну.

Рывками проверив надёжность узлов, Ник прислушался. Подумав об Оркхаге, он пожелал ему вернуться к своей трубке и накуриться до глубокого сна.

Первым, как он и сказал, спустился Вэнди. Коснувшись ногами каменного пола, мальчик отвязал импровизированную верёвку и махнул рукой. Вниз пошла связка с пищевыми концентратами. Теперь дело было за ним. Жестами он показал Вэнди, что надо делать, и мальчик понял. Развязав узлы, он быстро соорудил тряпичную кучу, этакую «подушку», на которую собирался спрыгнуть Ник. Свист воздуха мимо лица, толчок в пятки, и, целый и невредимый, Ник поднимался на ноги рядом с Вэнди.

— И куда же теперь?

Вопрос Вэнди был к месту. Разницы между всеми этими разбегающимися в разные стороны тоннелями не было ровно никакой. На первый взгляд... Но от этого зависела их судьба, зависело то, как скоро их найдут, пустившись в погоню, и найдут ли вообще. Возможно, что одна из этих прорубленных в камне нор могла привести их прямиком к оставленному кораблю. Добравшись до него, они могли быть уверены, что рано или поздно туда же придёт Лидс.

Не подумает ли таким же образом Оркхаг? Стоит ему набрести на такую мысль — и найти беглецов для него не составит труда. Так куда же идти? Ник стоял в растерянности — налево, прямо, направо? Как бы то ни было, инопланетнику придётся организовать несколько отрядов. И то, что он раздробит свои силы, отчасти внушало надежду. Ник наконец решился, выбрав проход, располагающийся справа.

— Сюда!

С бластерами наперевес они углубились в тоннель. Ник сразу же заметил укреплённые на стенах фосфоресцирующие пластины. Они словно указывали им путь. Кто знает, может быть, для аборигенов, несомненно обладавших совершенно иным типом зрения, эти пластины заменяли яркие факелы.

— Нам необходимо найти место, где можно надёжно спрятаться, — пояснил он спутнику. — И прятаться до тех пор, пока на Дис не прилетит Лидс.

— Но кто он такой, Хакон? Один из патрульных отца?

Ник криво улыбнулся. Строуд Лидс был, вероятно, кем угодно, но только не патрульным. К счастью, Вэнди не заметил его усмешки.

— Нет, он не патрульный. Но он тот человек, который может освободить нас из лап Оркхага.

Ник хотел верить собственным словам.

— Когда же он прилетит?

Прекрасный вопрос! Если бы только Ник Колгерн знал на него ответ! Время! Вот что беспокоило его. Два месяца — не очень большой срок, и он не знал точно, когда же его дни истекут. Левая рука невольно поднялась к лицу. Неужели снова придётся припоминать старые привычки? На Ника нахлынули горестные воспоминания: Диппл, его чёрные мрачные обитатели, зуд, раздирающий кожу... Как же он не хотел возврата всего этого! Он тряхнул головой и взглянул на идущего рядом мальчугана. В этом отпрыске благородных кровей крылась тайна. Важная или не важная, но от неё зависела его судьба, и уже поэтому он должен был приложить все усилия, чтобы узнать её и преподнести Лидсу.

— Честно говоря, не имею ни малейшего понятия, — признался он.

Вэнди удивлённо взглянул на него.

— Но если мы будем постоянно прятаться, как мы узнаем об его прибытии?

Ник только крякнул. Разговаривать с этим парнишкой было не так-то просто. Вэнди смотрел на вещи достаточно трезво.

— Видимо, придётся притаиться неподалёку от местной посадочной площадки.

— Значит, нам понадобится регулярно выбираться наружу?

Ник понимал, о чём спрашивает Вэнди. Единственная пара очков против беспросветной мглы, за которой прятались зубастые твари. Они балансировали между жизнью и смертью, прекрасно сознавая это. Но у них не было иного выхода. Они должны были вырваться из заточения и точно так же он должны сейчас пойти на новый риск, чтобы не прозевать появления капитана. Лидс означал для них спасение.

Взглянув в глаза Вэнди, он кивнул. Но теперь его более всего заботила мысль о том, куда ведёт выбранный им тоннель. Выведет ли на поверхность Диса или напротив заставит спуститься на немыслимую глубину?

— Хакон, смотри! — Вэнди вытянул руку. То, на что он показывал, располагалось чуть ли не у самого потолка и светилось зеленоватым мерцающим светом. Вытащив очки, Ник торопливо напялил их на глаза, маленьким рычажком подрегулировал резкость.

Без сомнения, это было растение, странное и необычное, как, впрочем, и многое другое на этой недружелюбной планете. Мясистые наросты, облепившие влажную поверхность тоннеля. Вместо листьев Ник разглядел тянущиеся во все стороны тонкие змеистые ветви. Они скручивались в кольца, сплетались клубками и свешивались тёмной неряшливой бахромой. Приглядевшись, Ник увидел разлом в стене. И только тогда он сообразил, откуда взялось здесь это странное растение. Оно росло снаружи, на поверхности планеты и лишь какой-то своей частью проникло в образовавшийся пролом. Ник протянул было руку к переплетённым ветвям, но тут же отдёрнул её. Нездоровый цвет растения внушал более чем обычное беспокойство. На ум невольно приходило всё слышанное ранее о силе

растительных ядов. Но если они действительно наткнулись на пролом, ведущий наружу, они не должны были проходить мимо.

— Что это? — требовательно спросил Вэнди. Ник с опозданием подумал о том, что без очков мальчуган не мог видеть ни пролома, ни растения. Он продолжал, вероятно, лицезреть всё то же расплывчатое туманное сияние.

— Возможно, выход наружу, — сказал он. — Если, конечно, мы сможем открыть его.

Он повернул регулятор мощности на бластере на минимум и навёл оружие на спутанную массу. Вспышка полоснула по глазам, в одно мгновение превратив растение в обугленный комок. Запах горелого оказался таким неприятным, что им пришлось немного отойти. Ник повторно нажал на спуск. Вырвавшийся огонь поглотил остатки ветвей и наростов. Теперь они могли видеть очистившийся пролом, края которого тихо потрескивали от перегрева. Свет, недостаточно сильный, но тем не менее отчётливо различимый через оптику очков, проникал в тоннель. Оценив размеры дыры, Ник подошёл поближе и, подпрыгнув, уцепился за зубчатый край. Пальцы обожгло. Но камень остывал быстро, и, подтянувшись, Ник выглянул из пролома.

Тяжёлый запах ударил в нос, заставив его закашляться. Клубы густого чёрного дыма медленно скользили по поверхности планеты. Казалось, огонь, уничтоживший растение, опалил всю планету. Жадными, приплясывающими язычками он разбегался от трещины, охватывая приземистый кустарник, заставляя скручиваться потрескивающие ветви. Ник стоял на дне неглубокой расщелины. Осмотрев пологие склоны, он решил, что они вполне преодолимы. Вернувшись обратно в тоннель, он достал из узла один из пищевых концентратов. Им следовало подкрепиться. К тому времени, когда они насытятся, огонь сделает своё дело и очистит расщелину от ядовитых растений. Ник отчего-то не сомневался, что они ядовиты.

Покончив с едой, они выбрались наружу. Всё произошло в точности, как и предполагал Ник. Помогая своему юному спутнику, он полез вверх по откосам. Вэнди оказался не очень-то проворным скалолазом, и для большей безопасности Ник обвязал его ремнём, прикрученным к

поясу. Когда они достигли наконец верха, Вэнди обессиленно рухнул на землю. Голова его опустилась на согнутые колени.

— Всё, Хакон. Я больше не могу. У меня дрожат ноги.

Ник видел это и без слов. Он и сам чувствовал себя уставшим. И всё же заставил себя подняться на ноги и внимательно обозреть открывшуюся перед ним равнину.

Ландшафт был не слишком-то изысканным. Всё видимое пространство было усыпано обломками скал. Всё те же нездорового вида растения росли там и тут. Некоторые из них достигали в высоту нескольких дюймов, а иные размерами превосходили все известные Нику деревья. Сырой прогорклый воздух не насыщал лёгких, заставляя дышать широко раскрытым ртом. Совсем недалеко от них скалы нагромоздились друг на друга столь тесно, что выстроили некое подобие пирамиды. Так или иначе, они не могли двигаться дальше. Во-первых, они не знали, куда им идти, во-вторых, оба нуждались в отдыхе. Нику подумалось, что где-нибудь среди скал они наверняка найдут более или менее приемлемое пристанище. Он помог Вэнди подняться и, придерживая его за локоть, побрёл в направлении скал. Оба задыхались. Запахи, приносимые ветром, вызывали спазмы.

Они уже поднимались на курган, карабкаясь по шершавым валунам, когда прямо у них на глазах из-за камней выскочила тварь, увенчанная безобразным горбом. Двигаясь быстрыми прыжками, она вспорхнула на вершину одного из скальных блоков и склонилась над грибковым наростом. Из широкой пасти высунулся длинный язык и, хлестнув по наросту, тварь переправила его в глубину своего безгубого бородавчатого рта.

Настороженно приподняв бластер, Ник двинулся дальше. И через пару шагов он разглядел чернеющий вход пещеры. Вернее, так ему показалось поначалу. Подойдя поближе, он подумал, что этот провал больше напоминает те самые тоннели, из которых они недавно выбрались. На всякий случай он дважды надавил на спуск. Он вовсе не хотел, чтобы в глубине подземелья им встретился какой-нибудь неприятный сюрприз. Чуть помешкав, он вошёл под своды пещеры. Вэнди последовал за ним.

Ник не ошибся. Гладкая поверхность стен подтверждала предположение о том, что это искусственное сооружение. Сразу за входом ему попался на глаза серый вытянутый предмет. Ник машинально пнул его ногой и увидел, как с костяным перестуком предмет раскатился на отдельные кругляши. Его пробрал озноб. Что это? Кости? Может быть, когда-то не очень давно в этом подобии пещеры жили аборигены? Продолжая сжимать рукоять бластера, он пристально вгляделся в темноту. Ему показалось, что далеко впереди мерцает едва различимый свет. Если это действительно было светом, то он служил ещё одним доказательством того, что пещера являлась искусственным проходом. Тоннель, пронизывающий гору насквозь... Они дошагали до источника света куда быстрее, чем предполагал Ник. Остановившись возле широкого пролома, со смятёнными чувствами они уставились на открывшуюся перед ними картину. Куда ни обращались их глаза, везде они видели гигантские руины. Массивные блоки, стены бывших зданий. Слева от них открылся обрыв, а чуть ниже ещё один. Нику подумалось, что они стоят на самом краю лестницы, предназначенной для великанов. Впрочем, он не собирался спускаться к руинам. Во всяком случае сейчас. Они основательно подустали. Вэнди буквально валился с ног. Кроме того, место казалось достаточно безопасным. Здесь их не так-то просто найти. Они могут укрыться в руинах, а если опасность придёт из-за этих обломков, напротив, выберутся из пещеры на поверхность. Кое-как Ник расстелил на мощёном полу одеяло и аккуратно уложил на него засыпающего мальчика. Сам сел поблизости, привалившись спиной к бугорчатому краю стены, устроив бластер на коленях. Погружаясь в сон, он на мгновение удивился тому, как долго он боролся с усталостью. Всё тело до последней косточки требовало и просило сна.

Глава 7

Проснулся он от страшного раската грома. Полный мрак окружал его со всех сторон. Схватившись за лицо, он с ужасом обнаружил, что очки пропали. Каменные стены продолжали дрожать и гудеть от непрекращающихся рас-

катов. Задыхаясь, он вскочил на ноги и на ощупь подполз к одеялу, на котором лежал Вэнди. Мальчика не было.

— Хакон!

Пронзительный крик донёсся, как показалось ему, со стороны пролома. Не отправился ли Вэнди к руинам?! Нашарив руками пролом, возле которого завершился их недавний маршрут, он выглянул наружу. Лишённые оптики глаза были совершенно беспомощны. Он почти ничего не видел. И неожиданно в паузах между сотрясениями воздуха он отчётливо расслышал рычание. Ник тщетно напрягал зрение.

— Вэнди! — прокричал он. — Где ты!

Если мальчик и ответил ему, то из-за страшного грохота он всё равно ничего не способен был услышать. Где-то на горизонте коротко высверкнула молния, и плотный чёрный ветер с силой налетел на развалины, вздымая пепел и пыль. Ник постарался вспомнить, как выглядела эта местность вчера. Здесь, рядом, перед самым проломом лежало открытое пространство, это он помнил совершенно отчётливо.

— Вэнди! — ещё раз громко прокричал он.

Совсем рядом ослепительным огнём выстрелила вспышка. Трескуче занялось одно из гигантских растений, в несколько секунд превратившись в ревущий столб пламени. Бластер! Ник не сомневался в этом. Вэнди воспользовался оружием, может быть, желая подать ему знак. Выбравшись из пролома, Ник побежал навстречу огню. Ветер теребил пламя, перебрасывал его на соседние кусты, и снова Ник слышал угрожающее рычание. Где-то поблизости находился хищник. Перебравшись через одну из стен, Ник оказался на широкой, покрытой ровными плитами площадке. Тут он и увидел Вэнди.

Прислонившись спиной к каменной кладке и выставив перед собой бластер, мальчик стоял вблизи глубокого обрывистого котлована, с ужасом глядя на нечто грузное и большое, поднимающееся к нему наверх. Ник шагнул вперёд и тоже увидел ИХ...

Каждая планета и каждый живой мир насыщен своими особенностями, своими красками и неповторимыми формами жизни. В своём роде то, что тперь наблюдал Ник, было наделено мифической красотой. Удлинённые, пок-

рытые густым мехом тела двигались грациозно, свиваясь и расплетаясь, словно исполняли некий ритуальный танец. Головы их с необычными двойными ушами и сверкающими выпуклыми глазами поднимались и опускались в каком-то сложном непонятном ритме. Вэнди молча смотрел на них и даже не пытался стрелять, и в следующее мгновение Ника озарило страшной догадкой.

— Вэнди! — выкрикнул он. — Отвернись от них! На них нельзя смотреть!

Но мальчик, казалось, не слышал его. Замысловатые узоры, сплетаемые гибкими телами, горящие глаза зверей словно околдовали его. Ник настроил свой бластер на узкий пучок и вскинул оружие к плечу. Чтобы не попасть нечаянно в сына лорда, он прицелился несколько выше. Луч огненной дугой пронёсся над мохнатыми тварями и искристо ударил в каменные нагромождения. Он не задел хищников, но добился того, что глаза их погасли и, прекратив свой завораживающий танец, они повернулись в его сторону. Огонь уже справлялся с остатками растительности, и с каждой новой секундой Ник видел всё хуже и хуже. Это были совсем небольшие животные. Каждое из них не превышало в длину и трёх футов, но действовали они слитно, как одно цёлое, и Ник отнюдь не заблуждался в искренности их намерений.

Торопясь, пока огонь окончательно не погас, Ник начал обходить руины, стремясь оказаться со скопищем хищных тварей на одной линии. Он по-прежнему боялся задеть мальчика. Словно чувствуя надвигающуюся опасность, животные следили за ним множеством глаз. Громовые разряды совершенно не пугали их. Ещё несколько спотыкающихся шагов, и Ник оказался возле каменной кладки. Свет пожара, озарявший пространство вокруг него, тускнел с катастрофической быстротой.

— Вэнди! — вновь позвал он и протянул в сторону мальчика руку. — Очки!

Ник продолжал смотреть только на этих притаившихся животных. Странно, но при звуках его голоса они проявили признаки беспокойства. Головы их приподнялись и закачались совсем как у змей. В ладонь Ника опустился ремешок с выпуклыми стёклами. А затем он услышал дрожащий голосок.

— Я прикрою тебя.

Ник надел очки и облегчённо вздохнул. Он снова стал зрячим! В нём тут же окрепла уверенность.

— Вэнди! — он снова взялся за бластер. — Держись за мою куртку, будем медленно отходить.

Теперь он ясно видел, что произносимые им звуки оказывают поразительное действие на шевелящуюся свору хищников. Они спешно перестраивались в некий полукруг, но какой-то границы, видимо, определённой ими же самими, по-прежнему не переступали. Каким-то неизвестным образом они чувствовали, что стоящий перед ними человек далеко не беззащитен. Ник пятился и недоумевал, отчего эти твари не пытаются атаковать. Они достигли уже края площадки, но палец его в готовности лежал на спуске. Снова налетел душный порыв ветра, и неожиданно хлынул дождь. Среди скопища хищников началось повальное бегство. Одно мгновение, и Ник потерял их из виду. Первую беду заместила вторая. Из-за сплошной стены дождя было совершенно невозможно угадать дорогу назад. Ник слепо шарил по сторонам рукой, отыскивая опору или что-нибудь, что могло бы подсказать им, где лучше спрятаться от потока воды. Вэнди потянул его, заставляя идти куда-то вправо. Оглянувшись, Ник убедился, что мальчик прав. Они находились возле ниши, образованной двумя перекосившимися плитами. Ник с сомнением поглядел вглубь неожиданного укрытия. Они не могли знать наверняка, пустует ли оно. Но и здесь, на открытой площадке они не могли больше оставаться. Сила ветра была такова, что по воздуху уже летели небольшие обломки и растерзанные кусты. И всё-таки осторожность была не лишней. Подняв бластер, Ник ударил в темноту ниши.

...Буря завывала за стенами. Беглецы были недосягаемы для неё, но Ника беспокоила окружавшая их мгла. На этот раз бессильны были даже очки. Кроме того, Ник тревожился, что в нишу рано или поздно начнёт набираться вода. Дождь, что хлестал снаружи, вполне способен был устроить вселенский потоп. Обшарив стены вокруг себя, Ник обнаружил каменный выступ. Пожалуй, здесь они могли переждать дождь в относительной сухости. Он усадил Вэнди на каменный балкончик и вскарабкался за ним следом. Опираясь плечами и спиной о вибрирующий

камень, они чувствовали нарастающую мощь непогоды. Дрожа, они прижимались друг к другу.

— Это всего лишь ураган, Вэнди. Он быстро пройдёт, — шепнул мальчику Ник, хотя в замешательстве ощутил, что не верит собственным словам. Он ничего не знал о Дисе и об его ураганах. Оркхаг утверждал, что жизнь Диса зиждется лишь в стенах базы. Всё, что начиналось за пределами скальных стен, означало для простого человека верную смерть.

Неожиданно он вспомнил, с чего всё началось. Вэнди взял очки и самостоятельно отправился исследовать развалины. Ещё одна такая шутка, и поход закончится для них самым печальным образом. Он взглянул на дрожащего мальчугана.

— Вэнди, зачем ты ушёл? — Нику пришлось почти кричать. Грохот заглушал его слова.

Мальчуган ответил не сразу, а когда ответил, Ник расслышал в его голосе недобрый оттенок.

— Я хотел отыскать наш корабль.

— Но, Вэнди! Я говорил тебе правду. Даже, если мы найдём ракету, мы не сумеем взлететь на ней. Это автомат, настроенный на маршрут Диса, а я не в состоянии заложить новую программу.

Вэнди ничего не сказал на это. Лицо его замерло возле самого уха Ника, и временами он чувствовал его тёплое дыхание. Что он там думал про себя, оставалось для Ника полнейшей загадкой.

— Хакон! Здесь... Что-то над моей ногой! Ты видишь?

Ник недоверчиво повернул голову. Как мог Вэнди разглядеть что-то в подобной мгле? Или, может быть, это уловка?.. Он шевельнул регулировку резкости. Вэнди не обманывал его. С пугающей ясностью Ник увидел, что рядом с ними и в самом деле возникло что-то постороннее, чего раньше не было. Откуда оно взялось? Из глубины затапливаемого подземелья?.. Ник подался вперёд.

Действительно, над правой ногой Вэнди на стене громоздилось некое фосфоресцирующее существо. Бесформенный зеленоватый нарост, напоминающий увиденные ими в котловане растения. Но что-то тут же насторожило Ника. Чем-то это существо отличалось от растений. Всмотревшись, он заметил тлеющую искорку. Она свисала с

выступа на тонкой, величиной с волос нити и, извиваясь, загадочно трепетала. Медленно, почти незаметно для глаза нить эта втягивалась в неподвижное тело, и прошло немало времени, прежде чем Ник понял, в чём заключается смысл происходящего.

Чуть ниже выступа, на котором они укрылись от воды, показалось ещё одно существо. Четырёхлапое, с густым мехом и странными ушами, оно напоминало тех тварей, что ещё совсем недавно пытались атаковать Вэнди. Неотрывно глядя на трепещущие в темноте искорки, животное робкими и неестественными шажками приближалось к наросту. Эти огоньки словно подманивали жертву ближе и ближе. Затаив дыхание, Ник продолжал наблюдать.

— Что там происходит? — шепнул Вэнди. Тело его сотрясала крупная дрожь.

Ник сообразил, что мальчик без очков не видит того, что видит сейчас он. Прижавшись к лицу Вэнди, таким же шёпотом он коротко описал всё, что сумел разглядеть.

— Это похоже на охоту. Они увлеклись настолько, что не замечают ни нас, ни бури.

Драма закончилась самым стремительным образом. По мере того, как длинные, оснащённые огоньками антенны укорачивались, приближающаяся жертва начинала проявлять лёгкое беспокойство. Может быть, она уже чувствовала близость врага?.. Но хищник не дал ему времени на раздумья. В парящем прыжке он накрыл мохнатое животное, и темноту пронзили душераздирающие крики. Забившись в руках Ника, Вэнди испуганно вскрикнул.

Тем временем схватка завершилась в пользу хищника. Жертва его больше не сопротивлялась.

— Хакон! Ей нужны мы! Слышишь?!

Ник не понял причины, что так напугала Вэнди. Ведь они были вооружены, и что им мог сделать этот мелкорослый хищник? Но в следующую секунду он почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Причины для беспокойства безусловно были. Странный нарост, придавивший безжизненное животное, изогнулся. У Ника появилось такое ощущение, словно, приподняв голову, нарост смотрит на них невидимыми глазами. И снова появился мерцающий подманивающий огонёк. Эта трепещущая искор-

ка теперь явно предназначалась для них. Ник поднял бластер и выстрелил.

Огненный пучок вонзился в тела обитателей Диса, и на мгновение у Ника спёрло дыхание. Нет, он ничего не услышал, но как-то он всё-таки успел ощутить смерть зеленоватого хищника. Это походило на некий болезненный толчок в голову. Обугленные тела с плеском упали вниз и тут же закружились в засасывающем потоке водоворота, уносясь в бездонные глубины подземелья.

— Я уничтожил их, — шепнул он Вэнди, но мальчик, всхлипывая, продолжал дрожать. — Не бойся, их больше нет рядом.

Он продолжал успокаивать Вэнди, смутно понимая, что мальчик напуган больше темнотой, чем таящимися в ней опасностями. Оказаться в состоянии слепца вблизи неизвестных хищников — такое способно напугать любого взрослого, а уж тем более мальчугана, которому до совершеннолетия было так же далеко, как до родной планеты. Если бы у них было две пары очков! Это может стать началом катастрофы, превратив их в лёгкую добычу любого обитающего на Дисе хищника. Теперь Ник склонялся к тому, что уход с базы был ошибкой. Уж лучше иметь дело с Оркхагом, чем оставаться в пустыне ночных ужасов. Ник покосился на окружающую их мглу. Как только шторм утихнет, они постараются вернуться к тоннелю. Там они затаятся и, делая время от времени вылазки в жилые отсеки, будут узнавать новости о каких-либо изменениях на базе. Так или иначе, Ник продолжал надеяться на скорое прибытие Лидса. А сейчас... Сейчас ему следовало успокоить своего спутника.

— Вэнди! — Ник попытался подобрать верные интонации. — Теперь мы в достаточной степени сознаём, что собой представляет Дис. Как только буря утихнет, мы вернёмся на базу. Там мы по крайней мере будем в безопасности, местные твари туда не сунутся. А сейчас нам ни в коем случае не следует бояться. У нас мощнейшие космобластеры. Вспомни, ты ведь не растерялся, когда эти твари окружили тебя. Если бы ты не поджёг кусты, я никогда бы не добрался до тебя. Пока мы здесь и пока в руках у нас оружие, ничто не может угрожать нам!

— Но я ничего не вижу! — всхлипнул Вэнди.

— Ты... Ты уверен в этом? — Ник пристально посмотрел в лицо мальчика. — Ты сказал мне, что тварь находится поблизости ещё до того, как я обнаружил её. А ведь у меня были очки. Как же ты узнал о ней?

Он чувствовал, что, слушая его, мальчик постепенно перестаёт дрожать. Голос Ника несомненно действовал на него успокаивающе.

— Я не увидел, а скорее догадался, что рядом что-то шевелится. А потом, приглядевшись, действительно заметил слабое свечение.

Ник размышлял. Сейчас он верил Вэнди, а, значит, из сказанного можно было сделать определённые выводы.

— Вероятно, некоторые из здешних растений и животных имеют врождённую способность к свечению. Я даже думаю, что, возможно, располагая двумя типами зрения, мы вооружены в большей степени. Ты увидел то, чего не увидел я. Значит, нам обоим необходимо глядеть в оба, и мы не подпустим к себе ни одно живое существо.

Верна или нет его догадка, Ник не знал, но слова его возымели действие. Вэнди заметно приободрился. Худенькие руки сына лорда крепко сжали рукоять бластера.

— Наверное, ты прав, Хакон.

— И ещё одно, — Ник кивнул на оружие, — постарайся не использовать его без особой надобности. Я не знаю, на какой срок хватит заряда.

Вэнди и не собирался с ним спорить.

— Да, мы должны экономить энергию бластера... Хакон! Все эти развалины — что это? Неужели это всё, что осталось от чужого города? Ведь это так жутко! Совсем, как Хапердианская бездна.

Ник недоумённо приподнял брови, но тут же спохватился. Так называлось одно из мрачноватых местечек в фантазиях мальчика. Это было не так уж плохо. Коль скоро Вэнди возвратился к своим грёзам, можно было смело судить, что страхи его прошли.

— Да, я думаю, что когда-то эти руины были городом. Они действительно напоминают Хапердианскую бездну, хотя память не подсказывает мне, что мы встречали там каких-либо хищников с огоньками на хвосте.

Ник был рад, что Вэнди вновь обрёл решимость, и лишь

отчасти беспокоился о том, чтобы фантазии мальчика не выходили за грани разумного. Тот Хакон, которого знал Вэнди, был из рода непобедимых, выходя живым и невредимым из самых кошмарных сражений, но Ник Колгерн был кем угодно, но только не Хаконом. Он прекрасно знал о своей уязвимости и мечтал выжить во что бы то ни стало.

Теперь, когда они приняли решение о возвращении в тоннель, им пришлось бороться со всё возрастающим нетерпением. Хуже нет, чем оставаться в неподвижности и ждать, но выбора у них не было. Вода всё ещё бурлила под выступом, через неравномерные интервалы доносились рокочущие раскаты грома. Ника ужасала одна даже мысль о том, что ураган может затянуться более суток. Они просто не высидят в этой норе так долго. Они способны были отразить нападение хищников, но голод и дождь могли оказаться более сильными врагами. Ник уже и теперь чувствовал подкрадывающийся голод, но все концентраты, включая и одеяло, остались в проходе под горой.

Время тянулось мучительно медленно. Вэнди задремал, прикорнув щекой к коленям Ника. Изредка сквозь сон он что-то бормотал на незнакомом языке. У Ника было вдоволь времени, чтобы обдумать случившееся и разработать план на будущее. Он не жалел ни о чём. Повторись тот решающий разговор с капитаном снова, он вновь подтвердил бы свою готовность лететь с мальчиком на Дис. Он делал это ради своего нового лица, ради своего будущего. И он не отказывался от надежды разузнать все секреты умершего лорда. Вэнди безусловно знал о многом, и нужно было лишь подобрать к нему нужный ключик.

Пальцы Ника машинально скользили по гладкой щеке, по подбородку правильной округлой формы. Ник был сейчас таким, каким хотел быть всю свою несчастную жизнь. Но сколько ещё времени отпущено ему судьбой? Сколько пройдёт дней, недель до того первого страшного момента, когда кончики пальцев вновь ощутят столь хорошо памятную шероховатость обезображенной кожи?

Отвлекаясь от мрачных мыслей, он обратил внимание на затихающий шум дождя. Вдоволь набушевавшись, ураган уходил. Даже если это всего-навсего временное затишье, им стоит воспользоваться им. Пролом, ведущий в

тоннель, где они оставили одеяло и пищу, должен быть где-то поблизости. Ник осторожно тряхнул Вэнди за плечо.

— Нам пора идти.

Глава 8

Придерживаясь руками за каменный выступ, Ник осторожно спустился в бурлящий поток воды. Он хотел убедиться в том, что течение позволит им передвигаться, сопротивляясь напору воды. Страхи оказались напрасными. Уровень воды заметно спал, и ноги скрылись под водой не выше лодыжки. Поверхность её искристо поблёскивала, рябила там и тут. Иногда целые островки ряби странным образом совершали самостоятельные передвижения. Можно было подумать, что какие-то живые существа пытаются так же как и они найти выход из западни, в которую увлекла их дождевая вода. Как бы то ни было, они вполне могли передвигаться пешком.

Ник вытянул руки и помог Вэнди спрыгнуть вниз. Держась друг за друга, вздымая брызги, они устремились к выходу.

Дождь всё ещё стегал по земле косыми струями, но дикая необузданная сила ветра изрядно уменьшилась. Широкими потоками вода текла к краю обрыва и там низвергалась вниз пенным водопадом. Нику впервые пришла в голову мысль о том, что в незапамятные времена город, возможно, был морским портом. Очень уж напоминали массивные срезы обрыва когда-то увиденные им на рисунках летописей причалы. Однако тайна развалин сейчас его не интересовала. Им необходимо было найти пролом, через который они выбрались из подземелья.

— Держись крепче, — велел он мальчику. Ноги проваливались в невидимые под водой омутки, дождь по-прежнему сыпал чересчур густо, и им следовало принимать все разумные меры, чтобы не потерять друг друга.

Ник взглянул вправо от себя и, не веря своим глазам, радостно вскрикнул. Это было то самое «окно», через которое они несколько часов назад пытались рассмотреть развалины города. Он живо подсадил Вэнди и, уцепившись за его руку, в свою очередь забрался под спаситель-

ные своды тоннеля. Вода сюда не дошла. Здесь по-прежнему было сухо, и, оглядевшись, Ник тут же нашёл сложенные горкой жестяные банки концентратов. Взяв в руки один из контейнеров, он раздавил капсулу подогрева и, сорвав крышку, протянул его Вэнди. Пар, потянувшийся вверх, заставил его судорожно сглотнуть.

— Не спеши, Вэнди, — сказал он. — Ешь медленно.

Второй контейнер с готовностью распахнулся перед ним. Ник ел и не различал вкуса, настолько он был голоден. Он уже думал о том, как придётся решать им проблему питания потом, когда они снова вернутся на базу. Если бы знать точно расположение всех комнат и переходов!.. Он с удивлением взглянул на банку в руках. Он опустошил её и даже не заметил этого. Вэнди успешно приканчивал свою порцию.

Сырость, казавшаяся удушающей и до урагана, теперь пропитала всё и вся. Густой отяжелевший воздух то и дело заставлял их прокашливаться. Оба дышали тяжело и шумно, как старые больные люди. Малейшее усилие вызывало одышку и липкую испарину, выступающую на лице и всём теле. На свою одежду Ник решил не обращать внимания, но Вэнди он велел раздеться и насухо вытереться одеялом. Снова облачившись в свой помятый костюм, Вэнди удивлённо посмотрел вниз.

— Хакон, мои ботинки! Они светятся!

Ник недоверчиво покосился на ноги мальчика. Их и в самом деле окутывало неясное сияние. То же самое случилось и с его обувью. Опустившись на корточки, Ник кончиком одеяла прикоснулся к ботинку Вэнди. Ощущение было такое, словно он стирал с кожи нечто студенистое. Теперь фосфоресцировало и одеяло. Ник более внимательно оглядел себя и мальчика. Кроме обуви светились ноги, и его пестро разукрашенный пояс тоже издавал слабое свечение. Ник понятия не имел, опасно это или нет. Но даже если бы это чем-нибудь им угрожало, не уходить же им отсюда босиком!.. Он решил понадеяться на лучшее.

Свернув одеяло в прежний узел и упаковав в него жестяные контейнеры, они зашагали знакомой дорогой. Теперь Ник более внимательно глядел по сторонам, сразу заметив, что растительности в тоннеле почти нет. Должно быть, прогуливающийся между стен ветер создавал для них

не слишком-то благоприятные условия. Возможно, были и другие причины.

Вэнди шёл впереди и нёс узел. Держа бластер наизготовку, беспрестанно оборачиваясь по сторонам, Ник двигался следом. Пища вернула утраченные силы, а с силами возвратилась и бодрость духа. Окружающая темнота больше не страшила Ника. И у него и у Вэнди уже появился кое-какой опыт общения с обитателями Диса. Необходимо было внимательно следить за окружающим и ни на миг не выпускать из рук оружие. Путь был знаком, и они шли уверенным шагом.

Путники подходили уже к самому выходу из тоннеля, когда Вэнди внезапно вскрикнул. Но Ник и без него поспешил вперёд. Рука мальчика указывала на серую неровную поверхность планеты, на которую светящимся факелом садился огромный корабль. Сердце подскочило в груди Ника. Как здорово было бы, если б садившийся корабль принадлежал Лидсу! Это разом разрешило бы все их проблемы...

— Еще один! — громко проговорил Вэнди.

Два корабля,.. третий! Радость Ника померкла. С небес спускалась целая флотилия. Это не походило на ту секретную миссию, которую собирался выполнять капитан. Может быть, в таком случае прав Вэнди, и перед ними садились корабли его отца? Может быть, лорд вовсе и не умер и, разъярённый похищением сына, выслал в погоню звездолеты с десантниками? И где тогда, интересно, сейчас Оркхаг?

Дождь к этому времени подрастерял свою сокрушающую силу, но, видимо, не собирался так скоро сдаваться. Нику подумалось, что вода наверняка стекает и в ту расщелину, через которую они выбрались на поверхность планеты. В таком случае их путь назад пока был лишён смысла. Они могли угодить в непроходимую топь. Здесь же, по крайней мере, было относительно сухо. Но самым важным ему казалось сейчас понять цель и происхождение прибывших на Дис кораблей.

Они продолжали пристально наблюдать за приземлившимися кораблями, когда прямо над головами у них раздался адский грохот. Ник сразу сообразил, что никакими молниями тут и не пахло. Это был залп с кораблей,

расколовший скалистую почву, взрезавший её дымящимися бороздами. С испуганным криком Вэнди соскользнул в распахнувшуюся перед ногами пропасть. Ник схватил было его за одежду, но сдержать падения не сумел. Вдвоём они покатились по горячему, ещё слегка потрескивающему грунту. Каким-то чудом Нику удалось уцепиться за какой-то выступ. Падение прекратилось. И тут же последовал новый взрыв. Откуда-то со стороны тоннелей, ведущих на базу. Вместе с каплями дождя вокруг сыпался град осколков. Может быть, это Оркхаг, накурившись наркотика, отдал приказ взорвать базу со всеми находящимися на ней людьми? Ник, сощурив глаза, попытался осмотреться. Всё-таки это больше напоминало нападение. Чужие корабли вступили в бой, противопоставив свои пушки огневой мощи космической базы. Как бы то ни было, спускаться вниз сейчас, к обнажённым стволам тоннелей, означало для них ещё более худшую беду, нежели оставаться здесь. Нет ничего глупее, чем попасть под случайный огонь двух воюющих группировок.

— Надо уходить отсюда, — прохрипел Ник.

Но Вэнди молча лежал на земле, придавив его руку, и Ник постарался побыстрее высвободиться. Ему не понравилось, как выглядел мальчик. Лицо его было неподвижно, глаза закрыты.

— Вэнди! — Ник прикоснулся к нему и осторожно повернул к себе безвольно поникшую голову. Струйка крови змеилась по лбу мальчика. Ник топливо прижался ухом к его груди. Взволнованный слух не сразу уловил учащённое сердцебиение: Вэнди был просто без сознания. Возможно, при падении он ударился головой о камни. Ник с беспокойством пошевелился. Они лежали на крутом склоне, и ему показалось, что грунт под ними медленно соскальзывает вниз, к недалёкому обрыву. Вспышки непрекращающейся канонады багровыми всполохами освещали пространство. Судорожно царапая землю ногтями, Ник поспешно соорудил некое подобие окопа. Теперь, по крайней мере, они могли лежать, не опасаясь сорваться вниз. Чуть пошевельнувшись, Вэнди застонал. Придержав его свободной рукой, Ник не дал ему перевернуться на бок. Скользкая и ненадёжная почва легко могла выпустить их из своих обманчивых пут и препроводить на дно распах-

нувшегося от первого огненного удара ущелья. Вжавшись лицом во влажный рукав, Ник лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию.

Обмякшее тело Вэнди было, конечно, легче лёгкого, но трудность заключалась в том, что Ник не рисковал даже пошевелиться. Взрывы расшатали почву, сделали неустойчивым всё вокруг. Положение усугублял дождь. Многочисленные струйки воды, стекая вниз, собрались в небольшие ручейки и потоки и бежали мимо их рук и ног, превращая одежду в мокрую, липнущую к телу материю. Он мог бы, пожалуй, вскарабкаться по склону один и там наверху соорудить что-нибудь, что помогло бы ему вытащить мальчика. Но мог ли он оставить его здесь? Вэнди находился в полубессознательном состоянии, и Ник был далеко не уверен, что при очередном взрыве мальчик сможет удержаться на склоне. Необходимо было выбираться только вместе с мальчиком. С величайшей внимательностью он вглядывался в путь, который предстояло им одолеть. И только рассчитав всё до малейших движений, осторожно трогался вперёд. Вэнди он для удобства перевернул на спину и уложил на одеяло, ухватившись за один конец которого, Ник подтаскивал мальчика к себе и снова полз вверх. Упираясь ногами в жидкую грязь, мальчик немного помогал ему. Лишь взобравшись чуть выше и имея теперь возможность проследить колею, оставленную их телами, он поблагодарил судьбу за нечаянный подарок. Двумя мощными потоками вода хлестала справа и слева, огибая то место, где они первоначально закрепились. Не будь этого, они давно бы уже захлёбывались в темноте одного из тоннелей. Забыв об усталости и стиснув зубы, он тянул свёрток с мальчиком до тех пор, пока они не оказались на относительно ровном месте. Немного передохнув, он заставил себя спуститься вниз за пищевыми контейнерами. На боль в разбитых ладонях он старался не обращать внимания. Всё это было чепухой по сравнению с тем, что могло с ними случиться.

Он был уже недалеко от места, где оставил Вэнди, когда земля содрогнулась в третий раз. Яркое зарево на миг ослепило его. Плотно прижавшись к грунту, он чувствовал его зыбкую дрожь. Мысль о том, что мальчик снова может соскользнуть вниз, рванула его наверх. Отчаяние смени-

лось радостью. Вэнди лежал там же, раскинутыми руками уцепившись за мокрые камни. Решив больше не рисковать, Ник, не дав себе передышки, ухватился за одеяло. Он двигался наобум, желая выбраться подальше от сбегающей воды, от грохочущих взрывов. Они снова выходили к развалинам древнего города.

Ноги Ника уже почти не держали, спина и руки ныли от усилий, и всё-таки заторможенно, как некий автомат, он заставлял себя делать шаг за шагом, возвращаться и подбирать контейнеры с пищей. Близкие вспышки больше не бросали его ничком на землю. Усталость заменяет порой храбрость, наполняя мозг и натруженное тело безразличием. Лишь иногда он садился на камни, пытаясь успокоить дыхание. Спёртый воздух застревал где-то в горле, проходя в лёгкие тугими тяжёлыми комками.

Оглядевшись, Ник скорее угадал, чем увидел, чернеющую сквозь завесу дождя нишу. То самое укрытие среди развалин, из которого они вышли всего-то час назад. Ему было и горько и смешно. Он потянулся руками к одеялу, но неожиданный звук, донёсшийся откуда-то сверху, заставил его выпрямиться. Где-то над посадочным полем промелькнула чёрная тень. Она выныривала из облаков, временами приближаясь к развалинам и сразу же возвращаясь обратно. Ник не сразу узнал летательный аппарат. Он не был простым прогулочным флиттером. В воздухе с рёвом проносился самый настоящий десантный крафт. Трассирующие нити тянулись к нему со всех сторон. Мастерски лавируя из стороны в сторону и уклоняясь от смертельной паутины, пилот огрызался короткими вспышками огня. Ник отчего-то сразу подумал, что пилот, управляющий крафтом, наверняка состоял членом Гильдии. Это была неосознанная, подсказанная интуицией мысль, хотя в голове его по-прежнему царила полная путаница. Чужие корабли приземлились на Дис, буквально обрушившись на базу. Кто их вёл? Лидс, пытавшийся устрашить Оркхага, или силы правопорядка? Войска, посланные отцом Вэнди?..

Корабли сосредоточили весь свой огонь на крафте. Он всё ещё кружил над ними, небрежно увиливая от шквальных светящихся трасс. Ник с опаской наблюдал, как тень машины вновь приближается к руинам, намереваясь,

очевидно, зайти на очередной круг. И тут одна из вспышек полоснула по хвосту крафта. Свечой взвившись вверх, аппарат раненой птицей запорхал в воздухе, пытаясь удержать равновесие. Ник невольно напряг мышцы, представив себе бешеные усилия пилота, мечущегося в тесноте кабинки. Болезненными рывками аппарат заваливался на бок, его неодолимо тянуло к земле. Скользнув к мрачноватым колоннам разрушенного города, он скорее упал, чем приземлился. И всё-таки перед самой каменной равниной пилоту удалось выровнять машину. Взрыва не последовало, и Ник подумал, что, очевидно, человеку за штурвалом удалось уцелеть. Аппарат лежал где-нибудь в пропасти под обрывом, чуть ниже развалин. Ник с тревогой посмотрел на далёкие конические корпуса кораблей. Если они решат взглянуть на обломки крафта, чего доброго поисковый отряд может наткнуться и на них. Это никак не входило в планы Ника. Он не желал попасться в лапы ни одной из группировок.

Вэнди, открыв глаза, сидел на земле. Это отчасти утешило Ника. Серьёзное ранение поставило бы их в тяжелейшие условия. Но мальчик был цел и, возможно, даже мог передвигаться на своих двоих. Сейчас Ника больше заботила возможная экспедиция по следам упавшего крафта. Если на Дис опустились люди лорда, наверняка они были снабжены всеми современными средствами поиска. Ник слышал множество страшных историй о том, как в погоню за провинившимися людьми пускали механических охотников. Эскадра, столь дерзко опустившаяся прямо на базу, вполне могла иметь на борту подобных роботов. Единственное, в чём Ник не сомневался, это в том, что им следовало понадёжнее укрыться.

— Хакон, — Вэнди смотрел на него тусклым взором, — что там произошло?

— Многое, — Ник невесело улыбнулся. — Слишком многое, чтобы составить об этом ясное мнение. Но что бы там ни происходило, нам опять нужно идти.

Вэнди стоически кивнул. На лице его играли слабые блики. Ник обернулся.

Сражение не прошло для планеты бесследно. Языки огня всё выше вздымались над изувеченной землёй. С шипучим треском растения перебрасывали пламя, подо-

бно эстафетной палочке, дальше и дальше. Порыв ветра донёс до них запах горячей копоти. Они закашлялись. Ник в замешательстве присел. Они могли бы укрыться в развалинах, но туда же ветер гнал дымные чёрные тучи. Кроме того, в развалинах им пришлось бы терпеть соседство тварей с густым мехом и хищников с искристыми огоньками. Если же они начнут спуск в нижнюю часть города, миновав причалы, они рискуют оказаться поблизости от сбитого аппарата, куда вскоре могли нагрянуть наблюдатели со звездолётов. И всё-таки, поразмышляв, Ник склонился в пользу последнего варианта. Нагнувшись над Вэнди, он заглянул раненому в лицо.

— Ты сможешь идти?

Вэнди не колебался. Он знал, как много зависит от его ответа.

— Думаю, да.

С помощью Ника он медленно поднялся на ноги. Увязав пожитки, Ник закинул их узлом на плечо. Поддерживая Вэнди за локоть, он двинулся вдоль развалин, отыскивая какой-либо спуск вниз. Теперь, когда Вэнди мог лишь медленно брести, да и то с трудом, Ник полагался только на своё зрение и реакцию, и потому постоянно держал бластер под рукой. Не жалея шеи, он осматривал горизонт и близкие камни.

Первый проблеск старой, уже, казалось, забывшей о юношах надежды на удачу мелькнул в их душах, когда, наконец-то иссякнув, небо сменило гнев на милость. Ливень превратился в лёгкую морось. Воздух заметно посветлел, и Ник уже не щурился, пытаясь разглядеть очертания какой-либо скалы. В очках теперь обстановка походила на пасмурный день Корвара. И тут же вслед за первым судьба преподнесла им второй подарок в виде строений, обрушившихся вниз, на дно бывшей реки или бывшего моря. Теперь Ник почти не сомневался, что когда-то здесь жила и шумела пристань для кораблей. Блоки, нагромождённые на «прибрежное» дно, образовали некое подобие лестницы, по которой можно было спуститься без риска свернуть себе шею.

Едва ступив с камней на «дно», они тотчас разглядели слегка поблёскивающую поверхность воды. Нет, это не было морем. Всего-навсего останки недавнего дождя,

лужа, внушающая одно лишь уныние. И то она на глазах мелела, видимо, выливаясь через невидимый подземный канал. Чуть помешкав, Ник опустился на колени и погрузил в воду ладони, сложив их пригорошней.

До сих пор они держались на припасах, выданных им Фабиком. Но жаркая беготня вынудила прикладываться к воде достаточно часто. Они успели уже всё выпить. Ник поднёс наполненные пригорошни воды к лицу. Так или иначе, им всё равно придётся рискнуть. Да и почему нет? Всё, что они совершали здесь, сопровождалось неизменным риском. Они ничего не теряли. Присмотревшись к воде, Ник с удовлетворением отметил, что она не светится. Потом уже на ум ему взбрела мысль о том, что и Вэнди и он успели вольно или невольно наглотаться воды. Они слизывали её с губ, вдыхали с жарким воздухом. Будь в ней какой-нибудь яд, они давно бы ощутили его действие.

Он глотнул воды Диса. Рубикон был перейдён.

— Вода, Вэнди! — Ник снова погрузил ладони в быстро мелеющую лужу. Мальчик жадно выпил у него из рук. Они пили долго, пока на лицах у обоих не выступили крупные капли пота. Им следовало напиться впрок. Ник вовсе не был уверен, что подобная возможность будет предоставляться им всякий раз, когда они захотят пить. До того самого часа, пока они не разберутся, какие силы действуют на Дисе, им следовало полагаться только на свои запасы. Впрочем, Ник только размышлял так. Он понятия не имел, каким образом они раздобудут необходимые им сведения. Пока же они собирались укрыться в каком-нибудь надёжном месте, но тем самым они сознательно лишали себя любого доступа информации. Увы, они не способны были управлять событиями. Обстоятельства повелевали их поступками и решениями. Они вынуждены были бежать, чтобы спасти свою жизнь. Именно так обстояло реальное положение дел.

Ник направил ковыляющего мальчика чуть в сторону. Он старался обходить нечастые островки растительности. Из-за своего нездорового цвета она по-прежнему не внушала ему ни малейшего доверия. Дождь окончательно прекратился. Небо и горизонт просветлели настолько, что ему с трудом верилось, что для мальчика, лишённого очков, вокруг по-прежнему расстилалась непроглядная

ночь. Тем не менее он старался не забывать об этом и вовремя подсказывал Вэнди о встречных препятствиях, помогая обходить их или перешагивать.

Несмотря на то, что Вэнди сумел прийти в себя, на долгий утомительный путь он не годился. Ник мог бы попытаться нести его на руках, но прекрасно сознавал, что и сам так долго не выдержит. Вместо одного спотыкающегося путника их станет двое — только и всего. Им был необходим отдых, даже самый краткий. Ник постоянно думал об этом, но неотвязная мысль, что они всё ещё чересчур близки к базе Оркхага, гнала и гнала его вперёд.

Оглядываясь временами назад, он видел, как постепенно руины города превращаются в мутное возвышение. Они отошли от развалин бывшей пристани уже на вполне приличное расстояние. Справа бугрилась неровная, изрытая чёрными норами гора. А впереди, уже не очень далеко, высилась, преграждая им путь, высокая скала. Протянувшаяся гигантской полосой справа налево, она напоминала неприступную крепостную стену. Во всяком случае, в том состоянии, в котором они теперь находились, они действительно не готовы были на преодоление препятствий. Где-то среди иззубренного подножия этой гряды они должны были найти временное пристанище.

Глава 9

Ник сонно приподнял голову. День был в полном разгаре. Бывшее дно умершего моря парило клубами белесого пара, и город вдали укутался в плотную дымку. Ник спал возле самого входа в пещеру, а в прохладной глубине найденного ими укрытия лежал Вэнди. Сон был единственным их лекарством, и Ник искренне надеялся, что пробудившись, мальчик окончательно придёт в себя.

Глаза его скользнули по декоративному узору пояса. Красноватого оттенка пух покрывал пёстрые разводы и кожаные петли накидки. Тот же пух, но более густой и пышный, виднелся на ботинках. Хотя они и умылись в лужах дождевой воды, смыть жирные, налипшие на одежду пятна они не смогли. Видимо, на время пребывания на Дисе им придётся распроститься с элементарной чистоп-

лотностью. Условия планеты не позволяли ни как следует простирать одежду, ни как следует высушить её.

Дымка становилась всё гуще, плотным туманом покрывая окрестности. Здесь были бессильны и очки. Ник уныло подумал о том, что кто угодно теперь может беспрепятственно подкрасться к ним и, выждав удобный момент, напасть. Ему начинало казаться, что и слух подводит его. Нику мерещились шорохи и звуки, в существовании которых он откровенно сомневался.

Впрочем, все его страхи вполне могли оказаться безосновательными. За всё время, что они провели в уютной пещере, лишь раз их побеспокоила необычного вида тварь, вооружённая огромными изогнутыми когтями. Осмотрев их маленькими глазками, она прыгнула, но луч бластера отбросил её на камни. И тут же отовсюду начали выползать маленькие зверушки, которые не замедлили устроить настоящее пиршество возле обожжённого тела хищника. Это нападение лишний раз напомнило, что им не следует забывать об осторожности. Ник спал вполглаза, держа палец на спуске. Воображение его работало вовсю, оказывая недобрую услугу хозяину. Обеспокоенный мозг не выходил из напряжённого состояния, и внутреннему взору то и дело представлялись невиданных размеров чудовища, вооружённые множеством оскаленных голов, шипастыми крыльями и тяжёлыми когтистыми лапами. Если существовал предел прочности человека, то Ник давно уже достиг его. Проснувшись в очередной раз и с тревогой прислушавшись к шепчущей на разные голоса тишине, он подумал, что долго так не выдержит. Надо разбудить Вэнди и передоверить это дежурство ему. Спать без охраны — это непозволительная роскошь для них.

Он с сомнением поглядел в сторону посапывающего мальчика. Не уйдёт ли он отсюда, как и в тот раз? Вэнди видел приземляющиеся корабли, и Ник не мог знать, поверил ли мальчик в его объяснения о войне двух группировок. Если он убеждён, что звездолёты принадлежат людям его отца, он может попытаться покинуть его и теперь. Ник более не строил иллюзий. Влияние «Хакона», его мифический авторитет здесь, на Дисе, уже мало чего стоили. Мальчик относился к нему с подозрением, которое

росло или уменьшалось в зависимости от обстоятельств. Он вынужден был терпеть общество Ника, потому что не имел под рукой никого более. Каков ни был этот «подозрительный» Хакон, но он делил с мальчиком трудности и, рискуя собой, защищал от врагов. Вэнди безусловно нуждался в нём и будет нуждаться и далее до тех пор, пока не повстречает кого-нибудь, кого знал раньше.

Мозг Ника устало застыл на перепутье перед двумя дорогами, двумя решениями, не в силах остановиться ни на одном. Сознание его висело на волоске, балансируя над бездонной, влекущей пропастью. Последним усилием он заставил себя протянуть руку и коснуться ноги спящего.

— Вэнди, придётся немного подежурить и тебе. Я просто валюсь с ног...

Чуть позже, уже без очков, он отполз в глубину пещеры и вытянулся со сладостным вздохом. Он не был даже уверен, что Вэнди правильно понял его и занял наблюдательный пост у входа. Всё это было уже далеко, очень далеко. Веки, словно налитые свинцом, скрыли от утомлённых глаз всё и вся. Последней мыслью мелькнуло воспоминание о бластере и о спуске, на котором устало подрагивал палец.

Ему снилось что-то бесформенное, надвигающееся на него мохнатой тяжестью, наполняющее сердце и разум трепещущим ужасом. Зубастый змееподобный зверёк, хихикая, приблизился к его ноге и начал дёргать за каблук. Ник недовольно взбрыкнул ногой и проснулся.

— Хакон!

Вэнди и впрямь дёргал его за башмак. Еле поднявшись, Ник ладонями протёр глаза. Кругом снова лежала мгла, нарушаемая изредка люминесцентными искристыми вспышками.

— Хакон! Посмотри туда! Там...

Ник скорее угадал, чем увидел чернеющий контур фигуры мальчика. Рукой он показывал в сторону выхода, но что он имел в виду под этим «там» Ник не знал. Дважды моргнув, он постарался собраться с мыслями.

— Я не вижу, — пробормотал он угрюмо.

— Здесь, держи, — очки легли ему в ладонь.

Торопливо надев их, он обернулся в указанном направлении. Глаза шарили по окрестностям, отыскивая так

взволновавшее мальчика явление. Он готов был увидеть что угодно, но не увидел ничего, кроме песка и камней.

— Где же... — начал было он, но замолк. Он увидел ЭТО. А вернее — ИХ!

Неподалёку от окаймлённой скалами расщелины, лицом к тому, что когда-то было морем, стояла троица необычного вида существ. Туловища у них были неестественно прямыми, головы они держали высоко поднятыми. Резко вскинув бластер, Ник взял на прицел ближайшего из троицы, хотя его несколько удивила их неподвижность. Они, казалось, даже не дышали, и ветер не шевелил их пышные, ниспадающие на плечи потоком локонов гривы. Они не были живыми! Сообразив это, Ник опустил оружие.

Вероятно, один из древних местных художников создал этот ансамбль из камня или другого материала. Статуи чем-то напоминали существ, которые пытались окружить юношей в развалинах города, отличаясь разве что более величественными размерами и пропорциями. На фоне светлых и оранжевых скал тела их казались почти коричневыми, глаза сверкали подобно драгоценным камням. Может быть, этот блеск неживых глаз и придавал им такую реальность. Эта троица кого угодно могла ввести в заблуждение. Береговые охранники, воздвигнутые здесь, как символ власти, призванный отпугивать нечаянных пришельцев. Монумент в честь какой-нибудь давней победы...

Ник пригляделся. Там, за фигурами окаменевших существ было ещё что-то. Или кто-то... Тень от скалы закрывала этот участок, не позволяя рассмотреть толком находящееся за статуями. Вероятно, эта же самая тень недавно прикрывала фигуры троицы. Вот почему Ник увидел их только теперь.

— Мне придётся выйти туда и взглянуть на кое-что, — медленно проговорил он.

— Но животные — они увидят нас, — возразил мальчик.

— Они действительно выглядят неплохо, совсем как живые, но это всего лишь подобие памятника. Зато недалеко от них, мне кажется, есть что-то более интересное.

— Я пойду с тобой, — заявил Вэнди.

Ник со смущением поглядел на путь, который должен был проделать лишённый «зрения» мальчик. Неровный

склон, усыпанный острыми обломками скал. Даже зрячему здесь будет не так-то легко пройти без ссадин и синяков. Что же говорить о Вэнди? Они не могли разорвать очки пополам. И всё же по решительному виду Вэнди он понял, что мальчика не переубедить.

— Хорошо. Но это будет не так-то просто, — сняв с себя очки, он протянул их Вэнди. — Постарайся получше запомнить местность.

Вэнди послушно осмотрел склон и вернул очки.

— Мы пройдём, — сказал он просто. Ник невольно позавидовал его уверенности. Привязав мальчика к себе длинной, оторванной от одеяла полосой, он выбрался наружу, и, осторожно ступая, они двинулись в путь. Вновь подняв голову, Ник обратил внимание на то, что тень от скалы чуть-чуть сместилась. И теперь...

Он резким движением навёл бластер, но от выстрела удержался. Высокое мастерство неизвестного скульптора вновь обмануло его. Действительно, позади статуй стояло ещё что-то, но и оно было лишь каменным произведением ваятеля. Тёмная неподвижная фигура.

Ник сделал ещё один шаг и, прищурившись, затаил дыхание. Он готов был поклясться, что секунду назад фигура, которую он только что разглядел, была без головы. Теперь же голова была на месте, и он тут же с ужасом убедился, что она поворачивается в их сторону. Большие выпуклые глаза внимательно осматривали скалы. Ник со вздохом утёр взопревший лоб. Только сейчас до него дошло, что один из здешних хищников, из тех самых, что они видели в руинах, использовал каменный постамент, как высокий наблюдательный пост. Увидел ли он их?.. Ник за руку потянул Вэнди за ближайшую скалу. Ввязываться в схватку с вышедшими на охоту обитателями Диса у него не было никакого желания. С другой стороны и здесь между валунов и камней сохранялась опасность встречи с ними. Вот если бы они находились на открытом месте, тогда бы Ник был спокоен за себя и за Вэнди. Пока в руках у них бластеры, любой замеченный хищник будет уступать им в силе. Главная задача — заметить его вовремя!

Самым тихим шёпотом он поделился с Вэнди мыслями по поводу обнаруженных хищников. Он не сомневался, что зверь был не один. Пожалуй, им следовало покинуть

эти гостеприимные скалы. На открытом пространстве бывшего морского дна они смогут с лёгкостью противостоять любой атаке. Единственное «но» заключалось в том, что отрываясь от береговой линии, они рисковали заблудиться. Продукты у них подошли к концу. Дождевые лужи могли дать воду, но им нужна была пища. Правда, у Ника оставалась слабая надежда, что прячась неподалёку от базы, они могли бы время от времени добывать пищу под носом у Оркхага. Удаляясь же в сторону моря, они теряли и эту слабую надежду.

Он снова посмотрел в сторону неподвижной фигуры. Она опять была безголовой. Этот факт и заставил Ника действовать. Объяснив Вэнди свои намерения, он решительно двинулся от скал по направлению к открытым равнинам. Выйдя на равнину, они пошли быстрее. Земля здесь была более ровной, а главное — Нику не приходилось постоянно предостерегать Вэнди, предупреждая о трещинах и камнях. В спину им мрачноватыми светящимися глазами продолжали смотреть статуи. Дымка, ещё недавно окутывающая землю, практически рассеялась, позволив им почувствовать себя немного увереннее. Ник решил идти в глубь моря, но тем не менее, стараться не терять береговую линию из виду.

Спустившись ниже, они увидели проблески воды. Дождевые потоки образовали здесь целое озерцо, но как ни странно, растения селились вокруг него ещё более скудно. Примерно через полчаса они миновали огромную скалистую возвышенность, поднимающуюся из середины озера. Когда-то вершина этой возвышенности, вероятно, была маленьким островком.

Не замедляя движения, время от времени Ник не забывал оглядываться. Два или три раза ему почудилось какое-то смутное шевеление у далёких камней. Возможно, кто-то шёл по их следам и до поры до времени старался остаться незамеченным. Если это стая тех мохнатых зверушек, то здесь, на открытой низменности они получат своё. В том обстоятельстве, что они покончили с остатками концентратов, имелось и своё маленькое преимущество. Отныне Нику не приходилось нести громоздкий узел. Одной рукой он помогал пробираться вперёд Вэнди,

вторую не снимал с рукояти бластера. За время скитаний кос-какой навык в самообороне они успели приобрести.

— Хакон, у нас ничего на осталось из съестного? — Вэнди вслепую прикоснулся к его плечу. — Я голоден.

Ник машинально лизнул пересохшие губы. Последний раз они перекусили перед сном в той маленькой пещерке, оставшейся далеко позади. Вопрос о еде был сейчас, пожалуй, самым сложным. Нику уже не в первый раз приходила на ум мысль попытаться использовать в пищу кос-что из растительности на Дисе. И всякий раз он чувствовал при этом брезгливое отвращение. Оставалось ещё мясо. Мясо хищников, которые в свою очередь пытались полакомится двумя блуждающими путниками. Мысль эта так же не приводила в восторг, но, когда приходится выбирать между жизнью и смертью, с капризами желудка перестают считаться.

— Потерпи, — Ник постарался сказать это как можно спокойнее. — Что-нибудь мы обязательно найдём...

Крик Вэнди заставил его вздрогнуть. Нервы у обоих давно уже находились в натянутом состоянии. Чуть впереди на мелководье происходило маленькое сражение. Хлопая широкими крыльями, вся в грязных торчащих перьях тварь атаковала нечто бьющееся в воде. Наконец одна из атак завершилась успехом. С судорожно извивающейся добычей в когтях тварь взмыла в воздух. Две другие такие же сразу помчались вдогонку, стремясь, вероятно, заставить ловца выпустить добычу. Удачливый охотник, испуская пронзительный клёкот, метался в высоте, старательно избегая своих завистливых преследователей. Но тяжесть в когтях отвлекала его внимание. Ник увидел, как одна из тварей, набрав высоту, сделала стремительный рывок вниз. В попытке увернуться охотник неловко скользнул в сторону и с шумом столкнулся со своим преследователем. На миг в воздухе возник ком из трепещущих тел. Клубок дерущихся хищников, теряя перья, рухнул вниз, неподалёку от того места, где остановились Ник и Вэнди. Одна из тварей, отделившись от мешанины сплетённых когтей, внезапно кинулась на Ника. Слепая необузданная ярость её маленького мозга бессознательно перекинулась на случайного человека. Она была уже совсем рядом, когда бластер Ника ударил коротким ослепительным пучком,

отбросив существо на безжизненный песок. Подбежав к месту схватки, он склонился над тем, из-за чего, собственно, и разгорелось сражение. Чешуйчатое, очень похожее на рыбу существо, разве что с более массивной головой. Вовремя взглянув в сторону дерущихся, он едва успел отскочить. Одна из птицеподобных тварей, странно подволакивая подраненное крыло, попыталась броситься на него и промахнулась. Ник выстрелил в неё и быстро перевёл оружие на последнего из хищников. Но тот уже улепётывал, высоко подпрыгивая и резкими взмахами крыльев пытаясь оторвать себя от земли.

— Хакон! Что происходит? Где ты?! — Вэнди не на шутку перепугался. Это слышно было по его голосу.

— Мы добыли себе пропитание, дружок, — Ник поднял с земли тяжёлую тушку рыбины. Рассказав Вэнди о драке пернатых, он дал мальчику прикоснуться к рыбе.

— Ты уверен, что её можно есть, Хакон?

— Думаю, что да, — Ник постарался не выдать колебаний в голосе. Всё, что они попробуют здесь на Дисе, может оказаться ядом, но им надо было как-то жить, обходясь без концентратов. Когда-нибудь они всё равно бы решились на этот шаг.

— Но как мы её приготовим?

Ник ответил не сразу. У него самого не поворачивался язык, чтобы объяснить, что они вынуждены будут съесть её сырой. Когда же он это сказал, Вэнди от удивления выронил рыбу на землю.

— Сырой?

— Но не здесь и не сейчас, — быстро добавил Ник. Он действительно не собирался начинать трапезу в месте, где в любой момент их могли атаковать другие хищники. Подвесив рыбу на пояс, он потянул Вэнди за собой.

Через сотню-другую шагов они пронаблюдали ещё одну схватку на мелководье. На этот раз пернатых хищников было гораздо больше. Ник обратил внимание, что строением тела и размером крыльев они несколько отличались от тех, первых. Кроме того, он заметил, что летая над водой, они стараются не касаться её до самого последнего момента атаки. В движениях их просматривалась опасливая осторожность, словно озеро таило в себе некую угрозу. Это напомнило Нику о хищниках, которые могли пресле-

довать их, хоронясь за камнями и песчаными дюнами. Он стремительно обернулся.

Расстояние до них было ещё достаточно велико, но, видимо, покрытые густым мехом преследователи не считали более нужным скрываться. Двое из них стояли уже над трупом подбитой Ником твари и, принюхиваясь, скалили зубы.

— Пожалуй, нам следует поторопиться.

Ник беглым взором оглядел местность и кивнул на ближайшую возвышенность.

— Мы укроемся там.

День клонился к концу, и им действительно пора было задуматься о ночлеге. Цвета дня всё больше тускнели, невидимое солнце покидало их, скрываясь за горизонтом. Он снова кинул взгляд на идущих по их следам. Их стало уже гораздо больше. Стоя кружком, они поедали крылатого охотника, терпеливо уступая друг другу место возле туши. Это совсем не походило на ту дикую «трапезу», что ещё совсем недавно Ник имел удовольствие лицезреть. Не было ни драк, ни делёжки, ни грызни. Во всяком случае, эти меховые создания разительно отличались от обычных хищников. Ник хорошо помнил тот странный танец, которым они заворожили Вэнди. И кроме того... Ник кашлянул. Кроме того, они походили на те высившиеся среди камней и песка статуи. Может быть, в древности аборигены почитали этих животных настолько, что нашли уместным соорудить в их честь некое подобие мемориала? Ведь есть же на некоторых планетах животные, которых почитают священными и которые наделены правом неприкасаемости...

— Я не могу идти так быстро, — Вэнди даже заикался от усталости. Споткнувшись, он чуть-чуть не упал.

Понимая, как необходимо им найти убежище до наступления двойной тьмы, Ник торопливо подхватил его под мышки. До возвышенности было уже рукой подать. Задыхаясь, в несколько приёмов они вскарабкались по осыпающимся откосам и устроились в конце концов под каменным козырьком огромного валуна.

Отсюда, привстав, он оглядел с возвышенности открывшийся перед ним вид. Хищники с густым поблёскивающим мехом по-прежнему неторопливо семенили по их

следу. Ник не сомневался, что у него найдётся, чем их встретить. Справа к возвышенности вплотную подходило озеро, слева был довольно крутой склон. Чтобы добраться до них, преследователям надо было или переплыть озеро, или взять штурмом эту высоту. Ник удовлетворённо присел. Во всяком случае, они нашли лучшее из возможных укрытий.

Отцепив рыбину от пояса, он достал нож и быстро очистил её от крупной, поблекшей с наступлением тьмы чешуи. Нарезав беловатое мясо на ломтики, он со вздохом взглянул на сидящего в ожидании Вэнди.

— Если мы не хотим умереть от голода, нам придётся приучать себя и к такой пище.

Глава 10

— Вэнди! Что с тобой, Вэнди!

Придерживая мальчика за плечи, Ник с тоской ожидал, когда прекратятся жестокие конвульсии. Он никогда ещё не видел подобных приступов. Чувство вины росло в нём с каждой минутой. Те несколько кусочков рыбы, которые он дал Вэнди, казалось, содержали в себе тройную дозу яда. Но те же кусочки на самого Ника не оказали никакого пагубного воздействия.

Вэнди лежал ослабевший, негромко постанывая, а Ник, растерянный и испуганный, беспомощно стоял над ним. Может быть, попытаться дать ему воды? Но не вызовет ли она новый приступ? Ник всерьёз опасался, что ещё один приступ окажется роковым для его юного спутника. Вернуться назад в убежище? В этом действительно имелась хоть какая-то надежда. Только там, на базе Оркхага мальчику могли предложить лекарства и квалифицированную помощь. Стоило ли ему бояться опустившихся кораблей? Кто знает, может, на их борту находились сподвижники Лидса...

Голова Вэнди обессиленно перекатилась на его плечо, и, присев рядом, Ник постарался устроить мальчика поудобнее. Придерживая Вэнди за затылок, он кинул нахмуренный взгляд в обступившую их со всех сторон ночь. Если он понесёт Вэнди на руках, возвращаясь по собственным следам, он не сомневался, что рано или поздно повстре-

чается с хищниками. А почему бы не предположить, что эта рвота лишь временное явление? Если он, Ник, чувствует себя прекрасно, значит, никакого яда не существует, а раз так, Вэнди должен вскоре почувствовать себя лучше.

Он вздрогнул: Как долго тянулся этот звук? Полностью погружённый в свои мысли, он обратил на него внимание только сейчас. Ветер доносил обрывистый плеск снизу, со стороны озера. Высвободив правую руку, Ник вытащил из-за пояса бластер и выглянул, чуть приподнявшись над камнями. Было нетрудно увидеть источник звука. Чёрная понурая фигура двигалась вброд по отмели, пошатываясь, иногда падая и вновь подымаясь.

Человек!

На таком расстоянии Ник не мог разглядеть подробностей. Пока он видел лишь то, что человек был один. Внезапная догадка вспышкой высветилась в мозгу. Человек, движущийся в этом направлении, вполне мог быть пилотом того самого подбитого крафта. Приблизившись к песчаному откосу, человек поднял голову, рассматривая выросшее перед ним препятствие. Ник с облегчением убедился, что это не Оркхаг и не кто-то из его людей. Глаза человека прикрывали такие же очки, как и у Ника. Вероятно, решив про себя, что в этом месте подъём непреодолим, человек заковылял вдоль склона, постепенно приближаясь к тому самому спуску, к которому в своё время вышли Ник и Вэнди. Ник видел, что каждое движение даётся ему с огромным трудом. Цепляясь руками за камни, он то и дело останавливался, хватая широко распахнутым ртом ускользающий воздух. Настороженно наблюдая за приближением незнакомца, Ник прислонил успокоившегося Вэнди к валуну и с бластером в руках залёг у самого края откоса.

— Хакон?

Поражённый, Ник быстро оглянулся на Вэнди, хотя целиком был уверен, что голос принадлежал стоящему внизу мужчине. Привстав, он уставился в обращённое к нему лицо незнакомца.

— Капитан Лидс!

— Собственной персоной, малыш. Но, увы, не совсем целый. Боюсь, что тебе придётся оказать мне небольшую услугу. Без твоей помощи я просто не доползу до вашего

гнёздышка. А укрытие нам всем понадобится и очень скоро.

— Они идут за тобой?

— Идут. Правда, это не те, про кого ты думаешь. Это не Патруль. На этом адском Дисе есть свои охотники, и парочка из них, похоже, движется по моим следам.

Ник съехал вниз по песку. Подхватив капитана под мышки, он с усилием, но бережно потянул его вверх.

— Ты тяжело ранен?

— Ерунда! Вывихнул ногу, когда навернулся на эту чёртову планету. Ужасно не люблю чувствовать себя больным и беспомощным, а тут ещё эти ночные твари. Один раз мне удалось отпугнуть их, но эти бестии не собираются терять надежду. У тебя есть какое-нибудь оружие?

— Два бластера. Правда, не знаю, много ли в них осталось энергии.

Лидс вскинул голову.

— Два бластера?! Отлично! Это, пожалуй, самая приятная новость, которую я узнал с тех самых пор, как покинул Корвар. Может быть, удача ещё не совсем отвернулась от нас... Дела обстоят не слишком хорошо, малыш. Во-первых, Патруль засёк меня на орбите и выслал за мной три корабля крейсерского класса. Все эти дни я тщетно петлял и уворачивался от их атак... Дай-ка мне руку...

Кое-как они одолели подъём, и по тому, как тяжело дышал Лидс, Ник понял, что капитан держится из последних сил. Увидев примолкшего Вэнди, он грустно кивнул. Опустившись на землю, Лидс внимательным взглядом окинул окрестности.

— Вы выбрали самое лучшее место, ребятки. Любой, кто попытается стащить нас отсюда, окажется в пределах досягаемости ваших пушек, — он покосился на Вэнди и шёпотом спросил: — А что с ним?

Ник рассказал о взрывах, о беспамятстве Вэнди и, наконец, о том, как они отведали дисианской рыбы.

— Стало быть, у тебя больше нет продуктов, — задумчиво проговорил Лидс. — Видишь ли, я уже рассказывал тебе, что Вэнди заблокирован. Это достаточно серьёзная вещь.

— Заблокирован? — Ник ничего не понимал.

— Да. Причём от всего постороннего: от незнакомцев, от пищи и тому подобного.

— Но он ел всё то, что было в тех контейнерах, и прекрасно себя чувствовал!

— Это питание точно такое же, как на всех космических кораблях. Стандартный земной рацион. От этого, конечно, они не стали бы блокировать его. Это тот минимум, который позволен его организму. Всё остальное, включая и живность Диса, ему противопоказано.

— Да, но... — Ник замолчал, понимая всю беспомощность своих аргументов. С тупым отчаяньем он припомнил, с какой безрассудной бездумностью оставил несколько банок вдавленными в расщелины одного из склонов. Это было ещё в начале пути, и, торопясь, он использовал жестяные уступы, как ступени своеобразной лестницы. Тогда у них ещё оставался запас пищи, и, кроме того, он всегда надеялся, что они сумеют добыть пропитание в пути. Теперь же он ясно видел, что в тех оставленных на склоне банках заключалась жизнь Вэнди.

— М-да... — Лидс навалился спиной на камень и поджал под себя больную ногу. — Проблемка не из весёлых, но... Думаю, выход у нас есть.

— Выход? — Ник с надеждой посмотрел на него.

— Патрульные корабли высадили десант и наверняка уже овладели базой. Если так, то теперь у них найдётся время и для нас. Они могут выслать разведывательную экспедицию по нашим следам. И когда они доберутся до нас, мы поторгуемся с ними.

— Но каким образом? — в отчаянии воскликнул Ник. — Что мы можем им предложить?

— Вэнди. Сын лорда в обмен на нашу свободу! Ты поступил разумно, выбравшись с базы. Удача вновь свела нас вместе, и это поможет нам выкрутиться из создавшегося положения. У нас есть мальчик, и не забывай об этом! Все наши кометы перевесили их жалкие созвездия! Ты играл когда-нибудь в такую игру, Ник? «Звёзды и кометы»?

— Нет, но...

— Это игра для тех, кто верит в случай. Я верю в него, но ещё я верю в мастерство. Настоящий мастер должен уметь выбирать для себя врагов. Верный выбор обеспечит тебе знание всех их ответных шагов. Ты можешь загады-

вать наперёд, а, значит, можешь управлять и событиями! Я знаю, что Патруль согласится на многое ради мальчика. Ничего не поделаешь, Вэнди задействован в крупной игре. Он — нечто вроде важного залога.

— Залога?

— Даже больше, чем залога. Гильдия не прочь была вывести его навсегда из игры. Галактическая элита прочно держится за свою семейственность. Чистота крови и преемственность для них очень много значит. Мы знаем, что отец Вэнди держит ключевые позиции на Эбо. Он мешает Гильдии. И если он лишится сына, он лишится всего. Тем самым мы подтолкнём его к самоубийству.

— Но отец Вэнди мёртв, — недоумевающе произнёс Ник.

— Напротив, лорд Джеррел Аркама живее нас с тобой. По крайней мере, по последним сведениям чувствовал он себя вполне превосходно. Я услышал это от Искхага. Кстати, это он выплатил Гильдии кругленькую сумму за то, чтобы его избавили от мистера Аркама.

— Но тогда история, которую ты мне рассказывал вначале...

— Была всего лишь историей и довольно неплохой, если ты поверил в неё, — Лидс пожал плечами. — Поверь, наши ребята из Гильдии способны вытворять самые заковыристые штучки над человеческой памятью. Красивую сказку в меня записали, должно быть, чтобы я был пай-мальчиком, а заодно и для тебя. Я не более чем ты приветствую уничтожение детей. Но как бы то ни было, всё сложилось к лучшему. Пребывание здесь Оркхага и его мания величия не входила в наши планы, но он вынудил вас бежать и тем самым невольно спас от нагрянувших кораблей Патруля. Он своё получил. Получим и мы. Конечно, неприятно, что мальчишка заблокирован, но мы сможем держать его под замком до тех пор, пока Искхаг не добьётся своих целей — капитуляции гарнизона на Эбо. А тогда мальчишку можно будет отпустить. Я вовсе не желаю его смерти, — Лидс устало улыбнулся. — Всё, что нам нужно сейчас, это чтобы Патруль поскорее вышел на нас. И тогда мы найдём, о чём с ними потолковать.

— Но если они придут и пообещают выполнить твои условия, ты вернёшь им мальчика?

Лидс рассмеялся.

— Неужели я выгляжу таким глупцом? А, Ник? Всё будет несколько иначе. Мы не вернём им мальчишку, пока не получим корабль. И только оторвавшись от них, мы мирно и тихо отправим Вэнди в скафандре с маяком в одну сторону, а сами поспешим в другую. Они помчатся за ним по сигналам своих локаторов. К тому времени, когда они догонят его, мы уже будем в безопасности. План, конечно, не без недостатков, но это — лучшее, что приходит сейчас в голову.

— Лидс, но пока они не вышли на нас, Вэнди нужно хоть что-то есть. Он может просто не дождаться помощи...

Капитан прикрыл ладонью глаза. Молчал он, должно быть, минут пять, и Ник не тревожил его, предоставив время на раздумья. Всё-таки присутствие Лидса намного облегчило его положение. Ответственность, которая до сих пор лежала на его плечах, теперь основательной своей частью перелегла на плечи капитана.

— Я выпрыгнул из крафта, когда он уже пылал, — глухо заговорил Лидс. — На борту имелся кое-какой запас, но он сгорел вместе с аппаратом... Ты говорил, что оставил несколько банок в трещинах, когда вы карабкались по скалам. Пожалуй, сейчас, чтобы спасти Вэнди, это единственный способ достать годное для него питание. Конечно, Патруль мог уже прочесать тот район, но если двигаться осторожно...

— Ты хочешь, чтобы я отправился туда?

Лидс кивнул.

— Увы, из нас троих ты один способен двигаться. Я даже не спущусь с этого склона. Сейчас ты — единственный шанс этого паренька. Я буду ждать тебя здесь.

Должно быть, на лице Ника промелькнула тень сомнения. Слишком уж много неожиданных новостей сообщил ему Лидс. Капитан снова заговорил. На этот раз голос его звучал несколько торжественно. Он явно хотел, чтобы Ник поверил в его искренность.

— Клянусь чем угодно, что любая сделка, которую я совершу, будет иметь в виду нас обоих! Помни, шанс выкрутиться сейчас подарил мне ты. Поэтому мы выберемся из этой передряги вместе. А если патрульные схватят тебя, скажи им правду о Вэнди и о том, где он находится.

Они явятся сюда и будут вынуждены говорить со мной. Как бы то ни было, в этом деле мы для них — никто. Они охотятся за Искхагом, и в случае чего ты можешь даже намекнуть им, что я не прочь немного потрудиться в их интересах. Не очень-то мне по душе покрывать тех, кто отдаёт приказы об убийствах малолеток... Но это запасной вариант. Мне по-прежнему кажется, что ты — герой из удачливых, и вернёшься благополучно.

Лидс наклонился к Нику и ладонью откинул упавшую на глаза юноши чёрную прядь.

— Если попадёшься им в руки, скажи, что Вэнди не очень-то тут счастлив. Пусть поторопятся. Это устроит нас всех.

Ник сидел тихо, опустив голову. Лидс убедил его. Но поддаться его словам — означало покинуть их здесь на возвышенности и отправиться в ночь, опять навстречу всему тому, что они оставили позади. Кроме того, он всё ещё в душе сомневался в правдивости очередной услышанной от капитана истории. Он поверил ему и тогда, на Корваре. А ведь речь шла о самом важном для него — новом лице!

Лидс словно услышал его мысли.

— Ты ведь не хочешь вернуться в свою прежнюю жизнь, Ник?

Юноша вскинул загоревшееся лицо.

— Но ведь у нас ничего не вышло! Весь план развалился. Гильдия палец о палец не ударит теперь, чтобы как-то помочь мне!

Он с напряжением ждал, что скажет на это капитан, и капитан не собирался отмалчиваться.

— Напротив! План действительно полетел к чертям, но разве по твоей вине? Ты сделал своё дело честно, как обещал, ты сохранил для нас Вэнди. Гильдия может злиться на Оркхага, но только не на тебя. Я тоже собираюсь замолвить словечко за Ника Колгерна, так что Гильдии придётся выполнить своё обещание. Но если мы будем сидеть здесь и дальше, мы потеряем Вэнди и, стало быть, потеряем всё, — Лидс качнул головой. — Это и в твоих интересах, как видишь. Ты выполнишь свою часть сделки, Гильдия — свою.

Ник и без того видел, что ничего другого ему не остаётся.

Лидс разложил всё по полочкам, но главное Ник знал и без него: Вэнди не может долго оставаться без пищи, капитан не может самостоятельно передвигаться, значит, задача возлагается на него — Ника Колгерна. Подняв голову, он угрюмо всмотрелся в черноту ночи. Очки на глазах ненамного улучшали видимость. Он всё ещё не оправился после трудного дня, а усталый человек делает ошибки сплошь и рядом. Он хуже слышит и видит. Так что поход предстоял нелёгкий. Если он погибнет, пользы не будет ни ему, ни Вэнди.

— Я пойду утром, — пробормотал он.

— Прекрасно! — Лидс не собирался спорить. Для него тоже было очевидно, что идти ночью, со слипающимися от усталости глазами, невозможно. — Вполне возможно, что к утру они сами выйдут на нас. Таким образом, вопрос решится сам собой.

Пошевелившись, Вэнди привстал на локтях.

— Хакон, — он говорил сиплым шепотом.

— Я здесь, — отозвался Ник.

— Я хочу пить.

Лидс отстегнул от своего пояса флягу и протянул Нику.

— Это вода из озера.

Приподняв голову Вэнди, Ник поднёс к его губам флягу. Сделав несколько торопливых глотков, Вэнди снова прилёг.

— Болит, — тихо проговорил он. — Вот здесь, в груди. Наверное, я очень сильно отравился.

Ник наклонился над ним.

— Это пройдёт. Попытайся заснуть.

Но Вэнди по-прежнему не закрывал глаза. Наоборот, он снова чуть привстал.

— Здесь кто-то есть... Кроме тебя... — он повернул лицо в сторону Лидса, и глаза его расширились. Он словно пытался проникнуть взором сквозь плотную мглу. — Он здесь! Рядом!

— Да, — сказал Ник. — Крафт капитана Лидса потерпел крушение, но он сумел добраться до этого места.

— Капитан Лидс, — хмуро повторил мальчик. — Он один из тех людей, из тоннеля...

— Он не из них, Вэнди. Он тот, кого мы ждали.

Опершись на руку Ника, Вэнди порывисто сел.

— Он один из тех! — вновь выкрикнул он обвиняюще.

— Нет, — быстро возразил Ник. — Ты ошибаешься. Капитан Лидс прилетел сюда с намерением освободить нас. Он наш друг, Вэнди.

— Но он был одним из тех, что...

Речь Вэнди походила на горячечный бред, и Ник успокаивающе поглаживал его по руке. Нужно было во что бы то ни стало переубедить мальчика, иначе он просто не захочет оставаться с Лидсом один на один.

— Поверь мне, ты ошибаешься. Он только казался таким, но сейчас он хочет помочь нам. Помнишь, мы ждали его прибытия? Но за ним тоже была устроена погоня. Его ранили, и он, как и ты, не может идти далеко.

— Хакон! — Вэнди повернулся к Нику, и глаза мальчика почти встретились с его глазами. — Ты можешь поклясться в этом Тремя Словами?

Ник почувствовал, что краска заливает его лицо. Несмотря на всё произошедшее с ними, этот мальчик по-прежнему цепко держался за свои фантазии. Мир грёз был его последним прибежищем и бастионом. Одним из камней этого бастиона продолжал оставаться он, Ник-Хакон. И, отвечая, он должен был говорить горячо и искренне.

— Я клянусь тебе в этом Тремя Словами!

— Теперь ты веришь мне, Вэнди? — спросил Лидс, и Ник уловил в его голосе знакомые ещё с Корвара очаровывающие нотки. — Хакон сообщил тебе правду. Я пришёл сюда, потому что хотел помочь вам. Но я попал в переделку, чего никак не ожидал, и потому тоже на время вынужден хорониться в укрытии, вроде вашего. Теперь, мой мальчик, нам придётся продержаться здесь какое-то время вдвоём.

— Хакон! — пальцы Вэнди вцепились в плечо Ника. — Ты собираешься куда-то уйти?

— Как только наступит утро, я отправлюсь на разведку, — Ник не знал, стоит ли говорить Вэнди о той блокаде, что препятствует нормальному питанию мальчика. Если до сих пор Вэнди ни словом не упомянул об этом и безропотно попытался съесть часть рыбы, не стоило и пугать его.

— Зачем? — Вэнди всё ещё держался за него.

— Мы должны быть осведомлены обо всех передвиже-

ниях противника, — ответил он. — Капитана Лидса могли проследить до самого озера.

Прозвучало это не совсем убедительно, но лучшего он не сумел придумать.

— Разведка может очень нам помочь, — подтвердил Лидс. — Кроме того, Хакон попытается отыскать кое-что из продуктов, которые мне пришлось оставить из-за своей ноги.

Вэнди с отчаяньем в голосе тяжело вздохнул.

— Но это... это ведь не сейчас, а только утром?

Хватка его ослабла, и Ник с готовностью кивнул:

— Утром.

Глава 11

Ник торопливо шагал, с трудом преодолевая желание обернуться. Курган, где прятались Вэнди и Лидс, остался за спиной. Перепрыгивая через высохшие русла недавних дождевых потоков, он настороженным взглядом окидывал лежащий впереди путь. На этой планете солнечных восходов не существовало. Воздух просто становился светлее и более густым, чем обычно; туман напоминал о том, что наступило утро. Но, несмотря на дымку, обзор был вполне достаточный. Во всяком случае, Ник не сомневался, что успеет вовремя заметить опасность. В определённой степени туман играл ему на руку, позволяя незаметно проделать большую часть своего пути.

Разглядывая окружавший его ландшафт, Ник пытался представить себе как выглядел этот мир до постигшей его трагедии. Конечно же, здесь были моря и реки, шумели населённые города, и жители, обладая совершенно иным зрением, безусловно видели солнце, окружающие их горы, равнины. Этот мир был для них таким же ясным и чистым, как для большинства обитателей галактики — их родные миры. Уже только из своих беглых наблюдений Ник вполне мог сделать вывод, что цивилизация, обитавшая на Дисе, достигла к моменту катастрофы достаточно высокого уровня развития. Они воздвигали города, сооружали величественные памятники.

Возможно, кое-кто из прежних жителей этих городов до сих пор уцелел в глубинах катакомб. Их можно было только

пожалеть. Лишившись практически всего, они вынуждены были влачить жалкое существование. Разговорившись этой ночью с капитаном, он попытался вытянуть из того что-нибудь об этой загадочной, окутанной вечным мраком планете. Но Лидс оказался никудышным источником сведений. Он знал лишь, что открытие Диса произошло случайно, и открыли планету не поисковые корабли, а корабли Вольных Торговцев, которые рыскали по всему звёздному небу в надежде наткнуться на перспективные земли. А поскольку открытие произошло в неофициальном порядке, то и в каталоги планета не попала. Однако Гильдии Дис был известен, так как все свободные предприниматели почитали за честь добрые отношения с верховной властью воровского сообщества и, не скупясь, делились с ней ценной информацией. Таким образом, Дис постепенно превратился в один из центров нелегальной торговли.

Чуть позже, в одной из экспедиций, в которой принимал участие и Лидс, было открыто то самое место, где сейчас располагалась база. Гильдия с радостью ухватилась за возможность использовать фактически готовое укрытие. Небольшая модернизация внутренних помещений, и на свет появилась знакомая Нику база — опорный пункт Гильдии на Дисе. Тоннели и их зубастые жители воровское сообщество не интересовали. Напротив, многие из пиратской братии относились к чёрным ночным загадкам Диса с явной опаской. С изобретательностью, демонстрирующей истинный дух Гильдии, была в скором времени придумана и своеобразная мера наказания. Провинившегося человека выставляли за дверь без очков и без оружия. Участь его была заранее предрешена. Никаких же особых исследований планеты по утверждению Лидса не проводилось.

Таким образом, и торговцы и все прочие, посещающие планету, фактически знали лишь очень небольшую её часть... И Ник снова, в который уже раз, с сожалением подумал, что если бы Вэнди не был заблокирован, они вполне смогли бы выжить в этих суровых условиях. Впрочем, нужно ли это было самому Вэнди? Теперь-то он знал, с какой целью прибыл Патруль. Мальчика увезли бы обратно к яркому солнцу, вкусной пище и тёплым морям.

Часть же скрываться и обороняться оставалась для него Лидсом...

Обострившееся за время пребывания на Дисе чутьё подсказало Нику, что что-то впереди не так. Немедленно остановившись, он положил ладонь на рукоять бластера. Куст слева от его маршрута выглядел более чем странно. Приглядевшись повнимательнее, Ник понял, в чём заключалось его отличие. Вся местная растительность, увиденная им до сих пор, как правило фосфоресцировала, испуская слабое свечение зеленоватого или багрового оттенков. Этот же куст был тёплого желтоватого цвета. И...

Пятно цвета чуть заметно перемещалось!

Сначала желтизна находилась слева ближе к земле, но через несколько секунд она передвинулась чуть выше, оказавшись в средней части куста. Ник проследил, как жёлтый цвет медленно пересёк весь куст и сосредоточился в правой половине. И дело тут было не в цвете. Ник был почти уверен, что нечто постороннее меняло своё положение за кустом, или, может быть, перемещалось в гуще его мясистых листьев.

Ник проделал несложный эксперимент. Быстрыми шагами он обогнул куст и замер, наблюдая за реакцией цветовых пятен. И он не ошибся в своём ожидании. Свечение вновь пришло в замысловатое движение, пытаясь угнаться за шагом Ника.

Внимательно рассматривая куст, он ощущал всё возрастающее беспокойство. Но почему какое-то перемещающееся свечение так взбудоражило его? Мало ли здесь разных тварей... Правда, эта тщательно избегала его взгляда, продолжая оставаться невидимой. Ник тщательно осмотрел всю равнину, где стояли похожие кусты, и вздрогнул. Он увидел то, чего смутно ожидал. Таинственное сияние исходило и от других кустов. Это походило на множество глаз, в упор разглядывающих остановившегося перед ними человека.

Он мог бы отойти к обрыву — только таким образом он в состоянии был обойти все эти загадочные кусты стороной. Был и более простой выход. Одним лёгким нажатием он мог испепелить подозрительный кустарник, но ему не хотелось совершать необдуманное нападение. Могло оказаться так, что то живое, что селилось среди этой расти-

тельности, было вполне безобидно. Ник повернул голову.

Свист, тонкий, почти неслышимый, долетел до его сознания. Некий призыв, отозвавшийся в мозгу пульсирующей болью. И ещё раз — словно ржавый длинный нож прошёлся смычком по его нервам. Теперь все эти сияния и огоньки замерли, уподобившись чужому и неприятному пристальному взгляду. Ник понимал, что в любой момент можно ожидать атаки. Были ли это хищники, покрытые мехом, или какие-то другие неизвестные ему твари, он не знал.

Шагнув к обрыву, он в нерешительности остановился. Если он двинется вдоль пропасти, у него будет не слишком-то завидная позиция. Но не торчать же ему на одном месте весь день!.. Внезапно, каким-то единым интуитивным всплеском он осознал, что сейчас Они начнут! Он не смог бы объяснить, как он это понял, но, не задумываясь, подчинился внутреннему порыву и отпрыгнул на открытое пространство.

Кусты вздрогнули, и скрывающиеся до последнего момента существа оказались в поле зрения. Они двигались стремительно, сначала на четвереньках, потом разогнув свои скрюченные тела. Ник ожидал, что это будут животные, но это были ЛЮДИ!

— Нет! — он отшатнулся назад. Нападавшие бежали абсолютно беззвучно. Это были не беженцы Оркхага и не солдаты патрульных крейсеров. Голые эфемерные создания, вооружённые камнями и дубинами. Глаза их бессмысленно сверкали, руки с оружием были воздеты над головами. Ник нажал на спуск почти бессознательно. Обладатель дубины, усеянной шипами, рухнул на землю, и одновременно с его падением в мозг Ника ударил всё тот же устрашающий свист. Руки его задрожали. Он больше не способен был выстрелить ещё раз. Впрочем, этого и не понадобилось.

Ещё один из нападавших нерешительно остановился возле тела упавшего собрата. Замерев над распростёртым на земле человеком, он покачивался из стороны в сторону, и ноздри его широкого приплюснутого носа слегка подрагивали. Дикарь словно пытался принюхаться к незнакомому запаху. Только теперь Ник получил возможность как

следует разглядеть его. Рельефная мускулатура говорила о силе этих голых людей. И в то же время выглядели они чересчур истощёнными. Бледная светящаяся кожа туго обтягивала кости. Поглядывая в сторону Ника, дикарь сдержанно рычал, и при этом губы его широкого рта чуть приподымались, обнажая крупные заострённые зубы. Глаза у дикаря были посажены так глубоко, что Ник видел лишь затаённый блеск из глубины тёмных впадин.

Отбросив тяжёлый камень в сторону, дикарь вырвал из рук мёртвого дубину. Качнув ею раза три или четыре, он удовлетворённо рыкнул. Его собратья, которые стояли между кустов, не решаясь приблизиться, отозвались завистливыми возгласами.

Напрягшись, слыша своё громко стучащее сердце, Ник ожидал в любую секунду повторного нападения. Но дикари были научены первым горьким опытом. Завладевший дубиной, оскалившись, начал медленно отступать. Они скрылись, как и возникли, в одно мгновение растворившись среди разлапистых кустов.

Ник обессиленно опустил руку с бластером. Кто они — эти вышедшие из леса люди? Представители угасшей цивилизации, люди, не угодившие Оркхагу и выставленные вон с базы? Ник следил, как многочисленные пятна сияния перемещаются в глубине кустарника. Они и не собирались отказываться от своих намерений. Удалившись от места схватки, они тут же заняли новую исходную позицию, вытянувшись вдоль всего пути, который ему суждено было одолеть. Прямая атака оказалась неудачной, и теперь они готовились атаковать из засады.

Он мог сделать крюк, спустившись с обрыва и поднявшись чуть дальше. Но почему он должен их бояться? Эта одичавшая горстка первобытных людей была бессильна против его бластера. Ник с досадой и некоторым недоумением покосился на своё мощное оружие. Он искренне хотел бы избежать ещё одной подобной схватки. Но сознавали ли они, что свечение их тел обнаруживает всё их племя перед любым врагом? Вероятно, нет. Может быть, это объяснялось особенностями здешнего зрения, а, возможно, доминирующим началом на этой планете были запах или слух.

Ник на глаз отмерил дистанцию до открытой прогали-

ны. Он мог попытаться добраться до неё и несколько иным путём. Дорога вдоль скал также выводила его к цели, но в этом случае он должен был почти соприкоснуться с этими туманными пятнами света. Оставалось понадеяться на внезапность и скорость. Решившись, Ник рысью устремился вперёд, низко пригнув голову, стараясь часто и глубоко дышать. И его маневр удался. Они явно не ожидали, что он помчится, обойдя их со спины. Пятна света тоже пришли в движение, но они торопились не за ним, а по направлению к скалистой береговой линии. Видимо, они решили, что его цель — скалы. Остановившись, Ник смотрел, как обнажённые фигуры быстро карабкаются вверх. Он не очень понимал, что они задумали: перехватить его наверху, если он туда полезет, или, забыв о нём и о своём мёртвом товарище, отправиться на поиски другой добычи? Ник с благодарностью прикоснулся к очкам. Без них он был бы здесь совсем беззащитен. Неторопливо шагая, он постепенно успокаивал после недавнего броска дыхание и сердце. Ему лучше было поберечь свои силы на оставшийся путь.

Вскоре перед ним открылось то самое место, где крылатые твари дрались из-за рыбины. И где-то здесь же он видел хищников, покрытых мехом. Прежде чем продолжить движение, Ник внимательно осмотрел местность. Ничто не внушало тревоги. Повинуясь какому-то смутному чувству, он обернулся к оставшимся позади скалам. Человек с дубинкой стоял почти у самой вершины и в свою очередь смотрел вслед уходящему от них чужестранцу. У Ника появилось сильное подозрение, что дикари вовсе не отказались от задуманной ими охоты. В этом устремлённом на него взгляде чувствовался затаённый смысл. Ник отвернулся.

Миновав кучу аккуратно обглоданных костей, он поморщился. Чтобы сократить путь, он будет теперь двигаться по дну моря. Здесь он ничего не опасался. Но вот когда начнутся руины... Самое место для засады! Он слишком плохо их знал, чтобы заранее продумать свой маршрут. К разлому придётся добираться по прежним ориентирам. В противном случае он просто рисковал заблудиться.

Грубый гравий под его ботинками скрипуче проскальзывал. Этого не было раньше. Нюанс, над которым Ник мимоходом задумался. Почва под ногами стала заметно

суше, и, стало быть, вода действительно довольно быстро покидала эти места. Возможно, в периоды между дождями здешний ландшафт превращается в раскалённую пустыню. Как бы там ни было, но двигаться стало намного труднее. Ноги начинали увязать в песке, в ботинки то и дело набивались мелкие камушки. Прислушавшись к своим сипящим лёгким, Ник поумерил темп ходьбы.

Проходя вдоль берега озера, он заметил, что оно здорово обмелело. В воде уже не видно было никакого беспокойного движения. И он не очень удивился, когда на одной из отмелей увидел поблескивающий металлом корабль. Нечто похожее на воздушного перевозчика... Не долго думая, Ник устроил себе передышку. Желудок настоятельно требовал пищи и, подобрав увесистый камень, Ник после нескольких попыток подбил тварь отвратительного вида. Зубастая пасть, головка птицы, крылья и покрытое чешуёй тельце. Подавляя в себе отвращение, он содрал с неё кожицу и, давясь, начал есть. Так или иначе, пища была всего лишь топливом, в котором нуждался его организм. Пока он здесь, на Дисе, ему придётся примириться с этим.

И снова шелестел под ногами тёмный песок, Ник двигался, понемногу приближаясь к скалистому рифу. Он уже решил, что устроится там на ночлег. Ноги его заплетались, мысли путались в голове, удивляя своей несуразной незавершённостью. Мелькали какие-то слова, названия, и Ник не мог понять их ускользающего смысла. Подняв руку, он прикоснулся к темени. Опять эта пульсирующая боль. Она о чём-то ему напоминала... Дисианцы!

Он остановился, поражённый этой догадкой. Медленно, слегка пошатываясь, обернулся, чтобы взглянуть на камни береговой линии. Там было пусто. Но ведь они могли и спрятаться. Явилась же к нему откуда-то эта тупая боль!..

Риф. Зубчатый островок среди однообразных долин. Ник смотрел на него почти с вожделением. Поневоле заторопившись, он упал и не сразу поднялся. Сказывалась усталость всех этих последних дней. На короткий миг к нему пришла мысль, а не заболел ли он? Может быть, Вэнди действительно отравился тогда? Это объяснило бы его нынешнее состояние. Но Ник смутно подозревал, что не в одной усталости дело. Что-то тут было ещё...

Почти в забытьи он повернул было назад, к возвышенности, на которой оставил Вэнди и Лидса, но вовремя

опомнился. Встряхнувшись, он с надеждой устремил взор к близкому рифу. Спрятаться в его скалах и передохнуть. Только бы добраться туда!.. Рукой он машинально утирал мокрое от пота лицо. Один раз таким нечаянным движением он сбросил с себя очки и тут же закричал от ужаса. Это было бы самым страшным — очутиться в полной темноте. Ник торопливо зашарил вокруг себя и чуть не заплакал от радости, когда пальцы его нашарили выпуклые линзы. Он почти не отдавал себе отчёта в том, что происходит. Им двигала лишь одна мысль: как можно скорее добраться до рифа и укрыться в какой-нибудь расщелине.

Остаток пути для него прошёл как в тумане. Очнулся он лишь когда добрёл до подножия рифа и, остановившись, тупо уставился на вздымающуюся перед ним каменную стену. Если бы он в силах был забраться чуть выше!..

Блуждающий взгляд Ника скользил по отвесным скалам. Вспышки, множество вспышек, глаза, выжидающие и оценивающие степень его усталости. Приступ страха вывел его из оцепенения. Увязая ногами в шуршащем песке, он поплёлся вдоль камней, отыскивая подходящее укрытие. Миновал груду костей какого-то пресмыкающегося. Наверное, он был уже поблизости от той пещеры, в которой они укрывались с Вэнди. Тогда он убил какую-то подбирающуюся к ним тварь. Может быть, эти кости принадлежали ей? Ещё чуть вперёд. Руки его наткнулись на валун, возле которого он, вероятно, дежурил двумя днями раньше. Он слышал только собственное шумное дыхание, заглушающее все шорохи и звуки вокруг. Сейчас он не смог бы услышать даже не очень осторожно приближающегося хищника. Глаза тоже отказывались служить ему.

На ощупь он отцепил от пояса бластер и положил его перед собой. Одним лишь уголком сознания он продолжал цепляться за окружающее. И в этом окружающем что-то было не так. Ник никак не мог понять, что же с ним происходит. Не было явной причины, чтобы настолько устать и не контролировать свои чувства. Это началось с того самого момента, когда он услышал тот пугающий свист дикарей. Ник с мычанием потёр лоб и до боли вдавил

в глазницы непомогающие более очки. Нет! Он не должен нечаянно их сломать! Ник испуганно отдёрнул руку.

Ник лежал, тихо всхлипывая, в полной мере сознавая свою беспомощность. Хотя он всё-таки добрался до пещеры, и перед ним лежал бластер, но он не мог сказать сколько-нибудь определённо, как долго он сумеет здесь продержаться. Его голова безвольно упала на руки, и мысли поплыли словно тяжёлый, брошенный всеми корабль, увязая в густом тумане, который с каждой секундой обволакивал его всё больше и больше. Пульсирующая боль спустилась от затылка по позвоночнику вниз, конвульсии сотрясли тело, ударив его о камни столь сильно, что даже на минуту заставили Ника очнуться. Открыв глаза, он разглядел приближающуюся к нему тень. Приподняв оружие, он с силой надавил на спуск.

Луч прорезал тьму, пронесясь над головой лазутчика. Тень в нерешительности остановилась. Ник двинулся ей навстречу. Он должен встретиться с ними в открытую. Только тогда у него оставался шанс уцелеть.

Глаза... Вокруг снова были ИХ глаза. Сияние, излучающее угрозу. Он не мог их сосчитать — одна пара, две, три... Они кружились вокруг него, танцевали, описывая в воздухе огненные круги. Ник закричал. В голове снова сверкнула знакомая пульсирующая боль. Теперь он знал, что во всём этом сумасшествии были виноваты ИХ глаза. Они вызывали боль, заставляли скрючиваться на земле. Неожиданно ему подумалось, что свет, который он увидел, не мог принадлежать этим глазам. Он был вне их, и в нём заключалось спасение!

Из последних сил оттолкнувшись от скалы, Ник пополз, загребая песок руками, прямо на свет. Там ждёт его конец кошмарам. Ему надо только добраться до источника света. Ругая себя за беспомощность, он напрягал последние уходящие силы.

Глава 12

Свет уплывал в даль от него!

— Подождите! — крик Ника оглушил его самого. Но свет или то, что скрывалось за ним, внезапно остановился. Он даже не задумывался об его происхождении. Он

уверовал в то, что только те, невидимые за светом, могли выдернуть его из царства бредовых видений. И он торопился к ним, не обращая ни на что другое внимания.

Ник полз, хотя временами ему чудилось, что он бежит, совершая гигантские прыжки. Свет, разбившийся на два огненных прищура, терпеливо ждал его приближения. Шатаясь, Ник сделал попытку подняться, и в этот момент на него обрушилась волна ужасного прозрения. Ведь где-то он уже видел подобное! Хищник, огоньками подманивающий жертву... И в роли жертвы выступал сейчас он — Ник! Свет был обманом и ни чем иным!..

Тут Ник ощутил незнакомый запах, и в следующий миг на него напали. Нечто живое и тяжелое обрушилось на его плечи, выбив из рук бластер. Пульсация в голове заставила Ника вскрикнуть. Барахтаясь на земле, он тщетно боролся с навалившимся на него дисианцем. К его удивлению, руки, цепляющиеся за его шею, оказались достаточно слабыми. Придавив его своей тяжестью к земле, противник тем не менее не в состоянии был использовать своё преимущество. После нескольких отчаянных рывков Нику удалось сбросить его с себя.

Усевшись, тот хватал широко раскрытым ртом воздух и даже не пытался атаковать его снова. Проследив за его перепуганным взглядом, Ник увидел, как широкой шевелящейся массой со скал рифа сползают существа, напоминающие самые жуткие из его видений. Они уже окружили их, и кольцо движущихся тел неуклонно сжималось. Издав вопль отчаяния, Ник почти бессознательно бросился на ближайшее чудовище. Это было лучше, чем сидеть и ждать надвигающейся смерти. Острые когти впились в его лицо, и последний болезненный всплеск потушил его сознание крохотным поворотом невидимого выключателя.

...Как долго можно пробыть в состоянии полного оцепенения? Первое чувство очнувшегося «я» — это чувство растерянности. Единственное, в чём Ник был уверен, это в том, что он жив. Память не торопилась приходить к нему на помощь, и в равной степени можно было предполагать любые, даже самые фантастические вариации его прошлого. Шаг за шагом он покидал царство небытия, смутно понимая, что пробуждение не сулит ничего хорошего.

Именно это понимание и подсказывало ему не шевелиться и не торопить события.

Как когда-то на Корваре, через слух и другие нечаянные ощущения он пытался проанализировать сложившуюся ситуацию. К тому факту, что он жив, прибавилась интригующая деталь: воздух, проходивший через его лёгкие, был чист и сух. Он не вызывал кашля, одышки и сердцебиения. Может быть, благодаря этому прохладному освежающему воздуху, он и пришёл в себя...

База!.. Это слово всплыло в его памяти одновременно с искажённым лицом Оркхага. Только на базе он может дышать так свободно и легко. Но если база в руках противника, значит, отныне он пленник.

Ник сделал попытку пошевелиться и не очень удивился, что тело не подчинилось ему. Мысль о плене перешла в полную в том уверенность. Слева от себя он расслышал ритмичное пощёлкивание. Это походило на работу какого-то механизма. Несколько минут он вынужден был прислушиваться к этим бессмысленным щелчкам. Он по-прежнему был слеп и недвижим. Что же с ним произошло?

Он помнил риф, до которого всё-таки добрался, свет, выманивший его наружу и оказавшийся взглядом дисианца. А дальше появились чудовища. Он кинулся на них и... Вероятно, нынешние обитатели базы оказались свидетелями этой схватки и вовремя вмешались в неё, чтобы не допустить гибели Ника. Им нужен был Вэнди, но добраться до мальчика мог им помочь только он — Ник Колгерн.

Он попытался облизать сухие губы, но не смог сделать и этой малости. Паралич был полным. И тут неподалёку послышались голоса и шаги, постепенно приближающиеся к его распростёртому телу. К нему подошли двое и остановились возле головы. Тишина становилась для Ника невмоготу.

— Потрясающе! — голос говорившего содержал едва уловимый акцент. — Конечно, такого мы не могли предвидеть.

— Всё невозможно предвидеть, Командир. Совершенство — одно из недостижимых состояний. В данном случае можно сказать одно: результаты, которые мы получили из найденной записи, отнюдь не плохи. Ты ведь видел её.

Увы, было ошибкой ограничить круг общения мальчика. Он выдумал себе друга, и вот этот друг перед нами.

— Да, это и есть тот самый мифический Хакон.

В последней фразе прозвучала недвусмысленная угроза.

— Не торопись. Не надо забывать, что это наша единственная ниточка к мальчику. Пока нам известно лишь то, что он вывел отсюда Вэнди незадолго до нашего появления.

— Но вы нашли его наверху одного!

— Мы нашли его, когда он по всей видимости возвращался на базу.

— И что из этого?

— Он спрятал нашего юного подопечного. Это несомненно! И теперь пришёл сюда для переговоров. Эти синелицие подонки Оркхага прекрасно сознают, что на руках у них крупный козырь.

— И мы будем торговаться с этим отребьем?

— Командир. Мы можем оказаться в безвыходном положении. Эта планета исследована весьма скверно. Мы имели один след, но и тот оборвался. Слишком уж отвратительный здесь климат. Если воспользоваться машинами, мы, конечно же, рано или поздно найдём мальчика, но не забывайте, что он заблокирован. Сомневаюсь, что у них достаточно пищи. Он может умереть, не дождавшись нас.

— Значит, ты предлагаешь пойти с ними на сделку?

— Нам нужно сохранить мальчика, Командир. Это наша главная задача.

— А потом?

— Потом мы твёрдо будем придерживаться буквы закона. Что касается этого юноши, то, скорее всего, он лишь одна из подставных фигур, орудие в руках подобных Оркхагу.

— Подумать только! — в голосе говорившего слышалась ярость. — Торговаться с ворьём!.. Но, вероятно, ты прав. Мы переговорим с ним прямо сейчас?

— Разумеется.

Стягивающие его тело путы пропали. Ник открыл глаза и увидел стоявших перед ним людей. Одного из них он тут же определил в офицеры космофлота. На нём была чёрная

накидка, а грудь украшала двойная бриллиантовая звезда командующего эскадрой. Второй человек был так же черноволос, как и сын лорда, на его загорелом лице легко читалось нескрываемое презрение. Наряжен он был гораздо ярче, чем патрульный офицер. Расшитый узорами тёмно-красный плащ, сверкающие остроносые сапоги. Несмотря на красноречивый взгляд смуглолицего и его дрожащие губы, Ник отчего-то ощутил страх не перед ним, а перед невозмутимым офицером. От военного веяло холодом и силой.

Человек в пёстром плаще заговорил первым:

— Где мальчик?

Вопрос прозвучал как выстрел. Ник облизал сухие губы и неуверенно поднялся. Отчасти он успел успокоиться. Всё развивалось именно так, как и предвидел Лидс. Вэнди превратился в разменную монету, на которую они должны были выкупить собственную жизнь.

— Вэнди в безопасности. Пока.

— Я спросил, где?

Ник ещё не отошел от своего замороженного состояния и потому не сумел увернуться от удара. Он пришёлся в прямо челюсть и чуть было не вернул юношу назад, в наполненное туманом бессознательное пространство. Когда дымка перед его глазами рассеялась, он увидел, что офицер держит за руку мужчину в плаще.

— Пожалуй, так вы от него ничего не добьётесь.

Ник с надеждой взглянул на офицера. Он мог сейчас взывать лишь к его логике. Человек в красном выглядел взбешённым.

— Вы правы. Я пришел сюда не за этим.

— Но ты знаешь, где Вэнди, верно? Тебя послали сюда заключить с нами сделку?

Ник не спешил поддакивать. Вытерев рукавом струйку крови, просочившуюся из разбитых губ, он мрачно сказал:

— Кто вам сказал это? Я пришёл за продуктами. Мальчик не может обходиться без пищи. Впрочем, как и вы.

— Что?! — человек в плаще ринулся на Ника, но офицер торопливо встал у него на пути.

— Спокойно, Командир! — он обернулся к Нику. — Итак, у вас кончилась еда?

— Совершенно верно. Подножный корм не годится Вэнди, вы это и сами знаете.

— Но тогда верните его нам, чёрт подери!— взорвался Командир. — Зачем он вам?

Ник мог бы объяснить это в двух словах, но он предпочитал говорить с представителем патрульной службы.

— Почему вы убежали с базы?

Вопрос был столь неожиданным, что Ник сказал офицеру правду.

— Они... Они хотели убить его.

— Кто «они»?

Ник не видел причины скрывать их нехитрую предысторию.

— Инопланетянин. Его зовут Оркхаг. Кажется, он командовал здесь.

— М-да... А чего добивался ты? Ты знаешь на этой планете другое укрытие?

— Нет, — Ник помедлил. Рассказ о том, что не касалось непосредственно координат мальчика, уводил разговор на вполне безопасный уровень. Кроме того, всю эту информацию они могли вытянуть из него с помощью сканирующих машин.

— Продолжай. Ты выбрался с мальчиком на поверхность планеты, чтобы спрятаться. Но на что ты надеялся?

— Я ждал, что рано или поздно прибудет кто-нибудь, кто переубедит Оркхага.

— Раскол в рядах Гильдии? — офицер недоумённо приподнял брови и хмыкнул. — Что ты знаешь об этом?

— Очень мало, — Ник с величайшей осторожностью подбирал слова. — Но Оркхаг действовал вопреки полученным мною инструкциям.

— Инструкции? Интересно...

Ник взглянул в глаза офицера и понял, что догадка его близка к истине. Они наверняка уже просканировали его. Всё, что он им рассказывал, было своеобразной проверкой его полномочий.

— Охранять мальчика, — Ник помешкал. — Мы знаем, что в Вэнди заложена секретная информация.

Командир шагнул к нему.

— Информация? У Вэнди? Но у мальчика ничего подобного нет. Ты лжёшь!

Офицер чуть повернул голову. Ник быстро проследил за его взглядом. Машина, издававшая то самое монотонное пощёлкивание, стояла за его спиной. Ник никогда не видел сканера, но сейчас он был уверен, что это именно она — машина, читающая мысли. Патрульный офицер невозмутимо покачал головой.

— Он говорит правду. Во всяком случае, это то, что ему сообщили. Так что это за информация?

В общих чертах Ник изложил им историю номер один, рассказанную ему Лидсом ещё на Корваре.

— И ты веришь этому?

Ник покосился на сканер. До сих пор он производил хорошее впечатление на машину. Что будет дальше?

— Я верю в это, — заявил он решительно. Он и в самом деле ХОТЕЛ верить в это.

— Но, когда ты оказался здесь, Оркхаг преподнёс тебе явный сюрприз?

— Вы правы.

— И ты решил бежать. Зачем?

— У нас не было выхода. От Оркхага не приходилось ждать хорошего. Я хотел спрятаться и дождаться капитана.

— Капитана? Ты говоришь о Строуде Лидсе?

Ник не удивился, что офицер назвал имя Лидса. В конце концов, они могли это разузнать от взятых в плен людей Оркхага.

— Да, о нём.

— И мальчик сейчас у него?

— Да.

— Где?

Здесь-то и начинались основные трудности. Он мог солгать, но сканер немедленно бы разоблачил его. Ник прибёг к хитрости.

— У меня нет карты, чтобы показать. Но я могу взять вас с собой и довести до того места.

Машина позади него промолчала. Он это понял по их лицам. Ободрённый своим небольшим успехом, он снова решил напомнить о продуктах.

— Мне кажется, мы теряем время. Мальчику нужна пища и как можно быстрее.

Командир вспыхнул.

— Что ж, прекрасно! Ты поведёшь нас!

— Капитан будет оставаться на том же месте, где ты оставил их? — спросил офицер.

В этом Ник не сомневался. Даже если бы Лидс надумал переменить место, найдя более надёжное укрытие, он навряд ли добрался бы туда без посторонней помощи. Кроме того, на его попечении был Вэнди, не менее больной и ослабленный. Посмотрев офицеру в глаза, Ник кивнул.

— Тогда поторопимся! — командир шагнул к Нику и грубым толчком подтолкнул его к двери.

— Минутку терпения, Инэд! — патрульный офицер прошёл через комнату и, взяв со стола замысловатую чашу, вернулся назад. — Выпей это!

Ник с опасением посмотрел на жидкость, наполняющую чашу до краёв. Он был наслышан о приёмах и методах секретных служб, способных сделать человека слабым и послушным вот такими же невинными на вид снадобьями. Но под давящим взглядом офицера и Командира он неуверенно принял чашу в руки.

— Не бойся, это не наркотик. Ты должен быть в форме, и это поможет тебе обрести её. Обычный рацион патрульного.

Нику ничего не оставалось, как только поверить ему. Он и в самом деле здорово ослабел. Жидкость показалась ему тёплой, и едва он проглотил её, грудь и живот тотчас же согрелись.

— Но нам понадобятся очки, — сказал он. Ему вдруг подумалось, что они могут лишить его возможности видеть. Почему бы и нет? Он был бы полностью в их руках...

Офицер недоумённо взглянул на него и пожал плечами.

— Само собой. Каким же по-твоему образом мы обнаружили тебя возле тех скал?

В голосе его прозвучала явная насмешка. А может быть, он понял истинную причину опасений Ника.

— Мы идем? — нетерпеливо спросил Инэд. Офицер забрал у Ника пустую чашку.

Пройдя коридорами базы, они очутились в шлюзовом отсеке. По дороге к ним присоединилось ещё человек шесть в униформе патрульных с оружием, висящим на поясе. Один из них протянул ему очки.

— Ну, чего же ты встал? — недовольно спросил Командир.

— Я... Я не знаю этот путь, — Ник пребывал в немалой растерянности. — Мы уходили не через шлюз.

Увидев недоверие на их лицах, он сбивчиво рассказал о тоннеле и трещине, через которую они выбрались наружу. Спокойно выслушав его, офицер кивнул.

— Хорошо, пойдём так, как ты говоришь.

— Этот щенок пытается обмануть нас! — вскричал Командир. Лицо его побагровело.

Офицер успокаивающе прикоснулся к его локтю.

— Навряд ли. Ему это совершенно ни к чему, — он повернулся к Нику. — Показывай!

Вооружённый отряд повернул назад. Добравшись до затемнённого зала с постом управления, они спустились вниз и углубились в указанный тоннель. Люди Командира включили яркие фонари, и в этот раз им не пришлось спотыкаться в темноте. Уже через каких-нибудь десять минут они стояли перед знакомой Нику трещиной. Только теперь отверстия не было. Земля и камни плотно забили выход, которым воспользовались в своё время Ник и Вэнди.

— Это, должно быть, взрывы, — пробормотал Ник. — Когда вы атаковали базу...

— Расчистить проход, — велел офицер сопровождающему их эскорту.

Один из патрульных снял с пояса оружие, на вид куда более грознос и тяжёлое, чем бластер, и навёл ствол на завал. С низким гудением толстый слепящий луч ударил в разлом.

Через пару минут путь был расчищен. Подождав, когда оплавленная земля, разлившаяся подобием лавы по стенам и бетонному полу, остынет, они осторожно по очереди выбрались наверх. Ника пустили лишь третьим по счету. Впрочем, он и не рассчитывал быть первым.

Глава 13

В точности повторять пройденный с Вэнди маршрут не было никакой нужды. Поэтому, срезав довольно большой угол, они добрались до городских развалин несколько в ином месте. Ник был спокоен. Отсюда хорошо была видна

береговая линия, и при всём желании они не могли теперь заблудиться.

Осторожно шагая по улицам, они внимательно осматривали руины. Солдаты патруля знали своё дело. Ник не слышал ни разговоров, ни шуточек. По сосредоточенным взглядам людей было видно, что они в любой момент готовы открыть огонь. У самого Ника оружие отобрали, но в компании этих парней он мог с полным основанием чувствовать себя в безопасности.

— Каким образом вы нашли меня? — он обернулся к офицеру.

— Совершенно случайно. Один из наших людей заметил тебя, когда ты ковылял к рифу, прямо навстречу поджидающим тебя хищникам. Когда они набросились на тебя, нам пришлось здорово поработать лучами. К счастью, ты был цел и невредим.

Это вполне согласовывалось с воспоминаниями Ника. Он хорошо помнил, как внезапно обмякло тело напавшего на него дисианца. Тогда он не понял причины овладевшей дикарём слабости, теперь же всё становилось на свои места. Аборигена и всех тех чудовищ перестреляли из бластеров, не дав им даже приблизиться к важному пленнику.

Они оставили позади город и спустились на дно бывшего моря. Отряд двигался быстро, и несмотря на благотворное действие согревающего напитка Ник начинал задыхаться. После очищенного воздуха базы, атмосфера планеты казалась поистине ужасной. Он заметил, что и другие испытывают затруднения с дыханием. Командир Инэд, шагающий впереди него, дышал часто, с глухим прикашливанием. Но в атмосфере чувствовалось что-то ещё, что необъяснимо тревожило Ника. Видимость ухудшалась прямо на глазах. Вскинув голову, он остановился. Далёкая вспышка у горизонта подсказала ему причину тревоги.

— Не задерживайся! — тяжёлая рука подтолкнула его в спину.

— Надвигается шторм. Там впереди...

Командир повернул к нему раздражённое лицо.

— Что впереди?!

— Ты что-то заметил?

Это спросил патрульный офицер. Ник предпочёл объясниться с ним.

— Если это шторм, то очень скоро мы можем оказаться под проливным дождём. Сейчас мы в низине, и если хлынет ливень...

Офицер понял его. Он внимательно оглядел местность.

— Нам надо позаботиться об укрытии, — добавил Ник.

Вероятно, и до Командира наконец-то дошла сложность положения. Он вопросительно посмотрел на офицера.

— Что ты думаешь об этом, Баркет?

— Думаю, что он прав. Место, где мы сейчас стоим, похоже на бассейн, куда стекают дождевые воды. Погода на Дисе непредсказуема, и если мы не выберемся отсюда раньше ливня...

— Но мы не можем идти назад! — желчно возразил Инэд. — Мы должны найти мальчика сегодня!

Офицер в нерешительности пожевал губами.

— Ну-с, Хакон... У тебя есть какие-нибудь предложения? Успеем ли мы дойти до рифа до того, как разразится буря?

Ник не имел об этом ни малейшего понятия, но что он знал совершенно определённо, так это то, что нельзя терять времени.

— Чтобы успеть укрыться, мы должны поторопиться. Надо не идти, а бежать, — Ник снова с тревогой оглянулся на полыхающий вспышками горизонт. — Бежать, и как можно быстрее!

Они вняли его совету. Подчиняясь команде Командира, солдаты припустили резвой рысцой. Они решили достичь рифа раньше дождя.

Облака, чёрные, с багровым оттенком кружили уже над самой головой. Грохочущие молнии ослепляли, подстёгивая людей наподобие гигантского бича. Часто дыша, Ник обратил внимание, что рядом с людьми мелькают и напряжённые тела животных. Значит, он не ошибся в своём предположении. Шторм двигался следом за ними, и им нельзя было терять ни минуты. Возможно, им даже стоило вернуться в развалины города. Там по крайней мере можно найти хоть какую-то защиту от непогоды.

Чернота вокруг них сгустилась настолько, что двое из

солдат включили фонари. Желтоватый свет пятнами скакал перед ними, время от времени выхватывая из тьмы спасающихся животных. Ник мимоходом поразился их количеству. У него мелькнула мысль, что отряд вооружённых людей мчится в середине огромного, обезумевшего от страха стада.

Страшный раскат грома совсем оглушил его, молния ударила где-то рядом. Это было почти так же невыносимо, как тот пугающий свист, порождаемый губами дисианцев. Хотя дождя ещё не было, но влага уже хорошо ощущалась в воздухе. Ник представил себе, как через минуту-две им придётся бороться с ревущими потоками воды, и ему стало весьма неуютно. Он начинал уже уставать. Ноги всё чаще спотыкались о камни, и Ник испугался, что вот-вот рухнет на землю.

И в этот момент хлынул дождь. Он оправдал все худшие опасения. Это были не капли и не струйки щекочущей воды. Словно гигантский нож мясника грубым взмахом распорол набрякшие небеса, и на землю ударил настоящий водопад. Он сбивал с ног, прижимал к земле своей бьющей тяжестью. Ник тщетно пытался ухватить хоть частичку воздуха широко раскрытым ртом, но его как будто вообще никогда не существовало в природе. Кругом сверкала и бурлила разъярённая вода.

Прикрывая рот ладонью, Ник с трудом сделал пару шагов и упал. Потоки, несущиеся в низину, доходили уже до колена, и его тут же подхватило и поволокло, ударяя о встречные камни, в пенную тьму. Он уже не видел поблизости ни одного из людей Инэда. Тщетно царапая руками дно, Ник пытался хотя бы остановиться. Его спас вынырнувший из мглы человек. Ник даже не в состоянии был рассмотреть его лицо. Вдвоём, поддерживая друг друга, они двинулись навстречу потокам. Левая рука Ника нашарила шероховатую поверхность камня. Он был их единственной надеждой! Якорь, за который можно было уцепиться. Ник подтолкнул руку патрульного к валуну, и тот мгновенно сообразил, о чём хочет сказать ему Ник. Сейчас они не были врагами, превратившись в товарищей по несчастью. Обстоятельства вынуждали их помогать друг другу.

Погода грохотала и сверкала всполохами молний. Они

не знали, как скоро это кончится. Всё, что им оставалось — это держаться за камень, стараясь не дать возможности разгулявшейся стихии оторвать их от опоры. Ник чувствовал, что руки у него начинают неметь. Уровень воды продолжал повышаться, хлещущие волны ударяли уже в грудь. Если это продлится ещё час, они не выдержат. Силы тела иссякнут, пальцы разожмутся, и их подхватит торжествующим течением... Если бы не было так трудно, Ник давно бы уже запаниковал. Он дышал воздухом напополам с водой. На зубах скрипел песок, а мышцы сводило болезненной судорогой. Своего попутчика он не видел. Стена низвергающейся сверху воды сократила видимость до жалких сантиметров.

Должно быть, на какое-то время он впал в беспамятство. Мозг, измученный борьбой, пытался окутаться пеленой шокового состояния. Ник прислушался. Шторм... Да! Шторм без сомнения шёл на убыль. С огромной скоростью он пронёсся над ними и, вероятно, теперь бушевал уже за многие мили отсюда. Грохот превратился в рокочущее ворчание, а вода, издавая пугающее шипение, мчалась, постепенно замедляя скорость.

Шипение... Ник посмотрел на кружащие вокруг буруны и в недоумении поднял голову. Он уже мог видеть, но лучше бы он этого не видел. Зубастая тварь, спасавшаяся на вершине валуна, подкрадывалась к Нику. Из приоткрытой пасти вырывалось то самое прерывистое шипение. Ник в ужасе откачнулся назад. Камень вырвался из его рук и тотчас исчез в потоке воды. И тут же раздался человеческий крик. Секундой позже машущий руками патрульный вынырнул поблизости от Ника. Юноша не стал колебаться. Вдвоём у них было больше шансов уцелеть. Выкинув руку, он поймал человека за плечо.

А через секунду их ударило о камень, и Ник вцепился в него свободной рукой. Теперь он чувствовал под ногами дно, и это вдохнуло в него надежду. Его спутник, должно быть, чувствовал себя довольно плохо. Медленно, шаг за шагом они продвигались в сторону мелководья. Ник чувствовал, что дно поднимается, и это придавало ему сил. Дождь прекращался, и с глаз спадала мутная пелена. Снова, в который уже раз Ник испытал смешанное чувство потрясения от внезапного перехода от полной слепоты в

зрячее состояние. Он оглянулся на своего спутника. Это был Баркет, патрульный офицер. Но... На Баркете не было очков!

Всё было просто. Ник мог видеть, а Баркет нет. Несчастье случившееся с офицером в одно мгновение уравняло их. Ник волок его по мелководью, ещё не зная толком, что ему делать с офицером патруля.

Задержавшись, чтобы передохнуть, он бегло осмотрел Баркета. Офицер был жив, но лоб его рассекала глубокая рана.. Ник вспомнил того хищника, укрывавшегося на вершине валуна. Не теряя времени даром, Ник отцепил от пояса офицера бластер и сумку с питанием. На первый взгляд продуктов было вполне достаточно. Во всяком случае теперь он мог на какое-то время обеспечить Вэнди полноценным питанием. И перед ним вставал выбор: уйти, оставив Баркета здесь, или же попытаться докричаться до остальных патрульных. Ник в замешательстве огляделся. Он не мог оставить Баркета в таком состоянии, это было ясно. Но он не мог и мешкать.

— Очнитесь! — он встряхнул офицера за плечи. Подносить к губам Баркета воду не было необходимости. Дождь по-прежнему осыпал влажную землю мелкой моросью. — Очнитесь же, Баркет!

Слабо застонав, офицер открыл глаза. На лице его тотчас появилось выражение испуга.

— Темно...

— У вас нет очков. Их сорвала та тварь, что атаковала вас.

Рука Баркета слепо провела по лицу.

— А ты... Кто ты такой?

— Я Хакон... — Ник помедлил. — А теперь слушайте меня внимательно. Ваша сумка с продуктами у меня. Я оставляю вам фонарь и ухожу. Дождь скоро закончится, и вы сможете просигналить вашим товарищам.

Говоря это, Ник чувствовал угрызения совести. Человек на Дисе — даже с фонарём! — абсолютно беспомощен. Если товарищи Баркета не найдут его...

— А у тебя... У тебя есть очки? — прищуренные глаза глядели мимо лица Ника.

— Да, но я не собираюсь отдавать их вам!

Рука Баркета метнулась к поясу, пальцы безуспешно зашарили по пустой перевязи.

— Ты забрал и оружие...

— Я оставляю фонарь.

— Но ты всё равно не уйдёшь далеко.

— Может быть. Но я должен успеть доставить продукты для мальчика.

Офицер печально усмехнулся.

— Хорошо, пусть будет так. В конце концов, Вэнди действительно нужны продукты. Но неужели ты уйдёшь, не спрятав меня? Ты же знаешь о здешних хищниках.

Он протянул руку, но Ник предпочитал действовать чуть иначе. Обойдя сидящего на земле патрульного, он ухватил того за пояс и помог ему подняться. Затем легонько подтолкнул вперёд.

— Я буду подсказывать дорогу, — сказал он. — А вам лучше включить фонарь.

Перекинув сумку с продуктами через плечо, он шагал позади Баркета. Свет фонаря широким конусом разрезал лежавшую впереди тьму. Этого было достаточно, чтобы Баркет не спотыкался. Они прошли совсем немного, когда откуда-то сверху раздался крик. Это походило на предупреждающий сигнал, как если бы какая-то разведывательная группа или часть их отряда достигла рифа и с его вершины заметила идущих.

Офицер сделал попытку обернуться, но Ник опередил его. Толкнув Баркета, он одновременно рванулся в сторону. Скользнув мимо массивных валунов, он побежал, выбирая направление наобум, стараясь уйти от доносившихся криков как можно дальше. И лишь когда в груди у него отчаянно закололо, а перед глазами поплыли искристые круги, он перешёл на шаг. Он всё ещё не верил, что случай помог ему обрести свободу. Это, вероятно, и не позволяло ему оборачиваться. Он боялся убедиться в обратном.

Дождь прошёл. От земли снова молочными клубами поднимался пар. Даже если они бросятся его искать, в таком тумане это будет чрезвычайно рискованным предприятием. Ник остановился.

Перед его ногами открылась яма, над которой курился отвратительного запаха дымок. Должно быть, в то место

ударила молния, испепелив почву и скудную растительность. Чуть дальше Нику пришлось пересечь вброд мутный поток. По направлению течения он сориентировался. Вода текла в сторону понижающегося морского дна, поэтому нетрудно было сообразить, в какой стороне находился берег.

Это ночное путешествие оказалось самым тяжёлым изо всех тех, что довелось ему совершить на Дисе. Действие напитка давно уже прошло. Борьба со стихией превратила его в ослабленного, ни на что не годного горе-скорохода. Земля ускользала из-под ног, то и дело начиная угрожающе покачиваться. Очки затуманивались, и, задерживаясь, он вновь и вновь протирал их рукавом куртки.

Добравшись до берега озера, он без сил рухнул на землю и лежал так, пока сознание его не прояснилось, а дыхание не стало более редким и глубоким. Подняв голову, он тупо смотрел, как ходят и плещутся под поверхностью воды крупные серебристые тени. Мёртвый мохнатый зверёк медленно плыл, относимый ветром, вздрагивая от торпедных атак подводных хищников. Ника передёрнуло от этой картины. Поднявшись на дрожащие ноги, он медленно двинулся знакомым берегом к возвышенности, на которой его ждали Вэнди и Лидс.

Глава 14

Путь оказался изрядно длиннее, чем он рассчитывал. Прошедшая буря изменила очертания озера — оно разлилось, затопив места, по которым он прежде проходил вполне свободно. Из-за густого тумана он вынужден был не спешить, тщательно высматривая впереди себя дорогу. Впрочем, быстро он двигаться и не мог. Когда он наконец добрёл до возвышенности, у него не оставалось сил даже порадоваться своему успеху.

Теперь курган был уже островом. Озеро окружило возвышенность поблёскивающим кольцом. Чуть помешкав, Ник ступил в воду. Он хорошо помнил тех плавающих под водой тварей. Было бы просто глупо погибнуть именно сейчас — в конце столь нелёгкого пути. Он вздрогнул. Лицом вниз мимо него медленно проплыло тело дисианца. Дисианец?! Здесь?.. Ник посмотрел вверх и заторопился.

Мокрый, оскальзываясь на крутом склоне, он взобрался на скалы и изо всех сил закричал:

— Лидс! Вэнди!

Ответа не последовало. Его окружали туман и недобрая тишина. Оглядываясь, он терялся в мучительных догадках. Он даже предположить не мог, что придёт на пустое место. Лидс не мог уйти самостоятельно из-за вывихнутой ноги. Вэнди был обессилен. Куда же они могли деться?

— Лидс!

Ник понуро стоял перед каменным козырьком, под которым ещё совсем недавно они укрывались втроём, и молчал. В укрытии никого не было. Тщетно он пытался собраться с мыслями. Мозг отказывался думать, отказывался понимать окружающую действительность. Может быть, шторм?.. Ветер мог сбросить их вниз, а волны бы довершили начатое. Ник вернулся к обрыву. Он не верил, что его друзья могли пропасть. В конце концов, Лидс знал планету лучше многих других и наверняка предвидел приближение бури. А если так... Ник почувствовал, что в нём замерцала слабая надежда. Действительно, Лидс мог просто перебраться в другое место...

Стая существ с кожистыми крыльями, каркая и крича, приземлилась неподалёку от него. Ковыляя на когтистых лапах они тронулись было в его сторону, но Ник поднял бластер и ударил лучом в песок. Искристая вспышка отпугнула хищников, но Нику было уже не до них, он спускался вниз. Он забыл об усталости и страхах. Перед ним маячила пустота, огромная и безликая. Он был один, совершенно один! В Лидсе и Вэнди заключались все его мечты о будущем, о лице. Без них он оставался один на один с разгневанными солдатами Патруля. Ник почти бежал. Он не верил и не хотел верить, что его друзья погибли. Он обязан был найти их!

Спустившись к воде, он побрёл вдоль скалистого берега, намереваясь обогнуть остров кругом. Глаза его шарили по поверхности озера, руки судорожно сжимали тяжёлый бластер. Наверное, когда чудо желаемо, оно действительно может произойти. Ник уловил слева от себя слабое сияние. Скалы и нагромождение колючих веток... Царапая ладони, Ник разбросал ветки и увидел фонарь. Заряд его был на исходе, но он ещё светил жёлтым угасающим огоньком.

Это, без сомнения, был знак! Знак для него! Фонарь был вставлен в трещину между скалами и закреплён древесным сучком. Как бы то ни было, но сюда они добрались живыми и невредимыми. И, вероятно, дальнейшие события вынудили их оставить для него метку. Ник напряжённо соображал. Он не мог понять, почему Лидс попытался скрыться от дождя в этой пещере. Поднявшаяся вода легко могла превратить укрытие в мрачную могилу. Но Лидс, конечно же, должен был понимать это. А раз так... Выдернув из расщелины фонарь, Ник шагнул внутрь.

Даже, если это и было пещерой, то размеры её впечатляли. Задрав голову, Ник закричал:

— Лидс! Где вы?

Гулкое эхо повторило его призыв, рокочуще зашумев отголосками. Свет от фонаря едва освещал путь. Через несколько шагов Ник наткнулся на фосфоресцирующие наросты. Они густо покрывали каменный пол пещеры, но что-то тут было не так... Ник опустился на колени. Губы его разъехались в улыбке. Они были живы! Две пары следов цепочками тянулись вдаль. Продавленный растительный покров прекрасно сохранил следы. Значит, и Вэнди был на ногах. Собравшись с силами, они спустились сюда и двинулись в глубь...

Ник устремился вперёд. Пещера имела заметный наклон — пол постепенно поднимался. Теперь было понятно, зачем они пошли сюда. Вода не могла залить пещеру. Время от времени Ник останавливался и кричал, но ответ по-прежнему не приходил. Радость его подувяла, уступив место подозрительности. Каким образом Лидс мог подниматься на эти уступы с больной ногой? Это не укладывалось в голове Ника. И сама пещера... Как мог капитан в короткие сроки найти столь надёжное укрытие? Или ему помогла его всегдашняя удача?..

Пройдя ещё несколько шагов, Ник остановился. Всё говорило за то, что он очутился в просторном зале. Это чувствовалось по звукам. Давящее ощущение близких стен исчезло. Он сделал было в нерешительности шаг, но, передумав, вернулся обратно. Надёжнее было двигаться вдоль стены.

Подсвечивая себе путь тусклым, мутноватым лучом фонаря, Ник прошёл всего несколько футов и удивлённо

вгляделся. Стена, которой он касался кончиками пальцев, напоминала стены, увиденные им на базе. Природа не в состоянии создать такую ровную, без единого выступа, поверхность. Снова дисианцы? По спине его пробежал неприятный холодок. Он не хотел бы встретить их ещё раз.

Размеры подземного пространства внушали всё больший трепет. Ник шёл и шёл, слыша далёкий ухающий отзвук своих шагов. Похоже, что гигантская галерея тянулась вдоль всей полосы прибрежных скал. Чувство неуютности не покидало его. Кто бы ни выстроил эти катакомбы, он был здесь чужим.

В очередной раз остановившись, он набрал полную грудь воздуха:

— Лидс!

Звенящее многоголосое эхо пошло метаться в чёрном, зажатом каменными громадами пространстве. Ник невольно отшатнулся — настолько громко дохнул в лицо его собственный усиленный крик. Прислушиваясь к грохочущим перекатам своего незатихающего голоса, он вздрогнул. Ему показалось... Нет, он и в самом деле расслышал далёкий отклик. Кто-то ответил ему!

— Вэнди!

Та же вибрация скал, дразнящее эхо закоулков пещеры. На этот раз ответа не последовало. Поколебавшись, Ник снова зашагал вдоль стены, но вскоре не выдержал и побежал. Через какое-то время он завернул за угол. Мерцающий свет фонаря вырвал из темноты забитые камнями отверстия в стене. Что это было? Выходы наружу, окна?..

Ник встал как вкопанный. Один из проходов чернел перед ним пугающим провалом. Это было похоже на приглашение. Возможно, отклик действительно донёсся отсюда. Иначе он не был бы столь приглушённым. Ник сделал шаг, но в нерешительности оглянулся. Что-то подсказывало ему не спешить. Здесь, в этой непроглядной черноте его оружие могло оказаться бесполезным. На своём печальном опыте он успел уже убедиться в коварстве дисианцев. Если пещеры принадлежали им, то в любую минуту можно было ожидать нападения.

Мучительно прислушиваясь к предательским отзвукам своих шагов, он двинулся в глубь коридора. Ему пришлось идти пригнувшись, потолок и стены сходились здесь

чрезвычайно тесно. Прекрасное место для ловушки! Ни на минуту его не оставляло ощущение чего-то давящего, вызывающего неосознанный страх. Чтобы отвлечь разгулявшееся воображение, он начал считать шаги. Десять, двенадцать, двадцать... Он сбился со счёта. Далеко впереди замаячил слабый свет. Ник весь подобрался. Громко стучащее сердце даже мешало прислушиваться к звукам извне. Он полагался теперь лишь на зрение и на блеклую лампу фонаря.

Громким шагом проржавевшего робота он вошёл в освещённый зал и тотчас вскинул бластер.

Сначала ему показалось, что пещера заполнена отвратительного вида рептилиями. Они были всюду: огромные, бугристые, с переплетающимися толстыми щупальцами. Лишь секундой позже он сообразил, что это всего-навсего необычные растения. Из стены напротив бесшумной струйкой выбегала вода. Туда-то и тянулись могучие корни растений. Мясистые листья наполняли пространство мягким фосфоресцирующим светом. И от них же, как понял чуть позже Ник, исходил тяжёлый тошнотворный запах. Дрожащая рука с бластером обессиленно опустилась.

— Это ты, Ник?

Он порывисто обернулся. Только теперь он заметил человека, спрятавшегося за одним из растений. Это был Лидс и он был один, без мальчика, без очков. Глаза его напоминали глаза патрульного офицера. Напряжённо щурясь, он пытался разглядеть вошедшего.

— Да, это я, — хрипло ответил Ник.

— Ты достал продукты?

— Да, но где Вэнди?

Лидс невесело усмехнулся. Он сильно сдал за последнее время. Сейчас это было особенно заметно. Черты лица его заострились, глаза ещё больше утонули, мерцая из провалов под веками нездоровым блеском. Перешагнув через клубок корней, Ник приблизился к капитану.

— Буря миновала?

— Да, — Ник снял с плеча сумку с продуктами и сбросил её на пол. — Вот продукты. Но я, кажется, спросил о мальчике.

Лидс кивнул.

— Я понял... Но если бы я знал, где он. Ты, вероятно,

напридумывал уже Бог знает каких ужасов. Успокойся, малыш. Я не собирался обманывать тебя. Я не прикоснулся к нему и пальцем, он ведь наш единственный шанс.

— Но что произошло?!

— У меня была пачка укрепляющих таблеток. Мощный тонизатор. Жаль, что я вспомнил о них так поздно. Всё из-за ноги... Словом, я дал их ему, и он пришёл в норму. А затем мы увидели, что надвигается шторм, и поняли, что надо уходить. Причём мальчишка основательно посопротивлялся. Он не сознавал надвигающейся опасности, думал, что на вершине мы сможем продержаться до твоего прихода. В общем, мы двинулись вдоль скал и отыскали эту пещеру. К сожалению, я недооценил своих сил. С такой ногой я вымотался в два счёта, и парнишка живо смекнул это.

— Что он сделал?

Лидс снова усмехнулся.

— Он сорвал с меня очки и, сбив с ног, отобрал оружие. Сейчас он, должно быть, уже далеко. Впрочем, ты ещё сможешь его догнать, если пустишься в путь прямо теперь. Хорошо, что ты явился сюда без патрульных. Славное бы вышло положеньице!..

— Но почему он это сделал?

Ник ничего не понимал. Покуситься на очки — это ещё понятно, оказывать неповиновение незнакомому человеку — тоже, но пуститься в путь в одиночку?.. Впрочем, один раз Вэнди уже выкинул подобный фокус в развалинах города. Вероятно, он просто плохо знал мальчика.

— Он заблокирован, и в этом вся разгадка, — сказал Лидс. — Он мог бы остаться с тобой, но не со мной. Твоё отсутствие заставило его уйти сразу же, как только он ощутил прилив сил.

И, помолчав, Лидс добавил:

— Думаю, нет необходимости напоминать тебе, что если Патруль схватит нас без мальчика, с нами обойдутся достаточно жёстко.

— Я знаю это, — Ник вспомнил разъярённое лицо Командира Инэда. — Я успел побывать в их руках.

Он коротко поведал капитану о своих злоключениях.

— Нам надо обязательно найти мальчика, — заключил

Лидс. — Ради самих себя. Блокировка гонит его прочь от меня, но, встретив Хакона, он вернётся.

— Где он сорвал с тебя очки?

— Прямо здесь. Кстати, не самое плохое место. Тут я ещё хоть что-то вижу.

— Сколько же прошло времени с тех пор, как он ушёл?

— Прекрасный вопрос!.. Увы, всё, что я помню — это удар по голове. Сколько я пролежал здесь, не имею ни малейшего понятия.

Ник мог только посочувствовать Лидсу. Угроза поимки Патрулём, больная нога, да ещё теперь это нападение перепуганного мальчишки.

— Поешь, — Ник вытащил из сумки один из пищевых концентратов. — У него есть фонарь?

— Нет, тот единственный мы оставили для тебя, как подсказку о нашем местоположении.

Ник попытался угадать, куда же двинулся Вэнди: дальше по галерее или обратно через тот кошмарный зал. Всё зависело от мощности заложенной в мальчика программы. Они не могли предсказать, куда она погонит его.

Тем временем, пока он размышлял, Лидс успел подогреть жестянку с пищей. Ароматный дымок потянулся к сумеречному потолку.

— Хорошо, что здесь есть вода, — пробормотал он. — Во всяком случае, смерть от жажды нам не грозит.

Вода... Ник подошёл к трещине, из которой она вытекала. При желании сюда вполне можно было протиснуться, особенно человеку с комплекцией Вэнди. Присев на корточки, он принялся рассматривать растительность, густо покрывающую всё дно расщелины. Если бы мальчик прошёл здесь, он оставил бы следы, но ничего подобного Ник не увидел. Или Вэнди ушёл другим путём, или же следы успели исчезнуть. Всё зависело от того, как давно здесь проходил мальчик. Ник обошёл пещеру, внимательнейшим образом всматриваясь в переплетения зеленоватых стеблей и листьев. Тут были и другие трещины, но нигде Ник не обнаружил каких-либо следов.

— Должно быть, он ушёл обратным ходом, — предположил он.

Капитан покачал головой.

— Сомневаюсь, чтобы он осмелился на это без фонаря.

Всё время, пока мы двигались сюда, он испытывал настоящий ужас. Особенно он испугался в том огромном зале. Навряд ли он решился бы вновь пройти через него. Может быть, он двинулся через трещину с ручьём?

— Но там чисто. Я не обнаружил ни единого следа. Он не мог пройти, не задев этих стеблей.

Ник поглядел под ноги. Его собственные следы чёткими отпечатками обозначились на полу. Капитан поставил опустевшую жестянку перед собой.

— Как ты думаешь, патрульные не могли проследить за тобой?

Помня Инэда, Ник не сомневался в этом. У них был приказ найти мальчика во что бы то ни стало. Внезапно Лидс быстрым движением схватил его сумку. Ник с изумлением глядел на него. Ощупав пальцами грубую кожу, капитан перевернул сумку верх дном и показал Нику на маленький, кубической формы бугорок.

— Датчик! Они все оснащены этими штуковинами.

Ник побледнел.

— Я не догадался осмотреть сумку, — виновато пролепетал он.

— Ты просто не знаешь всех их хитростей. М-да... Возможно, что уже в эту минуту они подходят к нашему островку.

— Но если они найдут нас...

— Всё закончится самым печальным образом, — заключил Лидс. — Нам следует опередить их и найти Вэнди как можно быстрее.

Глава 15

Ощупав пальцами вшитый в материю датчик, Ник в сотый раз обругал себя за неосмотрительность. Он обязан был принять меры предосторожности. Возможно, офицер намеренно не возражал, безропотно отдавая ему сумку. Каждый из них имел датчик. И для них явилось настоящей удачей то, что он не удосужился хотя бы осмотреть свой трофей. Потеряв его из виду, они продолжали контролировать каждый шаг беглеца. И если раньше они о чём-то могли договориться, превратив возвращение мальчика в некое подобие сделки, то теперь патрульные могли нето-

ропливо обложить их со всех сторон и, воспользовавшись удачным моментом, отнять Вэнди без всяких обещаний свободы и неприкосновенности. Впрочем, сейчас у них и отнимать было некого. Лидс и «Хакон» очутились в сильнейшем цейтноте. Не имея ни сил, ни средств, ни времени они должны были найти Вэнди до того, как это удастся патрульным.

Ник поглядел на капитана. Он не мог оставить его здесь в столь беспомощном состоянии. Уйти на поиски Вэнди означало сдать капитана в руки Инэда. Ник не хотел обманывать себя. Но прежде всего следовало избавиться от датчика. Ник проследил взглядом за сбегающим по каменному руслу ручейком. Разветвляясь на два рукава, он исчезал между переплетёнными растениями в трещинах стен. Одна из них была достаточно широкой. Поднявшись, Ник приблизился к ней и, размахнувшись, швырнул пустую сумку в журчащую темноту. Теперь некоторое время датчик будет плыть по воде и заставит Патруль идти по ложному следу.

Лидс, прищурившись, следил за его действиями.

— Разумно! — похвалил он. — Ты делаешь успехи, малыш! Но это лишь небольшая отсрочка. Уверен, что скоро они будут здесь.

— Мы постараемся оторваться от них. Вся задача заключается в том, что нам нужно выбрать верное направление.

Со тяжким вздохом Ник снова начал осматривать выходы из пещеры. Итак, Вэнди ушёл отсюда, бросив Лидса, и предположительно это случилось час или два назад. Может быть, больше, но не намного. Ник попытался в уме отсчитать время с того самого момента, когда хлынул ливень. К этому часу они были уже в лабиринте. Лидс уверен, что мальчик не осмелился бы пойти обратной дорогой, но не растворился же он в воздухе...

Ник раздражённо обернулся.

— Вероятно, он всё-таки решил вернуться. Нигде никаких следов.

Лидс снова покачал головой.

— Ты не представляешь себе, как трудно было его тащить через тот зал. Он постоянно твердил, что там кто-

то есть, и нас вот-вот схватят. Он боялся не просто темноты, а того, кто мог скрываться в ней.

— Да, но он забрал твои очки и бластер, — возразил Ник.

— Очки на этой планете, да ещё в глубоких пещерах, — это почти что ничего. Ты и сам это знаешь.

Ник молчаливо вынужден был согласиться. Здесь, на Дисе, во многом приходилось полагаться на слух, на запах, на органы чувств, о которых в нормальных условиях человек ни за что бы не догадался. Ведь чувствовал он близость дисианцев. А этот их свист... Может быть, это совсем и не свист, а своего рода телепатия?..

При новом обходе стен пещеры Ник удвоил внимание. На этот раз он осматривал всё: малейшие уступы, пол справа и слева от себя, стены и низко нависающий потолок. Вэнди не мог покинуть эту пещеру, не оставив следов. И они действительно остались.

Ник заметил-таки след на каменном уступе возле стены, а взглянув чуть выше, обнаружил и выход. Небольшое округлое отверстие, притаившееся на высоте человеческого роста.

— Вот он! — Ник облегчённо вздохнул. В первый момент он был просто рад, что разрешил наконец вставшую перед ними задачу. И лишь секундой позже с беспокойством подумал о том, что для хромающего и обессиленного капитана это может оказаться чересчур тяжёлым путём.

— Ты сможешь забраться сюда? — он взглянул на Лидса. Тот спокойно улыбнулся и заставил себя подняться, подтянув тело на руках.

— Как видишь, стоять я могу. Если мне чуточку помочь, я сумею и двигаться. Поверь, мысль о том, что я могу попасться в руки Патруля, способна сделать меня достаточно резвым.

Взобравшись на уступ первым, Ник протянул ему руки. Хотя капитан постоянно бахвалился, этот небольшой подъём дался ему с большим трудом. Стараясь скрыть навалившуюся на него усталость, пилот кивнул вниз.

— Ты снова хочешь оставить продукты? Если мы догоним нашего юного друга, нам придётся его чем-то кормить. На таблетках же он долго не продержится. Кстати, это единственное обстоятельство, говорящее за

то, что мы всё-таки догоним его. Действие тонизаторов кончается достаточно быстро.

Спрыгнув вниз, Ник стянул с себя мокрую накидку и увязал концентраты в узел. Когда-то он уже делал такой и, взвалив узел на плечи, он мрачно усмехнулся своим воспоминаниям.

Вскарабкавшись в отверстие, он протиснулся мимо капитана вперёд. Тот ухватил его за ремень.

— Отныне на двоих у нас одна пара глаз и три здоровых ноги.

— Я не буду идти быстро, — пообещал Ник.

Если насчёт ног капитан не ошибся, то с глазами его предсказание не сбылось. Стоило им удалиться от пещеры, переполненной фосфоресцирующими растениями, как очки превратились в бесполезную ношу. Им пришлось идти на ощупь. Мысль о том, что им следует двигаться быстрее, просто выводила из себя. Они оказались в положении кротов, брошенных под слепящее солнце. Единственное, что облегчало путь, это ровное покрытие под ногами. И обоим путникам пришло на ум, что проход этот — неестественного происхождения. Над стенами и полом без сомнения заботливо потрудились неизвестные им каменотёсы.

Во время коротких остановок, ожидая пока капитан отдышится, Ник внимательно вглядывался под ноги. Кое-где ещё можно было разглядеть следы Вэнди. Там, в пещере, он несколько раз прошёлся по фосфоресцирующей растительности, что позволяло теперь видеть отпечатки его ботинок. Правда, по мере того как они продвигались, светящиеся контуры на полу тускнели. А в скором времени Ник с грустью убедился, что уже не способен рассмотреть их.

— Капитан! — он замер на месте. — Слушайте!

Лидс, не сразу сообразивший, в чём дело, налетел на него, и они чуть было не упали. Из темноты доносился знакомый Нику свист.

— Что случилось, Ник?

— Дисианцы, — прошептал Ник. — Они уже охотились за мной, когда я ходил за продуктами. Сейчас они, должно быть, преследуют Вэнди.

— Дисианцы? Кто это? Аборигены?

Ник коротко рассказал капитану о всех своих столкновениях с представителями гуманоидной цивилизации Диса. Лидс изумлённо присвистнул.

— Я слышал кое-что о местных жителях, но воочию ни разу не видел их. Выходит, что мне повезло... Эти люди — не из приятных собеседников.

— Их навряд ли можно уже называть людьми, — удручённо возразил Ник. — Скорее, дикари. Дикари и охотники.

Он всерьёз взволновался за судьбу Вэнди. Если его, Ника, вооружённого и готового встретить опасность лицом к лицу, выманили и одолели, то что уж говорить о мальчике. Он ничего не знал о дикарях и может стать лёгкой добычей этого страшного свиста.

— Если мы не успеем вовремя, они прикончат его! — горячо шепнул Ник.

Лидс не возразил ему ни звуком.

Собравшись с силами, они поспешили вперёд. Одной рукой Ник по-прежнему ощупывал стены, но его вторая рука теперь всё время лежала на бластере. Оба тяжело и шумно дышали, но даже дыхание не могло заглушить тянущийся издалека тонкий, проникающий под черепную коробку свист. Какое же дьявольское оружие изобрели эти полулюди! Ник чувствовал, что весь дрожит. Нервы его уподобились струнам, и длинный нескончаемый звук теребил и теребил их. Ник от души надеялся, что Вэнди не растеряется. Какой-никакой, а опыт у мальчика уже был. Он должен знать, что путешествуя по Дису, ожидать чего-либо хорошего не приходится.

— Ник! Кажется, впереди свет, — отрывисто произнёс Лидс. Слова его прерывались неровным дыханием.

— Вижу, — Ник невольно ускорил шаги.

Коридор, которым они шли, резко оборвался. Они опять находились в зале, стены которого слабо фосфоресцировали.

— Чёрт подери, — ошарашенно пробормотал Лидс. — Неужели мы вернулись на базу?

— Этого не может быть, — ответил Ник неуверенно. Он тоже видел, что и коридоры, и зал похожи на те, что он имел возможность лицезреть ещё совсем недавно, будучи

в гостях у Инэда. — Нет, Лидс, тут что-то не то. Мы слишком далеко уходили от базы.

— Да, вероятно. В конце концов, все эти системы созданы здешними аборигенами, так что стоит ли удивляться, что мы обнаружили ещё одну.

Ник взглянул на капитана. Тот едва держался на ногах. Если они и дальше отправятся вдвоём, то могут не успеть предотвратить нападение дикарей.

— Пожалуй, нам стоит разделиться, — Лидс словно прочитал его мысли. — Я уже мало на что гожусь. Оставь мне пищу, фонарь и бластер и беги.

Ник размышлял. Если он оставит здесь бластер, то каким же образом он поможет Вэнди?

Он свалил под ноги капитану жестянки с концентратами и протянул фонарь.

— Лидс, тебе придётся пока побыть без оружия. Я должен отбить Вэнди от дисианцев.

— А если эти милые парни завернут сюда? — устало спросил капитан. — У мальчика ведь есть оружие, да и у тебя кое-какое снаряжение.

Он показал рукой на бутафорские приспособления, так до сих пор и болтавшиеся на поясе и на груди Ника.

— Это? Но ты ведь знаешь, что это подделка. Оружие, выдуманное Вэнди.

— Не совсем. Может быть, они и не годятся для тех целей, которые придумал Вэнди, но они могут кое-что другое.

Ник вспомнил, что уже использовал один из металлических стержней, когда открывал дверь склада. Возможно, Лидс в чём-то и прав. Но ведь ему-то нужно серьёзное оружие.

— Вот, например, эта штучка. Ты наверняка даже не пытался испробовать её, — Лидс снял с пояса Ника блестящий предмет. Он немного напоминал бластер, но был значительно легче и меньше размерами.

— Я думал, — пролепетал Ник, — что это тоже игрушка...

Он вспомнил, что по фантазиям Вэнди это орудие должно было обращать всё живое в камни. Неужели такое действительно было возможно?

— Помимо разнокалиберной мишуры мы снабдили тебя

и некоторыми полезными вещами, — сообщил Лидс. — Наведи эту штуку на середину пещеры и испробуй её.

Ник взял оружие. Отведя руку, нажал на спуск. Мгновением позже он уже зажимал ослеплённые глаза.

— А теперь сними очки! — приказал Лидс.

Ник подчинился и, жмурясь, оглядел зал. Свет по-прежнему искрился вдоль серых мрачноватых стен, но уже не слепил.

— Что это? — спросил он.

— Выдумка Крича. Специально для планет, подобных Дису. Для зрения, восприимчивого к инфракрасному излучению, эта вспышка чрезвычайно опасна. На несколько секунд противник будет полностью ослеплён. Время вполне достаточное, чтобы предпринять контрдействия. Но на время выстрела надо или зажмуриваться или снимать очки.

Ник с изумлением глядел на угасающий свет.

— Но почему ты не рассказал об этом раньше?

— Всему своё время, малыш. И, честно говоря, мы не очень рассчитывали, что всё так обернётся. Выдумка оказалась неплохой, но никто всерьёз не полагал, что она тебе пригодится. Я слишком уверовал в свою счастливую звезду.

— Другими словами, ты просто не доверял мне, — горько произнёс Ник.

В этом был весь Лидс. Слова и фразы об удаче, о счастливых звёздах и везении. А для легковерного Ника всегда находилась нужная история с очередным объяснением.

— Итак, бери изобретение Крича и оставляй мне бластер.

Ник молча взял в правую руку бластер, а в левую изящный и лёгкий излучатель. Он словно взвешивал ценность того и другого, прикидывая, что окажется более грозным в схватке с дикарями. В возможностях излучателя он убедился, но с другой стороны бластер был всё-таки оружием.

— Тебе стоит поторопиться, — нетерпеливо выговорил Лидс. — Ещё немного, и тебе незачем будет любоваться этими вещицами.

— Да, конечно, — рассеянно пробормотал Ник. — Патруль и дисианцы... Нам надо спешить.

— Нам, и прежде всего тебе, — тихо добавил капитан. — По-моему, ты давно уже не смотрелся в зеркало.

— В зеркало? — тупо повторил Ник. А через секунду его охватил ужас. Он быстро поднёс ладонь к щеке и провёл ею вниз до подбородка. На коже уже появились грубоватые складки!

— Увы, Джина оказалась права, — безжалостно продолжил Лидс. — Твоё новое лицо просуществовало недолго. Я не знаю, как быстро всё произойдёт, но если в ближайшее время ты не нагонишь Вэнди, может статься так, что ему придётся повидать Ника Колгерна, которого он знать не знает и уж, конечно, которому он не будет подчиняться.

Ник позабыл обо всём: о Вэнди, о дисианцах, о Патруле. Сейчас он боялся только одного — потерять своё лицо, своё новое и зыбкое «я». Но он УЖЕ терял его! Кончики пальцев не обманывали Ника. День-два, и все вернётся: серые будни, мрак и страхи Диппла...

Его рука с бластером медленно потянулась к лицу. Он знал простой и верный выход. Огненным пучком в эти готовые выползти на кожу шрамы и ожоги! Как же он ненавидел своё уродство. Он был ещё Хаконом, но он уже не верил в эту румяную загорелую оболочку. На кой дьявол это нужно, если всё вернётся?!

Он не ожидал от Лидса такой прыти. Подскочив к нему, капитан больно вывернул ему кисть.

— Только без глупостей, малыш! Ещё не всё потеряно, помни об этом. Единственное, что ты должен сейчас сделать, так это догнать мальчишку.

Это прозвучало почти как приказ. Машинально Ник принял из рук капитана узелок с продуктами и, развернувшись, двинулся вперёд слепыми шагами.

— Живее, дружок! Ты должен успеть!

Ник послушно прибавил шагу. Да. Лидс был, как всегда, прав. Вэнди необходимо было найти до того, как он перестанет быть Хаконом. Какое-то время он шагал, не замечая ничего вокруг. Мысли его продолжали крутиться вокруг Джины, её мрачных сбывающихся предсказаний. Но в конце концов он заставил себя очнуться. Если оставался ещё хоть один шанс вернуться к Джине, он обязан был им воспользоваться. Ноздри его дрогнули. Он уловил знакомый запах. Тот же, что был в пещере, в

которой он нашёл капитана. Может быть, стоило крикнуть?.. Но если услышат дисианцы? Не ухудшит ли его крик положение?

Коридор сделал резкий поворот, стены внезапно сузились. Наклонившись, Ник разглядел тусклый отпечаток. Вэнди прошёл здесь совсем недавно. Протиснувшись в узкий разлом, Ник вошёл в просторную пещеру. Внимательно оглядел тусклые, молчаливые стены. Внезапно у него появилось ощущение, что за ним наблюдают. А в следующую секунду он увидел свет.

Сияющее пятно выплыло ниоткуда, прямо из воздуха. И оно двигалось! Ровные, колебательные движения. Ник уже был знаком с подобными ловушками. Отшатнувшись к стене и, подняв перед собой излучатель, он настороженно наблюдал за покачиваниями пятна. Если бы у него был бластер!.. Он прожёг бы себе дорогу среди всех этих животных и полуживотных!.. Ник медленным движением стянул с себя очки. У него не было времени ждать.

Глубокая ночь окружила его, но, как ни странно, он разглядел то, чего не мог рассмотреть в очках — лёгкий светящийся контур существа чуть ниже пляшущего пятна. Теперь оно уже не было для него загадкой. Существо, затаясь, продолжало подманивать Ника. Должно быть, оно видело или чувствовало его по запаху.

Крепко держа перед собой излучатель, он шагнул вперёд и выстрелил.

Глава 16

То, что должно было показаться для инфракрасного зрения губительной вспышкой, для обычного зрения оказалось вполне терпимым. Резкий визг ударил по ушам Ника. Существо, притаившееся в нескольких шагах от него, подскочило на своих длинных, странно перегибающихся во все стороны ногах и опрокинулось на спину. Свет продолжал дрожать в воздухе, позволяя прекрасно разглядеть и второго хищника. С глухим рычанием по земле катался дикарь, зажимая глаза ладонями. Должно быть, существо служило у него чем-то вроде гончей собаки. Как бы то ни было, Ник вывел их на некоторое время из строя. Бросившись вперёд, он сделал попытку обогнуть корчаще-

еся животное. Но, видимо, почуяв его, оно взмахнуло одной из своих отвратительных членистых лап. Ник едва устоял на ногах. К счастью, удар отбросил его ближе к выходу, а не назад. Царапая лапами пол, существо тщетно пыталось снова подняться на ноги. Свет постепенно угасал. Уже у самого выхода Ник оглянулся. Дикарь не только сумел подняться, но и, вытянув вперёд руки, уже шагал следом за Ником. Вскинув излучатель, Ник дал ещё одну вспышку.

Он бежал по петляющему коридору, и сумка с продуктами больно колотила его по бедру. Окружавшая его мгла заставила юношу снова одеть очки, и сразу стало светло. Позади нёсся протяжный свист. Наверняка дикарь звал соплеменников на помощь. Возможно даже, что помощь эта спешила по тому же проходу, по которому бежал сейчас Ник. Сердце его отчаянно колотилось. Он ещё слышал за спиной постепенно слабеющее повизгивание и свист дикаря. Несколько раз он оборачивался, но погони за собой не пока обнаружил. Впрочем, это ещё ничего не значило. Он уже успел убедиться, что аборигены намного хитрее, чем можно было предположить. За их действиями крылась особая звериная мудрость. Они могли просчитать его маршрут, подготовить засаду, выйти против него не с пустыми руками. Если он хочет выйти победителем в этой схватке, он должен держать ухо востро.

И снова он входил в фосфоресцирующий зал. Тошнотворный запах и те же перемешавшиеся витыми корнями растения. Никаких мерцающих пятен. Пошатываясь от усталости, он доплёлся до противоположной стены и привалился к прохладным камням. Бег по переходам вымотал его вконец. Если так пойдёт и дальше, он просто не справится с возложенной не него задачей. Прислушавшись, он по-прежнему ничего не услышал. Либо преследователи оторвались от него, либо задумали какую-то хитрость. Поэтому позволить себе отдыхать более минуты он не мог.

Неровным шагом Ник вновь углубился в коридор. Куда же подевался мальчик? Он добрался до поворота, свернул за угол и очутился в огромном полуосвещённом зале, из которого лучами звезды убегали в чёрное пространство тёмные тоннели. Это была точная копия поста управления

на базе. С приглушённым стоном Ник опустился на корточки. Пока ход не разветвлялся, у него ещё оставалась надежда добраться до Вэнди, но сейчас он ощутил полную беспомощность. Темнота тоннелей смотрела на него чёрными ехидными провалами, и он чувствовал, как к горлу его подступают слёзы. Спокойно! Он должен был сосредоточиться!.. У него ещё оставалась возможность определить путь, которым отправился Вэнди. Но перед этим он должен был поесть. Целый день у него не было во рту маковой росинки. Последнее, что он ел, была та самая чашка с тонизирующим питьём. Еда!.. Он горько усмехнулся.

Концентраты подогрелись быстро. Ник открыл крышку и принялся за еду. Пожалуй, он вовремя вспомнил о том, что надо подкрепиться. Ещё бы немного, и он просто рухнул бы где-нибудь по дороге. Ник с удивлением взглянул на опустевшую банку. Он прикончил её в два счёта. Тепло от желудка быстро расходилось по телу, восстанавливая утраченные силы. Вот уж чего он не мог допустить, так это сна! Ник с трудом поднялся на ноги.

Итак, перед ним пять тоннелей, пять шансов найти и упустить мальчика. Нет, это было невозможно. У него не было ни сил, ни времени, чтобы обследовать все пять тоннелей. Ему надо было отдохнуть. Хотя бы самую малость...

Он и не заметил, как очутился на земле. Спина мягко привалилась к такому желанному камню. А в следующую минуту он уже бежал, задыхаясь, по бесконечной веренице переходов. Среди преследовавших его грациозных тел то и дело мелькали членистые безобразные лапы, и с дубинами в руках мчались свистящие дисианцы. Свора настигала его, хватала за одежду. Напрягая все силы, он отбивался от них голыми руками, и всё же продолжая свой кошмарный бег. Земля пропала, он низвергнулся в пустоту. Края пропасти кружились далеко наверху. Ник с ужасом всматривался вниз, туда, куда вот-вот он должен был упасть, но падение оказалось мягким. Ник был цел и невредим...

Рука его потянулась к лицу и тут же суматошно зашарила вокруг. У него не было очков! Или преследователи успели сорвать их с него? Он не мог вспомнить, чтобы кто-то из них дотягивался до его лица.

— Где же они? — в отчаянии пробормотал он.

— Если ты об очках, то они у меня.

Ник вздрогнул. Выходит, он спал! Спал самым неосторожным образом, а Вэнди дождался когда он уснёт и снял с него очки! Хорошенькое дело!.. Или это не Вэнди? Он всё ещё не мог собраться с мыслями.

— Вэнди? — неуверенно спросил он. Горло его пересохло, и вопрос прозвучал довольно сипло. Ник прокашлялся. Непроницаемая тьма по-прежнему окружала его, и тьма эта не собиралась ему отвечать.

— Кто это? Вэнди?

— Ты не Хакон. Настоящего Хакона никогда не было!

Ник медленно сел. Вот и всё. Мальчик сделал наконец вывод, который ему следовало сделать ещё там, на Корваре. Он раскусил его, и Ник понятия не имел, чем всё это может закончиться.

— Ты не настоящий! — это прозвучало уже как обвинение. — Ты один из них!

Ник поднёс руку к лицу. Значит, это уже видно. Сначала заметил Лидс, а теперь и Вэнди.

— Ты один из них, — обвиняющим тоном продолжал мальчик. — И я могу оставить тебя здесь, как и капитана. Он тоже был одним из них.

Ник справился со своим замешательством.

— Ты говоришь «один из них». Что ты имеешь в виду?

— Один из врагов отца. И этого достаточно, чтобы я оставил тебя здесь.

— И куда же ты отправишься? — спросил Ник. Только сейчас он в полной мере прочувствовал всю безнадёжность положения.

— Я выберусь наружу. Я знаю, что Патруль ищет меня. Ни дикари, ни хищники не помешают мне. Теперь у меня появились, благодаря тебе, продукты. Так что, счастливо оставаться!

Ник услышал звук удаляющихся шагов.

— Вэнди! — он в панике вскочил на ноги и бросился на звук шагов, но тело его с размаху ударилось о стену. Больно упав, он в отчаянии застонал. Мальчишка оставил его. Без очков, без продуктов. Возвращаться назад? Через логово дисианцев к беспомощному капитану? У него оставался лишь один выход. Он должен был довериться слуху и

попытаться идти за Вэнди. Рано или поздно мальчик вынужден будет остановиться, и тогда он поговорит с ним.

Вытянув перед собой руки, он двинулся вперёд. Вот стена, о которую он ударился. Взять чуть левее — вот и проход! Всё, что у него осталось, — это слух и осязание, и он просто обязан использовать их с наивысшей отдачей. Просто потому, что это был единственный способ выжить в сложившихся обстоятельствах. Неожиданно вспомнив, Ник суматошно зашарил по поясу. Излучатель! Вэнди, конечно же, не обратил на него внимания. Значит, он был не безоружен!

Чутко прислушиваясь к далёким шагам мальчика, он пробирался вслед за ним, стараясь ступать с наибольшей осторожностью. Вэнди не спешил, но Ника тревожило другое. Мальчик мог видеть. В любой момент он мог обернуться, а под рукой у него бластер. Кто знает, что думал сейчас о нём мальчик. Во всяком случае, если он сбил с ног капитана, он мог поднять руку и на него. Ник ни на секунду не забывал о том, что он уже не Хакон. Для Вэнди он был незнакомцем, «одним из врагов его отца». И блокирующая программа заставляла бежать мальчика, бессознательно искать путь наверх, к патрульным военного лорда.

По мере того как они продвигались по тоннелю, Ника всё больше удивляла та уверенность, с которой Вэнди ориентировался в системе лабиринтов. Может быть, это действовала та же программа?

Ник сделал ещё несколько шагов и остановился. Задумавшись, он на несколько секунд выпустил из-под контроля движение мальчика. Чувствуя растущее беспокойство, он медленно вжался в стену. Повисшее молчание помогло ему сделать правильный вывод. Он почти воочию увидел, как, подняв бластер, Вэнди стоит чуть впереди него и всматривается в прячущуюся тень. Ник не сомневался, что его заметили.

— Вэнди! — его разум лихорадочно подбирал нужные слова. — Ты бросил меня. Бросил, несмотря на то, что фаннарды преследуют нас по пятам. Тебе прекрасно известно, что бы они со мной сделали.

Ник выпалил это единым махом. Фаннарды — слово, так вовремя всплывшее в его памяти. Невидимые охотни-

ки за людьми. Ещё одна выдумка из мира грёз этого мальчугана. Зачем Ник вспомнил её? Блокировка, всё из-за неё. Он вновь должен был стать Хаконом, пусть даже ненадолго. А, значит, ещё оставалась небольшая надежда. Надежда переубедить озлобленного мальчика, заставить его слушать себя.

— Ты молчишь? Стало быть, я прав, — продолжил он. Украдкой он коснулся невидимой мальчику щеки. Нет, он ещё не совсем потерял облик Хакона. Лишь в некоторых местах на коже выступила нездоровая шероховатость.

— Здесь нет никаких фаннардов, — голос Вэнди прозвучал угрюмо и недоверчиво.

— Почему ты так уверен в этом? Ты ведь знаешь, что их нельзя увидеть даже через очки.

Он услышал шаги. Но на этот раз Вэнди приближался к нему. Остановившись совсем рядом, мальчик крикнул:

— Говорю тебе, что ты лжёшь! Ты не Хакон, и здесь нет никаких фаннардов!

Ник был рад, что мальчик не убежал от него, но следовало не медлить с ответом. Наверняка этот сорванец внимательнейшим образом изучал его мимику.

— Ты ошибаешься. Они следуют за нами по пятам. Через одну из их ловушек я едва прорвался, разыскивая тебя. Если ты мне не веришь, можешь идти дальше и бросить меня здесь. Я хотел только предупредить тебя.

— Но это вовсе не Ущелье Тантов! Здесь не может быть охотников-невидимок!

— Верно, это лабиринты Диса, но тем не менее, они обитают и здесь. Как бы то ни было, за нами идут опытные следопыты. Если ты не знаешь отсюда выхода, они скоро настигнут нас.

— Я не знаю выхода, — тихо произнёс мальчик.

— Жаль. Я тоже не знаком с этими лабиринтами, — Ник помолчал. — Как насчёт того, чтобы выбраться отсюда вдвоём?

Мальчик долго не отвечал ему. Сцепив зубы и стараясь выражать внешнее спокойствие, Ник ждал.

— Держи!

Что-то, пролетев по воздуху, ударилось Нику в грудь и упало под ноги. Наклонившись, Ник начал шарить по полу.

— Возле твоей правой ноги, — холодно подсказал Вэнди.

Ник провёл ладонью и напрягся. Это не было очками, как он того ожидал. Юный путешественник швырнул ему кусок древесины, обвязанный верёвкой. Прекрасно!.. Его собирались вести на поводке, словно домашнее животное!

— Ты... Ты не веришь мне? — спросил он.

— Не знаю. Хакон ты или нет, но это мой путь, и я поведу тебя. Я не хочу, чтобы мною командовали. Поверь мне, так будет надёжнее для нас обоих.

Ник мысленно поразился произошедшей с Вэнди перемене. Он теперь мало походил на того пугливого мальчика, каким был всего несколько дней назад. Запутавшись в мире реальностей, он решил взять власть в свои руки. В конце концов, даже если перед ним был настоящий Хакон, этот Хакон обязан был подчиняться его законам и его решениям. Равноправие кончилось. Нику ничего не оставалось делать, как смириться с отведённой ему ролью. Играть по правилам Вэнди — ещё не самое плохое. Кто знает, может быть, дальнейшие события заставят мальчика изменить своё отношение к нему. Ведь раньше Хакон мог командовать...

— Вэнди, — он постарался, чтобы голос его звучал убедительно, — до того, как началась буря, я шёл к вам в сопровождении Патруля твоего отца. Наводнение и ураган разбили наш отряд. Я потерял их, но, тем не менее, думаю, что они так или иначе доберутся до пещер. Поэтому самое разумное для нас — это двигаться назад, навстречу патрульным...

Слова его оборвал язвительный смех. Ник в замешательстве замолчал.

— Не очень-то логично, Хакон! Значит, надо идти назад? А как же быть с коварными фаннардами? Не ты ли только что убеждал меня в том, что они преследуют нас по пятам?

— Да, это так. Но не забывай, что я сумел прорваться через одну из их ловушек, а у меня не было оружия. С твоим же бластером мы вполне сможем одолеть их. Кроме того, я уверен, что они давно уже поджидают нас где-нибудь впереди. Они знают, что мы движемся в этом направлении. Если мы повернём назад, это станет для них неожиданностью.

Вэнди молчал. Вероятно, слова Ника отчасти убедили его.

— И ещё, — Ник спешил закрепить свою маленькую

победу. — Здешние аборигены используют одну хитрость, которую мне удалось раскусить.

И Ник рассказал мальчику о колеблющемся пятне света и о том, что он увидел без очков. По вниманию, с которым его слушали, он понял, что заинтересовал Вэнди.

— В одном из тоннелей я видел гигантских червей, — в свою очередь сообщил Вэнди. — Мне пришлось потратить на них с десяток выстрелов. Они тоже светятся... Но, Хакон, идти обратно неразумно.

— Напротив. Этот путь мы уже успели изучить. Мы не заблудимся, а преодолеть препятствия нам поможет бластер и наша выдержка. И потом, ты уверен, что где-нибудь впереди мы не встретимся с чем-то, против чего окажется бессильным даже твоё оружие? А повернув назад, мы будем двигаться навстречу Патрулю.

— Хорошо, — довольно нерешительно проговорил Вэнди. — Сделаем, как ты говоришь.

— Вот и ладно, — одобрил Ник. — Но для начала я бы не возражал, если бы ты вернул мои очки.

Он сразу понял, что допустил просчёт. Мальчик ещё не до конца поверил ему. Верёвка резко натянулась.

— Нет! Ты пойдёшь без очков. Это поможет тебе понять то положение, в котором не так давно пребывал я сам. Помнится, тогда вы, господин Хакон, не очень-то спешили делиться со мной очками.

Ник промолчал. Что он мог сказать? Отчасти Вэнди был прав. А, может быть, он прав был и во всём остальном? Мальчишку использовали в грязной игре грязные политиканы. Не по своей воле он находился здесь, и злость, прорвавшаяся в нём, была вполне объяснима.

Верёвка снова натянулась, как бы отдавая молчаливый приказ, и Ник покорно двинулся вперёд.

Глава 17

Ник хлебнул на Дисе уже немало самого разного, но испытать подобное унижение ему пришлось впервые. Подчиняясь рывкам верёвки, спотыкаясь о невидимые камни, он шёл за мальчиком, даже не пытаясь возмущаться и роптать. Время от времени он выдумывал какой-нибудь вопрос и задавал его мальчику, не всегда надеясь на ответ.

Их роли переменились. Вэнди стал сейчас не просто лидером, он хладнокровно играл роль маленького диктатора.

— Кстати, ты не голоден? — спросил Ник участливо.

— Не беспокойся. Я поел, пока ты спал в том зале.

Мальчик снова усмехнулся. Подавив в себе желание взорваться, Ник бодро продолжил разговор.

— Отлично! Путь у нас долгий. Значит, ты выдержишь. Кстати, что ты там видишь?

— «Кстати», — передразнил его мальчик, — я вижу, что стены потихоньку начинают светиться. Тебе это о чём-то говорит?

— Кое о чём... — Ник резко остановился. — Стой!

— В чем дело, Хакон?

Ник знал, в чём дело. За время своего пребывания на Дисе он успел проникнуться недоверием ко всякому свечению. Если оно возникает перед тобой, жди опасности. Отравленные стебли растений, пушистые хищники, дисианцы... Что их ждало теперь? Напрягая зрение, он посмотрел вперёд. Он тоже начинал видеть мерцающее облако впереди них. На первый взгляд действительно казалось, что фосфоресцировала стена. Но отчего же не светятся стены справа и слева?

Его настороженность передалась мальчику. Ник услышал, как он попятился.

— Что ты видишь, Вэнди? Расскажи поподробнее! — тихо попросил он.

— Ещё не знаю, — пролепетал мальчик. — Но мне всё же кажется, что это не приманка, о которой ты говорил. Оно гораздо больше и неподвижно, но... Теперь я что-то начинаю чувствовать.

Это тоже не было новостью. Каждый второй обитатель этого неласкового мира обладал телепатическими способностями. Темнота, как ни один другой фактор, располагает к гипнотическому эффекту. Ник почувствовал, как пальцы мальчика коснулись его руки.

— Оно... Оно хочет, чтобы мы приблизились к нему! — шёпот Вэнди перешёл в торопливый поток слов. — Хакон! Это очень большое животное! Я боюсь, что бластер против него не поможет!

Не имея очков, Ник думал то же самое. Подобной

величины мерцание не могли породить ни дисианец, ни его гончая. Кроме того, присутствие незнакомого существа он уже чувствовал всем телом. Животное несомненно пыталось воздействовать на них, и сила этого воздействия неуклонно нарастала. Как если бы кто-то неведомый с каждой секундой всё гуще и гуще оплетал их вязкой паутиной.

— Оно зовёт нас! — шепнул Вэнди.

Мальчик уже стоял рядом с Ником, прижавшись к нему всем телом. Внезапно он вздрогнул и шагнул вперёд, слепо, как лунатик. Ник схватил его за плечи и рванул на себя. Он тоже ощущал желание двинуться навстречу сиянию, но сознание опасности удерживало его от опрометчивого шага. Держа одной рукой вырывающегося мальчика, второй он нашарил у него на поясе подвешенные очки.

— Хакон!.. Оно требует. Я должен быть там!..

Ник суетливо пытался надеть очки, но одной рукой это было не так-то просто выполнить. Мальчик продолжал вырываться, колотя его кулаками. Теперь он уже молчал. Швырнув его на камень пола, Ник одним рывком натянул очки. И сразу окружающее пространство стало ярким до нетерпимости. Переход от полного мрака к свету оказался не очень-то приятным. Воспользовавшись его замешательством, Вэнди вскочил на ноги и бросился навстречу мерцанию. Ник глядел туда и ничего не понимал. Он не видел никакого животного. Туманное сияющее облако. И тем не менее, угроза исходила именно от него. Ник не сомневался в этом. Вероятно, они повстречались с ещё одной формой жизни на Дисе, совершенно отличной от всего того, что они видели прежде.

Неестественно подняв голову, Вэнди бежал в сторону мерцающего сияния.

Ник выхватил излучатель. Может быть, свет и не подействует на источник угрозы, но мальчик будет на время ослеплён. И это даст ему шанс хотя бы остановить его. Сдёрнув собственные очки, Ник дважды нажал на спуск. Две ослепительные вспышки озарили своды пещеры. Громко вскрикнув, Вэнди схватился за глаза и рухнул на камни. Ник располагал всего несколькими секундами. Подскочив к стонущему мальчику, он подхватил его под

мышки и рывками потащил назад. Захваченный событиями, Ник не сразу обратил внимание, что гипнотическое воздействие на них прекратилось. Вспышки излучателя подобно ножам рассекли опутавшую их паутину. Они были свободны!

Продолжая тянуть мальчика, Ник не торопился надевать очки. Света в коридорах было более чем достаточно.

Он посчитал уже, что они вырвались, когда их настиг новый телепатический удар. На этот раз он не манил и не звал, он стегнул по сознанию огненным бичом, сразу же заставив остановиться. Ник ещё продолжал прижимать к себе обмякшее тело мальчика, но ноги его сами делали предательские шаги в обратном направлении. Он громко стонал, пытаясь превозмочь ту страшную силу, что навалилась на них.

Рухнув на колени, юноша выпустил Вэнди. Опираясь одной рукой о камни, второй он снова достал излучатель. Виски ломило. Он слабо соображал, что делает. Палец дрогнул на спуске, и снова всплеск клубящегося света освободил их. Вэнди поднялся на четвереньки. Ник ухватил его поперёк туловища и поставил на ноги. Теперь их могла спасти только скорость. И они побежали на подгибающихся ногах, поддерживая друг друга руками, с каждой секундой всё дальше уходя от опасности.

Очки Ника болтались на шее. Он не торопился надевать их. Свет ещё мерцал за спиной, и, кроме того, в любую секунду излучатель мог снова понадобиться.

Вбежав в знакомое помещение зала, из которого начинались тоннели, он помог Вэнди сесть на каменный выступ и, прислушавшись, натянул на глаза очки. Он надеялся, что по крайней мере из опасной зоны они выскользнули. И всё-таки лучше было здесь не задерживаться. Протянув мальчику руку, он устремился к коридору, из которого они недавно вышли.

К облегчению Ника, Вэнди довольно быстро пришёл в себя. Шаг его стал твёрже, он уже не нуждался в постоянной поддержке.

— Хакон, что это было?

— Не знаю. Эту штуковину я встречаю впервые.

— Ты думаешь, она станет преследовать нас?

— Сомневаюсь. Её оружие не нуждается в передвижении.

Ник настороженно всматривался в темноту. Они постепенно выходили из фосфоресцирующего пространства, приближаясь к царству чернильной мглы. Успев уже познакомиться с коварством дисианцев, Ник был уверен, что рано или поздно они опять повстречаются с дикарями.

— Вэнди, ты не потерял бластер?

— Нет, но, кажется, заряд уже на нуле.

Ник взглянул на оружие, подвешенное к поясу мальчика. Чуть выше рукояти красным предупреждающим огоньком мигал индикатор. Вэнди был прав. Энергии бластера, вероятно, хватит на выстрел или два. Это очень не понравилось Нику. Оставалось надеяться на излучатель, но кто знает, надолго ли хватит и его. Им следовало беречь заряды.

Вскоре они двигались уже в полной тьме. Свет остался далеко позади. Короткий отдых не принёс успокоения. Вэнди немного оправился, но было очевидным, что недавнее происшествие глубоко потрясло его. От недавней самоуверенности мальчика не осталось и следа. Сидя на корточках, Ник постарался собраться с мыслями. Вэнди совершил большую ошибку, когда на свой страх и риск двинулся не тем коридором. Они тут же наткнулись на светящееся чудовище. Теперь же они шли прямиком к тому месту, где он оставил Лидса. Вэнди был с ним, и если они доберутся до капитана, а потом до отряда Инэда, всё останется позади. Два «если»... Ник с отчаяньем подумал, что с иссякшей энергией их оружие стоит не многого. Оставалось лишь надеяться на старую удачу, которая, казалось, так долго не изменяла им. Тяжело вздохнув, он поднялся на ноги.

— Пойдём, Вэнди.

— Нет! — голос мальчика едва заметно дрожал.

— Что с тобой?

— Я чувствую, что оно снова где-то впереди и поджидает нас.

— Этого не может быть, — мягко произнёс Ник. — Мы покинули тот тоннель, и чудовище теперь далеко позади.

— Нет, Хакон, нет! — Вэнди поднял голову. — Ты не понимаешь. Оно совершенно не походит на всех тех, кого

мы видели до сих пор. Значит, и передвигается оно совершенно иначе!

— Но не может же оно пройти прямиком через стены? — Ник не уловил убеждённости в своём голосе. Что собственно он знал о том, чего могут или не могут существа Диса? Здесь всё было настолько иное — начиная от неба и кончая глубокими подземельями.

— Посуди сам, Вэнди, не можем же мы сидеть здесь до бесконечности. Кроме того, не забывай, что там, куда мы идём, находятся патрульные твоего отца. Если мы объединимся с ними, нам не будут страшны никакие чудовища. Я видел их оружие. Оно намного мощнее нашего.

— Я не хочу идти, — упрямо повторил Вэнди. Но голос его был тих. Он и сам понимал, что бездействие — далеко не лучший выход.

— Прислушайся. Разве ты чувствуешь ужас, который накатил на нас в том лабиринте?

— Нет, но он может начаться каждую секунду.

— Тебе это только кажется, — твёрдо сказал Ник. — Нам надо отправляться, если мы хотим спастись.

Мальчик нехотя поднялся, и они медленно тронулись в путь.

Свет возник, когда оба они уже окончательно успокоились. Он замерцал далеко позади, и, оглянувшись в очередной раз, Ник тут же заметил его. Не произнеся ни звука, он сжал плечо мальчика.

— Быстрее, Вэнди!

Голос выдал его. Впрочем, Вэнди догадался об опасности и без этого, потому что в следующее мгновение их настиг знакомый свист.

— Что это, Хакон!

Очередная свистящая волна перекрыла его слова, и Ник сморщился, словно от зубной боли.

— Дисианцы, — выдавил он. — Это они!

Как ни странно, на лице мальчика отразилось облегчение. Видимо, страх перед тем существом был сильнее всего остального. Известный же противник был для него лишь только ещё одной неприятностью. То существо казалось нематериальным и неодолимым. Дисианцы же, по рассказам Ника, были такими же, как и они, из плоти и крови... Ник подумал, что очень скоро мальчику придётся убедить-

ся в том, что дисианцы ничуть не лучше той светящейся туманной твари.

Они почти бежали. Свист не прекращался ни на миг, настигая их всюду, куда бы они не повернули. Ник хорошо помнил о проворстве дикарей. В беге они не могли с ними состязаться. И всё-таки самое страшное заключалось в этом гипнотическом свисте. Он завораживал, наполнял бессмысленным животным страхом. Нику показалось, что свистит не один дикарь. Теперь это походило на целый хор. Если так, то им придётся очень тяжело.

— Хакон! — Вэнди плакал. — Мы не уйдём от них!

Оба уже в полной мере оценили мощь давящего на них свиста. Ник обратил внимание на свои дрожащие руки, и это помогло ему преодолеть накатывающий на него страх.

— Они зовут нас, — шепнул он. — Такая уж у них охота. Да только они не дождутся, что мы пойдём на попятную.

Он говорил первое, что приходило на ум, стараясь ободрить и себя и мальчика.

— Хакон! Они обошли нас!

С упавшим сердцем Ник поглядел вперёд. Вэнди не ошибся. Далеко впереди теперь тоже мерцал свет. Только... Ник радостно вскрикнул. Это был конец того длинного тоннеля, в котором они сейчас находились. Возможно, это была та самая пещера, где он оставил Лидса!

— Вэнди! — он хлопнул мальчика по спине. — Это совсем другой свет! Нам надо торопиться туда!

Но торопиться им следовало в любом случае. Свист достиг оглушающей силы. Мельком Ник подумал о том, что Лидс навряд ли окажется в силах помочь им. Главные свои надежды Ник возлагал на Патруль. Если бы Инэд со своими солдатами были уже неподалёку от них!

В голове у него пульсировала знакомая боль. Мальчик тоже едва ковылял, шатаясь из стороны в сторону. Обоим приходилось теперь цепляться за стены, чтобы не упасть. Свет был так близок и так далёк. До него можно было добежать на одном вздохе, но бежать они были уже не в состоянии.

Свист оборвался — внезапно, словно по взмаху невидимой дирижёрской палочки. Но Ник тут же понял, что это означает. Тишина была лишь паузой перед нападением. Дисианцы подкрались почти вплотную к ним и, видимо,

готовы были броситься в атаку. И Ник нисколько не удивился, когда всего в десятке шагов от них разом зажглись колеблющиеся огоньки. Гончие дисианцев! Они стремительно летели к беглецам.

— Вэнди! Бластер! — выкрикнул он.

Мальчик и не думал противиться, когда он рванул с его пояса оружие.

— Беги! — крикнул Ник. — Беги к выходу!

Выставив перед собой бластер, он быстро пятился. Кажется, Вэнди послушался его, так как Ник слышал удаляющиеся шаги. Если Лидс присоединится к ним, у них появится ещё один бластер! Ник продолжал стремительно пятиться, что-то пугающе выкрикивая и размахивая бластером. Спуск он нажал в самый последний момент. Угол излучения был поставлен им на максимум, и первый же выстрел расшвырял нападающих. Тьма наполнилась визгом и рычанием. Вторая волна нападающих приближалась более осторожно. Они видели судьбу первых и не торопились навстречу смерти. В свою очередь Ник не торопился применять бластер. Индикатор на матовой панели совсем потух. Это значило, что выстрела могло и не последовать, и Ник продолжал отходить, веря, что Вэнди успел добраться до капитана, и каждый его шаг был теперь маленькой победой.

Глава 18

Аборигены неотвратимо приближались к нему, хотя Ник по-прежнему не видел ни одного дикаря. Зная об опасности, которая таилась в руках у чужестранца, они благоразумно пустили впереди себя гончих. Короткое туловище, пасть, напоминающая челюсти насекомых, и отвратительные членистые ноги. Передышка после выстрела оказалась короткой. Ник разглядел, что в передних конечностях гончих появились осколки камней. Твари оказались гораздо умнее, чем он предполагал в начале столкновения. Ник чувствовал, что они затевают против него нечто иное, не похожее на обычную атаку.

Камень величиной с кулак ударил его по плечу. И тут же ещё один снаряд вскользь задел его голову. Ник действовал чересчур медлительно, чтобы успевать уклоняться от брос-

ков этих тварей. От попадания в кисть рука его тотчас онемела. Способ нападения, к которому они прибегли, был прост и надёжен. Чуть-чуть не выронив бластер, Ник с криком отшатнулся в сторону. Палец его судорожно надавил на спуск.

На этот раз выстрел оказался коротким. Бластер превратился в бесполезную ношу. И всё-таки своё действие последний огненный всплеск оказал. Трое или четверо камнеметателей корчились на полу, а Ник, низко пригнувшись, побежал. Дальше!.. Как можно дальше, пока они не опомнились...

— Хакон!

Кричали недалеко. Значит, Вэнди удалось-таки добраться до капитана!..

— Я здесь, — выдохнул он. Руки его упёрлись в края разлома. Мгновение, и он рухнул на пол среди ветвистых фосфоресцирующих стеблей. В двух шагах от него журчал ручей. Он добрался до них! Он хотел подняться, но не смог. Эхо звенело в голове. Голоса, которые он слышал, двоились и троились, превращаясь в смутный неразличимый гул. С трудом он заставил себя приподняться, но боль в плече ударила по глазам россыпью багровых искр.

— Ты меня понял, малыш?

Ник узнал властные нотки голоса Лидса. Капитан! Он здесь, рядом! Значит, они спасены. Бластер защитит их от дикарей!

— Надо торопиться!.. — Ник повернул голову. — Дисианцы! Они следуют за мной по пятам!

Рука Ника метнулась к лицу. Очков не было. Может быть, они слетели с него при падении? Он тщетно напрягал зрение, пытаясь рассмотреть Лидса и Вэнди.

— Наш дружок очнулся? — насмешливо спросил Лидс. Ник не поверил своим ушам. На мгновение он даже усомнился, что слова принадлежат капитану. Кто-то, хромая, приблизился к нему.

— Капитан, я пытался остановить их, но заряд бластера подошёл к концу. А теперь мои очки...

— Зачем они тебе? — из темноты усмехнулись. — Не настолько уж я жесток, чтобы оставлять тебе их. Поверь мне, лучше не видеть того, что здесь произойдёт. Извини,

но нам надо идти. Ты сам говоришь, что диснанцы будут здесь с минуты на минуту.

— Я... — Нику казалось, что он чего-то мучительно не понимает. — Боюсь, что я не смогу двигаться самостоятельно.

— Само собой, — капитан отошёл от него. — Самое лучшее для тебя — оставаться, где ты есть.

— Но...

— У нас нет времени на прощание. Мы уходим, Хакон.

Последнее слово капитан произнёс с нескрываемой издевкой.

— Ты хочешь сказать, — Ник был настолько потрясён, что с трудом подбирал слова, — что вы... вы меня бросите?

— Ты догадлив, мой мальчик. Мы отправляемся навстречу Патрулю.

— Без меня? — Ник всё ещё не мог поверить в случившееся.

— Без тебя... Вэнди, поторапливайся. Они уже где-то рядом. Думаю, наш дружок их немного задержит.

— Лидс!

Это был крик отчаянья. Ник слепо шарил вокруг. Слух его уловил удаляющиеся шаги. Что-то сбивчиво говорил Вэнди, но твёрдый обаятельный голос капитана спокойно и убеждающе не соглашался.

Ник уцепился за один из фосфоресцирующих корней и кое-как поднялся. Мозг его лихорадочно работал. Душа же была разбита и растоптана. Это было хуже, чем потеря обещанного лица. Его предал человек, которому он доверял до последней минуты. Возможно даже, что предательство входило в его планы с самого начала.

Теперь всё становилось на свои места. Истории, противоречащие одна другой, суровое выражение на лице Джины. Может быть, она была против того, чтобы делать ему временное лицо, но это было основной приманкой Гильдии. Обещая повторную операцию, Лидс мог вытворять с Ником что угодно. Говоря о двух месяцах, они не шутили. Даже по доброй воле он бы не ушёл от них. Лицо было якорем, на котором они могли удерживать его, не прибегая ни к каким запугиваниям. Гильдия оставалась Гильдией и отнюдь не собиралась тратить деньги на неизвестного бродяжку из Диппла. Они держались за него ровно столь-

ко, сколько требовалось для дела. Операция потерпела крах, и его участь стала зависеть лишь от пожеланий капитана. До тех пор, пока Лидс сознавал необходимость услуг Ника, он и не думал отказываться от них, терпеливо выдумывая истории одну за другой. Теперь же дело было сделано. Вэнди находился у него в руках, а договориться о судьбе одного человека было неизмеримо легче. Кроме того, капитан упростил и задачу отхода. Действительно, наткнувшись на Ника, дисианцы могли и не последовать дальше.

Ник заскрежетал зубами от гнева. Отчаяние, готовое прорваться слезами, вскипело в нём неожиданной злостью. И именно эта злость помогла ему двигаться. Он ещё помнил, в какую сторону удалились голоса. Двигаться вслепую было для него не в новинку. Правая рука ощупью прошлась по поясу. Излучателя не было. Лидс предусмотрел и это. Что ж... Это только прибавило ему сил.

Медленно продвигаясь вперёд и цепляясь руками за стену, он постоянно ждал нападения сзади, но ничего не происходило. Может быть, дисианцев устрашил последний его выстрел? Потеряв стольких слуг, не отказались ли они от повторных атак? Если это было правдой, то кое-какой шанс у него ещё имелся. Он мог бы смириться со своей гибелью, но его бросало в яростный жар при одной только мысли, что те, по чьей вине он погибнет, останутся безнаказанными.

Нет, он не винил Вэнди. Мальчик был в праве не доверять ему. Пусть смутно, но по-видимому он сознавал, что его используют в каких-то корыстных целях. Отсюда и жёсткость, проявляемая по отношению к неожиданному спутнику, вынырнувшему из сновидений. Но капитан!..

Напрягая последние силы, Ник упорно ковылял вперёд. По крайней мере он сделает всё от него зависящее, чтобы не позволить Лидсу благополучно улететь с Диса!

Путь показался ему бесконечным. Один раз Ник чуть было не потерял сознание, ткнувшись разбитым плечом в невидимую стену. Всё, чем он располагал, состояло из ослабленных рук и ног, да горстки решимости. Нервы, издёрганные этими днями на планете мрака, откликались на каждый шорох. Собственное хрипящее дыхание порой начинало казаться ему рыком подкрадывающегося живот-

ного. Картины прошлого пёстрым несвязным сумбуром всплывали перед воспалённым мозгом, и он рассматривал их с тупым безразличием.

Флиттеры, корабли, ливни и пушистые хищники, гипнотизирующие своим удивительным танцем. Может быть, это было и не самое худшее — погибнуть здесь. Вэнди рассматривал это как опасное, но увлекательное приключение, почему бы и ему не смотреть на это так же... В конце концов, там, в сырых и полусгнивших бараках Диппла, он мог бы провести долгую безрадостную жизнь, но нужно ли это было ему?

Нечастые прояснения рассудка возвращали его к печальной действительности. Сначала Хакон, потом Вэнди... Ник уцепился за эту мысль. Да, теперь он не сомневался, что и Вэнди ждёт нечто похожее на его судьбу. Лидс не отдаст его Патрулю. Старому и опытному члену Гильдии безусловно потребуются гарантии, а главной гарантией был сам Вэнди. Пока мальчик с этим пиратом, капитану нечего опасаться. Патруль пойдёт на любые уступки. Утихшая было злость вновь вскипела в груди Ника. Сейчас он готов был простить Вэнди всю его былую подозрительность. И прежде всего потому, что видел в нём товарища по несчастью.

Мертвенно-бледный свет подсказал ему, что где-то вблизи находится пещера, подобная той, в которой Лидс оставил его. И тут же до Ника донеслось приглушённое бормотание. Удвоив осторожность, он крался вперёд, забыв о боли и усталости. Он не собирался обнаруживать себя раньше времени.

Сделав последние два шага, он медленно выглянул из своего укрытия. Не будь здесь фосфоресцирующей растительности, Ник навряд ли разглядел бы своих недавних попутчиков, но слабый свет подземных кустов позволил ему рассмотреть фигуры сидящих людей. Руки у мальчика были связаны. Он сидел неподалёку от своего конвоира. Лидс же неторопливо вскрывал банки с концентратами.

Опустив глаза, Ник взглядом зашарил по каменному полу. Попался бы сейчас в руки тот камень, что угодил ему в голову! Уж он бы знал, куда его метнуть... Движения капитана были спокойными и лишёнными всяческой суетливости. Судя по всему, он чувствовал себя более чем

уверенно. Глядя, как он ест, Ник ощутил спазматическое подрагивание в глубине живота. Но Лидс не спешил прекратить его мучения. Насытившись, он предложил еду Вэнди. Мальчик не стал отказываться, но есть ему пришлось с помощью капитана. Лидс так и не развязал ему рук.

— Я было понадеялся, что твои друзья подоспеют к нам, но они, очевидно, заблудились, — с усмешкой произнёс капитан. — Вероятно, их сбил с толку тот трюк, что выкинул твой дружок. Он кинул сумку с радиодатчиком в ручей. Но кому как не мне знать, что у тебя имеется кое-что получше датчика. Я не ошибаюсь, Вэнди?

Мальчик не ответил ему. Нику показалось, что лицо его насуплено.

— Можешь не отвечать, но я-то знаю, что это так. Ты можешь сделать экстренный вызов, и тебя услышат. На этот раз обязательно услышат, потому что они внимательно слушают.

Дрожащий голос мальчика возразил ему.

— Я сделаю вызов, а вы уничтожите всех, кто сюда подойдёт.

— Напротив, мой мальчик! Я встречу их с распростёртыми объятиями. Посуди сам, зачем мне стрелять в них? Вернуть тебя любящему отцу — лучшее и единственное, что мне остаётся. Взамен мне подарят свободу и жизнь. Как видишь, я вполне откровенен с тобой.

— Хакон сказал...

Лидс рассмеялся.

— Бедный мой мальчик, попробуй уяснить одну простую вещь. Хакона нет и никогда не было! Фантазия, которой воспользовался этот крысёнок из Диппла! Некий Ник Колгерн, который не заслуживает абсолютно никакого внимания. Он даже не член Гильдии!

— Зато вы уж наверняка один из членов этой воровской команды, — зло бросил Вэнди.

— И опять мимо, — капитан продолжал благожелательно улыбаться. — Я представляю Гильдию, пока меня это устраивает, но не более того! Думаю, кое-кому из наших не понравился бы тот факт, что я возвращаю лорду его сына в целости и сохранности, но, как видишь, меня это не очень-то тревожит. Всё, что требуется от тебя, так это рассказать командиру Патруля правду.

— Это какую же правду?

Лидс изобразил на лице удивление.

— Я-то думал, что ты всё уже понял. Я пробрался на Дис, чтобы освободить тебя. Всю жизнь питал огромное уважение к лорду, династии Аркама и членам его семьи. Мне пришлось потрудиться, и дело выгорело. Я освободил тебя от того, кто сманил тебя с Корвара. Разве это не так?

— Но что будет с Хаконом? — тихо спросил Вэнди.

— Если ты спрашиваешь об этом крысёнке Колгерне, то думаю, ничего особенного. Останется в той пещере. Впрочем, если Патруль заинтересуется его персоной, возражать я не собираюсь, — Лидс великодушно развёл руками.

— Но он говорил, что за ним гонятся дисианцы, и я тоже их видел. Он рисковал собой. Что если он погибнет?

Капитан пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Это Дис. Если бы я начал заниматься им, кто знает, что бы случилось с тобой. Ты меня интересовал больше, и я вынужден был забыть об этом отщепенце из Диппла. Ещё раз пойми, он никто. Он обманывал тебя от начала и до конца.

— И не только он... — медленно проговорил мальчик.

Лидс вздохнул.

— По-моему, мы только теряем время. Не пора ли установить связь с твоими друзьями? Вероятно, Инэд чертовски обрадуется, услышав твой голос.

— Инэд? Он возглавляет Патруль? — Вэнди оживлённо поднял голову. — Хорошо, но... Каким образом я свяжусь с ним, если руки у меня связаны?

— Не обижайся. Вынужденная мера, только и всего. Я освобожу твою руку, пока одну. Я ведь прекрасно изучил тебя. Ты маленькая скользкая рыбка, у которой помимо всего прочего есть остренькие зубки. И я бы очень не хотел упустить тебя. Особенно сейчас.

Пока капитан возился с узлами, Ник прикидывал расстояние, которое ему следовало одолеть, чтобы завладеть бластером. При его слабости это казалось невозможным. И ему ничего не оставалось делать, как продолжать своё безрадостное наблюдение. Он увидел, как Вэнди встряхнул затёкшей рукой, а потом вытащил из-за пазухи небольшую коробочку. Прижав передатчик к самым губам, он что-то быстро зашептал. Капитан внимательно наблюдал

за ним. Глядя на его напряжённое лицо, Ник внезапно заметил нечто странное. Он даже не понял сначала, что же его насторожило. Цвет! Цвет лица Лидса медленно менялся. Ник взволнованно сжал кулаки. Что-то происходило в маленькой пещере, но ни Лидс, ни Вэнди этого не замечали. Ник торопливым взглядом обежал своды пещеры. Но что он мог рассмотреть в этом беспросветном мраке? Редкие фосфоресцирующие контуры и чернильная мгла... И всё-таки он увидел ЭТО!

В дальнем углу буквально из ничего, из воздуха формировалось нечто светящееся и пульсирующее, туманными отростками ощупывающее вокруг себя пространство. То самое существо, от которого им едва удалось убежать. Ник с ужасом смотрел, как быстро оно растёт. Значит Вэнди был прав, предполагая, что чудовище может проходить сквозь стены?..

— Ну что, есть связь? — осведомился Лидс.

— Да, но... — пальцы Вэнди беспомощно выронили передатчик. Он увидел чудовище и раскрыл рот в беззвучном крике. Лидс проследил глазами в направлении его взгляда и торопливо вскочил. Бластер в его руке сверкнул яркой вспышкой. И ещё раз. Свечение продолжало разрастаться. Нику показалось, что чудовище небрежными глотками просто всосало в себя энергию оружия. Выстрелы ничуть не замедлили его роста. И капитан и Вэнди медленно попятились.

Существо не спешило нападать и не использовало своей телепатической мощи, оно просто заполняло пещеру своей бестелесной субстанцией.

Ник напряжённо следил за чудовищем. Пожалуй, в одном Лидс прав. Кем бы ни был Ник Колгерн, с ним покончено раз и навсегда. И если так, то пусть уж конец будет достойным. В какие-то секунды в нём произошел перелом, превратив приближающуюся смерть в нечто нестрашное, само собой разумеющееся.

— Капитан! Это чудовище боится излучателя! — крикнул он. — Ты слышишь меня, Лидс?!

Но капитан продолжал пятиться, ничего не слыша. Расширенными от ужаса глазами он смотрел только в сторону расплывающегося по пещере сияния. Вэнди сообразил быстрее. Изумлённо взглянув на Ника, он тут же

перевёл глаза на Лидса. Единственная свободная рука его метнулась к излучателю. Неизвестно, что об этом подумал Лидс, во всяком случае, ухватив мальчика за локоть, он с силой отшвырнул его назад. Тем не менее Вэнди успел выхватить излучатель, но не удержал его, и оружие полетело на землю. Ник более не раздумывал. Собравшись с силами он бросился к излучателю. Краем глаза он успел заметить, что Вэнди борется с капитаном. Может быть, Лидс сошёл с ума?.. Схватив излучатель за серебристую рукоять, Ник быстро перекатился чуть в сторону. Капитан уже спешил к нему. Лицо его было перекошено яростью. Очки и злобная гримаса превращали его в пугающую маску. Отвернувшись, Ник прицелился в мерцающее чудовище и выстрелил.

Ему показалось, что воздух наполнился стоном. Полыхающее зарево словно стиснуло затрепетавшее сияние, затем сжало его до неуловимо малых размеров. Ник огляделся. Вытянув перед собой руки, Лидс слепо шагал в сторону чудовища. И будто почувствовав приближение человека, последнее трепетно запульсировало, вытянуло навстречу туманные щупальца.

— Лидс! — выкрикнул Ник. А, может быть, это и не было криком. Неясный шум наполнял пещеру, изменяя звуки до неузнаваемости. Как бы то ни было, капитан не обратил на возглас ни малейшего внимания. Сделав последний роковой шаг, он прикоснулся к туманному сиянию и с хрипом рухнул на колени. А в следующее мгновение Ник сделал отчаянную попытку броситься наперерез Вэнди. Мальчик, слегка покачиваясь, шёл следом за Лидсом. Пальцы Ника вцепились в лодыжку мальчика, и они покатились по земле. Чудовище вновь разрасталось. Капитан уже исчез в ядовитом сиянии, растворился в кислотной субстанции, и тотчас последовало оживление завораживающей пульсации. Свет быстро угасал. Удерживая вырывающегося мальчика, Ник с отчаянием шарил вокруг рукой в поисках излучателя. Он выронил его, когда боролся с Вэнди. На туманное сияние он старался не смотреть. Вдруг что-то коснулось его плеча, и он вскинул голову.

— Ложись на пол и молчи!

Перед ним стоял офицер Патруля. В руках у него был тяжёлый, снабжённый широким раструбом агрегат. Ору-

жис, подобных которому Нику ещё не приходилось видеть.

— Спокойно, Вэнди, это помощь, — он лёг ничком рядом с мальчиком.

С рёвом всколыхнулся воздух, и ослепительный сноп огня метнулся к мерцающему чудовищу.

Окно располагалось чересчур высоко, не позволяя Нику выглянуть из него, но он и с закрытыми глазами мог бы сказать, что там, за кирпичными стенами, пылает яркое солнце. Лучи его тёплыми игривыми зайчатами скакали по обоям и по одеялу, под которым лежал Ник.

И снова ему приходилось гадать о том, где он находится. Но на этот раз можно было не таиться и не задерживать дыхание. Наслаждаясь игрой солнечного света, он медленно вспоминал всё то, что произошло с ним за последнее время. Правда, он затруднялся, что же назвать сном: всю его жизнь, втиснутую между днём, когда его нашли на разрушенном корабле и днём возвращения с Диса, или же то, что он ощущал теперь.

— Хакон!

Он отнюдь не был уверен, что ему это не послышалось. А даже если и не послышалось, то что с того?

— Хакона нет, — медленно произнёс он и обернулся. В дверях комнаты стоял Вэнди. Умытый, причёсанный, совсем не похожий на того затравленного паренька, каким привык его видеть Ник на Дисе. Да и видели ли они друг друга? Там была ночь, кромешная ночь, в которой жили, разговаривали и воевали одни лишь призраки. Рядом с Вэнди стоял высокий черноволосый мужчина, в котором Ник без труда угадал отца мальчика. Это получилось само собой, рука Ника беспомощно потянулась к нижней части лица. Он был уже не на Дисе, спасительная тьма уже не скрывала его уродство, и сам он перестал быть Хаконом. Ник не сомневался, что печальные прогнозы Джины успели сбыться.

Отец Вэнди подошёл к нему и отвёл его ладонь в сторону.

— В этом нет необходимости, Хакон. Если хочешь, можешь полюбоваться на себя в зеркало. Думаю, ты не

будешь оспаривать тот факт, что наши врачи ничуть не хуже врачей, нанимаемых Гильдией.

Сердце Ника бешено застучало. Словно из тумана на него глянуло знакомое и в то же время незнакомое лицо. Чёрные вьющиеся волосы, смуглая гладкая кожа и перепуганные глаза.

— Это неправда! — вырвалось у него.

— Что именно? — осведомился лорд Аркама. — То, что ты сейчас видишь перед собой, или то, что говорил тебе о возможностях медицины некий капитан Лидс?

— Я... — Ник растерянно шевелил губами, не зная, что и сказать.

— Хорошо, об этом после. А сейчас поговорим о Хаконе.

— Хаконе?

— То есть, о тебе. Как ты только что убедился, ты Хакон и останешься им навсегда.

— Но Хакона никогда не было в действительности! — выкрикнул Ник.

— Да ну? — брови лорда Аркама удивлённо изогнулись. — Странно... Кто же в таком случае составил моему сыну компанию на Дисе?

Ник опустил голову. Ему было трудно смотреть в эти пытливые глаза.

— Я вынужден был обманывать Вэнди, — пробормотал он.

— Не трудись, — лорд приподнял правую ладонь. — Не стоит. Того, что мы знаем, вполне достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Сейчас меня главным образом интересует тот занимательный факт, что мнимый Хакон оказался действительностью. При всех своих возможностях я бы не смог предложить сыну подобное чудо. Уж не знаю, что он там нафантазировал, но, видимо, многое. Он жаждал спутника и товарища, защитника и храброго опекуна. И на мой взгляд, ему повезло. Его мечты стали реальностью.

— Но я Ник Колгерн, — тихо произнёс Ник. — Хакон — это маска.

— Пусть так, но по-моему она тебе к лицу. Думаю, и ты тоже так считаешь. Словом, Вэнди не собирается отказываться от тебя, а я не собираюсь отказывать ему.

— Но я увёл его с Корвара, — пролепетал Ник. Он уже

и сам не знал, чего добивается. К счастью, терпения у лорда было более чем достаточно.

— А на Дисе ты его спасал и не раз. Разве не так? И разве не ты рисковал при этом жизнью? Я высоко ценю неприкосновенность моего сына. Ты обеспечил её. И теперь я позабочусь о твоём будущем. Но при одном маленьком условии... Мы забудем о несчастной жизни некоего Колгерна и свыкнемся с существованием Хакона.

Рука Ника вновь поднялась к лицу, но теперь он хотел лишний раз убедиться, что зеркало не обмануло его. Всё, что говорил сейчас лорд, казалось слишком нереальным. Этому следовало найти подтверждение, и пальцы нашли это подтверждение. Кожа была гладкой и нежной. Прикасаться к ней казалось настоящим волшебством. Он и не заметил, как к нему приблизился Вэнди.

— Ты неплохо выглядишь, Хакон! Это правда.

Ник не сумел сдержаться, веки его жалобно моргнули, и пальцы ощутили на щеке мокрое. Он смотрел сквозь заволакивающий глаза туман на Вэнди и на лорда Аркама и молчал. Слишком многое он мог им сказать сейчас. Но на это не хватило бы его сердца, его нервов. И потому он молчал.

ЗВЁЗДНОЕ КОЛЕСО

Автор выражает признательность
Сандре Хелтон, предоставившей использованный
в книге астрологический материал,
включая гороскоп.

Глава 1

На небольшом лугу в низине ветер шевелил опавшие листья. Один листок взлетел и прилип к вязаной шапочке Гвеннан. Девушка поглубже упрятала подбородок в складки тёплого шарфа. Даже этот холод, оказывается, можно забыть. Она стояла между двумя грубо высеченными камнями, сосредоточив всё внимание на третьем, самом высоком камне на насыпи. Он чётко вырисовывался на фоне бледнеющего неба.

Природное образование — эти три камня? Она сморщилась под своей тёплой полумаской из плаща и в сотый — в тысячный? — раз отказалась от этой мысли. Повторится ли то, на что она так надеется? Может ли повториться? Она совершенно уверена в том, что увидела три недели назад, в этот же самый час, когда стояла на этом же самом месте.

Книги — как она внимательно читала их, изучала рассуждения тех, над кем смеялись, кого даже преследовали «власти», чьи убеждения основаны исключительно на общепринятом. Но что такое общепринятое? Те же рассуждения, если копнуть поглубже.

Но вот! Освещение — наконец-то оно под нужным углом — падает на высокий камень и...

Гвеннан едва не закричала. Хотя, может, даже и прохрипела что-то в складки своего шарфа. Её тогдашнее впечатление не было воображаемым. На высоком каменном столбе — линии, слишком регулярные, чтобы быть случайными, слишком незнакомые, чтобы быть — чем? Только в полусвете и в этот час утра может она разглядеть их. Нужно ли приближаться, снимать перчатки, проводить пальцами по поверхности? Может ли она на ощупь убедиться, что зрение не подвело её?

Эта мысль означала начало действий. Её обнажённая кожа вздрагивала от прикосновения к холодному камню, но Гвеннан не обращала на это внимание. Она прикоснулась — и тут же отдёрнула руку. Она сделала это инстин-

ктивно, потому что ощутила нечто, рождённое не камнем, не холодным воздухом... не...

Она снова поднесла руку к камню. Необычность исчезла. Как круги от осколка, упавшего на поверхность тихого пруда. Круги разошлись, и поверхность снова неподвижна. Она попыталась проследить эти линии. Огам?*

Забытый язык, письмо, состоящее из линий над строкой и под ней или рун с острыми углами? Она искала в книгах. Нет, знаки, которые она видела (а может, ей просто показалось — игра света), не такие.

Но она видела их. Они здесь! И она придёт снова и снова... Что с того, что это чужая земля? Гвеннан перевела взгляд от каменного клыка на лес внизу. Среди деревьев виднелась наклонная крыша, серая и мрачная — и как будто такая же древняя, как сами эти камни.

Она же не причиняет никакого вреда, пыталась уверить себя Гвеннан, пряча разочарование от того, что момент откровения оказался таким кратким. Почти трёхсотлетний обычай сделал эти нетронутые, нехоженые земли чужими для жителей городка. Но никто не говорил вслух, что старая изношенная каменная стена ограждает запретную территорию.

Выросшая в городе, принимавшая всё, что принято в городе, она до сих пор не сознавала, насколько странно выглядит история долины. И не только из-за камней, которые привлекли её к себе с первого взгляда, а в основном, конечно же, из-за дома Лайлов.

В 1730 году, когда по Белой реке от побережья поднялись первые переселенцы, которых прогнали с морского берега бури и сильные ветры и которые искали подходящие земли для сельского хозяйства, — дом Лайлов уже стоял здесь. Кто построил его и когда? Если даже кто-то из новоприбывших и задавал такие вопросы, они быстро прекратились.

В доме жили Лайлы, а также несколько индейцев и десятка два темнокожих слуг, принадлежавших к какой-то неведомой расе. Слуги отличались молчаливостью и никогда не общались с поселенцами. Но Лайл тех дней, владевший здешними землями, ничем не мешал поселенцам. Больше того, время от времени из-за серых стен

---

* Огам — письмо на древнеирландском языке, состоящее из прямых черт. Огамическое письмо употреблялось на Британских островах в 3 - 4 веках. — *Прим. переводчика.*

приходила помощь — причём не только всему зарождавшемуся городу, но и отдельным его жителям.

В школе Гвеннан учила старый общепринятый миф о Колумбе и его знаменитом открытии Америки. Но теперь-то люди знают больше. Задолго до того, как итальянский авантюрист поднял паруса, суровые рыбаки Англии достигали далёкого берега, вытаскивали на него лодки, а затем плыли назад, тщательно сохраняя тайну богатых добычей вод. Были и мореплаватели в длинных лодках. Невозможно больше отрицать их плавания: ведь обнаружены даже их поселения. А до них — кто ещё?

А руины в Нью-Гэмпшире, многочисленные «овощные погреба», окружённые каменными стенами, столь тщательно сконструированные, — поздние поселенцы использовали их с весьма прозаической целью, которая и дала им название? Всё найденное здесь приписали индейцам. Но никто даже не попытался объяснить, зачем кочевым охотникам строить каменные стены и помещения странной формы, если сами они живут в походных лагерях.

Кто такие Лайлы и как они оказались здесь? Существуют легенды о пирате, привёзшем вверх по реке сокровища и остатки своего экипажа, чтобы основать собственное королевство. Будто бы, придя первыми, они стали частью этой земли, и позднейшие поселенцы никогда не оспаривали их права. Правда также, что ни город, ни окрестные фермы никогда не подвергались набегам индейцев. Больше того, сами индейцы иногда получали убежище в доме Лайлов. Война сюда не приходила — тут царило скромное процветание.

На деньги Лайлов построили мельницы и, как ни странно, школу. И Лайлы поставили только одно, весьма странное для того времени условие: дочери жителей города и фермеров должны были учиться наравне с сыновьями. Но влияние этой семьи, хотя оно существовало всегда, проявлялось не прямо: члены этой семьи никак не вмешивались в дела жителей городка, в их образ жизни.

Часто во времена последующих войн большой дом пустовал, и в нём оставалось только несколько слуг (очевидно, эти слуги вступали в брак в своём кругу и производили новые поколения, заступавшие на службу, когда старики умирали). Сами Лайлы могли на какое-то время исчезнуть. Иногда приходило известие о смерти в доме. А затем, рано или поздно, появлялся другой член этого

молчаливого семейства, занимая место прежнего, и жизнь продолжалась, как обычно. Сейчас в доме Лайлов жила женщина. Гвеннан только недавно её увидела.

По обычаю, пришедшему от первых поселенцев, её называли леди Лайл. И никто из горожан не задавался вопросом, как появился такой необычный для этих мест титул. В доме Лайлов никогда не жили дети, а если у них заключались браки и создавались семьи, то в каких-то других землях. Но было хорошо известно, что каждый новый владелец дома внешностью и манерами очень напоминает своего предшественника. Семейные черты внешности передавались из поколения в поколение.

Гвеннан только недавно стала задумываться над явной загадкой — как семья, столь долго владевшая землёй, сумела так эффективно обособиться. Леди Лайл совершенно захватила воображение Гвеннан. Прежде всего, она никогда не встречала женщины такого роста и с такой уверенностью в себе.

Сама она всегда была выше сверстников в школе и ненавидела своё тело за его размеры. А леди Лайл носила своё тело, как гордая лесная сосна; на голове у неё красовалась масса волос, уложенных в корону, так что она всегда надевала один лишь шарф. Двигалась она с величием, которое, как представляла себе Гвеннан, было присуще королевам в те времена, когда они не только представительствовали, но и правили.

Впрочем, жизнь самой Гвеннан содержала довольно мало оснований для суждений. Как у племянницы Нессы Даггерт, у неё были очень ограниченные возможности для общения. Всякое расширение физических горизонтов строжайше преследовалось. Мисс Несса возглавляла городскую библиотеку, и вся её жизнь была посвящена выполнению долга. Она воспитывала Гвеннан: причём взялась за это очень неохотно, исключительно из чувства долга, после гибели непоседливых своевольных родителей девочки. По городским стандартам, она делала для девочки всё возможное. Её кормили и одевали в соответствии со строгими представлениями мисс Нессы о приличиях, хотя эти представления всё больше оспаривались внешним миром.

Гвеннан не училась в колледже. Когда она закончила школу (она никогда не считалась хорошей ученицей, потому что занималась только теми предметами, которые

её интересовали, а остальное пропускала мимо себя), мисс Несса уже тяжело болела, впрочем, отказываясь подчиниться болезни. Она намерена была до конца держать вожжи правления своего маленького мирка в собственных руках, и Гвеннан стала её руками и ногами, её слухом и зрением.

Девушка не противилась и не хотела иного. Не только успешно воспитанное в ней чувство долга препятствовало этому; она всё больше и больше боялась жизни за пределами свого узкого мирка. В общении с другими ей всегда не везло, и она нашла убежище — в книгах.

Со временем она начала понимать, что в ней живёт какое-то внутреннее влечение. Пока ещё очень бесформенное. Она читала — о, как она читала! — книги по истории, отчёты об археологических открытиях, всё то, что касалось странных фактов, не укладывающихся в общепризнанное специалистами. Странно, но сама Гвеннан никогда не испытывала желания присоединиться к искателям неведомого. Возможно, она слишком сомневалась в общепризнанных теориях. И, внешне оставаясь послушной добровольной помощницей мисс Нессы, внутренне она искала, спрашивала, сомневалась.

Некогда ей снились сны. И этим утром, стоя между камнями, она смутно вспомнила те свои сны. Маленькой она считала всё снящееся «реальным» и легко об этом рассказывала, но её обвинили во лжи. Постепенно она поняла опасность «странности» и с готовностью согласилась, что всё это она выдумала.

Но потом сны исчезли, и она была этому только рада. Потому что последние сны превратились в кошмары, они пугали её, и ей пришлось отгородиться от них стеной.

Мисс Несса умерла два года назад и оставила Гвеннан дом, очень скромный счёт в банке (несмотря на спартанский образ жизни, болезнь почти истощила её сбережения, собранные в течении всей жизни путём строгой экономии) и своё место в библиотеке. Город, привыкнувший к тому, что во время болезни все обязанности мисс Нессы и так исполняла Гвеннан, поставил её на это место. Единственное изменение в её жизни заключалось в том, что она стала чуть больше зарабатывать и таким образом смогла увеличить своё драгоценное собрание книг.

Наступил день, свет залил камни и уничтожил все следы

линий. Гвеннан надела перчатки, повернулась — и застыла. Она была не одна.

Человек, появившийся столь неслышно, не стал подниматься на насыпь, он стоял у её подножия, серьёзно глядя на девушку. Высокий мужчина — Лайл! Внешне похож на леди Лайл. Более жёсткое, ястребиное лицо в то же время носило отчётливые черты семейного сходства.

Несмотря на холод, он стоял с непокрытой головой, слегка склонив её и внимательно разглядывая девушку из-под полуприкрытых век. Кожа — не по сезону смуглая, загорелая, волосы — густые, золотистые, и подстрижены короче, чем требует мода.

Но глаза, внимательно следившие за ней, были такими же яркими и голубыми, как и у леди Лайл. Гвеннан неловко переступила с ноги на ногу. Она нарушила границы, и то, что придётся иметь дело с Лайлами на их территории, её слегка пугало.

— Кто вы? — резко спросил он.

Но Гвеннан не собиралась поддаваться тревоге. Она отошла на несколько шагов от камней.

— Гвеннан Даггерт, — её имя для него, вероятно, ничего не значило. Она спешно пыталась придумать оправдание своему пребыванию здесь. Выдать тайну — нет, этого она не перенесёт.

— Гвеннан Даггерт, — повторил незнакомец. — И что привело вас сюда, Гвеннан Даггерт? — веки его поднялись, и он окинул её высокомерным вызывающим взглядом. Возможно, у него было на это право.

— Случай... — лучше она ничего не могла придумать.

Он рассмеялся: «Случай?» Голова его медленно повернулась из стороны в сторону: он отрицал её ложь. Но выражение его лица изменилось, с него как будто спала какая-то тень, и оно открылось полностью. На нём отразилась насмешка, будто он счёл её совсем глупой, неспособной даже на правдоподобную ложь.

Гвеннан удивилась этой своей мысли. Она понимала, что ограниченность круга её общения вполне может привести к ошибочному истолкованию поднятых бровей или лёгких движений тонких губ. Губы тем временем сложились в улыбку, которая ей весьма не понравилась.

Вообще всё в этом человеке тревожило её. Как будто перед ней человек, который... Гвеннан сдалась. Ей некогда выискивать смысл эмоций этого человека. Она хочет уйти

— быть свободной и одинокой, подальше от этого неизвестного Лайла.

Спустившись с насыпи, она обнаружила, что не может смотреть ему прямо в глаза. Рослый, как и леди Лайл, этот член семьи Лайлов был ещё выше. Впервые в жизни Гвеннан внезапно ощутила себя маленькой, она приблизилась к чему-то беспокойному и повелительному. К чему-то странному и таинственному, как эти камни, которые давно уже вызывают её любопытство. Но это не камень, а человек, мужчина, плоть и кровь, и стоит он спокойно и уверенно.

— Гвеннан Даггерт, — вновь он произнёс её имя, но что-то в звучании этих двух слов было неправильным. Девушке даже показалось, что он произносит их на другом языке, неверно произносит, хотя и старается... Она покачала головой при такой фантастической мысли.

— Вам нравится гулять на рассвете? — его улыбка стала ещё более насмешливей. — Даже в такую погоду? — он преувеличенно вздрогнул. — Вы закалённые люди, жители Нижнего Востока.

Гвеннан снова овладела собой, вернулась в ту форму, которую изваяло воспитание мисс Нессы. «Приходится, — она надеялась, что ничем не выдала охватившего её беспокойства. — Если я хочу погулять, то приходится это делать рано утром. У меня работа, — тут девушка подняла руку и отвернула край перчатки, глядя на часы, — и...» .

Его брови, гораздо более тёмные, чем волосы, которые с восходом солнца становились всё более и более золотыми, чуть приподнялись. «Но какая работа начинается так рано? Ещё ведь только светает...»

— Для меня уже поздно, — коротко и резко ответила она. Вероятно, слишком резко, но она больше не справлялась с овладевающим ею беспокойством. Она не понимала причины этого чувства. Беспокойство исходило от незнакомца и охватывало её всё сильнее. Уже то, что существует второй Лайл, неизвестный городу, странно само по себе. Никогда не было разговоров о сыне леди Лайл. Может ли человек его возраста быть её сыном? Гвеннан решила, что не способна правильно ответить на этот вопрос.

Незнакомый Лайл — одно лишь это не могло вызвать такого беспокойства. Страх? Но чего ей бояться? Она оказалась на их территории, это правда. Но пройти на рассвете по полю к трём камням — не преступление. Она

ничего не сделала, никого не потревожила. Почему же она ощущает вину, тревогу — как будто у него имеются причины не доверять ей?

— Куда же вы торопитесь? — он по-прежнему улыбался.

Она права — в его голосе явно прозвучала насмешка. Похоже, он находит её забавной. Гвеннан вся застыла. Страх исчез, уступив место более сильному чувству — гневу. Ей решительно не нравится этот человек. Она восхищается леди Лайл, но в такой же степени ей не нравится этот её родственник, кем бы он ни приходился хозяйке дома Лайлов.

— В библиотеку, — у неё нет причин делать из этого тайну. Городок небольшой, все друг друга знают, особенно зимой, когда немногие летние отдыхающие разъезжаются, а старые семьи держатся вместе, образуя крепость, противостоящую холоду.

— В библиотеку? — он снова повторил её слова. Она находила эту привычку раздражающей. И начала разжигать это раздражение как преграду на пути других эмоций, которые он вызывал в ней. — Библиотека не может открываться так рано. Мне кажется, тётя говорила — в полдень. Да, я знаю, она собирается сегодня зайти туда к вам...

— У нас всегда много работы, даже если официально мы не открыты, — ответила Гвеннан.

Девушка почувствовала искушение доказать ему, какая у неё обычная и нормальная жизнь («но почему?» — спросила другая её часть), и для этого перечислить все те многочисленные мелкие дела, которые никогда не кончаются, сколько бы ты ни работала. К тому же она голодна: единственная чашка кофе, торопливо выпитая стоя в кухне, — не обычный для неё завтрак. Она собиралась через боковой вход заглянуть в пекарню Мэри Лонг и купить несколько оладий с черникой, она их подогреет и съест, одновременно проглядывая стопку новых журналов.

— О да, работать, чтобы никто не бездельничал... Не часто такое встретишь в наши дни. Но, кажется, Уайтбридж придерживается старой этики. И это хорошо. Или плохо... — он слегка поклонился ей, чуть насмешливо, но уходить с дороги явно не собирался. Не желая сталкивать его с тропы или обходить, она оставалась на месте. И пока

Гвеннан раздумывала, не обойти ли всё-таки незнакомца по снегу, он протянул руку к её голове.

Она инстинктивно увернулась и тут же вспыхнула, уведев у него меж пальцами листок. Несмотря на свои слова о холоде, незнакомец, казалось, сам его не испытывал вовсе: не только голова его была не покрыта, но и руки обнажены, без перчаток. Короткое пальто расстёгнуто. Он снова рассмеялся.

— Чего вы так испугались, Гвеннан Даггерт? — он чуть приблизился. К своему немалому стыду, девушка торопливо отступила. Но на лице его играла одна лишь добродушная улыбка, когда он протянул ей лист, держа его за тонкий стебелёк.

— Уверяю вас, — продолжал он, — я не ем маленьких девочек, даже когда они приходят без приглашения. Маленьких девочек с листочками на голове, будто они дриады или нимфы...

В словах его продолжала звучать насмешка, на которую она не знала чем ответить. Что же заставляет её молча застывать, почему она чувствует себя так неловко? Снова гнев согрел её.

— Я и не предполагала, что вы это делаете, — девушка вложила в свой ответ всю ледяную решимость, которую усвоила у мисс Нессы. — Я хорошо понимаю, что пришла сюда без разрешения. Примите мои извинения, мистер Лайл. Уверяю вас, этого больше не повторится!

«Не повторится», — сказала она себе. Но как ей удержаться вдали от притягивающих её камней, от загадки, которая не отпускает её? Ей ужасно хотелось оглянуться через плечо на средний камень, но она чувствовала, что каким-то образом это отдаст её во власть незнакомца.

Он уронил лист. Снова его рука взметнулась, на этот раз он схватил её за руку, задержал. Она решила, что не смогла бы вырваться, даже если бы захотела. Но гордость не позволила ей сделать это. Его тонкие губы не переставали улыбаться. Но в глубине глаз что-то противоречило этой лёгкой усмешке. Гвеннан не хотела знать, что скрывается за этой улыбкой, хотела только освободиться. Но она не будет пытаться вырваться.

Однако внезапно голос его изменился. Стал глубже, резче. Он как будто пытался что-то приказать.

— А что вы здесь делаете? Она... — он провёл кончиком языка по верхней губе. — Что ей от вас нужно? — в его

словах отчётливо прозвучало презрение. Он нависал над нею, как будто вырос у девушки на глазах, стал больше и сильнее чем человек, которого она видела сначала. Но нет, она не должна давать разыграться своему воображению!

— Не имею ни малейшего представления, о чём вы говорите, — Гвеннан попыталась вернуть самообладание. — Если «она» — это леди Лайл...

— Леди! — прервал Гвеннан незнакомец, и ей показалось, что кожа его потемнела от прихлынувшей крови. — Леди! — он произнёс это слово одновременно и как эпитет, и как возражение.

— Ну, миссис Лайл, — поправилась она. — В городе всегда пользуются уважительным словом «леди» — это традиция относительно вашей семьи. Дань тому впечатлению, которое она производит на людей, как мне кажется. Во всяком случае, я не понимаю вас. Я её совсем не знаю. Мы говорили, да и то кратко, только о книгах, и впервые разговаривали только в прошлый четверг. Она только недавно начала бывать в библиотеке.

— А что касается моего пребывания здесь, — Гвеннан наконец решилась рывком освободить руку и сделала два шага в сторону, — то оно не имеет отношения к вашей семье. Я часто гуляю по утрам, особенно в это время года. И мне нравится лес...

Его требовательный взгляд переместился на насыпь. Он как будто вслух заявил, что ведь застал её не в лесу, а на месте, которое по каким-то причинам нельзя посещать. В этот момент Гвеннан скорее выдержала бы любую насмешку или даже гнев, чем сказала, что на самом деле привело её сюда. Это останется её тайной, загадкой, которую она так и не сможет никогда разрешить, потому что отныне высокие камни — запретная территория.

— А теперь, всего хорошего, мистер Лайл, — она резко повернулась и пошла вниз по тропе, не оглядываясь. Шла и слышала только шум травы под своими ногами. Возможно, слишком громкий, заглушающий звуки его шагов, если он пошёл за ней. Она НЕ побежит. Она НЕ...

— Тор!

Это был не его голос. Оклик пришёл откуда-то издалека.

Изрядно удивлённая, Гвеннан оглянулась. Незнакомец шёл за ней, как она и опасалась. Но этот оклик его остановил, и он полуобернулся к насыпи. Из рощи,

окружавшей дом Лайлов, так что виднелась только его крыша, выходила высокая фигура в плаще с капюшоном. Но Гвеннан не нужно было видеть лица, скрытого складками ткани, чтобы узнать, что это леди Лайл.

Её бросило в пот от смущения. Вид молодого Лайла привёл её в смятение, но встретить саму леди Лайл — это ещё хуже. Быть застигнутой, как шпионка! Гвеннан откровенно побежала, задержавшись только перед стеной, через которую нужно было перелезть, чтобы выйти на дорогу. По другую строну преграды она остановилась и заставила себя подождать, пока сердце перестанет отчаянно биться, затем протёрла перчатками лицо, удивляясь, почему она вся дрожит. Встреча имела для неё какое-то серьёзное значение, которого она пока не могла понять. Она дважды сглотнула и пошла к городу ровным, но быстрым шагом, стараясь сосредоточиться на предстоящих делах и забыть то, что осталось за стеной.

Всё утро Гвеннан пыталась думать только о своих обычных делах, но всё время отвлекалась. Ей пришлось силой удерживать себя у полки с материалами, которыми она занималась сама. Перед глазами продолжали стоять эти линии на камне. Это гораздо важнее, чем встревожившая её встреча с мистером Лайлом. Интересно, собирается ли он остаться в доме Лайлов? И если так, то предоставится ли ей хоть какая-то возможность закончить обследование камней? Переход от надежды к разочарованию был таким резким, что она почувствовала себя совсем несчастной. Её вытягивают из уютного маленького убежища, в котором она чувствовала себя в безопасности. Ей приходится погружаться в странное и неведомое, чего она всегда сторонилась. Разве только это неведомое не заключено в печатной странице, которую всегда можно перевернуть, если не хочешь больше отвечать на утомительные и мучительные вопросы.

Гвеннан сидела за своим столом и снова и снова чертила эти линии, не в силах понять, запомнила ли она их подсознательно утром или у неё просто разыгралось воображение. Она решительно смяла листок и бросила его в корзину для бумаг, а потом начала подбирать книги для урока, который был запланирован у неё во второй половине дня.

Но память осталась. Гвеннан даже чувствовала лёгкое покалывание на коже, беспокойство, как будто перед ней стоял какой-то ужасный выбор. Но она строго сказала себе, что это самообман и со временем она это докажет.

Глава 2

Ровно в двенадцать тридцать Гвеннан открыла библиотеку и впустила старого мистера Стейнса, который, приветственно хмыкнув, проковылял на своё обычное место у регистрационного стола. За ним последовала стайка возвращавшихся с уроков детей. Их требования на некоторое время полностью завладели её вниманием. Полчаса спустя появилась леди Лайл, одетая в тот же серо-зелёный плащ, в котором была и утром. В ярком свете дня Гвеннан разглядела её впалые щёки, делавшие ещё более выделяющимся нос и тонкие кости под кожей. Леди Лайл выглядела даже более хрупкой чем неделю назад. Она больна? Правда, походка у неё, как всегда, прямая. Она пришла обвинить Гвеннан в нарушении границ?

Но женщина заговорила с неожиданной теплотой.

— Как странно после стольких лет не видеть здесь мисс Нессу, — первым делом сказала она. Должно быть, у них сложились долговременные дружеские отношения. Но улыбающиеся губы всё же синеватого оттенка... Может, у неё больное сердце? Кто на самом деле знает что-нибудь о Лайлах? Она протянула Гвеннан список.

— Боюсь, что у вас на полках я вряд ли их найду. Они слишком специальные. Но мисс Несса как-то рассказывала мне, что существует система заказа книг из других библиотек, и можно на время получать оттуда книги...

Гвеннан изучала угловатый почерк. На первый взгляд казалось, что слова написаны на иностранном языке. Но при более близком знакомстве они становились понятными. Она читала, и чувство беспокойства усиливалось. Неужели этот список — тонкий способ сообщить ей, что она не только нарушила границу чужих владений, но и что им известна и причина нарушения? Она заставила себя взять ручку и отметить четыре из перечисленных шести книг.

— Эти есть... получены временно. Можно продлить заказ...

— Как удачно!

Неужели над ней насмехаются? Лучше признаться и повести разговор в открытую.

— Это был личный заказ — мой.

Только теперь она осмелилась прямо взглянуть в истощённое лицо. Ни следа насмешливости, которая так явно читалась в лице молодого человека. В больших глазах над тёмными мешками, придающими лицу выражение усталости или болезненности, присутствовало только оживление.

— Вас интересуют такие открытия? Очень хорошо! Я сама побывала во многих уголках земли, но до недавнего времени даже не подозревала, что так много известно... и тем более опубликовано.

Это значит... — тут леди Лайл помолчала, внимательно глядя на девушку, как будто ждала от неё ответа — ответа, который почему-то был ей необходим. — Каково ваше мнение вот по этому поводу? — неожиданно резко спросила она, как спрашивает учитель у застенчивого ученика. Наклонилась вперёд — Гвеннан ощутила острый аромат духов — и пальцем в перчатке указала на третье название в списке.

— Относительно леев и возможности, что Несси, другие чудовища и даже НЛО связаны с ними? — вместо прямого ответа задала вопрос Гвеннан, стараясь принять решение. Раньше она ни с кем не обсуждала свои тайные поиски. Но Лайлы — известные странники, они объездили весь мир. И они представляют знание, какого не может быть ни у кого из знакомых Гвеннан. — Авторы, по-видимому, разделяют эту точку зрения, — чётко ответила она, — хотя и не связывают себя ни одним из тех выводов, что приведены в конце книги. Оставляют выбор читателю.

— Сообщив все известные им факты, — леди Лайл кивнула. — Хотела бы я поговорить с этими двумя молодыми людьми. Но что вы думаете? Какой выбор делаете вы? Вы ведь думали об этом, когда читали.

Гвеннан насторожилась. Вот оно — вопрос, может быть, выговор, результат её утреннего посещения. Но леди Лайл как будто интересовало не это. Она даже добавила:

— Вы ведь и сами бродили в поисках стоячих камней. Мистер Стивенс говорил, что дочь рассказывала ему...

Гвеннан вспыхнула. Прошлым летом ей очень хотелось с кем-нибудь поговорить, и она забыла, как наказывают

«выступающих». И вот однажды она рассказала Нэнси Стивенс о своих любительских попытках совершить открытие, и девушка проявила некоторый интерес и задала один-два вопроса. Но Гвеннан быстро усвоила урок, когда её начали называть «охотницей за камнями». Ещё одно отличие, которое отрезает её от остального города.

— Да, — коротко ответила Гвеннан, мгновенно насторожившись. — И ещё я нарушила границы. Я была возле ваших стоячих камней.

— И что вы о них думаете? Что это просто скалы, принесённые ледниками, как нас уверяет большинство авторитетов?

Гнев помог ей сохранить храбрость перед лицом молодого Лайла. Точно так же уверенность в увиденном на рассвете придала ей храбрость устоять перед этой женщиной, не отказываться от того, что она считает правдой. Пусть оба смеются над ней, если хотят.

— Нет, я думаю, они поставлены с определённой целью.

— Я знаю это, — негромко проговорила леди Лайл; эти три слова прозвучали едва ли не как шёпот. — Подобные вещи уже многие годы захватывают меня. Может, вы хотите обсудить этот вопрос позже, без помех? Конечно, я слишком спешу, но не хотите ли сегодня заглянуть к нам пообедать вечером?

Гвеннан понадеялась, что она ничем не выдала своего изумления. Насколько она знала, только два человека до сих пор посещали дом Лайлов: мистер Стивенс, который бывал там по делам своей юридической практики, и мистер Уоррен, летний гость, такой же затворник, как и сами Лайлы, писатель и собиратель книг.

Гвеннан сглотнула и ответила со своей вновь обретённой храбростью: «Буду рада. Эти книги, — она повернулась и взяла их со своей полки, — я собиралась отправить назад в пятницу. Но я позвоню сегодня и попрошу продлить их заказ на несколько недель. И в то же время смогу заказать остальные...»

— Спасибо, — леди Лайл кивнула, как будто не произошло ничего особенного, как будто вполне обычно пригласить городскую библиотекаршу в дом, который уже несколько поколений служит загадкой для всего города. — Мы обедаем в семь. Мой... мой молодой родственник подвезёт вас.

— О, нет! — всё тщательно воздвигнутое спокойствие

Гвеннан полностью разбилось. — Я хотела сказать... Не надо заезжать за мной. Я привыкла ходить, и ведь это совсем недалеко.

Высокая женщина больше не улыбалась. Она испытующе смотрела на Гвеннан из-под капюшона, который только что набросила на голову. «Вы не боитесь ходить одна в темноте?»

Гвеннан рассмеялась: «Конечно, нет. Все ходят пешком, особенно при нынешней цене на бензин. К тому же у меня нет машины...»

Леди Лайл снова улыбнулась: «Конечно. Экономия: не трать, не желай. В современном мире это так необычно. Хорошо, если таково ваше желание. Только, мисс Даггерт, всё же придерживайтесь дорог — не ходите полями в темноте».

Руки Гвеннан крепче сжали листок со списком. Мягкий способ упрекнуть её в нарушении границ? Она должна выполнять утреннее решение: больше никаких камней, как бы сильно они её ни привлекали. Лайлам нечего опасаться, что она снова окажется на их территории.

— Дорогами, хорошо, — осторожно ответила она. — На них...

— На них нет ловушек, — Гвеннан поразило это странное замечание. Леди Лайл больше ничего не добавила. Взяв книги, она повернулась и вышла, прежде чем девушка смогла её поблагодарить.

Удивление Гвеннан этим неожиданным приглашением с течением времени перешло в жгучее нетерпение. В доме Лайлов должны храниться несметные сокровища, привезённые из заморских путешествий. Стивенс несколько раз говорил о нём, как о настоящем музее. Ей страстно хотелось всё увидеть самой. Но когда пришло время одеваться, она с явным неудовольствием осмотрела свой скромный гардероб.

Насколько она знает, Лайлы могут вести такой же строго формальный образ жизни, как те редкие и странные люди, о которых рассказывается в журналах. Журналы изредка дарили библиотеке летние посетители. А у неё только одно хорошее платье, да и то вряд ли оно подходит для такого случая.

Она застегнула молнию клетчатой юбки, заткнула выбивающиеся края блузки и надела вельветовую куртку — свой единственный предмет роскоши, которому предназначено

служить ещё долгие годы. Ей нравился мягкий цвет куртки — цвет ржавчины — этого тёплого материала. Она разгладила рукава, прежде чем наложить заключительный мазок — застегнуть блузу у горла камеей, которую оставила ей мисс Несса.

К шести часам дневной свет сменился сумерками. Выходя ещё полчаса спустя из дома, Гвеннан положила в глубокий карман пальто фонарик. Когда ветер подхватил края её юбки, она пожалела, что у неё нет такого длинного плаща, как у леди Лайл.

Дом мисс Нессы стоял на самом краю медленно растущего города. Когда-то это было просто жилище фермера. Уличного освещения тут пока не провели, и глаза Гвеннан по привычке быстро адаптировались к темноте. Идя по дороге, она не пользовалась фонариком. Движение сейчас вообще очень редкое, и она издали услышит машину.

Мощёная улица сменилась более узкой дорогой, которую покрыли асфальтом, когда Лайлы во времена бабушки Гвеннан привезли в город первый автомобиль. Воздух прозрачный, но небо затянуто облаками и, вероятно, облака закроют луну, которая вскоре должна взойти. Девушка бегло подумала, торопливо перешагивая через груды опавших листьев, что было бы интересно посмотреть на камни при лунном свете. Она никогда не ходила к камням по ночам. Теперь она сама удивилась этому — когда уже слишком поздно пускаться в такую авантюру.

Она уже почти дошла до двух высоких столбов, обозначавших поворот к скрытому за деревьями дому Лайлов, когда поняла, что вокруг творится что-то не совсем обычное. Ночь была необыкновенно тиха. Ветерок не сгибал высохшие травы у обочины, не шевелил опавшие листья. Тишина, казалось, почти физически давила. Девушка коснулась фонарика в кармане.

Но затем попыталась подавить растущую тревогу. Нечего опасаться. Она много раз ходила этой дорогой и ночью, и днём. Прямо перед ней лежит начало подъездной дороги к Лайлам. Ещё несколько шагов, и она увидит дом, который отсюда не видно из-за кустов. Всего несколько шагов.

Из темноты донёсся гнилой запах, подействовавший на неё, как удар. Не скунс, нет. Запах сильней. Такого отвратительного она никогда ещё не встречала. Гнилостная нечистота как будто собралась в кулак, нацеленный

прямо в неё. Она даже подавилась, и несколько ужасных секунд девушке казалось, что её вырвет.

Что-то мёртвое?..

Гвеннан достала фонарик и нажала кнопку. Яркий луч заставил её мигнуть. Она направила его на дорогу. Стараясь не вдыхать глубоко эту мерзость, девушка торопливо пошла дальше. И не оглядывалась по сторонам, отказываясь поддаваться страху.

Зловоние ослабло. Должно быть, она прошла его источник. Сейчас охотничий сезон, и хотя территория Лайлов обнесена изгородью, всегда найдётся охотник, который, ранив зверя, не выследит его. И жертвы таких охотников долго и мучительно умирают где-нибудь.

Но туша такого размера, конечно, была бы найдена обитателями дома ещё до того, как разложилась до такой степени. Гвеннан не понимала, почему её не закопали. К тому же... она прислушалась... хотя и не знала, чего ждёт. В тишине был слышен только звук её шагов. Слишком громкий звук... слишком громкий... чтобы... Дыхание Гвеннан стало прерываться.

Она обогнула куст без листьев и увидела впереди ярко освещённые окна. Но продолжала светить фонариком, пока не подошла ко входной двери на массивных петлях ручной работы, которые казались совсем чёрными на фоне старого дерева. Около двери висел молоток сложной формы, она подняла его и невольно стукнула так сильно, что сама пришла в замешательство.

Дверь почти сразу открылась, и навстречу ей устремился свет — как будто он сам по себе мог втянуть её внутрь. Она оказалась в прихожей, абсолютно не похожей на всё, что она видела раньше. Так много неожиданного оказалось перед её глазами, что она не замечала открывшего ей дверь, пока он не заговорил.

— Мисс Даггерт, вы действительно бесстрашная исследовательница, даже ночью.

Конечно же, это Тор Лайл. Его золотистая голова, казалось, притягивала свет. Раньше Гвеннан не поверила бы, что волосы могут иметь такой металлический блеск. Они казались ещё ярче из-за того, что на нём был надет чёрный вельветовый пиджак поверх чёрной же рубашки с высоким стоячим воротником. На шее — золотая цепь, но её блеск тоже тускнел перед поразительными волосами. На цепи — подвеска, покрытая сложным переплетением

линий; без пристального разглядывания невозможно было понять рисунок.

За Тором тёмная деревянная обшивка стен прерывалась нишами, в каждой из которых находился какой-нибудь освещённый предмет. Гвеннан видела маленькие статуэтки, декоративные тарелки, какую-то ткань с золотой вышивкой. Действительно, музей!

Должно быть, хозяин прочитал её мысли: он картинным жестом указал на ближайшую нишу. В ней стояла гротескная статуэтка — женщина, нижняя часть тела которой сливалась с деревом и покрывалась жёсткой корой. Поднятые руки переходили в ветви, начинаясь от кончиков пальцев; волосы вздымались над головой, образуя корону.

Статуэтка была вся мягкого цвета, листья — зелёные со слабым золотым оттенком на концах, а тело, его человеческая часть, — целиком из драгоценного металла, с сильным красным отливом. Глаза на маленьком женском лице были открыты, и благодаря особому расположению свет в нише отражался в этих глазах жёстким блеском; на лице читалось смешанное выражение восторга и древней-древней печали.

Гвеннан молча смотрела; её воображение, которое она подавляла со времён детства, разыгралось. Ей казалось — хотя, несомненно, это достигалось искусным размещением источника света, — что губы женщины дрожат, волосы чуть шевелятся. Как будто она смотрит через окно или замочную скважину в иной мир, где обитают формы жизни, абсолютно чуждые нашей, но по-своему устойчивые и разумные.

— Вам понравилась Мирра? — Вопрос разбил очарование, которое охватило её при виде статуэтки. Гвеннан мигнула и слегка покраснела. Она позволила проявиться своей наивности — это вызвало её раздражение, и девушка ещё больше невзлюбила хозяина за то, что он так легко её понял, за насмешку над её откровенным удивлением. Она продолжала смутно ощущать в нём что-то неправильное, искажённое; она не понимала этого, но чувствовала угрозу, хотя точно определить свои чувства не могла. Скорее отшатнулась от непривычных мыслей.

— Мирра? — она произнесла это имя вопросительно.

— Прекрасная дочь деревьев, люди некогда называли её нимфой, — очевидно, Тор Лайл всё внимание перенёс на статуэтку, и Гвеннан была ему за это даже благодарна. —

Отличная работа, не правда ли? Мы даже не знаем имени художника. Но глядя на неё, можно поверить старым легендам, что когда-то деревья обладали душой (если это можно так назвать) и могли проявлять её по своей воле. Вы видели Мирру, а теперь взгляните и скажите, что вы думаете о Никоне. Возможно, они сделаны разными скульпторами, но у них есть какое-то сходство в технике, да, несомненное сходство.

Гвеннан вслед за ним прошла к следующей нише. Другая фигура, на этот раз не слившаяся с массивным древесным стволом. Напротив, ноги разделены, вполне по-человечески. Но вместо ступней — длинные расплющенные утолщения, беспалые, напоминающие плавники. Серебристая кожа и тщательно отрегулированное освещение отчётливо подчеркивали крошечные, перекрывающие друг друга чешуйки. Существо чуть наклонилось вперёд, руки его полусогнуты, оно как будто собирается кого-то обнять. Тонкие руки заканчиваются лапами с мощными когтями, вытянутыми и готовыми разорвать то, к чему тянется это существо. Впечатление угрозы усиливалось от втянутой в широкие плечи головы; общее впечатление — готовность к нападению.

Голова представляла собой пугающую карикатуру на помесь человека с обезьяной. На голове волос нет, вместо них кожистый гребень уходит от лба к затылку. Глаза выпуклые, нос расплющенный, только круглые ноздри указывают на его расположение. Нижняя челюсть почти без подбородка. Пасть слегка приоткрыта, и свет необыкновенно ярко отражается от зубов. Чудовищное, кошмарное существо, такое же чуждое, как и нимфа, но пугающее и злое во всех отношениях.

— Никон, — Гвеннан снова повторила имя. Она нахмурилась, стараясь не вглядываться слишком внимательно, хотя статуэтка чем-то всё-таки притягивала её. Если это легендарное мифологическое существо, то такие мифы ей не известны. Не узнавала она и имя.

— Да, — и снова в его голосе прозвучала насмешка. Девушка даже подумала, что он рассмеётся её невежеству. — А теперь...

— Мисс Даггерт... — холодный, но долгожданный звук другого голоса прозвучал как порыв чистого ветра в этом мрачном месте. Он уничтожил влияние, которое Тор приобретал над нею.

Гвеннан повернулась, облегчённо, почти счастливая, чтобы приветствовать хозяйку.

Как и молодой человек, который теперь явно слегка стушевался, хозяйка дома носила длинное бархатное платье. Платье было простого покроя, совсем без украшений. Но оно придавало ей величие, как будто древней жрице, далёкой от мира, в котором живёт Гвеннан, мира, который лежит сразу за этими толстыми стенами.

Платье было серого цвета и перехвачено у талии перевитым поясом почерневшего серебра. На шее у леди Лайл поблескивал диск из того же металла, увенчанный перевёрнутым полумесяцем – весьма простое украшение, лишённое изысканности золотого солнечного диска на Торе.

— Итак... — она посмотрела мимо Гвеннан на своего молодого родственника. Девушка, никогда не считавшая себя наблюдательной, настроенной на чувства других, ощутила явное напряжение. Как будто между этими двумя стояло какое-то несогласие, которое ощущается лишь слегка, никогда не выходит на поверхность и не проявляется в таких действиях, которые были бы ей понятны.

Тор, по-видимому, уступил, хотя Гвеннан была убеждена, что насмешливость не исчезла ни из глаз, ни из изгиба рта. Он отступил и позволил леди Лайл увести девушку в соседнюю комнату. «Выигрывает время», — почему ей пришла в голову эта мысль? У Гвеннан было только мгновение, чтобы задуматься над этим, и она превратилась в старательного и очарованного гостя.

А она была очарована, как никогда раньше. Они обедали — и леди Лайл во главе тёмного старого стола, в кресле с высокой резной спинкой, всё более и более походила на королеву на троне. Гвеннан чувствовала себя утонувшей в таком же кресле, пальцы её время от времени скользили по ручкам, она ощупывала резьбу, которую не имела возможности осмотреть более внимательно.

Тор Лайл сидел против неё, стол был накрыт хрусталём, хрупким фарфором и серебром; тонкие кружева и льняная ткань салфеток островками выбивались среди великолепия посуды. Тор ни разу не вмешался в разговор, который поддерживала леди Лайл, хотя всё время прихлёбывал из высокого кубка вино янтарного цвета, от которого Гвеннан тактично отказалась. Все такие излишества были

полностью изгнаны из хозяйства мисс Нессы, и Гвеннан не доверяла своей реакции на подобный напиток.

На её отказ леди Лайл только кивнула, почти одобрительно, и Гвеннан с благодарностью заметила, что сама хозяйка не позволила наполнить стоявший рядом с ней кубок.

Нет, Тор Лайл не говорил, хотя глаза его, слегка сузившиеся, как во время первой их встречи у насыпи, постоянно переходили от хозяйки к гостье и обратно. Похоже на человека, озадаченного загадкой, которую обязательно нужно решить.

После еды хозяйка направилась ещё в одну комнату, тоже со стенными панелями. Панели были раскрашены, причём такими яркими красками, будто их совсем не коснулся возраст. Как будто кисть, влажная от краски, только что нанесла последний мазок. На них были изображены фигуры, вполне человеческие, за которыми вздымались большие и малые города, изображённые с полным отсутствием перспективы, которая никогда не тревожила художников прошлого. Картины тянулись по всем стенам, и Гвеннан догадалась, что на них изображаются какие-то последовательные события, потому что на всех панелях она заметила одни и те же фигуры.

Но у неё не было возможности рассматривать эти картины, потому что леди Лайл выложила на стол вполне современные фотографии. Они казались странно неуместными на фоне этих стен. Гвеннан сразу узнала изображённые на них места. Три фотографии камней, у которых она побывала только сегодня утром.

Леди Лайл кивнула, внимательно глядя девушке в лицо.

— Да, — голос у неё был энергичный, живой. — И вот что мы должны поискать. Они лежат непосредственно на линии, которая пролегает вот так... — нетерпеливым жестом она отодвинула фотографии в сторону и достала карту, на которой была проведена алая линия, такая яркая, что казалась живой. Но вся карта потемнела от возраста, другие линии на ней поблекли. Гвеннан пришлось очень внимательно вглядываться, чтобы распознать некоторые ориентиры. Несомненно, это часть долины, но никаких следов жилищ и ферм, которые ей так знакомы.

— Пролегает вот так, — продолжала хозяйка. — И она пересекается с другой линией с севера...

Да, на карте была ещё одна линия, поблекшая, бледно-розовая.

— Видите, где они пересекаются? Точно на лугу, где стоят камни.

— Я никогда не бывала на севере, — Гвеннан попыталась провести пальцем по этой поблекшей, более древней линии. — Эти точки... Неужели это просто пятна от возраста? Нет, они поставлены здесь не случайно — они ведь обозначают другие камни?

— На месте этой пометки на холме — треугольный камень. Его вершина направлена сюда... — теперь палец леди Лайл двигался по линии старой карты. — Его поддерживают три меньших камня, и равновесие в системе абсолютное. Пусть ваши специалисты, которые толкуют о ледниках, объяснят это!

— Леи... — Гвеннан стало очень интересно. — И в месте их пересечения...

— Точки приложения силы! Именно так. Такие места есть, и, вероятно, их гораздо большие. Одно из них — Стоунхендж, Кентербери, со всеми его легендами как о священном месте. Ещё заметнее — Гластонбери. Все эти точки обозначают пересечения лей. Наше соединение сравнительно незначительное. Леи — это линиии магнетизма, это уже доказано и перепроверено. Постепенно будет доказано и другое. Мы верим, что когда-то люди умели вызывать эти силы, обуздывать их. Они контролировали силу, которую современный человек и представить себе не может, — она говорила всё быстрее и быстрее, бледнос лицо слегка раскраснелось. — Всё забыто... — рука её больше не бродила по карте, а лежала расслабленно, ладонью вверх. Леди Лайл слегка откинулась в кресле, закрыла глаза и порывисто и часто дышала.

Гвеннан в тревоге вскочила, схватила эту расслабленную холодную руку. Очевидно, леди Лайл больна. Гвеннан отвела взгляд от почти потерявшей сознание женщины и посмотрела туда, где сидел Тор Лайл, не принимавший участия в изучении карты. Не пошевелился он и сейчас, хотя его родственница явно нуждалась в помощи.

— Она больна! Нужно вызвать доктора Хьюза!

Молодой человек покачал головой. На губах его снова появилась улыбка, глаза оставались полуприкрытыми. Ей хотелось закричать на него.

Поднявшись на ноги, он не подошёл к женщине, чьё прерывистое дыхание отчётливо слышалось в комнате. Напротив, отошёл к камину и потянул за висевший там шнурок. Леди Лайл слегка пошевелилась, открыла глаза и взглянула прямо на Гвеннан. В лице её не было краски, руки, которые держала девушка, были холодны, вялы. Женщина глубоко вздохнула, затем ещё раз. Улыбнулась — бледный призрак прежней дружелюбной улыбки.

— Я встревожила вас, дитя моё? Ничего. Когда живёшь так долго, как я, даже лёгкое потворство своим слабостям связано с расплатой. Не беспокойтесь, я быстро приду в себя...

Появилась одна из молчаливых смуглых служанок. Гвеннан выпустила руки леди Лайл. Служанка поставила перед хозяйкой поднос с чашкой, казалось, целиком выточенной из рога, и такой маленькой, что зверь, которому принадлежал рог, должен был быть не больше кошки. Леди Лайл медленно протянула руку, взяла необычную чашку и выпила её содержимое. Опустив чашу, она распрямилась. Выглядела она снова здоровой и энергичной.

Глава 3

Раскат грома, прозвучавший прямо над головой, заставил Гвеннан плотнее закутаться в одеяло. За окном блеснула молния, и вскоре послышался ещё один раскат, похожий на взрыв. Молния, должно быть, ударила в дерево где-то поблизости. Ещё один громовой раскат...

Но разбудила её не ярость бури. Девушка вынырнула из сна мгновенно, как будто кто-то её позвал. И не только к грому и молнии прислушивалась она.

Гвеннан сглотнула комок в горле. Такого сильного страха она никогда ещё не чувствовала. Тело её застыло, напряглось. Борясь с ужасом, Гвеннан наконец смогла пошевельнуться, сесть в своей сбитой постели, включить лампу, обрадоваться тому, что она работает. Она боялась, что буря что-то повредила и ей придётся оставаться в темноте.

В стены ударил дождь. Она сидела, согнув плечи, вслушиваясь, натягивая на себя стёганое одеяло. Было очень холодно. К осени она всегда закрывала в старом доме

комнаты второго этажа и переселялась в маленькую спальню внизу, рядом с кухней.

Молния — ещё один удар грома. Но было и что-то ещё — она не могла найти для этого слов. Гвеннан выскользнула из постели, не стала надевать ждавшие шлёпанцы и прошла по ковру в ванную, руководствуясь слабым светом ночника. Когда она включила вторую лампу, ещё раз ударил гром.

Она наполнила стакан водой, глядя на своё отражение в зеркале. Волосы висят потными прядями. Лицо вспухшее и необычно бледное. Гвеннан напилась и подумала, не стоит ли согреть немного молока. Всё равно она не спит.

Дурные сны. Должно быть, буря вызвала кошмар, от которого она так неожиданно очнулась. Она не помнила подробностей. Только проснулась она задыхаясь, ночная рубашка промокла от пота, тело болело. Сердце по-прежнему бьётся часто, и трезвые мысли не могут прогнать остатки ночного ужаса.

Ужаса — но перед чем? Она всю жизнь знает такие бури — хотя эта, конечно, слишком запоздала. Неожиданно она ухватилась за край раковины и прочно сжала её: на девушку накатилась волна дурноты. Ощущение тут же исчезло, но Гвеннан испытывала слабость, неуверенность — и страх.

— Ничего страшного... — она старалась рассуждать спокойно. — Всего лишь буря. Ничего страшного!

Придерживаясь рукой за стену, опасаясь возврата головокружения, Гвеннан вернулась в спальню. Но не легла. Она стояла в кружке света, глядя на знакомые вещи, наполовину скрытые в полутьме. На стуле одежда, готовая к утру, книга, которую она читала перед сном, её маленькие часы, стрелки показывают три.

Всё на месте, никаких отличий от других зимних ночей, когда она пользуется этой комнатой. Да и почему им тут быть? Она присела на край кровати и натянула на себя одеяло.

Фантазии — им нельзя доверять. В последнее время она позволила слишком разгуляться своему воображению. Гвеннан подложила подушку под спину, не способная лечь, не желая выключать лампу. Книга... почитать немного...

Но часть её сознания оставалась настороженной, нацеленной в другом направлении. Она думала о так неожидан-

но начавшемся знакомстве, которое теперь грозит изменить её привычное существование. Первое посещение дома Лайлов оказалось не последним, и каждый раз её туда влекло какое-то волшебное очарование.

По какой-то причине леди Лайл продолжала поддерживать отношения с нею, и это удивляло Гвеннан. Что интересного взамен может предложить она женщине, чья жизнь так далека от неё, так абсолютно чужда всему, что близко Гвеннан?

Дерсвенская девушка без законченного образования, не обладающая манерами и воспитанием, самая обычная девушка. Казалось бы, леди Лайл выберет её в последнюю очередь. Оглядываясь назад, Гвеннан с трудом могла поверить, что всего три недели назад вошла она впервые в дом Лайлов, в эту сокровищницу, так давно служащую жилищем её хозяевам. Она многое с тех пор увидела, поражалась чудесам, скрывающимся за этими серыми стенами. Каждая комната, в которой она побывала, оказывалась новым откровением, например, библиотека с древними картами, старыми книгами, даже иллюстрированными пергаментами, которые свободно разворачивались перед ней, тома такие древние, что к ним крепились замки из проржавевшего железа или почерневшего серебра. Гардеробная с застеклёнными шкафами, многочисленными ящиками и сундуками; в них скрывалось огромное количество чудесных предметов в такой тесноте, что их трудно было отличить один от другого. Она была очарована, совершенно поглощена, околдована в древнем смысле этого слова.

Но у неё никогда не было достаточно времени, чтобы полюбоваться этими чудесами. Как только она проходила через большие, похожие на крепостные двери дома, её вниманием полностью овладевала хозяйка. Леди Лайл отвечала на вопросы, искусно вовлекала в разговор. И только выйдя из дома, Гвеннан начинала понимать, как тонко и незаметно извлекает из неё леди Лайл все подробности её жизни и как мало о хозяйке она узнаёт в свою очередь.

Иногда задавались вопросы об её родителях. На них она мало что могла ответить. Мисс Несса, как очень рано поняла Гвеннан, не любила человека, за которого вышла замуж её младшая сестра. Во время редких приступов откровения мисс Несса называла его бродягой. И как и

следовала ожидать, он и его жена умерли далеко от дома, в каком-то месте на юго-западе, занимаясь каким-то глупейшим исследованием в пустыне. Мисс Несса выполнила свой долг, воспитав девочку и делая всё возможное, чтобы она не унаследовала глупый образ мыслей и поведения своих родителей.

От этих отрывочных сведений об её происхождении разговор искусно переводился на её занятия. Впервые в жизни встретив интерес к тому, что больше всего её интересовало, чему девушка посвящала свои робкие попытки исследования и что не понял бы ни один человек в городке, Гвеннан говорила и говорила — впоследствии с чувством немалого стыда она думала, что говорила слишком много, слишком самоуверенно. Как будто хозяйка дома Лайлов выдала ей ключ к двери, которую она и не надеялась открыть.

К счастью, Тор Лайл во время этих разговоров отсутствовал. Гвеннан по-прежнему не доверяла ему, он ей не нравился. Но вскоре после первого посещения Гвеннан, Тор Лайл исчез без всяких объяснений со стороны хозяйки. Вероятно, отправился в одно из тех путешествий, которые так обычны для членов этой семьи. Леди Лайл, казалось, не испытывала необходимости в нём.

Тор Лайл. Гвеннан поудобнее устроилась на подушке. Она понимала, что у неё нет таланта к общению. При каждой встрече с ним она это чувствовала. И дело было не только в том, что она ощущала себя неуклюжим переросшим ничтожеством, а он над ней молча насмехался. Нет, она ясно сознавала, что ему не нравится интерес, который проявляет к ней его тётка. Но было также совершенно ясно, что дом принадлежит леди Лайл и только её желания имеют значение.

У неё же — даже если всё неожиданно завтра кончится и леди Лайл тоже исчезнет — у нее будет над чем задуматься. Она...

Гвеннан внезапно застыла и сидела теперь напряжённо, одной рукой прикрывая рот, широко раскрыв глаза. Буря ушла, только вдалеке слышались звуки грома. Но окно по-прежнему было плотно закрыто. Как же она услышала это — странный шорох ног, треск веток, которые наваливают к стенам, как дополнительную изоляцию на зиму, — древнее обыкновение, которому следуют все жители городка. Гвеннан медленно повернула голову. Её снова

охватил страх, сильный, ослабляющий, заливающий сознание, охватывающий тело. Окно — прямоугольник тусклого свечения...

Там ...

Гвеннан не могла пошевельнуться, перевести дыхание. Она поняла, что существует такой ужас, который милостиво затуманивает сознание. Может, она на мгновение действительно потеряла сознание — впоследствии она не могла сказать уверенно. Медленно ощутила она своё тело, застывшее, холодное, руки так вцепились в края стёганого одеяла, что болели пальцы.

Красные... красные глаза! Да, она уверена, что это глаза. Голова, в которой они помещались, оставалась неясной туманной массой. Но эти глаза — как непогасшие угли в очаге — околдовали её. Она вздрогнула, ощутив леденящий ужас. Ужас... и ненависть, страшная ненависть, которой не выдержать никакому человеку — вот что было в этих пламеневших глазах!

И это был не сон. В ночи притаилось что-то, не принадлежащее нормальному миру. Говорят, в лесах водятся медведи... прошлой зимой видели даже кугуара... Но это не животное... нечто другое... непохожее на то, что ей известно... в это невозможно поверить.

Гвеннан издала негромкий звук, весьма близкий к стону. Неизвестное существо следит за ней, она ему видна, освещена лампой. Девушка прислушалась: ведь сначала её внимание привлёк треск веток у основания стен. Неужели сейчас раздастся звон стекла, и это существо ворвётся к ней? Она чувствовала всю силу его ненависти.

Гвеннан не знала, долго ли она так просидела в ожидании нападения. Вначале она не могла даже пошевелиться, эти глаза держали её в неподвижности. Потом, с величайшими усилиями, каких не знала за всю свою жизнь, переползла на другую половину кровати, подальше от окна. Боясь, что ноги под ней подогнутся, не доверяя им, она ухватилась за спинку кровати.

Телефон... помощь... Она пыталась рассуждать. С огромными усилиями заставила себя отвести взгляд от окна. Чтобы позвонить, нужно пройти через небольшую прихожую в кухню, которая по деревенскому обычаю зимой служила также гостиной.

Гвеннан поползла на четвереньках. Все свои силы вкладывала она в необходимость двигаться по холодному

полу, продвигаться с каждым движением хоть ненамного. Её окутала темнота прихожей. Пришлось приподняться, чтобы поймать ручку кухонной двери. И вот она упала в кухню, всё ещё тёплую от хорошо прикрытого древесного огня.

Чуть не плача от усилий, она ухватилась за край старого дивана, оттуда переползла к стулу у маленького столика. Когда она упала на стул, руки её так дрожали, что она не сразу смогла подтянуть к себе телефон. И набрать номер сразу не смогла, сделала три напрасных попытки, прежде чем набрала номер полиции.

— Конечно, тут кто-то был, Гвен. Все ветки внизу раскиданы и сплюснуты. Дождь этого сделать не мог, но я не слышал, чтобы медведь заходил так далеко в город. Не в наши годы, — полицейский Хьюз облокотился о кухонный стол. Гвеннан наливала ему вторую чашку дымящегося кофе. — Беда в том, что земля слишком застыла от заморозка сразу после дождя, никаких следов не остаётся. На рассвете Сэм приведёт своих собак. Но хуже всего вонь — никогда ничего подобного не слышал. Выворачивает наизнанку. Медведь так не воняет, даже скунс в опасности. Знаешь, Гвен, не очень-то хорошо, что ты живёшь здесь одна. Отрезана от всех. Дом Ньютонов далеко от тебя, и между вами ещё эта живая изгородь, из-за неё твой дом совсем не виден. А отсюда не видно их дома... — он посмотрел на окно, в котором виднелся серый свет утра.

— И если тут поблизости бродит медведь...

Гвеннан плотнее запахнулась во фланелевый халат. Она с огромным усилием сохраняла самоконтроль до появления Эда Хьюза. Он, во всяком случае, не увидел её, почти впавшую в идиотизм от страха. А ведь так было. Он всего на два года старше её, но они вместе ездили в школьном автобусе в школу в центре. Насколько она знала, Эд Хьюз особым воображением не обладает, но, возможно, как раз без этого свойства в такой ситуации лучше.

Она была очень осторожна в своём рассказе. Красные глаза — да. Но она умолчала о том ощущении крайнего ужаса, которое разбудило её, о предельном зле, стоявшем за этим ужасом. Теперь она радовалась, что посетитель оставил следы и она правильно поступила, вызвав помощь от... От чего? Гвеннан отказывалась дальше следовать за этой мыслью.

— Но зачем медведю заглядывать в окно? — вслух спросила она.

— Ну, может, это не так уж странно, как ты думаешь, Гвен. Медведи бывают любопытны. Я слышал, как года два назад один из них бродил в лесу Скотта и напугал туристов, просунув голову в их палатку. Захотел посмотреть, как они одеваются. Может, этого привлёк твой свет, и он решил взглянуть. Собаки Сэма возьмут след... Умные псы. Прекрасный кофе, Гвен, большое спасибо. Мне нужно позвонить из машины. Подожду, пока не приедет Сэм... Сейчас стало светлее, может, я и сам что-нибудь увижу. Эта вонь... вот уж что меня достало. Медведи, может, и не кусты роз, но так они не воняют!

Он вышел, а Гвеннан побрела в спальню одеваться. С появлением Эда она осмелилась подойти к окну. Да, ветви внизу придавлены чем-то тяжёлым. Ужас прошёл, остался только тупой гнев — и на свой срыв, и на это существо, которое так напугало её.

Надев пальто и накинув на голову шарф, она вышла. Запах! Обогнув угол дома, она торопливо сглотнула. Та самая отвратительная вонь, с которой она уже встречалась — в тот вечер, когда впервые побывала в доме Лайлов. Значит, и тогда там бродило это существо? Ей повезло, что она с ним не встретилась!

Ветви покрывали всю землю, и никаких следов не было видно, только две-три бесформенных вмятины. А зловоние стояло такое, что она не смогла заставить себя подойти ближе.

По дороге шумливо поднимался грузовичок-пикап, Гвеннан слышала возбуждённый лай. Грузовичок подъехал, остановился, из кабины вышел Сэм, поговорил с Эдом, потом открыл задний борт пикапа и свистнул. Оттуда с лаем вылетели три собаки и принялись бегать, принюхиваясь к листьям. Сэм надел поводки и через ворота повёл собак к дому.

Однако далеко он не ушёл. Возбуждённый лай внезапно прекратился и сменился паническим воем. Собаки попятились и присели на задние лапы. Как Сэм ни старался заставить их двигаться дальше, они не слушались. Сэм выкрикнул приказ, вой прекратился, но собаки жалобно заскулили. Гвеннан никогда не слыхала у животных такого жалобного вопля. Собаки прижимались животами к земле, а Сэм дёргал за поводки и старался подтащить их к дому.

Он тянул изо всех сил, лицо его побагровело, и он уже начал произносить слова, не вполне понятные Гвеннан.

— Эй, ты, Пит! — он привязал два поводка к изгороди и обратился к самой большой и старшей из собак. — Вставай! Какого дьявола? Вставай!

От сильного рывка собака проехала вперёд примерно с фут. Потом подняла голову и испустила такой дикий вой, что Гвеннан подумала: от страха животное сошло с ума. Сэм посмотрел на собаку, снова прижавшуюся животом к земле, и на его лице вместо гнева появилось удивление.

Он опустился на колени и провёл рукой по дрожавшей спине собаки.

— Ну, хорошо, парень, всё в порядке! Полегче, Пит, — он перевёл взгляд с собаки на Эда.

— Тут что-то не так, далеко не в порядке. Никогда не видел, чтобы они так себя вели. Медведи... медведей они знают. Никакой медведь не заставил бы старину Пита дрогнуть... он берёт медвежий след так же легко, как вычёсывает блоху. Но... — он поднял голову, осмотрелся, и на его лице появилось выражение отвращения. — Тут был не медведь. Эд, не знаю, что это было, но скажу тебе прямо: не медведь!

— Что же тогда? — спросил полицейский. — Посмотри под окном: все ветви раскиданы. Кто-то стоял тут и смотрел на Гвен. Слишком темно было, чтобы она что-нибудь рассмотрела. Только красные глаза и что-то чёрное.

Впервые Сэм обратил внимание на Гвеннан. Он долго смотрел на неё, как будто в изумлении.

— Смотрел на неё красными глазами, — негромко произнёс он. В голосе его больше не слышалось негодование. — Плохо звучит. Давно уже не было...

— Чего? — спросил Эд. Сэм по возрасту годился ему в отцы. Гвеннан знала, что мистер Граймз примерно ровесник мисс Нессы.

— Давно уже не появлялся Чёрный Дьявол, — ответил Сэм. — Вы, молодёжь, верно, о нём и не слыхали никогда. Давно это было, и люди забывают... особенно плохое. В последний раз это случилось, когда мой дед был ещё слишком мал, чтобы занести растопку в дом. Два-три раза приходило это существо, обычно после сильных бурь со множеством молний. Однажды до смерти напугало одну женщину. У неё было больное сердце, а эта штука поглядела на неё в окно. Так рассказывают. Дочь услышала её

крик. Прибежала, увидела упавшую мать и успела заметить, как скрывается чёрное существо с красными глазами. Мужчины искали его, но никаких следов не нашли, ничего ясного. Но тогда это был не медведь, и сейчас не медведь. Мои собаки не помогут, Эд. А если у тебя есть ум, которым господь наделил человека, ты тоже не станешь тут бродить. Лучше оставить эту штуку в покое.

Сэм взял в руки поводки и повёл своих присмиревших молчаливых собак назад в пикап. В его походке ясно читалось желание побыстрее убраться. Ни слова не говоря, он посадил собак в машину и уехал.

Эд Хьюз смотрел, как он уезжает, очевидно, от удивления лишившись дара речи.

— Ну... чего это он так? — спросил он больше у всего мира, чем у Гвеннан. — Никогда не слышал о Чёрном Дьяволе... и на Сэма такая глупость не похожа. Мне нужно поговорить об этом с шерифом, Гвен. Но я подожду, если ты хочешь закрыть дом... Куда тебя отвезти?

Гвеннан покачала головой. «Не думаю, чтобы оно вернулось. Тем более днём, Эд. Дай мне возможность подумать...»

Эд неуверенно посмотрел на неё.

— Не хочется уезжать и оставлять тебя одну. Загляну к Ньютонам. Очень одинокое место, как подумаешь. Но раньше никогда не было поводов для беспокойства.

— Я больше не беспокоюсь, — уверила она его. — Всё в порядке, Эд, — она посмотрела на часы. — Всё равно сегодня библиотеку открывать раньше. Сейчас позавтракаю и пойду туда: много нужно сделать до открытия, — и она неуверенно добавила: — Мне кажется, Сэм не выдумывал. Я посмотрю в старых бумагах и записях, может, спрошу кого. Если шериф что-нибудь знает, Эд, пожалуйста, расскажи мне.

— Конечно, Гвен. Ну, хоть вонь рассеивается. Плохо, что она тут у тебя под окном. Всё равно не хочется тебя оставлять одну...

— Вздор! — ожила её прежняя независимость. — Всё в порядке. Может, это кугуар, Эд. Я слышала, они бывают очень большие, а глаза светятся по ночам, как у кошки.

Он покачал головой. «Это не кошачий запах. Привезу сюда шерифа, как только смогу. Он вчера вечером уехал в Хаверсвилл, но к утру хотел вернуться».

Глядя на уезжавшего Эда, Гвеннан подумала, не слиш-

ком ли она храбра. Но поднявшийся ветер разогнал ужасное зловоние, а утренний свет действовал успокаивающе. Дом выглядел как обычно. Сидя в кухне, она уже не могла понять, чего это так презренно струсила. Снова взглянула на придавленные ветви. Углубления, которые она заметила раньше, теперь скрылись под наметёнными листьями, и Гвеннан сомневалась, чтобы неизвестное существо можно было выследить. И конечно, не с помощью собак.

Чёрный Дьявол... Она хмурилась, готовя тосты и доставая кувшин с черничным джемом. Чёрный Дьявол... Чёрный Пёс... Они часто встречаются в мифах и легендах. Она читала народные сказки о существах, которые появляются и исчезают... у них не бывает земных соответствий, но их видели очень надёжные свидетели. Точно так же, как накапливаются удивительные наблюдения НЛО, растёт количество и других чуждых проявлений... странные животные... если это животные... появляются, выслеживают, иногда даже нападают на людей... и совершенно исчезают, когда организуются их систематические поиски.

В одной из книг утверждается, что такие существа чаще попадаются вдоль линий лей — этой загадочной сети каналов магнитного поля, которые, предположительно, покрывают весь земной шар, но только на территории Англии достаточно надёжно нанесены на карты. Карта в доме Лайлов свидетельствовала, что на месте стоячих камней такие линии пересекаются. Животные... чудовища... существа иного мира... они могут проникать через ворота, открывающиеся в месте пересечения лей... Дикая мысль... Но разве не оказывались справедливыми ещё более дикие предположения?

Гвеннан пила кофе и смотрела на телефон — позвонить леди Лайл, поделиться с ней этим соображением? Но, положив руку на наборный диск, остановилась. В последнее время хозяйка дома Лайлов часто болеет. Только вчера её служанка звонила Гвеннан, чтобы отменить назначенную встречу. Нет, она не должна сейчас тревожить ее.

Ясно также, что болезнь быстро развивается и становится серьёзной. Гвеннан однажды решилась спросить хозяйку, обращалась ли та к врачу. Леди Лайл уверенно ответила, что получает всё необходимое лечение. И слова эти прозвучали так, что Гвеннан поняла: продолжение этой темы невозможно.

Как ни дружелюбно настроена леди Лайл, как ни приятны их взаимоотношения, Гвеннан всегда знала, что существуют барьеры, которых она преодолеть не может. Даже касаться их нельзя. Она всегда благоговела перед этой женщиной, чувствовала себя слишком молодой и неловкой в её присутствии.

Она позавтракала, прибралась в доме и при свете уже взошедшего солнца направилась к центру городка. Стало холоднее, и она подумала, что уже недолго до первых настоящих морозов. Зимой жителям городка приходится трудно, особенно в снежную бурю. Конечно, им не в такой степени нужно надеяться только на себя, как обитателям ферм и жителям прибрежной полосы, где в полную силу свирепствуют бури, но всё же к зиме нужно отнеситься серьёзно.

Она никогда раньше не задумывалась, насколько изолирован дом мисс Нессы. Гвеннан даже нравилось его одиночество. Нет, она не позволит, чтобы события прошлой ночи запугали её. И даже если бы она захотела переселиться, в городе нет подходящей свободной квартиры. Мотель у дороги закрывается в конце туристического сезона, и она не слышала о том, чтобы сдавались квартиры. У неё есть телефон, и если она испугается, то может пойти к Ньютонам.

Шагая навстречу ветру, Гвеннан добралась до библиотеки, открыла дверь и принялась снимать верхнюю одежду. В библиотеке тепло. Джеймс Кворлз хорошо приглядывает за печью. Пройдя в читальный зал, она посмотрела в окно на центр города. И увидела мистера Стивенса. Он вышел из юго-западного крыла белого дома. Слишком рано ему отправляться в свой офис. Но нет, он туда не идёт, а направляется через площадь прямо к библиотеке.

Зачем? Он, конечно, член попечительского совета, но Гвеннан не могла придумать, какая чрезвычайная причина ведёт его к ней.

— Я видел, как вы входили, — заговорил юрист, даже не здороваясь. Совсем на него не похоже. — Я знаю, вы хотели бы узнать. Она мне звонила вчера вечером. Леди Лайл. Ей как будто хуже... её отправляют в больницу. А потом, вероятно, отвезут по воздуху в большую клинику на западе. Там есть врач, к которому она уже обращалась. Просила передать вам привет. Боюсь, — юрист выглядел встревоженным, — когда я в последний раз её видел,

выглядела она очень плохо. Но она верит в того человека, к которому направляется.

— Она... она оставила адрес? — почему ей звонила служанка, а не сама леди Лайл? Не попрощалась? Может быть... может быть, это доказательство, что их отношения никогда не были такими, какими она их считала? Что они не были настоящими друзьями, не становились ими? Она ощутила потерю, какую-то пустоту. Это больно. — Я... могла бы написать ей.

— Нет, не оставила. Сказала, что свяжется, как только сможет. Но вы ей явно понравились, Гвеннан: впервые она проявила хоть какой-то интерес к окружающим. И заставила меня пообещать, что я побыстрее скажу это вам, — Гвеннан казалось, что он смотрит на неё и удивляется: что леди Лайл могла найти в ней?

Потом он кивнул. «Это всё. Дам вам знать, если узнаю что-нибудь ещё. А может, она сама свяжется с вами, когда устроится».

— Да, — просто согласилась Гвеннан, хотя внутренне очень в этом сомневалась.

Глава 4

Гвеннан торопливо вымыла руки. Через двадцать минут у неё урок, а она слишком много времени провела в кладовке, перебирая пыльные ящики со старыми бумагами, журналами, блокнотами и брошюрами, давно уже потемневшими от времени и полусгнившими. Информация, которую она сумела извлечь из них, поместилась всего на нескольких страницах её записной книжки.

Рассказ Сэма Граймза о Чёрном Дьяволе заставил её обратиться к наследству семьи Кроудер. Старая миссис Кроудер умерла пять лет назад, она оказалась последним членом семьи и потому завещала все свои бумаги — четыре плотно набитых картонных коробки — библиотеке. Бумаги поступили в последние месяцы жизни мисс Нессы, времени на их разборку не было, и их просто оставили в кладовке. И Гвеннан совершенно о них забыла. Вспомнила же только сейчас.

Кроудеры, по словам мисс Нессы, в течение нескольких поколений служили в городской ратуше и вели тщательные записи. Её слова оказались справедливы. В бумагах

Кроудеров Гвеннан не только нашла описание появления Чёрного Дьявола, о котором рассказывал Сэм, но и намёк на то, что Чёрный Дьявол и раньше был известен в долине.

К сожалению, в этот день у неё не оставалось больше времени для поисков. Она торопливо поднялась наверх. Библиотека размещалась в старом доме Пайронов, одном из первых зданий города. Внутренние перегородки частично разобрали, когда поначалу здание служило местом городских собраний, потом церковью, после того как первая церковь сгорела в 1880 году. Читальный зал поэтому имел странную форму, с альковами и нишами, зимой в нём бывает не очень светло. Но пока, несмотря на неоднократные обращения к совету, ламп не добавили.

Раньше эти тёмные углы вызывали у Гвеннан только раздражение. Теперь же, испытывая отвращение к самой себе, она обнаружила, что время от времени со страхом оглядывается на них и прислушивается, особенно когда посетителей нет и она остаётся одна. В этот день она даже с нетерпением ждала урока, когда здание наполнится шумом и суматохой.

Две смущённые мамаши привели цепочку детей на библиотечный урок, с ними была сама мисс Грэхэм. В конце урока она отвела Гвеннан в сторону и, явно чувствуя себя неловко, заговорила. Казалось, она сама не знает, как выразиться, и говорит только потому, что обязана.

— Тридцатого мы не придём. На следующей неделе занятия пойдут по новому расписанию...

— По новому расписанию?

— Да. Родители на Спринг Роуд и Хардвик Трейс недовольны тем, что автобус приезжает слишком рано, особенно сейчас, когда утром так темно. И хотят, чтобы после школы дети сразу возвращались домой. Они встречались с мистером Адамсом, и было решено изменить расписание. Так что в этом семестре теперь уже для дополнительных уроков нет времени.

— Да, и мы не хотим, чтобы нас забрал старый дьявол, — выскочил из-за спины мисс Грэхэм Тедди Паркер. — Мой папа говорит, что сейчас обязательно нужно быть дома засветло. Этот старый дьявол, он съел цыплят у Хаскинсов!

— Довольно! — мисс Грэхэм обладала почти исчезнувшей ныне способностью взглядом и тоном голоса подчинять себе самых непокорных. Тедди быстро улетучился.

— Это, конечно, только большая кошка, — сказала учительница. — Но слухи ходят такие, будто тут бродят целые стаи кровожадных тигров. И я не могу отрицать, что у родителей есть основания тревожиться, особенно после того, что произошло у Хаскинсов.

— А что произошло? — поглощённая весь день своими расследованиями, Гвеннан почувствовала, что совершенно не знает свежих городских новостей. В городке слухи и новости распространяются быстро. Как она могла их пропустить?

— Какой-то зверь пробрался в их большой курятник — знаете, они занимались производством яиц летом, даже поставляли яйца на завод замороженных завтраков во Фримонте. У них там большие неприятности. Я слышала, что большинство кур просто разорваны на части живьём. К тому же старший сын Хаскинсов нашёл на краю их большого поля мёртвого оленя. Он тоже растерзан. Мне кажется, что этот зверь бешеный.

И странно, когда пытались пустить по следу собак, те отказались. И теперь повсюду рассказывают старые легенды...

— Я знаю, о Чёрном Дьяволе.

— А что вы видели ночью во время бури? — мисс Грэхэм пристально посмотрела на неё. Гвеннан не удивилась: история о том, как она вызвала Эда, теперь разошлась по всему городу, может, даже и по округу. И, конечно, помогла усилить всеобщее беспокойство.

— Не очень много. Было ведь темно. Что-то большое и чёрное за окном, — нет смысла добавлять страхов.

— И вы живёте одна! — мисс Грэхэм покачала головой. — Не лучше ли от этого отказаться?

— Пока нет, — Гвеннан заставила себя улыбнуться. — Но должна признаться, что в эти дни телефон у меня раскалился: все звонят и предупреждают. Что касается Дьявола — я ведь не цыплёнок, чтобы искушать его. Но вы правы: это большая кошка, пантера, может быть, больная. Рано или поздно её застрелят, и все вернутся к нормальной жизни.

Но от своих мыслей Гвеннан так же легко отделаться не могла. Слишком многое в происшествиях было созвучно не только с прочитанными ею книгами (чёрные собаки, дьяволы, страшные чудовища, появляющиеся иногда во время сильных электрических бурь), но и с загадочными

записями, найденными раньше в этот же день. Воспоминание об этом зле с красными глазами вызывало у неё такое чувство, которым она даже и не думала с кем-нибудь поделиться... И этот ужасный запах...

Может ли такой запах быть свойственным известным животным? А что если она видела то же существо, которое напало на ферму Хаскинсов? Слишком похоже на описания в книгах, хотя они ни с кем не может этим поделиться.

Немного погодя, закрывая дверь библиотеки, Гвеннан вздрогнула: из-за большого куста сирени, теперь совсем уже лишённого листвы, кто-то неожиданно вышел к ней.

— Мисс Даггерт...

Гвеннан понадеялась, что он не заметил её испуга. «О, мистер Лайл, нет ли у вас сведений о вашей тётушке?» Она могла подумать только о таком поводе для их встречи.

— Сарис? Нет, я ничего о ней не слышал. Вы ждёте письма? — голос его звучал весьма резко.

— Нет. Но я слышала, она заболела. Естественно, я тревожусь...

— Естественно... — снова в голосе его прозвучала насмешка. — Я не посыльный. Скорее... можете считать меня телохранителем. Вы знаете, поблизости бродит Чёрный Дьявол. Мне кажется, вы имели счастье лично убедиться в его существовании. И у вас действительно одинокий дом. Туда сейчас идти одной опасно.

— Я всю жизнь дважды в день хожу этой дорогой, — возразила Гвеннан, не сумев удержаться от резкости в ответе. Она не желает признаваться Тору Лайлу, что чего-то боится. Что, закрывая дверь библиотеки, она припоминала, сколько тёмных мест на дороге и каково расстояние от одного дома до другого.

— Да, но это было до появления Дьявола. Скажите, мисс Даггерт, какой теории вы придерживаетесь? Что это сбежавшая бешеная пантера? Или что-то другое? Может, из прошлого?

Она пошла быстрее обычного, он — рядом с ней. Не способная придумать никакого дела в городе, она не знала, как избавиться от его общества. Прибегать к прямой грубости ей не хотелось.

— Понятия не имею, что это такое...

— Пантера, — продолжал он, — оставила бы какие-нибудь следы. По крайней мере у вашего дома после дождя. Конечно, Дьявол — он ведь не принадлежит нашему миру

— может не оставлять никаких следов — если пожелает. Например, вскоре после появления здесь, в долине, первых поселенцев, на одной из ферм жил кузнец, по фамилии Хаскинс (поразительно, как сохраняются эти фамилии). У него пропал породистый бык. Оказалось, что бык был разорван на части. День или два спустя его самого преследовало в лесу нечто, чего он так и не смог описать. Главным образом потому, что спятил и больше никогда не пришёл в себя.

Далее. В 1745 году отряд французов и индейцев, пытавшийся совершить набег на долину, был разогнан, а один из французов убит. Причём у него оказались такие же раны, как и у быка. Его товарищи бежали, и больше враг никогда не приходил в долину. Но Дьявол бродил по окрестностям ещё недели две и убил двух коров — а также довёл одну старую женщину до сумасшествия, как Хаскинса. О да, очевидно, у Дьявола есть привычка время от времени навещать эту местность.

— Похоже, вы занимались этой темой, — заметила Гвеннан. Она решила сохранить в тайне прочитанное в бумагах Кроудеров, но, по-видимому, у Лайла свои источники информации.

— О, у нас свои записи по истории долины. Мне кажется, многим Лайлам нравилось вести дневники и тому подобное. Их множество к услугам того, кто захочет поискать старые легенды. Как насчёт этого, мисс Даггерт? Не хотите ли помочь мне погрузиться в прошлое? Не знаю, сумеем ли мы обнаружить что-нибудь относящееся к нынешнему случаю, но вам будет интересно. Завтра суббота, и мне кажется, вы закрываете библиотеку в полдень. Не будете ли моей гостьей за ланчем и не позволите ли показать вам...

— Нет, — отказ её был быстрым и решительным. Она не сразу поняла, насколько резок был её краткий ответ. И потому, преодолевая внутреннее нежелание, добавила: — Завтра ежемесячное заседание попечительского совета. Я должна там докладывать.

— Ну, тогда в воскресенье... — начал он тем же ленивым, насмешливым тоном.

— В воскресенье церковь, а потом я обедаю с мисс Грэхэм и её матерью.

— Что оставляет нам...

— Мистер Лайл, я буду с вами откровенна. У меня нет

желания посещать дом Лайлов, пока я не получу приглашения вашей тётушки.

Казалось, она заставила-таки его замолчать. Хотя улыбка на его губах сохранилась. После молчания — Гвеннан была уверена, что он намеренно продлевает его, чтобы вызвать её смущение, — он сказал:

— Между прочим, вы бежите. У вас нет ни единого шанса на победу. Я вам покажу вещи, которые вас поразят. Они совершенно изменят ваш узкий, тесный, скучный мир. Рано или поздно вы это всё равно узнаете, но лучше, если я стану вашим проводником, несомненно, лучше, и, вероятно... безопаснее...

Беспокойство, которое она всегда испытывала в его присутствии, превратилось в раздражение. «Меня это не интересует. Я хочу, чтобы вы поняли: МЕНЯ ЭТО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ!» — ей не хватило храбрости выпалить, что он ей не нравится, что его присутствие ей неприятно и что чем меньше она его будет видеть, тем лучше.

— Вы заинтересуетесь. Когда наступит время и вы это поймёте, дайте мне знать.

Гвеннан упрямо покачала головой. Так как, несмотря на её откровенную враждебность, он не уходил, она попыталась найти другую тему для разговора — такую, которая не ведёт к дьяволам, истории или ещё чему-нибудь такому. Молодой Лайл же был как будто чем-то доволен, и она решила, что плохо справляется с ситуацией.

— Куда уехала леди Лайл? Она в больнице? Мне хотелось бы написать ей...

— Вы узнате, если ещё не поняли этого, что Сарис — женщина с причудами. У неё имеется по всему миру несколько убежищ, куда она удаляется, когда мир ей наскучит. Сейчас она, несомненно, наслаждается в одном из них.

— Но она больна! — возразила Гвеннан. Он ведёт себя не как заботливый родственник.

— Сарис больна или здорова — как хочет и когда хочет. Милая девушка, не рассчитывайте, что Сарис долго будет интересоваться вами. Она часто проявляет интерес к кому-нибудь, начинается игра в дружбу, а потом, когда ей надоедает, она разрывает знакомство. И могу подтвердить, что Сарис часто всё надоедает. И в таком случае самый приемлемый выход — болезнь. Вы не согласны?

— Я её видела — она больна, — повторила Гвеннан,

сдерживая своё раздражение, а вместе с тем и растущее подозрение, что он, возможно, прав. Она часто гадала, чем вызвано её неожиданное приглашение в дом Лайлов. Неужели это была всего лишь игра? Нет, она отказывается в это верить.

— Естественно. Сарис — прекрасная актриса...

Гвеннан резко остановилась, полуобернувшись к нему. «Я не знаю, чего вы хотите, зачем говорите мне всё это. Если вы считаете, что ваша тётка больше не хочет меня видеть в своём доме, тогда зачем приглашаете? Что за этим?..»

Хотя улыбка не покидала его губ, она была уверена, что в холодных глазах мелькнуло раздражение, даже гнев. Во время первой встречи она заметила неестественно яркий блеск его глаз; теперь же, в конце дня, они были цвета зимнего льда — тусклые и такие же холодные.

— Вы желаете момента истины. Хорошо... Мне хотелось избавить вас от расстройства, потому что... потому что я нахожу вас интересной. В таком скучном городке мало интересного. Но вы живёте другой жизнью, тайной, глубоко скрытой под вашей колючей внешностью. Как я уже заметил, у моей тётушки случаются приступы внезапного интереса к людям. Но они ей быстро наскучивают, особенно когда ей приходится жить в заброшенном семейном склепе. Таков на самом деле дом Лайлов, знаете ли, мавзолей Лайлов, насыщенное историей место, которым больше никто не интересуется. С вашей помощью она надеялась развеять свою скуку. Но вы для неё ничего не значите, всего лишь беглое увлечение.

С другой стороны, я... — Лайл внезапно замолк.

Гвеннан продолжала смотреть на него. «Я не интересуюсь. Я уже сказала вам и повторяю. Может, на этот раз вы поймёте. Вы сделали своё предложение. Вам тоже нужно лекарство от скуки, мистер Лайл? Я отказалась принять приглашение. Мне кажется, нам больше нечего сказать друг другу. Прошу прощения...»

Она сделала было шаг, но он протянул руку и преградил ей путь.

— Вы не должны... — в его голосе прорвалось нечто странное, она постоянно ощущала это в их разговорах.

— Что? — Гвеннан больше не могла сдерживать своё раздражение. — Мистер Лайл, не понимаю, почему вы

хотите продолжить этот разговор. Нам просто нечего сказать друг другу.

На его лице больше не было насмешки. Он слегка прикрыл веки, так что теперь она не видела холодного блеска его глаз, и как будто быстро и напряжённо думал, пытаясь найти слова, сказать нечто очень важное — для него.

Затем Лайл поднял свободную руку почти на уровень её глаз. Шевельнул пальцем. И внезапно её охватила дурнота, почти такая же сильная, как тогда, когда она уходила от страшных глаз в бурю. Она почувствовала приступ гнева, подняла руки в перчатках и изо всех сил оттолкнула преграждавшую ей путь ладонь. Одновременно она ощутила сильную головную боль, как будто туда что-то ворвалось и пыталось освободиться.

Сквозь туман, на несколько мгновений затянувший её зрение, она увидела, как у него в очередной раз изменилось выражение лица. Он широко раскрыл глаза, они ослепительно сверкали голубым светом. Губы шевелились, будто он произносил неслышные ей слова.

Гвеннан быстро шагнула влево и снова с силой оттолкнула его руку. Преграда пала, будто она обрушила на неё тяжёлый удар. И Гвеннан прошла мимо него, быстро, гордо, не оглядываясь, хотя всё в ней требовало: беги! Она каждое мгновение ожидала, что его рука опустится ей на плечо, останавливая её.

Это столкновение далеко превосходило всё, что она знала в жизни, и вначале она даже не могла поверить, что оно произошло. Каковы мотивы его поступка, чего Тор Лайл от неё хочет? Ясно, что он почему-то не хочет её общения с леди Лайл, но ему самому она зачем-то нужна.

Гвеннан покачала головой. Возможно, он сказал ей правду. Если подумать, его версия событий имеет смысл. Но только что-то в ней сопротивлялось. Она не могла поверить, что леди Лайл изобразила болезнь, лишь бы избавиться от неё, Гвеннан Даггерт. Зачем такая сложная игра? Достаточно просто больше не присылать приглашений. Несомненно, эта женщина понимала, что Гвеннан не станет навязывать своё общество.

По крайней мере, он не пошёл за ней. Может, всё дело в ревности. Хочет быть первым для своей родственницы. И в это Гвеннан могла поверить. Но в таком случае, почему

он интересуется самой Гвеннан, зачем так настойчиво приглашает быть его гостьей?

Она продолжала быстро идти. И всё время сознавала, какое множество кустов и живых изгородей закрывает дорогу. Рассказы Лайла, вероятно, извлечённые из семейной истории, то, что она узнала сама (в том числе и сегодня) — всё это не позволяло задерживаться в сгущавшихся сумерках.

Она миновала дом Харрисов и теперь шла мимо длинного палисадника, принадлежащего Ньютонам. Девушка с благодарностью заметила, что в их доме уже горит свет. Потом показался конец аллеи с деревьями, на которых ещё сохранялась высохшая осенняя листва. Дальше уже подход к её дому. Дом у Даггертов маленький и жмётся к земле. Серые, обитые досками стены. Мисс Несса давно решила, что белая краска — это излишество, и до последнего года продолжала красить дом в тусклые тона.

Как всегда, у оснований стен набросано множество ветвей, ветер шевелит груды листьев на дороге и во дворе. Но что-то сегодня в облике дома новое. Может, она просто смотрит на него, что вообще-то редко делает. Обычно она сразу ныряет во входную дверь и не очень рассматривает, что снаружи. Она никогда не любила возиться в саду, и двор для неё — это не место, где летом выращивают цветы.

Теперь собственный дом показался Гвеннан присевшим, пригнувшимся в угрозе и страхе. Качая головой от такой фантазии, она решительно подошла к двери, сунула ключ в замочную скважину, привычным движением повернула выключатель на стене, и тут у неё перехватило дыхание.

Глубокий вдох...

Гвеннан застыла. Злой запах распространяло существо, смотревшее на неё через окно... сейчас тоже запах... хотя не такой сильный. И... в нём не чувствуется зло.

Помимо библиотеки, мисс Несса время от времени интересовалась травами и, пока была в состоянии, выращивала в саду травы для кухни, разные пряности, которые выдерживают местный суровый климат. По временам дом её наполнялся запахами: гвоздики и гвоздичного дерева, корицы. Эти запахи в представлении Гвеннан всегда связывались с солением и маринованием.

В запахе, который она ощутила сейчас, чувствовался легчайший оттенок пряностей. Но это не кухонный запах.

И не более тонкий запах лечебной смеси трав и лепестков цветов.

Она медленно прошла по прихожей, высоко подняв голову, словно подражая одной из собак Сэма Граймза, — идя по незнакомому запаху. Запах становился всё сильней. Как будто призывал её, как будто обращался не только к обонянию, но и к другим чувствам.

Он привел её не в холодную переднюю гостиную, в которой она редко бывала в эти дни, заходя туда только по обязанности — стереть пыль. Она остановилась у двери, чтобы убедиться в этом. Кухня. Она вошла в тёплое помещение, включила свет и осмотрелась. Всё так, как она оставила утром. Слабо пахнет яблоками в маленькой корзине на столе — и всё.

То, что она ищет, не здесь. Остаётся её спальня. Гвеннан, оставив верхнюю одежду на диване, уверенно прошла в спальню.

Дверь закрыта. Разве она не оставила её утром открытой?

Она положила руку на ручку, но не стала её поворачивать. Свет... слабый... но заметный в полутьме этой части прихожей. Образует тонкую линию перед её ногами там, где дверь не плотно примыкает к истёртому полу. Слишком слабый, чтобы быть светом лампы, но тем не менее что-то там есть.

Гвеннан сглотнула. Во рту у неё пересохло, но ладони рук были влажны. Она должна... Крепко сжав ручку двери, Гвеннан рывком распахнула её, сильнее даже, чем рассчитывала. Но не стала включать свет. В комнате мерцало какое-то свечение, не ровное, а пульсирующее, будто дышит живое существо.

На морском сундучке в ногах её кровати лежал шар, будто сделанный из желтоватого хрусталя; он и был центром этого свечения. Шар лежал на вогнутом основании размером примерно с её ладонь в центре подноса, напоминавшего декоративную тарелку или широкое блюдо. От него и исходил запах, наполнявший комнату.

Гвеннан приближалась к нему осторожно, по одному шагу. Ей показалось, что с её приходом в комнату пульсация стала сильней и ровней. Она снова почувствовала резкую боль в глазах, такую сильную, что опустилась на колени, поддерживая руками голову, зная, что что-то с ней

происходит. Её начала бить сильная дрожь от страха перед неизвестным. И она знала, что это только начало.

Шар начал окутываться дымкой. Она не могла сказать, исходила ли дымка от шара или это просто туманилось её зрение. Гвеннан сознавала только, что захвачена чем-то, что выше её понимания, и что она не способна двигаться, будто её связали.

Под поверхностью шара замелькали какие-то тени. Они появлялись и исчезали — и с определённой целью, в этом Гвеннан была уверена. Они становились всё яснее, отчётливей. На мгновение ей показалось, что она видит статуэтку из дома Лайлов — женщину-дерево. Но только теперь она была живой, взмахивала своими усаженными листьями волосами, высоко поднимала в возбуждении руки-ветви. Дриада будто приветствовала приближающуюся бурю.

Появилась ещё одна тень. Гвеннан увидела одежду, металлические блестящие доспехи. Древесная женщина опустила руку-ветвь, провела ею по голове путника. Рассмеялась, когда он отшатнулся, губы её сложились кружком, она подула, вихрем полетели листья.

Оба исчезли. Гвеннан увидела морской берег, волны набегали на него, покрывали песок пеной. В волнах прыгали и скользили маленькие тёмные существа. Гвеннан не могла ясно различить их, но знала, что это не рыбы и не птицы, но какая-то форма жизни за пределами её знаний, земной нормы.

Лениво вилась дымка, глаза Гвеннан смыкались. Ей казалось, что всё, что лежит за пределами шара, теперь не имеет значения.

Картина снова изменилась. На этот раз Гвеннан узнала насыпь в парке Лайлов. Вот и три камня, высокие, бросающие вызов небу, обладающие силой, большей, чем их прочная поверхность. Это...

Дверь... или якорь? Мысли Гвеннан метались.

Руки её лежали на краях сундучка, одна ладонью вниз, по обе стороны от блюда с шаром. На блюде показались кусочки голубоватого камня — такими ей виделись произведения тени — и среди них, как среди углей, играли огоньки. Девушка дышала медленно, глубоко, в ритме пульсации шара. Теперь в нём не двигались никакие фигуры — напротив, свет, казалось, угасает, дым расходится и, наконец, совсем исчезает.

Глава 5

Дым растворился в пустоте, свет в шаре потускнел и исчез. Гвеннан подняла руку — кончики пальцев ещё ощущали слабое тепло. Она взяла поднос, на котором стояла странная лампа; крепко держа его, встала с колен и повернулась, чтобы перенести его в реальный мир своей кухни.

Теперь её ноша находилась на хорошо выскобленной поверхности большого деревянного стола, здесь она не исчезнет, здесь она совершенно реальна. Стеклянный шар; может быть, хрустальный, абсолютно правильной формы, отполированный, но сейчас пустой и прозрачный. Девушка снова осторожно коснулась его. Он слегка сдвинулся с места, потом скатился со своего основания, упал на поднос и придавил голубоватый песок-гравий, открыв взору своё ложе — пьедестал из тёмно-зелёного сверкающего камня, в форме набегающей морской волны, а в середине волны...

Гвеннан смотрела, не веря своим глазам. Она уже видела это — и много раз — столько же раз, сколько встречалась с леди Лайл. Цепь из сложно переплетённых, странной формы кусочков металла — серебра с оттенком зелени. Она каждый раз так привлекала и удерживала взгляд. И серебряная подвеска — диск, увенчанный рогами, — сплавленные вместе полная луна и полумесяц.

Но здесь поверхность диска не пустая, какой она видела её раньше. Внимательно вглядевшись, Гвеннан различила круг символов, похожий на циферблат часов. Но эти символы, зеленовато светившиеся, вовсе не были цифрами. Маленькие, тщательно выделанные, они были видны абсолютно ясно. Это же знаки зодиака! Нет стрелок, обозначающих часы и минуты, но из середины диска вырывается луч, по-видимому, изнутри самой поверхности, очерчивая треугольник, каждой своей вершиной касающийся одного из символов.

Как это сокровище здесь оказалось... почему... Гвеннан не могла догадаться. Но каким-то образом она знала, что оно принадлежит ей, что она должна взять его, как будто сама леди Лайл передала его ей во время их последней встречи.

Девушке не хотелось его касаться. Как будто стоишь перед дверью: откроешь её — и твоя жизнь изменится. Она

была в этом уверена, будто ей пообещали это, передавая сокровище. Готова ли она открыть дверь... сделать шаг вперёд... войти?..

Гвеннан села на стул, опёрлась локтями о поверхность стола, положила подбородок на руки и принялась изучать то, что лежало перед ней. Итак, перед ней стоял выбор, честный и справедливый. Но в глубине души она знала, что ещё не начав действовать, выбор она уже сделала. Она облизала губы, протянула руку и взяла подвеску. Цепь обернулась вокруг её запястья, будто подвеска по своей воле прикрепилась к ней. Световой треугольник на циферблате чуть передвинулся, как стрелки, показывающие новый отрезок времени, только он касался не цифр, а новых символов.

Она ощутила, что металл в её руке тёплый, как живой. И Гвеннан знала, что теперь не сможет избавиться от него, даже если захочет. Она подняла цепь, нашла замок, и через мгновение подвеска оказалась у неё на груди, как её всегда носила леди Лайл, циферблат с символами спрятан, а к миру повёрнута противоположная, пустая поверхность диска.

Девушка выпрямилась, покачала головой. Всё произошло будто во сне. Она была слегка удивлена, и у неё появилось уверенное ощущение, что она поступила правильно, поступила, как лучше. Лучше — для кого? Но это небольшое сомнение она отбросила.

Встав, она обошла дом, проверяя запоры на дверях и окнах, как делала всегда со времени той ночи с бурей. Под конец подошла ко входной двери и с помощью фонарика осмотрела наружный замок. Ни следов, ни указаний, что его вскрывали. А единственный ключ у неё. Но тогда как?...

Кто-то ведь вошёл. Подвеска, которая теперь на ней, шар в кухне — это доказательства, неоспоримая истина. Тор Лайл?

Взяв хрустальный шар, она снова поставила его на основание. Может, это какой-то хитроумный трюк, придуманный им? Но подвеска принадлежала леди Лайл, не Тору. А хозяйка дома Лайлов исчезла.

Эти её смуглые молчаливые слуги... Может, один из них обладает способностью вторгаться в её дом, не оставляя следов? Он принёс этот дар? Но на самом ли деле это дар? В ней шевельнулось беспокойство; мимолётное, оно тут же рассеялось.

Гвеннан повернулась к шкафу, сняла с широкой нижней полки банки консервов, чтобы расчистить место для подноса с шаром. Потом банками заставила поднос, закрыла шкаф и долго стояла, дыша чуть учащённей. Наверное, надо спрятать и подвеску. Руки её поднялись и тут же бессильно повисли. Нет, это она должна держать при себе.

Если Тор играет свои игры, она должна быть предупреждена. Ключ ко всему — леди Лайл, в этом Гвеннан была уверена. Может, её одурманил дым или запах. Но леди Лайл берегла эту подвеску. Если бы только она больше знала. От раздумий у неё заболела голова.

Тор разговаривал с ней сегодня, пытался зазвать её в дом Лайлов. Она сжала руки в кулаки, ударила ими по столу так, что стало больно. Она застряла — и прочно — в чём-то, чего не понимает. Единственный выход — удерживать воображение в узде и продолжать жить как ни в чём не бывало. Она достала из кармана пальто записную книжку, но не стала просматривать свои выписки из старых документов. Больше ничего подобного, ничего имеющего отношение к «дьяволам», стоячим камням — или жителям дома Лайлов!

Гвеннан готова была бросить записную книжку в печь и поднести к ней спичку, но не смогла заставить себя сделать это. Она просто засунула её в ящик письменного стола рядом со старым продавленным диваном. Потом принялась готовить ужин, решив думать только о фактах и цифрах, которые приведёт в завтрашнем отчёте.

Снаружи стемнело; она слышала, что поднимается ветер. И хоть уже очень позднее время года для грозы, вдалеке послышались раскаты грома. Не отдавая себе отчёта, Гвеннан время от времени поглядывала на окна. И видела только отражённую в стеклах ярко освещённую кухню. Она пожалела, что у неё нет плотных занавесей, чтобы отгородиться ими от внешнего мира. Те, что у неё есть, — льняные — для этого не годятся. Снаружи НИЧЕГО нет, кроме ночи и ветра, поднимающего тучи листьев. Ничего!

Она ела медленно, ложку за ложкой, но еда казалась ей безвкусной, во рту пересохло, и она постоянно отпивала приготовленный ею шоколад. Пища тяжело лежала в желудке, и Гвеннан опасалась, что у неё повторится один из тех приступов расстройства желудка, которые так часто случались в последние месяцы болезни мисс Нессы —

тогда она постоянно прислушивалась к голосу в соседней комнате. Теперь она тоже вслушивалась, всем телом, в шум ветра и отдалённый гром. Это должен быть гром. Молнии пока не было видно.

Гвеннан перемыла посуду. Никогда раньше не испытывала она такого одиночества. Может, завести кошку: кошка Ньютонов постоянно приносит потомство. Хорошо бы попросить котёнка. Мисс Несса всегда была против домашних животных: она твёрдо заявляла, что от них больше неприятностей, чем проку. А так успокоительно будет иметь рядом с собой что-то живое.

Успокоительно? Что с ней? Раньше они ни в ком не нуждалась. Мисс Несса — это долг, а не товарищ. Гвеннан давно научилась жить своей внутренней жизнью, своими запросами, и, как она часто самоуверенно думала, она вполне довольна, несмотря на внешне скучную жизнь.

Она решительно взяла бумаги, разложила их на столе, сосредоточилась с хмурым выражением. Математика ей никогда не давалась легко, и приходилось всегда бороться с собой, чтобы решать задачи.

Она столбиками выписывала числа, складывала, вычитала, проверяла и снова перепроверяла. Постепенно перед ней на бумаге показались не числа — прочные блоки, башни, устремлённые в небо каменные пальцы! Гвеннан негромко вскрикнула, ручка вырвалась у неё из пальцев и покатилась по столу.

Перед ней появились стоячие камни, видные вначале только очертаниями. Но со временем они становились всё материальней, и наконец она увидела трёхмерную картину — стоящие на насыпи под ночным небом камни. Небо затянуто облаками, но камни ясно видны, они пульсируют, светятся тем же огнём, что и хрустальный шар. Гвеннан схватила лист бумаги, смяла его, швырнула на пол. Но на следующем листе снова начали вырисовываться камни...

— Нет! — девушка отскочила от стола. Она не подчинится этому! Она Гвеннан Даггерт, в своём собственном доме. Она принадлежит себе.

Ноги её сами собой двинулись к дивану. Руки не подчинялись ей. Они схватили пальто, начали надевать его. Ею владела чья-то воля.

Она взяла шарф и шапку...

— Нет! — Гвеннан слышала, как в пустом доме гулко отдаётся её голос. В нём явственно прозвучала испугавшая

её нотка. Она по-прежнему одурманена? Или у неё раздвоение личности? Одна Гвеннан пленена в собственном теле другой...

Напряжённо ведя безнадёжную внутреннюю войну, она еле передвигала ноги. Пытаясь хотя бы остаться на месте, Гвеннан вышла из кухни и прошла по прихожей. Её руки, эти предательские руки, открывали запоры на двери.

Раздался раскат грома. Гвеннан оказалась в ночи. В последней попытке уцепиться за реальность она держалась за дверь, но ветер вырвал её и захлопнул. Вокруг летали листья. В отдалении блеснула молния, но дождя не было.

— Нет!... — она отчаянно сопротивлялась тому, что делает. Но не было спасения, не было возврата назад. Был только кошмар, в который она попала и из которого никакими усилиями не могла вырваться.

Неведомая сила овладела её телом. Гвеннан не спотыкалась, она быстро шла, потом побежала. На дорогу — да она знает, куда идёт! К стоячим камням!

Паника, хуже самой сильной физической боли, овладела ею; Гвеннан хотелось закричать, броситься на землю, хвататься за каждый куст или дерево, мимо которых проходила. Но ничего этого она не могла сделать, только шла вперёд, подчиняясь принуждению. Она подумала, что, вероятно, спастись ей не удастся, но нужно сберечь энергию для последней, отчаянной попытки сопротивления.

Перед ней выросла стена, обозначающая границы владений Лайлов. Гвеннан перелезла через неё, больно ударившись коленом. Вот и край леса. Лес... нет, только не сюда! Да, она пойдёт к камням, умоляла она, но не через лес!

Очевидно, ей позволили одержать небольшую победу. Она не пошла меж деревьев, а обогнула лес и прошла открытым лугом.

Как и на кухне, она увидела камни светящимися в ночи. От них исходило серовато-белое сияние, а с вершины самого большого камня в небо уходил луч. Он стоял неподвижно, как горящий фитиль; ветер, который бил Гвеннан, его не трогал.

Девушка подошла к основанию насыпи. По бокам самого высокого камня отчётливо были видны символы, которые раньше были едва заметными линиями. Они резко выделялись на фоне света. Казалось, они движутся,

но когда она пыталась проследить за каким-нибудь одним, тот оставался неподвижным. Зато символы под ним, над ним плыли и переплетались. Шаг за шагом она начала подниматься к камням.

И вдруг она ощутила на груди тепло.

Подвеска! Она совсем забыла о подвеске. В памяти её возник этот диск с лучом, который передвигается, касаясь то одного, то другого символа. Он как будто чертит схему, накапливает энергию. Тепло усиливалось, и паника покинула девушку. Подбодрённая, она распрямилась.

В тот момент, когда Гвеннан добралась до двух меньших камней, ударил сильный гром. Небо над её головой будто раскололось надвое. Молния ударила в лес, от её яркого блеска Гвеннан на мгновение ослепла.

Она пошатнулась. Молния ударила во что-то. Послышалось эхо. И тут она услышала не гром, а крик, низкий, но внятный. Даже не крик, а рычание. На краю леса, скрывавшего дом Лайлов, девушке показалось какое-то движение. И как будто свет, очень слабый, но вполне различимый.

Фонарик... Тор? Он ждал её? Испытанное ею принуждение — его дело? Она не могла выразить чувства в словах, но знала, что Тор способен вызывать к жизни силы, которых она не понимает.

Свечение из-под нависающих теней деревьев медленно приближалось. Это не фонарик, скорее очертания движущейся фигуры. Кто это, пока трудно разобрать. Фигура сама испускала свет.

И тут ветер донёс до неё тошнотворное зловоние, которое она встречала уже дважды. Хотя это, несомненно, не то чёрное чудовище, смотревшее на неё из ночи. Но оно тоже чуждое, пугающе чуждое.

Гвеннан попыталась сбежать с насыпи, убежать через поле за холмом. Это охотник. Она знает это, как будто знание передалось ей вместе с запахом. В нём чувствуется голод и целеустремлённость, стремление преследовать, убивать...

Рука Гвеннан скользнула под пальто, отчаянно, как талисман, сжала подвеску. Такая слабая защита от того, кто подкрадывается к ней. Она отступила к камням-двойникам, протиснулась между ними, задевая их плечами. Но как они могут её защитить?..

Гром ли это, разрывающий мир, или другая, более

могучая и в то же время более податливая сила? Которую Гвеннан не распознаёт? Она ослепла — и не из-за блеска молний, а потому, что её охватила темнота, напряжённая и густая, зажватила и удержала. Темнота, холод... и болезненное ощущение отсутствия постоянства... её отрывают от всего, что нормально и обычно для её племени.

Темнота исчезла — не поднялась, не растворилась. Как будто в тёмном мешке появились разрезы, а потом мешок сорвали и выпустили её на свободу. Ночи нет. Вокруг светло. Гвеннан скорчилась, прижимаясь плечами к камню. Перед ней лежали чужие края — не поля и луга, которые ей хорошо знакомы. Какое-то совсем другое место.

Она закричала, закрыла глаза руками. Что случилось у стоячих камней? Она упала, поранилась и теперь видит галлюцинации в бреду? Но картина перед ней не менялась. Вместо солнца зеленоватое свечение. Диск, который она держала в руке, стал ещё теплее. От него исходило ощущение спокойствия — будто это якорь, который даёт сомнительную безопасность. Она выдержала схватку с собственным страхом и опустила руку, чтобы осмотреться.

Перед ней и ниже её расстилалась открытая местность, хотя, медленно поворачивая голову сначала направо, потом налево, она разглядела густую тень. Это лес, высокий и густой, таких лесов она не знает. Открытые же поля поросли короткой жёсткой растительностью, похожей на мох. Тут и там виднелись круглые пятна: одни как будто покрыты песком тускло-золотистого цвета, другие сплошь поросли низкими многочисленными серо-белыми цветами.

В этих пятнах таилось что-то странное. Покрытые песком, они казались привлекательными, а те, что с цветами, отталкивали. Гвеннан подняла голову и посмотрела в небо. Ни следа солнца. Непонятен источник зеленоватого свечения. Она снова посмотрела на землю кругом, и ей показалось, что она различает золотые всплески над песком и болезненные серые туманные завитки над цветами.

Ничего не двигалось, ветра не было. Вдали, где тёмной стеной стоял лес, не шевелился ни один листок, не раскачивалась ни одна ветвь. Как будто перед ней оказался раскрашенный пейзаж, декорации какого-то театрального представления.

Почему-то Гвеннан потеряла способность удивляться; чувства её полностью притупились. Подвеска предоставила ей убежище от страха. Начало пробуждаться любопытство. Но она по-прежнему не собиралась отходить от скал, и даже провела рукой по камню, чтобы на ощупь убедиться, что чувства её не обманывают, что это реальность.

Ни ветра... ни звука...

И тут — как лёгкий удар по оконному стеклу нарушает тишину, вдали послышался резкий, пронзительный высокий звук горна. Гвеннан взглянула направо. Наконец-то обнаружилось хоть какое-то движение в стене леса. Оттуда показались лёгкие тени, прижимавшиеся к земле. Едва показавшись, они подали голос. Похоже на собак, идущих по следу добычи, которую они вскоре догонят. Гвеннан видела, как они пересекают песок, но пятна с цветами обходят стороной. И это не собаки. Мех у них белый, но лапы, хвосты и уши золотистые. А глаза ярко-зелёные и слишком большие для узкой длинной головы.

Снова прозвучал рог. Из леса ровным галопом вышел огромный олень... Олень ли это? Гвеннан могла использовать только знакомые ей слова, и это не очень-то подходило. Животное было величиной с лошадь, у него разветвлённые золотые рога, никакого седла или узды.

А на нём — женщина. Её золотые волосы перевязаны на затылке, но длинные пряди развеваются впереди и вокруг неё, как будто она везёт с собой приручённый ветерок. На ней брюки сине-зелёного цвета, причём цвет этот всё время переливается, как в морской волне. Куртка того же цвета оставляет руки обнажёнными до самых плеч; на руках толстые золотые браслеты. В одной руке она держит изогнутый рог, в другой — короткое золотое копьё, конец которого ярко сверкает.

И вот она, следуя за сворой, подъехала ближе; голова её высоко поднята, и Гвеннан смогла ясно увидеть черты лица. Девушка вздрогнула. Это не её мир, и тем не менее перед ней восседала леди Лайл, вернее её более молодая копия; годы исчезли, вся молодость и красота вновь с нею.

Олень остановился, но как будто беспокоился, переступая с ноги на ногу, поднимая копыта и нетерпеливо топая. Псы, поравнявшись с тем местом, где прижималась к земле Гвеннан, как будто потеряли след. Рассыпались, принюхиваясь, но держась на приличном удалении от

пятен с цветами; приближаясь к этим пятнам, они низко рычали.

Но никто не замечал Гвеннан, не ощущал её запаха. Она была благодарна этому. Женщина также не смотрела в её направлении. Смотрела же она на полоску леса слева от себя, как будто ожидала, что там что-то появится.

Послышался звук, медный, резкий, режущий слух. Псы собрались вместе и окружили оленя с всадницей. Она повесила рог через плечо на золотой перевязи, взяла в обе руки копьё. Оружие показалось Гвеннан слишком хрупким и маленьким.

Девушка посмотрела на полоску леса. Снова движение на краю деревьев. Но вышли из леса не собаки. Из-под укрытия низко нависших ветвей показались какие-то сгорбленные фигуры, обманчиво медлительные: на самом деле передвигались они с невероятной скоростью. Некоторые как люди, — на двух конечностях, другие — на четырёх лапах. И все эти чудовища словно выбрались из самых мрачных кошмаров. Например, существо с крылями и совиной головой. Крылья его непрестанно бились, но оно не летало, вероятно, крылья не могли поддержать его в воздухе.

Другое существо — карикатура на человека, с телом, покрытым шерстью. Низко свисающие руки оканчиваются лапами с острыми когтями. Третье — на четырёх лапах. Передняя часть — как у волка, задние конечности — человеческие ноги, хвоста у него нет. И другие — искажённые, гротескные. От некоторых Гвеннан тут же отводила взгляд, испытывая лёгкую дурноту.

У них тоже имелся хозяин, и тоже верхом. Огромное ящероподобное существо показалось в конце кошмарной своры. Чешуйчатая спина оканчивалась костяными выростами. Между двумя самыми большими сидел мужчина. Голова у него была обнажена, а короткие золотистые завитки волос слишком хорошо знакомы Гвеннан. У этого человека было лицо Тора.

Подобно женщине, он был одет в брюки, сапоги и куртку, но его одежда пепельно-серая, под цвет шкуры животного, на котором он сидел. Плотно прижав к бедру, он держал чёрный стержень без острия. Гвеннан не сомневалась, что это какое-то оружие.

Чудовище остановилось на порядочном удалении от женщины и её собак. Две группы противостояли друг

другу. Никаких речей, животные сохраняли полное молчание, но глядели друг на друга с ненавистью, которая ясно читалась в линиях их напряжённых тел.

Может быть, всадники общаются без слов? Гвеннан подумала, что, вероятно, так оно и есть. Несомненно, это встреча заклятых врагов, но они как будто не могут начать открытую схватку.

Она чуть переместила свой вес и...

Подвеска в её руке, казалось, пошевелилась, оттолкнулась от ладони. Приятная теплота превратилась в обжигающий жар. Девушка вздрогнула, негромко вскрикнула от боли и выпустила подвеску, продолжая держать конец цепи. Поверхность с циферблатом вывернулась наружу, все символы ярко горят. Гвеннан была уверена, что у неё обожжены пальцы, однако на коже — ни следа ожогов.

Этот короткий негромкий возглас привлёк внимание двоих внизу. Они резко повернули головы, отыскивая её взглядом. Она скорее почувствовала, чем увидела их удивление: лица их оставались абсолютно лишёнными выражения. Олень и драконоподобное существо повернулись и двинулись на одной линии, но держась на расстоянии друг от друга, и приблизились к насыпи. Гвеннан заставила себя встать. Она не знала, какая опасность её ждёт, но была достаточно горда, чтобы не встретить её на коленях. Она не животное, боящееся уничтожения.

Тор... леди Лайл... она только так могла их называть про себя, несмотря на странную одежду и странных спутников. Их взгляды не отрывались от неё, и ей казалось, что в них читается не простое узнавание. Первой заговорила женщина.

— Странница издалека, добро пожаловать — благодаря тому, что ты принесла с собой...

А Тор рассмеялся. «Правда, родственница. Или ты надеешься получить у этой странницы помощь в нашей битве? Никто не придёт к тебе на помощь, как бы сладко ты ни призывала своим рогом. Разве не так, чужестранка?»

Теперь он требовал ответа у Гвеннан. «Вот эта моя родственница считает, что ты будешь служить ей в битве. Не сомневаюсь, она строит для этого хитрые планы. Но что наша война для тебя? Ты принадлежишь к другим... короткоживущим, лишённым памяти. Ничего не ждёт тебя в этом мире, кроме...»

Он щёлкнул пальцами, и существо с совиной головой

повернулось к девушке, демонстрируя красные огненные ямы на месте глаз.

—...кроме встречи с моими верными и послушными слугами, — голос его звучал негромко, как мурлыканье огромной кошки, уверенной в том, что её добыча никуда не денется. — Ты смертная, а мои звери всегда жаждут горячей крови. Не так ли, слуги мои?

Кошмарные существа, сопровождавшие его к насыпи, зарычали, закашляли, человек-волк завыл.

Глава 6

Гвеннан хотела возразить, может быть, даже закричать, но как будто онемела. Заговорила женщина, которая была леди Лайл и в то же время не была ею.

— Правда, что выбор за тобой. Это очень древняя борьба. Но мы всё время возрождаемся, и те, что с другой кровью, тоже. А ты не понимаешь, тебе всё это кажется сном. Ты...

Её голос заглушил хохот Тора. Одно из животных, карикатура на человека, волосатое существо, приводящее Гвеннан в ужас, подошло поближе, вытянув лапы, будто хотело схватить девушку.

— Выбора нет! — мужчина возражал женщине, он произнёс свои слова с высокомерным пренебрежением. — Ты должна принять участие в этой борьбе, хочешь ты того или нет. В тебе, должно быть, имеется капля древней крови, женщина из другого мира, иначе ты не нашла бы пути к нам. И эту кровь один из нас сможет использовать в своих целях!

Камень прочно держал её, как будто ограждал стеной. Он напоминал ей о существовании реальности. Но больше всего она рассчитывала на подвеску, цеплялась за неё, держа её в одной руке, вторую положив поверх. Металл пульсировал теплом, он становился всё горячей. Но Гвеннан сжала зубы и держала его, как держат оружие. Она не знает, как попала сюда, и не доверяет этому миру с зелёным освещением. У женщины — лицо леди Лайл (вернее, молодое лицо, похожее на лицо леди Лайл), но и оно не внушает уверенности. Во всех этих формах жизни ореол чуждости. Гвеннан добровольно не станет тут союз-

ницей никому. А обезъяноподобное чудовище уже у самого основания насыпи.

Гвеннан плотнее сжала диск. Про себя она взмолилась о спасении. Назад! Верните её туда, где её место, в свой мир! Пусть кончится этот кошмар, пусть страшные чудовища не топчут её землю.

И...

Как будто её ужаса оказалось достаточно, чтобы повернуть какой-то неведомый ключ, и она снова погрузилась в темноту, в пространство, где для неё нет места, где она не может находиться. В голове у девушки зашумело, она ощутила приступ боли; боли в самой душе, а не в теле. Холод... и... боль... и снова свет.

Вокруг уже не грозовая ночь. И не зелёный мир, в котором верхом едут охотники. Гвеннан мигнула, всё ещё не придя в себя от путешествия через неизвестность, и почувствовала, что жива.

Она... кто? Неуверенность в собственной личности вызвала продолжение боли, поразившей её во тьме. Она не могла ясно мыслить, мысли разбегались... Кто? Где? Цвет, странные цвета стен. Звуки, вздымающиеся и падающие... какое-то песнопение. Она знает, что всё это должно помочь ей собрать воедино разбитые осколки картины, создать новую картину. Гвеннан, та, другая Гвеннан, забылась, не осознала себя.

Она — Орта — пророчица Большого Храма. Разве она не сидит на своём обычном месте, на трёхногом сидении пророчиц, перед туманной поверхностью Зеркала Будущего? Теперь волны цвета, окружающие Орту, легко распознаны... Это одеяния благородных, которым позволено присутствовать при пророчестве. Ей достаточно слегка повернуть голову, и она увидит высокие троны, и на них Голос Прошлого и Будущего и Руку Цели, Избранных этого поколения.

Да! Она гордо распрямилась, когда знакомые распевы Призывного Гимна наполнили её энергией для предстоящего пророчества. Теперь она вспомнила: это не обычное пророчество, проводимое в заранее назначенное время, а скорее чрезвычайное. Миру грозит опасность, и она несёт всю ответственность за предсказание.

Зеркало... сосредоточиться только на зеркале... отбросить всё беспокойство, ощущение, что в её теле живёт кто-

то другой... кто-то очень отличный от Орты... всё внимание — пути, по которому приходит и уходит пророчество.

Под её пристальным взглядом туманная поверхность зеркала изменилась. Вначале туман стал гуще, от центра к краям начали расходиться волны. Всё гуще становился туман, всё плотнее. Тут и там отдельные его участки становились темнее остальных.

Эти тёмные участки углублялись, втягивали в себя туман, они больше не перемещались, теперь резко выделяясь на фоне породившего их тумана. Она увидела людей, маленьких, далёких, бесцветных — зеркало показывало не физическую картину, а внутреннюю жизненную силу, похожую на искорку.

За этими искорками жизни возвышались башни и стены — город. Эти внутренние искорки духа занимались своими делами, как мужчины и женщины, представляющие их в жизни. Сцена быстро изменилась, как будто новая картина сплавилась с предыдущей. Теперь она висит над стенами, улицы заполнены толпами, а она смотрит на обширный город с высоты птичьего полёта.

Под ней простирается могучий город. Она продолжает подниматься, и он быстро уменьшается. Отсюда правят всем миром. Здания города расстилаются на многие лиги, образуя самый великий памятник человечеству. Но город всё уменьшается, и она видит земли за его стенами.

С такой высоты Орта больше не может различить отдельные искорки жизни. Они слишком малы, затеряны в обширности пространства. Всё выше и выше поднимается она. Вот яркая полоска реки — она несёт свои воды в море. Крошечные щепки на поверхности воды — корабли, созданные людьми, их гордость, они связывают все части мира друг с другом. Ещё выше. Уже и щепочки-корабли затерялись в безбрежности моря.

И тут...

На небе, в котором она плывёт, засверкал свет. Яркий огненный шар затмил серость изображённого в зеркале мира. Свет его ослеплял, но не настолько, чтобы она не видела принесённый им ужас.

Он падал, этот огненный шар, и его сопровождало множество меньших огней. Они падали в море. И когда наконец упали, мир обезумел.

Из воды поднялись столбы пара, земля начала корчиться, раскалываться и извергать пламя. Та вода, что не

испарилась, поднялась и покатилась на берег, высотой в гору были эти накатывающиеся водные массы. Она видела, как первая волна яростно ударилась о землю, её пенные языки несли всеобщее уничтожение, ни одно созданное людьми сооружение не смогло выдержать этого удара разгневанной воды.

Первая из могучих волн устремилась в глубь поверхности. Теперь Орта находилась ближе и ясно видела победу моря и гибель обречённого мира. Город-порт исчез, будто его тут никогда и не было. Ярость волны не уменьшалась. Казалось, разрушения только подкармливают её, добавляют энергии. Волна продолжала двигаться вглубь, быстрее, чем любой воздушный корабль, быстрее ураганного ветра.

На севере показались языки пламени, они вздымались из самой земли. Из трещин в поверхности выплёскивалась расплавленная лава, облака пепла огромными массами взметались к небу.

Волна нарастала. Её вершина нависла и изогнулась. Под ней лежал город, похожий на муравейник, на который наступает чей-то сапог. Вода на мгновение, казалось, застыла, а потом упала, ничего не оставляя на своём пути.

Орта видела, как обрушиваются башни, которые она знала всю жизнь, и среди них самая высокая, с которой звездочёты осматривали небо. Земля закачалась... вода... огонь... Проснулись силы, спавшие от рождения земли. Человек... человек не может жить в таком окружении. Это конец мира, который показывает ей зеркало. Она жалобно закричала.

— Смерть, — кричала она сквозь стиснутые губы. — Смерть... она идёт с неба... смерть от воды... и огня... и мук самой земли. На нас идёт смерть!

Она покачнулась на своём пророческом сидении. Голос её поднялся в высоком вопле:

— На нашем небе взойдёт новая луна, она скроет ту, что нам известна. С ней придут ливни смерти, они будут падать и убивать. А земля ответит им, подымется в ужасных ранах, изрыгнёт огонь и ядовитые газы. Даже Сила не спасёт наши жизни. Ничего не останется, кроме воды, огня и жестоких ран земли...

— Ты лжёшь!

Слова, произнесённые холодно и ясно, прорезали ужас, как остро заточенный нож разрезает верёвку. Её вырвало

из пророческого транса, она дрожала, её мутило от увиденного и от того, что так резко прервалось видение.

Руки Орты неподвижно застыли, пальцами она впивалась в края трёхногого сидения. Только это удерживало её на месте. Она повернула голову к высоким тронам, чувствуя, как слюна выступает на губах и течёт по подбородку.

Та, которая служила Голосом Силы, наклонилась вперёд, глаза её, как острия копий, пронзали Орту своим жёстким алмазным блеском. Их голубизна была ледяной.

Голос встала, её совершенное тело лишь слегка прикрывалось тонким газовым платьем, драгоценности у неё на поясе сверкали так же жёстко и холодно, как и глаза. На плечи падала волна длинных солнечного цвета волос, так похожих на ткань её платья, что трудно было сказать, где кончаются волосы и начинается ткань.

— Ты лжёшь — или тебя коснулась Тьма... — она произнесла свой приговор медленно и отчётливо.

Среди собрвшихся вдоль стен послышался ропот.

— Похоже, ты больше не видишь истину, пророчица, — продолжала Голос. — Тебя будут судить, и Сила найдёт для своего выражения нового слугу.

Орта покачала головой из стороны в сторону. Видение по-прежнему не оставляло её. Она не могла поверить, что кто-то оспаривает правдивость увиденного ею. Ведь хорошо известно, что пророчица не может исказить то, что видит в зеркале. Почему тогда Голос отрицает её видение — обвиняет её?

Она посмотрела на второго человека на высоком троне — на Руку Цели. Тот взглянул сначала на Орту, потом на Голос, но не шевельнулся и не произнёс ни слова. Голос подняла руку в коротком повелительном жесте.

Двое подошли и остановились по обе стороны Орты. Грубые руки с силой опустились на её плечи, заставляя встать. Святотатственность этого грубого применения силы разорвала оцепенение ужаса от видения. Ни один человек: ни жрец, ни стражник не имеет права прикасаться к пророчице. Она почувствовала, как в ней вспыхивает пламя гнева. Её заставляли встать младшие жрецы, слуги Руки, — но он сам ни словом, ни жестом не отдавал приказ.

Они повернули её — от зеркала лицом к обвинительнице. Голос продолжала холодно смотреть на неё, как будто молча ждала протеста, призыва к Силе в этом месте её проявления.

— Ты... — начала Орта, но Голос, по-видимому, не хотела, чтобы она говорила. Один из младших жрецов рукой зажал ей рот с такой силой, что губы её болезненно ударились в зубы.

Голос повернулась, посмотрела на стоящих у стен по праву Силы, они беспокойно переговаривались.

— Она явно лжесвидетельствует. Двадцать месяцев мы читаем небеса — нам ничего не угрожает. Должно быть, Тьма нашла в ней слабое место и хочет принести нам беду. Или она слишком долго смотрела в зеркало. Больше она не будет распространять ложь.

Голос широко развела руки, и проявилась Сила, которая живёт в ней и говорит через неё. С концов распростёртых пальцев устремились вперёд лучи, они переплетались друг с другом и расходились. Лучи всех цветов радуги: зелёно-голубой цвет моря, розово-золотой цвет рассвета, чисто-белый — самого Присутствия. Лучи пульсировали в воздухе, повисли над головами всех собравшихся, принося им радость и веселье — дары Силы.

Но Орта не испытывала ни покоя, ни радости — только гнев и страх: она знала, что Сила использовала её правильно, что показанное зеркалом — правда. Но когда это произойдёт, она не знала. Как может Голос с помощью Силы отрицать правду этой Силы? В недоумении Орта позволила двум младшим жрецам вывести себя из зала — все перед ней расступались, не желая близости с той, кто, по словам Голоса, во власти Тьмы.

Смущение Орты возрастало. Она никогда ни о чём подобном не слышала. Она правильно использовала зеркало, и с её помощью Сила показывает будущее — почему тогда оно отрицается? Голос по обычаю не может лгать — разве она сама, осудив Орту, не навлекла на себя Силу? Такой парадокс могла выдумать только Тьма, чтобы привести в замешательство праведных.

Орта почти не сознавала, куда её ведут: к изумлению добавилось истощение, которое всегда охватывало её после пророчеств. Но на этот раз её не поддерживала Траса, её помощница, и не ждёт её прохладный, освежающий напиток и долгий отдых в постели. Орта пришла в себя в грубой каменной камере, лишь наполовину высеченной под землёй; остальное пространство — естественная пещера. Она чувствовала сырость, слышала звуки капающей воды. Орта никогда не была в этом месте — в нём

содержатся ждущие справедливости, но догадывалась, что теперь она пленница и должна ждать, пока ею не займутся Голос и Рука.

Прислонившись к холодной влажной каменной стене, которую она ощущала сквозь тонкую ткань платья, Орта старалась хоть что-нибудь понять. Вернись, вернись к тому, что ты почти знаешь, говорил ей разум. Постарайся увидеть, в чём корни той войны, которая разворачивается внутри Силы.

Начало — она пыталась пробиться к нему. Она сама — не Сила, а она — из двух частей, которые борются друг с другом. Всё живое знает, что Сила — центр любой жизни, что каждый рождается с крошечной её искоркой, служит ей в изменяющемся мире, возвращается к ней, принося с собой всё, что узнал, чтобы со временм родиться вновь. Когда она обучалась искусству предсказаний, она в глубоком сне соприкасалась с этими прошлыми своими жизнями. Некоторые ей отчасти было позволено запомнить, потому что их опыт был важен для её настоящего дела.

Она была рыбацкой дочерью, дружившей с морскими животными, научившейся общаться с ними в те дни, когда такого знания боялись. А потом умерла на гарпуне собственного брата, когда разрезала его сети, чтобы освободить одно из морских созданий, которое плавало с ней и играло в волнах, на чьей спине она много раз плавала, полная радости жизни.

В другой жизни она была мужчиной. У него был талант кузнеца, он умел сплавлять металлы, знал секрет закалки их до такой прочности, что правители многих земель спорили за обладание его оружием. Он гордился своим мастерством, пока один из владык, хитрый и коварный, не пожелал в одиночку владеть его тайной. Он извлёк тайну из мозга кузнеца, а его самого убил.

Но только то, что сейчас прорывалось в её сознание, не принадлежит этим прошлым жизням. Оно не возникало во время её обучения пророчествам, но родилось сейчас; оно очень сильно; это не воспоминание о прошлой жизни, оно принадлежит настоящему.

Может быть, эта другая личность, которую она не узнаёт, и есть причина её бед? Орта сосредоточилась, приветствуя её, предоставив ей возможность окрепнуть, сливая один фрагмент её с другими, надеясь постепенно получить целое.

Гвеннан... из этих мельтешащих обрывков возникло имя — ясно, как будто оно написано перед ней в воздухе. Не из прошлого... но тогда... откуда?

Орта произнесла это имя вслух, как заклинание, которое используют при обращении с талантом пророчицы, чтобы сделать вопоминания яснее. Закрыв глаза, изгнав из сознания камеру, темноту, она подумала: «Гвеннан». Она вложила в эту мысль всю свою энергию, как её учили.

Хотя её учили только лишь необходимому для пророчицы, она всегда знала о существовании у себя иных способностей. Подчиняясь требованиям своей службы, она никогда не исследовала иные линии Силы. Храм Света был воздвигнут на пересечении силовых линий, которые являются кровеносной системой планеты. То, что эти артерии встречаются здесь, почувствовали ещё сотни лет назад.

Поэтому здесь особенно сильны вибрации земли. Голос и Рука обучались использовать эту Силу, призывать её для добра, точно так же как Орта училась пользоваться ею для пророчеств. Орта — это только сосуд, в который вливается предсказание, когда она смотрит в зеркало. Никогда не пыталась она воспользоваться Силой для других целей.

И только теперь, в замешательстве, чувствуя, что происходит что-то глубоко неправильное, затрагивающее основы её мира, она решилась на такое. Если она согрешила, если утратит контроль, её поглотит вызванная ею Сила.

Орта сжала кулаки, весь свой мозг, все силы своего стройного тела она подчинила одной задаче. Она вспоминала картину силовых линий, которые дают жизни возможность существовать и процветать. Эти линии образуют сеть, и центр её сейчас под ней — об этом она не должна забывать.

Итак — кто такая Гвеннан? Что это за другая её часть, которая сейчас так рвётся на свободу? И какое отношение она имеет к настоящему?

— Гвеннан? — она произнесла это не как приказ, нет, негромко, мягким голосом, как будто успокаивала робкое животное, застенчивого ребёнка, просила выйти из убежища, показаться.

Линии — дайте мне Силу! Молитва её звучала как требование.

— Гвеннан! — теперь это был приказ, и в него Орта вложила всё, что поднималось в ней.

И она увидела, как будто её глаза не закрыты, а открыты

и сосредоточены на зеркале. Но только увидела не зловещее зрелище гибнущего мира — она увидела поле, холм, на нём три камня. В этих камнях заключалась Сила — то, что жило в ней, узнало родственное. Но ту Силу давно не призывали, она слаба, близка к уничтожению. Никто не знает, как призывать её, как использовать.

У камней стоит женщина. Ночь, небо закрыто облаками. Но Сила камней освещает лицо женщины, и Орта ясно его видит. Но она совсем не думала, что увидит своё лицо! Никогда раньше перевоплощение в другие жизни не следовало одному и тому же образцу. Должно быть, действительно бессмертная часть её воплощена в другой оболочке. Но незнакомка этого не знает, её память прошлого прочно заперта. В какой же она духовной тьме!

Тьма — Тьма! Нет, незнакомка не окружена тёмным облаком — в ней только незнание и неспособность вспомнить, как будто память ей полностью отказала. Эта Гвеннан, которая когда-то была Ортой, она не из прошлого — из будущего!

Из будущего! Орта глубоко вздохнула. Неужели она действительно сказала неправду, не выдержала напряжения? Мир, уничтожение которого она видела, не может иметь будущего. Как в нём можно будет выжить? Человечество слишком хрупко, чтобы выжить в ужасах разрывающейся земли.

И всё же — в ней достаточно способностей, чтобы узнать ту, что стоит у камней в ночи. Хотя эти камни и далеко от времени Орты. Она поняла, что это тоже способ извлечения Силы, только очень грубый. Их могли установить те, кто сохранил очень смутное воспоминание о прошлом. И всё же, хоть это и очень грубое приспособление, оно родственно тем, что окружали её. И если храм, каким она его знает, исчез, стёрт с лица земли — а она это видела — то, что в нём хранилось, забыто не окончательно.

Она постаралась изгнать из сознания все мысли о камнях и полностью сосредоточиться на женщине — как-то узнать у неё, что произошло между временем её смерти и возврата к жизни.

Ей предстоит стать Гвеннан — много времени спустя. Поэтому — должны быть выжившие. Орта с сожалением вздохнула: способности её ограничены, она не может полностью раскрыть двери сознания той женщины. И

ничто из того, что она узнала, не разрешает загадки: почему её назвали лжепророчицей?

Но она почувствовала изменение внутри себя самой. Эта борьба за мозг другой женщины, за возможность читать в нём, изменила её. Орту тренировали очень узко и целенаправленно, готовили выполнять единственную роль в храме. Она никогда не вышла бы за пределы своих обязанностей, не стала бы задавать вопросы. Но теперь она это сделала, и перед ней раскрылись новые горизонты. Она чувствовала новый подъём духа. Конечно, она не Голос, она не может пользоваться Силой как одеждой и оружием. Но она вышла за предназначенные ей пределы, воззвала к Силе, и та ответила ей.

Она страшно устала, тело её дрожало, она была опустошена, слаба, и то, что несколько мгновений было в ней, ушло, как кровь уходит через незажившую рану. Возможно, ответом на её дерзость будет смерть, она лишится не только того, что недавно приобрела, но и вообще всего. И от неё останется пустая оболочка. И таким образом Голос, обвинившая её, будет права.

Если это так, Орта не боялась, она чувствовала только глубокое разочарование. Но даже думать ей стало тяжело. Она погрузилась в состояние, которое не было ни сном, ни забвением — только усталым безразличием.

Могли пройти часы, она этого не замечала. Она проголодалась, так как давно не получала обычного подкрепления пророчицы. Голод и жажда ощущались всё сильнее, усталость её росла. Иногда ей казалось, что она не здесь, что это она стоит у камней, держит в руках предмет, который бьётся, как сердце, и только это биение сохраняет ей жизнь.

Она даже не слышала, как открылась дверь её камеры. Её привёл в себя свет переносной лампы. Девушка прислонилась головой к стене; но вот она чуть повернула голову и посмотрела на того, кто принёс свет. Насколько она могла судить, он пришёл один. Но не жрец-воин пришёл за ней, чтобы отвести на суд.

Он отбросил капюшон ночного плаща, как будто хотел, чтобы она узнала его. Свет отразился в кудрях его высоко поднятой головы, превратив их в золотой ореол, показывая, что в нём, как и всегда, живёт Сила.

Не жрец — сам Рука пришёл к ней. Орта бесстрастно смотрела на него. Неужели её преступление таково (хотя

в чём оно заключается, она так и не знает), что он должен сам тайно проникнуть к ней и убить?

И как она умрёт? От огня, который он может вызывать по своей воле? Может, через мгновение она исчезнет, а её тело превратится в пепел, она уйдёт в ничто.

Глава 7

Он не нарушил молчания и не поднял руку в угрозе. Скорее смотрел на неё, как будто хотел задать вопрос, который ещё не сформулировал. Первый порыв страха рассеялся, и Орта почувствовала негодование. Неужели он заговорит и осудит её — без защиты, как это сделала Голос? Но он не услышит её мольбы о пощаде.

Рука сделал шаг, другой, потом улыбнулся, медленно, почти лениво, как будто встречаются они солнечным днём в водяных садах — самом прохладном месте во всём храме.

— Итак, сестричка... — говорил он очень тихо, почти шёпотом, — ты обнаружила, что есть правда и правда, и одна правда не так приемлема, как другая.

Орта продолжала упрямо молчать. Он пользовался словом, применяемым к неопытному прорицателю, ответы которого можно толковать по-всякому, они могут послужить ответом на разные вопросы. Таких прорицателей в храме не любят. Они настолько лишены подлинной Силы — так говорит традиция, что их предсказания — это ложь, с помощью которой Тьма обманывает людей. И чтобы он так говорил с ней!..

— Да, — Рука кивнул, будто мысли её были целиком открыты ему. — Это правда, сестрица, что тебя слишком долго защищали от мира, каков он есть, от людей, каковы они на самом деле, даже от тяжёлых времён, которые предстоят нам. Жаль, что ты так невежественна. Ещё более жаль, что тебе позволили пророчествовать сегодня и не сказали, что нужно скрыть увиденное, затянуть время...

Только теперь Орта обрела дар речи. «Не понимаю тебя. Я смотрела в зеркало... и то, что я увидела, — правда. Нас ждёт смерть... смерть всего мира...». Она вздрогнула, ей стало холодно, и не только от промозглости камеры. Её пророчество правдиво, это несомненно, и точно так же верно, что она никогда не давала возможности Тьме действовать через неё... в чём бы ни обвиняла её Голос.

— Да, ты видела правду, — он не насмехается над ней, как она сперва подумала, нет, он согласен с ней. Но если это так — почему же Голос, обладающая равной с ним властью, повернулась против неё? Она ведь справедливо предупредила, что приближается опасность, от которой не спасётся никто.

— Да, но спасение есть, сестрица, — он опять придвинулся ближе. В гнилом грибковом воздухе подземелья она чувствала аромат его одежды, запах благородных масел, которые втирают ему в кожу.

Орта покачала головой: «Я видела. Море поглотило землю, земля раскрылась, из её ран вырвался огонь. Земля поднималась и опускалась, город был сметён. Кто может выжить в таком?»

— Те, кто предупреждён, кто предвидел, кто подготовился, — сразу же ответил он. — Звездочёты много лет назад заподозрили, что этот небесный бродяга может ворваться в нашу систему. Первое такое прорицание было получено во времена Эйден. Тогда и начались тайные приготовления...

— Эйден? Но ведь это было пять поколений назад.

— Совершенно верно. Именно таким способом появилась на нашем небе и нынешняя луна — Лилит. Так утверждают древние записи. Похоже, теперь второй небесный странник приближается к нам. И его сопровождает метеорный поток. Там, куда упадут метеоры, взорвётся всё — и земля, и море. У нас остаётся мало времени. Послушай, сестрица, — он стоял прямо перед ней, одной рукой обхватив подбородок. Их глаза встретились, и она почувствовала присутствие живущей в нём Силы. Но Сила не стремилась уничтожить её, как она того ждала. — Ты обладаешь даром. Я давно слежу за тобой, хотя ты этого не замечала.

— Я прорицательница. До сих пор никто не сомневался в правдивости моих предсказаний, — упрямо возразила она.

— Ты лучшая из прорицательниц, — ответил он. — В наших записях есть объяснение: в своих других жизнях ты тоже смотрела в зеркало, сестрица. И с каждой такой жизнью Сила в тебе росла. Так тот, кто создаёт прекрасные вещи, в новой жизни рождается с таким умением, обострённым его прежними знаниями. Твой внутренний дар рос от инкарнации к инкарнации.

Да, ты прорицательница, но я думаю, тебе не нужно зеркало, к которому привязывает тебя обычай. Тебя никогда не учили полностью воспользоваться своей Силой. То, чем ты можешь овладеть, какие двери сумеешь открыть, поразит тебя — и других, — он вновь улыбнулся, но не ей, Орта была в этом уверена, а каким-то своим тайным мыслям.

— Но тогда почему Голос назвала меня лгуньей, существом Тьмы? — вырвалось у неё. — Если тебе, Рука, известна правда обо мне, может ли она быть скрыта от Голоса?

— Она не скрыта. Голос не допустила бы тебя к зеркалу. Но обычай и закон помешали ей. Да, она хорошо знает, что ты сказала правду... а также, что ты...

— Но тогда, почему? — прервала Орта.

— Потому что иногда правда выгодна Тьме. Что, по-твоему, произойдёт в мире, когда все живущие узнают, что их ждёт гибель?

Орта перевела дыхание. Впервые подумала она о чём-то, кроме своей беды.

— Голос пыталась предотвратить твоё пророчество, — продолжал он, — но советники Вахала настаивали, что имеют на это право. Теперь нам нужно, чтобы все поверили, что ты сошла с ума или совращена Тьмой. Не заблуждайся: слуги Голоса будут с тобой безжалостны. Первым следствием будет твоя смерть, внешне вызванная Силой, которую ты использовала неверно. Понимаешь ли, сестрица, тебе первой придётся умереть, чтобы скрыть то, что будет делаться... делается...

— А что это?

— Готовится убежище для спасения в изуродованном и разорванном мире, каким ты его и видела. Из миллионов жизней спасти можно лишь несколько... и то возможно. Это и есть цель, ради которой они трудятся. Если всем станет известно, что мир ждёт смерть, но некоторые спасутся, в мире воцарится кровь, смерть и безумие. Вот это они и хотят предотвратить. Поэтому ты останешься лживой пророчицей, а Голос выиграет своё сражение... или первую стычку.

— Сражение Голоса? Но ведь нельзя разделить Голос и Руку?

Он сжал губы: «В течение многих лет идёт спор о двух путях. В словах сторонников Голоса есть смысл. Да, мы не

можем спасти много искр жизни в этом мире. Но не все из нас согласны, что катастрофа будет такой сокрушительной. Если кто-то выживет, нам понадобятся подготовленные люди, обладающие Талантом, — такие, как ты. Ты обладаешь Силой, которую никогда не осознавала. У меня Сила по наследству и благодаря подготовке. Но один тип Силы нуждается в другом. Кто знает, чего тогда можно достигнуть? Я пришёл к тебе, потому что, как ты знаешь, один талант может соединиться с другим только добровольно. Я хотел бы использовать твой талант в моём способе выживания.

Мы с помощью всех доступных нам способов искали такие места на земле, где разрушения будут не так велики. Одно из таких мест подготовлено поблизости. Я хотел бы, чтобы ты нашла для меня это место...

— Нашла его? — Орта была безмерно удивлена. — Но ты ведь и так должен его знать.

Он нахмурился: «Я не знаю! Я противостоял таким планам. Мы так и не решили, кого включить в горстку тех, кто должен выжить. В прошлый благовест Дня Наименований я обнаружил, что сооружение, которое я считал таким убежищем, на самом деле ложное убежище, что Голос победила в своих планах. Но такая прорицательница, как ты, умеющая заглядывать во времени не только вперёд, но и назад, может отыскать подлинное убежище. Ты можешь заглянуть вперёд, увидеть тех, кто там спасается, куда они пойдут. И тогда я и те, что со мною, смогут быть среди них. Правда, что из настоящего, известного нам не сохранится ничего. Разве не нужно, чтобы те, кто умеет призывать Силу, передали это умение будущим векам?»

Она подумала, что он говорит правду, какой её видит, что для него это дело величайшей важности. Она также понимала, почему он считает её такой необходимой для себя. Но противоречия в самом сердце Силы — это что-то чуждое и неправильное. Орта отшатнулась от этой мысли, как отшатываются от тех чудовищных порождений Тьмы, что иногда прорываются в этот мир, когда ослабевает защита на скрещениях линий Силы.

— Безопасность, — негромко и убедительно говорил он, — и не только для тебя, сестрица, но для других, для многих. Среди них есть обладающие великими талантами и способностями. Разве ты не понимаешь, что если мир

погрузится во Тьму, как ты видела это в зеркале, должны найтись такие, кто поведёт выживших, когда смерть и разрушения кончатся?

— Но я видела... — Орта медленно покачала головой. — В том, что я видела, никто не сможет выжить.

— Не обязательно, — если Рука и испытывал неуверенность, он никак этого не показывал. Губы его снова сжались, в глазах горело пламя его собственного дара. — Поднимется новая земля, и кто лучше подготовлен к правлению ею, чем те, кто может вызывать Силу, в ком она живёт врождённо? Существует давнее пророчество...

Орта застыла в напряжении. Пророчество, инос, чем то, что она сделала в храме? Почему она о нём не знала? Её собственный дар, даже если она не перед зеркалом, мгновенно бы ожил, если бы кто-то попытался идти той же тропой. И кто мог воспользоваться зеркалом, кроме неё самой? Ибо хорошо известно, что зеркало составляет единое целое с прорицательницей. Когда она умрёт, её зеркало разобьётся. Её воля удерживала его в целости. Тогда нужно будет найти другую девственницу и подготовить её для треугольного стула.

— Кто видел это? — резко спросила она, забыв о своём несчастье.

Рука негромко рассмеялся: «Это тебя затронуло, малышка? Да, справедливо: как бы мы ни были неуверены, что бы ни отягощало наши души, мысль о сопернике всегда оживляет нас. Здесь — никто. Но на южном континенте есть пророчица. Она прорицала несколько раз — и для Голоса, и для меня — тайно. Будут выжившие. Наш род многое может перенести. Корабли перенесут бурю, хотя их экипажи утратят всякий контроль и надежду и отдадут себя на милость моря и ветров. Некоторые спасутся в пещерах. И вот мы окажемся в мире, совершенно чужом для нас, а люди опустятся ниже уровня животных. Но некоторые в этом мире будут подготовлены, они будут обладать знаниями, сумеют остаться людьми, доказать, что мы по-прежнему хозяева времени, земли, моря... Они будут править, сестрица. И будут сильнее, чем мог бы поверить хоть один человек, уходящий в убежища.

Ты можешь быть среди них — и я тоже. Но только если найдёшь место, подготовленное в качестве убежища.

Вдруг он неожиданно повернул голову и посмотрел на дверь камеры. Вся мягкость исчезла с его лица, рот

напрягся, челюсти плотно сжались, в глазах появился холод. Он снова посмотрел на Орту, положил руки ей на плечи, его пальцы больно впились в её тело под лёгким платьем.

— У нас мало времени, — он даже не шептал, а свистел как змея, подготовившаяся к нападению. — Ты будешь служить мне... Я приказываю. Иди!

Он снова взглянул на дверь. Потом так неожиданно отпустил её, что она чуть не упала, но всё равно больно ударилась о каменную стену. «Ты — выполнишь — мой — приказ...» — он произносил слова с паузами, почёркивая каждое, вкладывая в них Силу. Глаза его сверкали, впивались в девушку, давили на её волю, на мозг...

Он постоял так, набираясь Силы, готовый подавить любое сопротивление. Но Орта обнаружила, что у неё есть защита, пусть хрупкая и ненадёжная... дрожащая, как завеса на ветру.

— Гвеннан... — вслух ли она произнесла это странное имя или про себя? Вторая личность прорастала в ней... она не принадлежит миру Руки... она не знакома со страхом перед его властью... она может бороться с принуждением, как прежде боролась с самой Ортой за свободу. Она из далёкого будущего, она другая, ничего не знает о Силе, у неё своя, совершенно другая защита.

Несомненно, со временем Рука смог бы подавить и её, но у него не было времени. Он снова прислушался. Потом с искажённым лицом повернулся к двери и выскользнул. Орта услышала, как задвинулся засов с наружной стороны. Она снова пленница. Возможно, сама отбросила последний шанс на свободу. Хотя то, что предлагал Рука, слишком отлично от того, к чему она привыкла, чтобы так легко принять его предложение.

Она обхватила себя руками и сжала плечи, как будто хотела свернуться в клубок.

К затхлому воздуху камеры незаметно примешивался какой-то другой запах, с каждым вдохом он становился всё сильнее. Ей не нужно быть пророчицей, чтобы понять, что происходит. Чудовища, появляющиеся на пересечениях силовых линиях (они не из этого мира, из другого, который касается нашего в пунктах пересечения энергии — как в храме), они здесь! Монстры, тёмные создания — только извращённый мозг может командовать ими, хотя Голос, Рука и немногие другие могут их уничтожить. Во время

обучения ей приходилось видеть такую материализацию. Но тогда всегда кто-нибудь стоял на страже; ей позволяли посмотреть, но она оставалась в безопасности от ужаса, который ждёт тех, кто не вооружён ритуалом.

Зловоние становилось всё сильней. Орта в страхе смотрела на дверь. Воображение подсказывало, что может ждать снаружи. Их может быть даже несколько. В этом мире, в этой плоскости они всегда начинают убивать, калечить, приносят такие бедствия, что ей тошно вспоминать.

Здесь же она одна, в темноте самого нижнего этажа храма, она их законная добыча. Таково её наказание? Лучше чистая смерть, причинённая Силой! Голос не могла приказать такое!

Орта больше не могла обманываться: снаружи слышался какой-то шум, даже сквозь толстую дверь. Что-то ищет добычу... Её пальцы впились в тело, как до того пальцы Руки, даже сильнее. Почему он ушёл и оставил её... этому... если она так важна для него? Существа извне для него не страшны.

Тщетно девушка старалась припомнить ритуал — Слова Отсылки. Она не настроена прямо на эту Силу, но та в ней есть, и Орта не могла поверить, что существо из Тьмы может безнаказанно прорваться.

Если только уже не началась гибель этого мира. Возможно, силовые линии искажены, нет больше ровного потока Силы. Известно, что этих существ всегда привлекает энергия мира, что только тщательно подготовленная защита не даёт им питаться этой энергией. Они иногда появляются во время гроз, когда обрушиваются молнии, приоткрывая на мгновение ворота...

В дверь застучали. Существо — или существа... они не справляются даже с такой простой задачей — отодвинуть засов, вместо чего пытаются прорваться сквозь дверь грубой силой. Эти существа почти безмозглы, но Тьма может вселить в их искажённые изуродованные черепа, столь не похожие на человеческие, самые разные желания и потребности.

Орта из последних сил боролась с собственным страхом и вызванной им слабостью. Она использовала всё, что смогла вспомнить: читала голосом, который при каждом ударе по двери начинал дрожать, формулу экзорцизма. Она не может раскрыть своё тело перед Силой, как могут это

сделать Голос и Рука, чтобы с пальцев слетал очищающий огонь. Нет, она может сделать немногое — окружить себя невидимой стеной.

Хорошо ли она это делала, Орта так и не смогла узнать. Дверь затрещала, зловонный запах почти удушил её. Ей приходилось дышать мелко, лёгкими вздохами. Долго она не продержится, но она упрямо продолжала бороться.

На двери появилась трещина. Даже в полутьме она хорошо её видела. Потом... послышался крик... не из человеческого горла... скорее вой, как воет в муках раненый волк. Зловоние перекрылось другим запахом — резким запахом озона... и отвратительным запахом паленой шкуры и плоти. Снова вопль... внезапно он резко оборвался... Орта услышала треск.

Кожа у неё зудела, волосы встали дыбом. Сила ударила рядом. Снова отодвинули затвор, и дверь открылась.

Рука? Орта ожидала увидеть его снова, торжествующим после победы над существами из Тьмы. Но фигура, плотно закутанная в плащ, с надвинутым капюшоном, молча скользнула внутрь, быстро закрыла дверь и прижалась к ней спиной, будто защищая её вдобавок и своим телом.

Ореол вздымающейся Силы коснулся девушки. Только тот, кто полностью ею владеет и совсем недавно пользовался, может обладать таким ореолом. Голова нетерпеливо дёрнулась, капюшон упал.

Вначале Рука — теперь Голос!

Орта с усилием встала. Она чувствовала слабость, как всегда после длительного общения с зеркалом. Но не хотела, чтобы посетительница видела её слабость, пока она может держаться прямо. Она даже умудрилась поднять правую руку в приветствии женщине, которая стояла перед ней, быстро и тяжело дыша, уставшая после прилива Силы.

— Высоко стоит наша Мать Солнце, — проговорила Орта. — Благословен будь её Голос. Пусть всегда Свет побеждает Тьму!

Голос слегка склонила голову. «Будь благословенна...»

Откуда-то черпала Орта силы — может, из своего праведного гнева, а может, у ещё не рождённой Гвеннан?

— Будь благословенна, Голос? Разве таково приветствие тем, кто ходит путями Тьмы? Разве ты не встретила того, кого можешь считать моим слугой, пришедшим освободить меня?..

Голос продолжала тяжело дышать. Она тоже подняла руку, но не в приветствии, а как бы отгоняя докучливое насекомое.

— Иногда приходится жертвовать одним ради многих, — она отошла от двери, целенаправленно направившись вперёд. — То, что ты видела, правда.

— И потому я теперь жду смерти от Тьмы... Разве такова достойная награда за поиск правды, о Голос, названная истинной дочерью Матери, сосудом Силы? — Орта не могла поверить, что у неё нашлись силы для такого ответа, несмотря на весь свой гнев.

— Ты видела смерть мира. Многие ли из тех, кто тебя слышал — а ведь это все посвящённые, люди со знаниями и подготовкой, с храбростью и умением ей пользоваться — многие ли из них, по-твоему, могли взглянуть на то, что увидела ты, и оставаться руководителями в эти последние дни? У большинства людей есть один порок. Несмотря на свою веру, на нашу Силу, на доказательства того, что смерть не абсолютна, что она лишь ещё один шаг на дороге жизни, мы всё же боимся смерти. Мы можем разумом признавать эту правду, она горячо звучит в наших сердцах, но всё равно что-то в нас остаётся неубеждённым. И это что-то может проснуться, уничтожить храбрость мужчины и способности женщины, исказить, поглотить их, свести с ума.

— Среди советников Вахала есть одна, кого коснулась Сила, она умеет говорит на Языке. Она не смотрит в зеркало, но у неё талант другого рода. Она произнесла пророчество. И потому остальные пришли узнать, говорила ли она о прошлом или о будущем. Их право — требовать пророчества, отказать им было невозможно. Речь их пророчицы была неясной. Мы надеялись, что они этим удовлетворятся. Но не понять ясное видение зеркала невозможно.

— Значит, оставалось оклеветать меня, представить порождением Тьмы, свихнувшейся, — прервала Орта. — За это я не смогу простить и не прощу даже ту, что служит сосудом Силы! — ею окончательно овладел гнев, недоумение сгорело в нём. Те, в кого она всегда верила, кого уважала, играют в свои игры. А она-то считала, что они всегда говорят правду (иначе их сожжёт собственная Сила). Но её Сила против неё не обратится, даже если они этого желают.

— Почему же ты не убьёшь меня сейчас своим пламенем? Или у других возникнут вопросы, на которые ты не сможешь правдоподобно ответить? Или ты хочешь заставить меня произнести ложные слова, показать меня всем, кто слышал, и доказать, что я сошла с ума, что мне нельзя верить? Нас учили, что если мы будем использовать Силу в собственных целях, она поглотит нас. Убей меня тогда, Голос... Будешь ли ты наказана за это? Или это учение — очередная ложь? В чём же тогда правда?

Она ожидала увидеть на лице Голоса признаки гнева. Никто не смеет так разговаривать с Голосом. Голос превыше всех в мире — точно так же, как Мать Солнце выше земли. Но Орта осмелилась обвинить её. Немедленная смерть должна стать уделом пророчицы. Может быть, этот страх перед смертью, о котором говорила Голос, в Орте не живёт? Она знала смерть и раньше, она помнит эти смерти. Некоторые были тяжёлыми, но боль и ужас их не длятся вечно.

— Что он тебе сказал? — своим быстрым и неожиданным вопросом Голос оторвала Орту от её мыслей. Орта сразу поняла, что она говорит о Руке.

— Что есть убежища, — ответила девушка, — одно из них поблизости, в которых немногие избранные переживут конец мира и снова появятся в новом мире.

— Это верно, — спокойно согласилась Голос. — Но он ведь не только для того, чтобы сказать это, пришёл к тебе.

— Нет, ещё кое-что... он считает, что подлинное место спасения ему не известно... что существуют два мнения о способах действия в будущем... если такое будущее есть.

Голос сжала руки, и Орта увидела силу этого жеста. Но выражение лица Голоса не изменилось, она оставалась совершенно спокойной.

— Это тоже правда, — признала она. — Некоторые из нас считают, что Сила больше, чем мы в это верим, что с её помощью можно установить власть в будущем. После пожара земли и моря выживут немногие. И среди них большинство повредится в уме. Они, ради того, чтобы выжить, вынуждены будут отгородиться от своих воспоминаний, отделить их стеной. Сама Сила может быть искажена, её потоки примут другое течение. Выжившие будут бояться того, что умели прежде, могут совершенно отвернуться от нашей веры. Люди забудут о величии прошлого. Возможно, многие уподобятся животным, станут создани-

ями Тьмы, уйдут от Света, который, как мы верим, наполняет их.

Те же из нас, кто сохранит груз полной памяти, должны стать учителями, а не правителями. Мы не сможем действовать открыто, иначе нас сочтут богами. Мы будем жить порознь, беречь свою память, по крупинке передавать осколки прошлого тем, у кого достаточно открытый ум. Предстоят долгие периоды ужаса и горя. На некоторых учителей будут охотиться, их будут убивать, другие не выдержат и поддадутся честолюбию, попытаются использовать свои знания, чтобы овладеть другими. Будет много неудач и смертей. Да, среди выживших будут и люди храма, но им не суждено возникнуть вновь как королям или богам...

— Так вот в чём вы разошлись? Но какое мне до этого дело? Меня уже опорочили, убрали с вашей дороги...

— Он приходил к тебе... Он один из тех, кто хочет быть богом. Он использует твоё предсказание. Он...

Орта покачнулась, но не от слабости, а потому что пол под ней сдвинулся, как песок на крутом берегу реки, когда вода подмывает его. Она услышала крик, такой громкий, что он проник даже сюда, сквозь толстые стены. Голос повернулась, распахнула дверь и выбежала, отбросив плащ, чтобы бежать быстрее. Сверху упал камень, миновав её едва ли на ширину пальца.

Глава 8

Дверь камеры осталась открытой. Снова земля качнулась. Орта пыталась сохранить равновесие. Так скоро конец, предсказанный ею? Неужели уже ударил первый снаряд из космоса? Или земля в предчувствии смерти начала отвечать собственным страхом на притяжение самого большого из небесных странников?

Да, дверь открыта...

Орта собрала весь остаток сил и, шатаясь, побрела к свободе. Она расставила руки, будто проходя по шаткому мосту, который в любое мгновение может рухнуть, и миновала дверь, которая слегка повернулась, будто её толкнула чья-то невидимая рука.

Новая дрожь земли вызвала новое падение камней. Один из них ударил девушку в плечо с такой силой, что она

закричала от боли. Рука её безжизненно повисла. Под храмом простирался целый лабиринт коридоров, и она их совсем не знает. Когда её вели вниз, она была слишком изумлена и подавлена, чтобы смотреть, куда идёт.

Светильники, установленные в камне, потускнели, но энергия их не иссякла. И не иссякнет, пока не разорвутся энергетические линии самой земли. По крайней мере не нужно пробираться в темноте. Но путь пришлось выбирать наугад: проводника у неё нет.

Коридор изогнулся. Виднелись и другие двери, некоторые распахнуты, может быть, сдвигами стен. Удары продолжались, каждый толчок сильнее предыдущего, так что раз или два Орте приходилось прижиматься к стене, цепляясь здоровой рукой за какую-нибудь неровность в камне.

Её вёл инстинкт, а с ним и страх. Она не сдастся, не позволит себе быть пойманной здесь, найдёт выход. Но вот она нашла лестницу и начала подниматься со ступеньки на ступеньку. С того времени, как она покинула свою камеру, она никого не видела и не слышала. Её, должно быть, покинули в этих глубинах. Дрожь земли на время прекратилась, но Орта была уверена, что толчки могут возобновиться в любой момент.

Теперь сверху доносились звуки, крики поражённых ужасом людей, гром падающих камней, может, даже частей стен. Она не видела теперь, куда движется; перед её глазами стояла предсказанная зеркалом картина. Скоро придёт волна...

Рука у неё сильно болела; прикосновение к стене вызывало такую боль, что невольно слёзы начинали катиться по её покрытым пылью щекам. Даже если здесь и были стражники, они бежали при первых судорогах земли. Она подбадривала себя тем, что огни ещё горят — значит, Сила жива.

И вот Орта поднялась из подземной темницы на верхние этажи и, полностью истощённая, прислонилась к стене, чувствуя странную отстранённость. Она как будто бродит во сне, навеянном зеркалом, и в этом сне у неё только роль наблюдателя.

У дальней стены лежало тело — лицом вниз, жёлто-золотой храмовый плащ откинут, но не настолько, чтобы скрыть алый поток, льющийся на белый камень. От тела отходят следы, кровавые, алые следы — и не человеческие

ноги, а огромные когти, отчётливые у добычи, постепенно становящиеся всё менее заметными.

В горле у Орты появился вкус горечи, её вырвало, она рассталась с тем немногим, что ещё оставалось в желудке: ведь перед пророчеством она долго постилась и с тех пор почти не ела. След показывал, что не один ужас обрушился на землю. Прорвана защита, и высвободились существа Извне.

Орта пробиралась вдоль стены, держась как можно дальше от этих ужасных следов. Теперь она опять ощущала зловоние... но ей нужно пройти мимо мёртвого, чтобы попасть в следующую дверь.

Наконец она оказалась в знакомом коридоре и свернула в большой зал, к зеркалу. Может, там ей помогут её способности. Там её место, там безопасность...

Безопасность? Где теперь найти безопасность? Но тел она больше не видела, ни одного. Храм, сам по себе небольшой город, со множеством слуг, казался покинутым. Она вышла в Небесный Зал.

Золотые троны пусты, а зеркало...

Орта закричала и опустилась на колени. Сломанная рука болела так сильно, что на какое-то время у Орты перехватило дыхание. Но то, что она увидела, — хуже всякой телесной раны. Трёхногое сидение лежит на боку, перед ним взад и вперёд покачивается рама зеркала. Но блеск поверхности, в которую она так часто смотрела, исчез. Остались только осколки, разбросанные по полу. Зеркало погибло.

Сердце Орты билось неровно. Она пыталась произнести слова Отхода, Разъединения. Зеркало умерло... а её жизнь связана с ним безвозвратно... что же ей остаётся?

Тут только она поняла, что Рука сказал правду, что в ней что-то продолжаст цепляться за жизнь, бороться за дыхание, за возможность двигаться. Она на коленях поползла вперёд, пока здоровой рукой не коснулась металлических обломков. Острый край одного из них порезал ей палец, она увидела, как капает на пол её собственная кровь. Темнело, небо затягивали тучи. Мать Солнце больше не светит, но ночь ещё не наступила. Ложная тьма одеялом накрывала картину гибели мира. И тут... сквозь полумрак вверх взметнулось пламя, далёкий огненный столб, такой гигантский, что осветилась вся страна.

Орта вспомнила своё видение. Поднимающиеся из

глубины земли горы раскрываются и выбрасывают столбы пламени. Один из них она и увидела. А вот и другой. Порошок пепла начал опускаться повсюду, забивался в глаза, покрывал кожу, он обжигал, резал, не давал дышать.

Она снова услышала крики из города. Там люди, должно быть, сходили с ума, бегали в поисках убежища, которого не может быть, в тщетной надежде выжить. Но какая может быть надежда, если гибнет сама планета?

Орта заставила себя оторваться от осколков зеркала, символа её разбитой жизни. Скоро она придёт, эта волна, ушедшая с предназначенной ей впадины земли?

Это пресловутое убежище... сумела ли Голос добраться до него? Орта сомневалась, что убежище вообще возможно. Голос, Рука, те, кого они вели, — они все обмануты. Орта рассмеялась и потащилась дальше. Перед ней выросла лестница, ведущая к тронам. Она поднялась на первую ступеньку, потом на вторую. Огни на стенах, казавшиеся в наступившей полутьме яркими, превратились в слабые искорки, они гасли. Итак, исчерпывается сама Сила. Проявит ли она себя в последний раз у самого центра пересечения линий?

Сила — она жила ею и ради неё. Её собственных способностей оказалось недостаточно для овладения Силой, они давали ей только возможность предсказывать. Зеркало разбито, её способности... мертвы.

Она ухватилась за ручку ближайшего трона — трона Голоса. Как часто стояла она в этом зале и во время Вечернего Гимна, и во время Гимна Первого Света Утра, смотрела на Голос, которая, полная Силы, посылала всем благословение, с её пальцев срывались огненные ленты и разлетались по всему городу: всё хорошо, правда торжествует, Тьма побеждена! Орта умудрилась встать и полуселаполуупала на сидение. Она совершает святотатство, пытаясь вызвать остатки Силы. Но разве она уже не мертва вместе со своим зеркалом? Пусть Сила сожжет её, превратит в ничто за дерзость, лучше умереть быстро, чем жить и видеть эти ужасы, увидеть волну, поднимающуюся над линией восточных холмов.

К небу из глубин земли устремился третий огненный столб. Дым болезненно обжигал горло, заставляя её непрерывно кашлять, почти ослепил. Она плакала, глаза жгло. Орта откинулась на троне и закрыла глаза.

Кругом раздавался ровный гул подземного огня. Весь

храм вздрогнул. Она услышала ответный грохот камней. Но не смотрела, падают ли камни поблизости.

— Возьми меня... — она не сознавала, что говорит, пока не ощутила движение собственных губ, потому что ничего не слышала в грохоте пламени. — Возьми меня сейчас...

Она начала медленно выполнять привычные ритуалы, открывать мозг, как будто перед свиданием с зеркалом. Открыв глаза, она смотрела вперёд, на клубящуюся пыль, как будто это та сверкающая поверхность, которая появлялась в ответ на её призыв.

Пыль начала образовывать в воздухе завесу. Или это только кажется её помутившемуся взгляду? Но завеса становилась всё плотнее, и в ней возникали какие-то новые силы, которых она не понимала. Это не зеркало Силы — что-то гораздо более дикое, первобытное, оно противостоит хрупкости её плоти, стремится заменить её тело, плоть, кости чем-то другим. Орта непрерывно кашляла в отравленном воздухе. Рот её заполнился жидкостью, она выплюнула и увидела алое пятно в пыли. Голова... что-то проникает в её мозг... протискивается... толкает... Глаза её превратились в колодцы боли.

Тело Орты билось в конвульсиях. Она стонала, но не слышала собственных стонов. Пыль уплотнилась, она сплошным занавесом повисла между тронами и всем остальным миром. Пыльный занавес, полоска тени, но на ней постепенно начинало двигаться нечто иное, не из пыли, то, что призвано новым существом в теле Орты, что начинает проявлять себя.

Орта снова увидела картину гибели мира, гораздо менее отчётливо, чем в зеркале. И закрыть глаза она не могла: то, что она видела, исходило от неё, было её частью.

Смерть, повсюду смерть. Вода, стекающая с огненных островов; эти острова поднимаются и вновь погружаются. Из земли вздымаются горы. Леса превращаются в пепел, реки высыхают или меняют своё русло, словно гигантская рука проводит эти водные линии и снова стирает их. С неба продолжается бесконечная бомбардировка — падают меньшие космические странники. Но вот появляется и главный пришелец — мёртвый, покрытый кратерами шар, он всё ближе и ближе подходит к земле, которую явился уничтожить.

Никакого ощущения времени, нет ни дня, ни ночи, нет движения времени, отмечаемого ударами храмового гонга,

— только мрачная смерть, отпечатанная на тумане из дыма и пепла. Орта сидела, а Сила продолжала изливаться и показывать ей...

Сквозь занавес прорвалась фигура — тело прикрыто лишь несколькими обгоревшими тряпками, человек протягивает вперёд почерневшие изуродованные пальцы. К ней поворачивается чёрное окровавленное лицо, и в ней оживает смутное воспоминание. Рука — тот, кто пытался договориться с ней, узнать у неё тайну убежища, которая не была ей известна.

И тут же картина на занавесе изменилась. Изображение всё поглощающей смерти дрогнуло... исчезло. Появилось другое видение... коридор меж каменных стен... впереди дверь, на ней линии, они светятся, образуя символы, которые живы и полны Силой. Она поняла, что это убежище, подготовленное заранее. Оно сохранилось, выдержало.

Изуродованный человек, бывший некогда Рукой, поднял голову, увидел картину на дымном занавесе и устремился к Орте. Покалеченными руками он обхватил девушку, прочно прижав к трону. Теперь его лицо оказалось на одном уровне с нею, глаза горели огнём, как новые огни гор за храмом.

Губы его шевельнулись... он, должно быть, кричал... но она не слышала ни слова. Но даже не слыша, Орта понимала. Он приказывал ей, хотел использовать её, как она использует зеркало. Она должна помочь ему достичь того места.

Он извлекал из неё Силу, но Сила в ней, казалось, не уменьшается. Глаза Руки продолжали приказывать, может, он говорил, произносил ритуальные слова, но она этого не слышала. Его обгоревшее тело засветилось, края его начали сливаться с туманом, из которого он пришёл. Он приказывал, извлекал, требовал...

Всё более сильными становились его руки. Орта, в свою очередь, теряла Силу, которая только что переполняла её. Он пытался совершить то, в возможность чего она не могла поверить, — силой своей воли и с помощью извлечённой из неё энергии перенестись в убежище.

Теперь от него оставалась только тень, как лист, который осенью слишком долго держался за ветвь. Но вот и эта тень съёжилась и развалилась, как хрупкая глиняная фигура. Жизненная сила ушла вся. Достиг ли он того, к

чему так стремился? Она не знала этого. И на занавесе ничего не видно. На нём сплошной вихрь, никаких картин.

Орта слегка подняла голову. Ей показалось, что она ослепла, потому что перед измученными глазами стоял только красный туман. Она одна, совершенно одна, но как-то по-новому. Рука лишил её всякого дара, от неё осталась только пустая оболочка, с крошечной искоркой жизни. Но эта искорка не уходит, не оставляет её в покое. Орта заплакала, слёзы жгли ей щёки. Ничего не осталось, кроме...

Может быть, именно слёзы на мгновение прояснили её зрение. Потому что она увидела последнюю сцену катастрофы — приближалась волна, она вздымалась всё выше и выше, а потом...

Её не охватила наступающая вода. Она... Орта... НЕТ! Это был сон, ужасный реалистичный кошмар, но всё равно только сон. Гвеннан глубоко вздохнула и открыла глаза. Она, конечно, дома, в своей постели, в тепле и безопасности... в реальности.

Но увидела она перед собой камни.

Гвеннан закричала.

Чудовищные существа сидели у основания холма, на котором она нашла убежище. Тут и обезъяночеловек, и существо с совиной головой и трепещущими крыльями. Оно подняло голову и показало красные ямы глаз; красный цвет обрамлял и его зловещий клюв — клюв, усаженный зубами, как с новым страхом заметила она. Существо подняло передние конечности, к которым крепились крылья, и показало длинные изогнутые когти.

В этом зелёном свете... в зелёном свете? Как будто ей наносили всё новые и новые прямые удары. Она не вернулась в реальный мир, нет, она в том мире, где враждуют охотница и охотник. А вот и они, по-прежнему смотрят на неё, как будто она никуда не исчезала, как будто не было никакого промежутка времени между тем как охотник спустил своих животных и её пробуждением.

Гвеннан настолько была сбита с толку, что несколько раз открыла и закрыла глаза. Поднесла руку к голове. Голова болела, и только прижатая к щеке подвеска, которую она с силой сжимала, приносила тепло и спокойствие. Девушка не понимала, что с ней происходит, но постаралась изгнать Орту из сознания, сосредоточиться на том, что перед нею, КТО перед нею.

— Пришелица издалека, — вновь заговорила женщина, которая могла бы быть леди Лайл, и которая, несомненно, была Голосом, — она может быть и другом и врагом, но Гвеннан ей определённо не доверяет; и эта женщина продолжила: — Пришелица издалека, ты держишь равновесие, — она подняла копьё и указала им на подвеску.

— Равновесие, — согласился мужчина. — И оно должно быть нарушено тобою — в ту или иную строну, — одним движением руки он сначала указал на себя и своих чудовищ, потом на женщину.

И улыбнулся, как будто не ожидал, что кто-нибудь поставит преграду между ним и его желаниями: «Моя дорогая родственница считает...»

Его прервал лай одного из псов. Всё внимание Гвеннан было приковано к нему и его чудовищам, и потому она не заметила перемещения своры. А собаки, по-прежнему обходя круги с цветами, но спокойно шагая по песку, тоже подошли к основанию холма и расселись между нею и чудовищами.

Охотник рассмеялся.

— Хочешь испытать свою силу против меня? — спросил он у женщины. — Разве не этого я давно хочу? Или ты уже решила, что переманила её на свою сторону?.. — он кивнул в сторону Гвеннан. Впервые с того времени, как она очнулась от кошмара Орты, Гвеннан заговорила:

— Не знаю, какую игру вы тут ведёте... — от страха голос её прозвучал неестественно громко. Но тепло от подвески, которую она теперь держала под подбородком, каким-то образом прояснило её голову, заострило мысли. — Не знаю, как я оказалась здесь... и почему. Но я не друг ни одного из вас.

Она взглянула непосредственно на женщину — и взглянула вызывающе. Нет, она ни за что не согласится, чтобы кто-нибудь из этих незнакомцев из сна — из сна во сне — смог иметь над ней власть! Подвеска — вот что им нужно. Или она сама, пока подвеска отвечает ей.

Отвечает ей? Так, как зеркало отвечало Орте? Нет, она не станет об этом думать. Скрыть, скрыть поглубже, сохранить на поверхности только то, что происходит сейчас.

— Итак... — мужчина помолчал, произнеся одно это слово. — Возможно, ты и права, чужестранка. Наши игры — такими они видятся тебе — не для слабосердых. Хотя в

них есть цель, уверяю тебя, — и он резко хлопнул в ладоши.

Существо с совиной головой прижалось к земле и повернулось к ближайшему псу. Оно лязгнуло клювом с громким щёлканьем, вытянуло когти. Остальные чудовища подходили ближе, зелёное освещение потускнело, сменилось серым.

— Твои игры! — выплюнула женщина. Она села прямее на своём жеребце и посмотрела на Гвеннан.

— Ты пришла издалека, — медленно проговорила она. — Без всякой подготовки, без предвидения как проводника. И правда, как ты можешь своими мерками судить наш мир? Хорошо, думай об этом сейчас! Подумай об этом!

Она подняла копьё и указала на волосатого гуманоида, который открыл зубастую пасть и рявкнул в ответ.

— Таково было пробуждение, — продолжала она. — Надолго воцарились невежество и беспамятство, потому что многие из старой расы бежали, даже в своём сознании, от ужасов тех тёмных дней. Некоторые из них проливали кровь как плату за помощь лживых богов. Они вырывали у других людей сердца, чтобы лилась кровь, верили, что тем самым умилостивят суровых врагов, отвратят их месть. Они собственных детей предавали огню в храмах, поспешно убивали тех, в ком ещё жила подлинная Сила и кто старался использовать её в добрых целях.

Мир покрыла тьма. Сила была скомкана и спала. Осталась только горсточка таких, кто искал её, и лишь немногие из них искали её для добра. Потому что тот, кто может призвать молнии, может и править людьми жестокой рукой. Начались войны, и Тьма иногда становилась могущественной... потому что мы забыли...

— Только потому, что ты, и такие как ты захотели этого, — вмешался охотник, улыбка его исчезла, голубые глаза жёстко сверкали. — Посмей кто-нибудь из вас в эти дни Тьмы действовать, не было бы беспамятства...

— Нет, было бы хуже! — немедленно возразила она. — Потому что в те дни сама Сила сорвалась с цепи и её невозможно было использовать для добра. Она полностью овладела бы тем, кто её призвал, и этот человек стал бы рабом энергии, не заботящейся о людях. Мы остались, чтобы быть стражниками, учителями — но не правителями и завоевателями...

— И как долго это будет продолжаться? — вызывающе спросил он. — И с какой целью? Разве не стала Тьма ближе

к победе из-за того, что мы расколоты? Линии восстановились, они снова легли правильно. Сила ждёт нашего призыва. Звёздное колесо повернулось. Приближается новый период родовых мук, и если мы сейчас не используем Силу — это будет конец для нас всех.

— Наша участь — тяжёлая ноша, а не победа, — она будто повторила древнюю истину. — Мы должны следить, помогать, когда можем, когда это разумно, заботиться...

Он яростно покачал головой: «Нет, настала пора выходить из укрытий, родственница! Неужели ты думаешь, что звёздное колесо будет нас ждать? Оно движется своим курсом, и никто не может остановить или замедлить его вращение. Скоро оно снова повернёт к опасности, и ты снова зароешься, спрячешься и будешь ждать рассвета, который может так никогда и не наступить».

— Мы делаем то, что заложено в нас.

— Нет, — он улыбнулся, как одно из его чудовищ, оскалив зубы. — Я! Помни, я не давал клятвы! Вы сами предпочли, чтобы я не был одним из вас.

— Даже ты не можешь избежать того, что у тебя в крови, что заложено в тебе от рождения, — она говорила устало, но держалась по-прежнему прямо, не отрывая от него пристального взгляда. — Колесо поворачивается, но на этот раз у нас есть шанс...

— Очень незначительный для твоих целей, — он улыбнулся. — Со времени перемены судьба мира зависит от воли и глупости людей, а не от прибытия небесных бродяг. А у всех людей от рождения есть пороки. Люди — не покорные орудия, они легко сворачивают в сторону, даже если ты считаешь, что прочно держишь их в руках. Люди — только Сила может удержать их. Разве я не говорил это с самого начала?

— Да... чтобы доказать, что нужно пользоваться только теми, кто будет послушен тебе, — на лице её появилась тень презрения, и она концом копья указала на чудовищ. — Натравливать их на смущённых, испуганных, попавших в опасность...

— И чтобы поражать, — быстро добавил он, — разделять, смущать, приводить в ужас, даже избавляться от противников. О, мою армию можно использовать поразному. Можно уничтожить влиятельного противника, просто подослав их к нему и рассказав всем об этом. Даже армию можно сломить, если в её рядах вдруг покажутся

мои питомцы, вольные поступать по-своему. А тех, кто доложит о таком нападении, сочтут сумасшедшими и отстранят от постов, и это тоже послужит мне. Уже давно люди закрывают своё сознание перед определёнными возможностями. Они даже не верят, что существовали наши времена. Они создали общепринятые легенды, с учёным видом рассуждают о ледниковых периодах, о людях, которые некогда были волосатыми невежественными животными, использовавшими камни вместо оружия. Тех немногих, что остались от наших славных дней, они считают мошенниками и пытаются поскорее избавиться от них. Ты отрицаешь всё это? А ведь это результат твоего плана убежищ, так что принимай и его последствия.

Я могу начать войну, могу воссоздать мир по своему желанию и, возможно, в конце концов нанести тебе поражение. Но это будет мой путь и мой план. Я не давал никаких клятв. Ты призвала эту... — он жестом указал на Гвеннан. — Я тоже некогда её знал, использовал. У неё был дар, который мог привести её высоко. Но он сгорел в ней и был потерян, потому что она приняла твоё учение. Ты призвала её, потому что в ней течёт древняя кровь, способность отвечать, ты призвала её...

— Потому что так указали звёзды, — сказала женщина, и что-то в её голосе заставило его замолчать. — Снова они в таком положении, что она обладает врождённым даром, как и в те времена, когда ты использовал её. Наступает время нового понимания, она в круге Силы, хотя сама этого не знает, а ты не верил, что такое возможно. Она не оружие, не инструмент, она свободно идёт своей дорогой. Потому что она — дочь звёзд, рождённая в нужный час для исполнения своего предназначения, и на этот раз смерть из космоса не помешает ей выполнить это предназначение.

Теперь он перестал улыбаться своей искажённой, насмешливой улыбкой и выкрикнул: «Ты лжёшь!»

— Ты знаешь, что в таких делах я не могу лгать. Она родилась в нужный момент под нужными звёздами...

— Она справится не лучше, чем в прошлый раз! — он поднял руку. Человек-сова отвёл взгляд от собаки. Он посмотрел наверх, и Гвеннан поняла, что он готов прыгнуть на неё. Она прижалась к камню, держа в обеих руках подвеску. И изо всех сил воззвала о помощи.

Глава 9

Едва Гвеннан ушла от одного кошмара — как попала, должно быть, в другой. Прочь — лишь бы проснуться и уйти от этого! Она крепко сжала подвеску, прижалась к камням, закрыла глаза, сосредоточила всю волю на пробуждении, на возвращении в реальный мир.

Холод, её охватывает страшный холод, ошеломляющие порывы ветра. Потом последовал приступ страха, такого сильного, что он, казалось, проник во все клетки её тела. Она снова открыла глаза.

На небе ослепительно сверкнула молния, раскатился гром. Ночь, облака, темнота. Она прижалась к камням, пытаясь спрятаться между двух из них. Пламенеющие горы... волна... неужели она опять в мире смерти?

— Гвеннан...

Гром прекратился. Перед ней замерцал свет — не от земного огня, не отражение от камней. Там кто-то стоит, держит фонарик, освещая своё лицо. Очень долго, поглощённая своими видениями, девушка не могла узнать его. Потом вернулась реальность.

Тор Лайл — не Рука — не охотник — человек из её времени. Хотя в нём жили и тот и другой. Она ошеломлённо смотрела вниз, и ей казалось, что в нём возникают те двое других, борются, исчезают вновь.

— Гвеннан... — вторично позвал он девушку по имени. Буря теперь не заглушала его голос. Напротив, ночь странно затихла. Стало так тихо, что ей показалось, что со своего места он может услышать, как бьётся её сердце. Она призвала все силы и храбрость, чтобы встать, не отрывая от него взгляда.

Он уверенно подошёл к холму, как будто не сомневался, что она этого хочет, хотя по насыпи подниматься не стал, а остановился внизу, по-прежнему освещая фонариком своё лицо.

— Она у вас, — спокойно заговорил он. Как будто они дружески расстались всего несколько мгновений назад. — Сарис позаботилась об этом, верно? Она... — Тор покачал головой, потом улыбнулся. — Мне она никогда не доверяла. Мы, древние, умеем ненавидеть. Вы уже знаете это, Гвеннан? Нет, вероятно, — в вас слишком разбавлена древняя кровь...

Разговор как будто перенёсся из зелёного мира в этот.

Она не желает его слушать. Если бы у неё хватило воли, она заткнула бы пальцами уши. Но она обнаружила, что не может этого сделать. Всё равно придётся выслушать, что он скажет.

Его глаза слегка сузились. Лицо было ярко овещено, она ясно видела каждую чёрточку; она никогда его не забудет, всегда будет помнить инстинктивные реакции, смену выражений на этом лице.

— Значит, вы до сих пор не поняли, — он говорил нетерпеливо, с выражением человека, встретившегося с глупостью, когда время истекает, а у него ещё не выполнено важное дело. И он должен успеть заставить её поверить в это дело. — Взгляните на то, что вы держите... смотрите на него не только глазами...

Она подчинилась резкому приказу, не смогла противостоять его воле. Гвеннан подняла подвеску и посмотрела на циферблат, где вместо цифр — астрологические символы, а вместо стрелок — луч света. Луч снова передвинулся, на циферблате появились и другие линии, очень тонкие, но заметные. Многие символы она не могла понять. Диск показывал время не её мира, луч на мгновение освещал тот или иной символ, впечатывая рисунок ей в память. Как никогда она не забудет лицо Тора Лайла, точно так же не забудет она и последовательности звёздного времени.

— Звёзды на их орбитах... — подтвердил он. — Требуется долгое время, чтобы они совершили полный круг. Мы рождаемся, умираем, возрождаемся вновь — а звёзды продолжают двигаться своими путями. И когда они занимают нужное положение, сбывается предначертанное.

— Не знаю, о чём вы говорите... — Гвеннан робко попыталась спастись от него и его тайных познаний.

Тор пожал плечами: «Пока ваш мозг закрыт. Но он откроется...» — он говорил уверенно; взглянув на его сжатые челюсти, она сильнее сжала подвеску. Ясно, что он не собирается отпускать её, пока не получит то, что ему нужно.

— Сарис знала — и я знаю. Невозможно скрыть от нас древнюю кровь. Мы — хранители памяти. Теперь Сила снова возрастает... — он откинул голову и насмешливо рассмеялся. — Ах, какой знак судьбы: время Сарис кончилось как раз в этот критический момент! Когда-то перед ней стоял выбор — теперь передо мной! Возможно, мне следует поблагодарить вас за прошлое, Гвеннан. Вопреки

своему желанию, вы помогли мне найти убежище. На этот раз... — он широко развёл руки и направил луч фонаря от себя, в сторону леса, — на этот раз я всё знаю, и Сарис не сможет помешать мне!

— Не знаю... — снова начала Гвеннан, но он прервал её.

— «Не знаю!» — в его голосе вновь зазвучала насмешка, лицо отвердело и замкнулось, он снова осветил его фонариком. — Не играйте со мной! Да, вы порочны, кровь Лайлов многократно разбавлена в вас браками с низшей кровью. В нашем поколении остаёмся только мы с Сарис. Мне... — он мигнул, и рот его искривился, будто от горечи... — Мне необходимо получить то, что вы можете дать... хотя бы на время. Я уже могу приказывать. Линии леев почти восстановились, они сильны, в них вновь пульсирует Сила. Мы ждали здесь, в этом укромном месте, ждали так долго, что обычный человек этого даже представить себе не может, надеясь именно на это — что наступит час, когда мы снова сможем воззвать к Силе, и она ответит на наш призыв. Но как много времени потребовалось, чтобы залечились раны, чтобы восстановились разорванные пути, чтобы вспомнилось забытое!

Линии леев? Да, Гвеннан смутно понимала это. Она ухватилась за свои скромные познания.

— Но леи — они в Британии, в Европе, здесь они не нанесены на карты... — она сознательно отреклась от того, что показала ей леди Лайл.

— Они образуют сеть по всей земле, — с отсутствующим видом повторил он, как будто занялся уже другой проблемой. — Эти камни обозначают пересечение двух могучих линий Силы, она снова струится по ним... и как раз вовремя...

Гроза уходила, тучи над головой начали расходиться, появились звёзды. Тор Лайл молчал, и Гвеннан приободрилась. Она сторонилась нереального. Нужно уйти от камней, вернуться в тепло и безопасность своего дома. А всё это — не из мира, который она знает.

Но когда девушка уже собиралась уходить, он сделал шаг в сторону насыпи. Направил луч фонарика вверх и светом прижал её к камням.

— Идём! У нас много дел... — в его приказе звучала уверенность.

— Нам нечего делать — вместе! — девушка вызывающе выставила перед собой подвеску. — Я ухожу домой...

— Вы единственная... у вас в руках ключ. Используйте его, вы должны! — впервые в словах его послышалась неуверенность; он как будто торопился подчинить её своей воле.

— Я сама по себе! — она держалась за это убеждение, как в том мире с зелёным освещением, как держалась Орта в умирающем мире. Гвеннан всё-таки вынуждена была признать, что те сны — когда-то, где-то — были реальностью, что она действительно побывала в другом времени, в другом мире. Однако сейчас она здесь, а этот мир не признаёт другие миры и времена. Поэтому Тор Лайл не может заставить её использовать то, чем она не обладает.

Он как будто прочел её мысли, понял, что крепнет её сопротивление. И опять рассмеялся.

— Попробуйте, Гвеннан, попытайтесь освободиться. Вы не можете сбежать от того, что заложено в вас от рождения, не можете убежать от своего будущего. Сарис знала — и теперь я согласен с нею, — что вы одна из нас. Моложе нас по знаниям, ребёнок среди тех, кого в прошлом люди называли богами — и будут называть снова. Вы придёте... откроете...

Чувствует ли он, как растёт её способность к сопротивлению? Сами камни придавали ей нужную энергию.

— Вы —. придёте!

Тор откинул голову и пронзительно крикнул. Свет его фонаря устремился от неё, осветив ближайшие края леса. Оттуда выползло страшное мускулистое тело; когда Тор отвернул свет, оно поднялось с четырёх конечностей на две.

Цвет у него тускло-серый, с чёрными пятнами; такой цвет — обманчивый для глаза наблюдателя — позволяет легко слиться с ночью. Оно подползало всё ближе, и с ним появилось зловоние, тот ужасный запах, который обволакивал дом Гвеннан в ту ночь бури. Чудовище приподняло голову, посмотрело на верх насыпи, и Гвеннан снова увидела его красные глаза.

Стоя на задних лапах, оно было ростом с Тора, и тот факт, что оно может при желании передвигаться по-человечески, был так же ужасен, как и вся фигура. Такой зверь — это богохульство.

В нижней части головы — пасть, она раскрывается так широко, будто череп раскалывается на части. Над пастью, на месте носа, — чёрное пятно, а вокруг него топорщатся

дыбом стоящие волосы. Такие же жёсткие длинные волосы растут над глазами; лба почти нет. Череп покато уходит назад, он зарос шерстью, по обе его стороны торчат маленькие уши.

Плечи узкие, а торс очень длинный, задние конечности кончаются не лапами, а птичьими когтями, а на передних — руки с пальцами. Тёмный язык, чёрный даже в свете фонарика, свисает меж зубов, и по узкой груди течёт струйка слюны.

Подойдя к Тору, существо скорчилось на земле и сжало передние конечности в кулаки, которыми упёрлось в затвердевшую от мороза почву; язык взад и вперёд двигался по нижней, почти безгубой челюсти. Гвеннан ощутила дурноту и слабость. От этого кошмара исходила волна ужаса, такое зло, такая враждебность ко всему живому, что невозможно было выдержать.

Луч фонарика Тора оторвался от чудовища и снова остановился на Гвеннан.

— Разве я не сказал, что линии снова полны Силы? Если правильно позвать, открываются ворота и выходят те, кто живёт за пределами нашего мира. А в бесчисленных мирах и других временах имеются гораздо более сильные слуги, чем этот. Столетиями люди рассказывают сказки о дьяволах и чудовищах, и над ними только смеются... а ведь они говорят правду. И есть люди, которые проглочены Силой и выброшены в другие миры.

Я уже предложил вам однажды свободу Силы, возможность полностью использовать то, что дремлет в вас. Но без меня вы этого сделать не сможете...

Гвеннан удалось отогнать тошноту, которую вызвало в ней скорчившееся существо. Оно всё ещё здесь: девушка видела в темноте его красные глаза. Неужели он хочет использовать его как оружие, чтобы заставить её подчиниться?

— Вы погубили Орту... — неужели она сказала это? Или просто смешиваются воспоминания?

— Только потому, что мне нужно было знать, где убежище. Не было времени убеждать вас, что я прав, — в голосе Тора звучала спокойная уверенность, он, должно быть, поверил, что всё в его власти. У него есть план, как использовать её и сейчас. Какой план?

— Звёздное колесо снова повернулось, — произнёс он голосом охотника. — Мы не можем остановить его враще-

ние, как не можем передвинуть звёзды, изменить их рисунок, чтобы тем самым изменить свою судьбу. Мир снова должен погрузиться в темноту. Но на этот раз, да, на этот раз мы боремся не с силами природы, а с честолюбием самого человека. А то, что может сделать один человек, может изменить другой! Но для этого нужно располагать всей Силой — которая была забыта и опорочена, однако она есть и она мощнее любого известного оружия. На этот раз погружения в темноту не будет — благодаря таким вождям, которые не думают о защите других и самоограничении.

— И вы должны стать таким вождём?

— А кто же ещё? Некогда меня сдержала, заткнула мне рот, связала бесплодная вера, что кто-то знает лучше меня. На этот раз... ах, на этот раз! — голос его взметнулся, как победный крик. — Звёзды против Сарис, она своей хитростью привела вас сюда, и она права: в вас есть и дар, и древняя кровь. Но вы недостаточно сильны, вы не знаете природу тех сил, которые можете пробуждать. А Сарис пришлось отказаться от влияния на вас. Меня тоже считали полукровкой... — последнее слово он выплюнул, как грязь. — Никто не знает, как я искал знаний, чему я научился! Но даже полукровка, которой не доступно их полное возобновление, — не короткоживущий, как те, что опустились до состояния животных и теперь медленно поднимаются назад. Я знаю гораздо больше, чем подозревает Сарис.

Я действовал бы честно, в соответствии с древними клятвами. Она не может отрицать, что сначала я явился к ней и рассказал ей правду. Но она отвернулась от меня и... — в его хорошо контролируемом голосе звучал гнев... — расправилась бы со мной, если бы смена не произошла слишком быстро для её планов. Поэтому она обратилась к вам, а вы сейчас — даже меньше, чем когда были Ортой с зеркалом. В вас сейчас — только небольшие остатки Силы. Но они смогут вырасти, и вы достигнете того, чего не достигал в прошлом ни один полукровка. Я предлагаю вам шанс — присоединяйтесь ко мне добровольно и разделите со мной победу. Вы получите больше, чем думаете, больше, чем может постигнуть человек. Отвернитесь от меня, как вы пытались в прошлом, и не только обречёте на смерть своё тело, но и исказите свою внутреннюю сущность, вместо того чтобы привести её к свету и победе. Нас ждёт

война, какой не знал мир даже в легендах. Хотя в далёком прошлом были такие, кто в своём безумии после великой Смерти пытался пользоваться оружием, которого не понимал, и ещё глубже и шире разорвал землю, и раны от этого заживали многие века.

Эта война велась в таком же невежестве, как и та, что ожидает нас. Люди играют орудиями, которых не понимают. Но людей можно покорить, использовать их страхи, их неуверенность, саму их природу. И придёт новый век, которым будет править Сила, век вечного мира!

— Мира такого, какой нужен вам?

— Да, моего мира. Неужели вы думаете, что он будет хуже того, что нас ожидает?

— Если у вас такие армии... — Гвеннан рукой указала на уродливое существо, ждавшее приказа Тора.

— Людьми легче всего править с помощью страха. Если мой спутник вызывает не меньше страха, чем целая армия, тогда я прекрасно решу все проблемы.

— Но они убивают, — Гвеннан припомнила, что рассказывают в городе. — И от них несёт... Тьмой... злом...

— Тьма... зло... — к Тору вернулся прежний насмешливый тон. — Всё это только слова. В природе человека — инстинктивно бояться и ненавидеть то, чего он не понимает, то, что чуждо ему по форме или отлично по мысли. Я тоже испытал такие страхи. Да — мои существа из другого мира, такова их природа, а здесь они должны питаться. Они питаются жизненной силой, которую можно извлечь только у живого. Разве вы боитесь кошки, которая убивает мышей, человека, поедающего дичь или мясо скота? Сначала посмотрите на свои обычаи, потом критикуйте других. В своё время и на своём месте они в своих правах.

— Слова... — повторила Гвеннан его презрительное замечание. Она чувствовала в себе новые силы. Пришли ли они от подвески, подарка Сарис? Или они имеют отношение (она взглянула на циферблат: вторичные линии теперь ярче; символы, на которые они указывают, светятся как драгоценности)... имеют отношение к тому, через что она прошла, к переменам внутри неё, которые она пока ещё не осознала? Гвеннан чувствовала эту новую силу. Может быть, несмотря на всю свою самоуверенность, Тор не сможет подчинить её своей воле?

— Слова, — ещё раз проговорила девушка. Она стояла

прямо, прижимаясь спиной к камню, а руки держала на уровне сердца, у груди, так что тепло подвески проникало сквозь одежду. Слышала ли она на самом деле отдалённый звук рога?

Она не хотела иметь дела и с охотницей, даже если Сила той может дотянуться до других миров. Она не будет ничьим оружием!

Девушка подняла правую руку и прижала обнажённую ладонь к поверхности самого высокого камня. И чуть не отдёрнула её. В неё устремился такой поток энергии, как в Орту, когда она в последние мгновения своей жизни осмелилась подняться на трон Голоса. Но только эта энергия не рвалась изнутри, не прорывала плоть и кости, не уничтожала девушку из-за неумения её контролировать. Нет, эта энергия скорее вливалась, заполняла пустоту. Гвеннан пила её, как пьют жаждущие из вновь найденного источника.

Гвеннан забыла о Торе, о существе, скорчившемся у его ног, забыла обо всём, кроме этого наполнения... экстаза. А потом...

Потом удар: ветер, молния, громовой раскат с начавшего расчищаться неба. Гвеннан услышала крик, резкий, требовательный: так кричат в передних рядах битвы, требуя подмоги. И кричала не она. Только губы её произносили звуки, слова, но языка такого она не знает. Как будто формула какого-то ритуала.

Гвеннан ослепла от молнии. Да и с неба ли упала эта молния? Разве не поднялась она от земли? Что-то тёмное чёрным пятном показалось меж вспышками, прыгнуло в воздух и устремилось к ней. Камни засверкали ярче, а Гвеннан пела, прижимая к груди дар Сарис.

Появились новые тени, они собирались, готовились штурмовать насыпь. Она чувствовала это, хотя и не могла ясно их различить. И не могла повернуть голову, чтобы посмотреть, что ползёт к ней сзади. Она не должна думать об этом. Идёт борьба воли против воли. Тор пробудил больше, чем сам сознавал. Но она чувствовала продолжение нападения, его стремление покорить её.

Кожа Гвеннан зудела; то, что в неё вливалось, слегка изменялось. Ей нужно время, чтобы проверить, исследовать. Сарис... Тор... они теперь не имеют значения. Это новая форма жизни, это...

ТЬМА!

Полное отсутствие света на мгновение обдало её холодным, ужасным страхом. Гвеннан одна, совершенно отрезана от источника тепла и жизни, который только что так изобильно питал её. Она погибла... забыта...

Назад? Неужели её тянут назад, в мёртвый мир, где боролась Орта? Ей кажется, что она снова дышит отравленным воздухом, пепел забивает ей лёгкие. И она ничего не видит! Она вернулась в тот момент, когда волна нависла над храмом, готовая поглотить его?

Нет! Внутри неё теперь живёт то, что может отослать её назад, должно отослать назад! Камни, эти горящие свечи, столбы ожившей Силы. Гвеннан нацелила своё сознание на камни, стремясь увидеть их в надвигающейся тьме, почувствовать под пальцами их грубую поверхность, которая оживает под её прикосновением.

Колесо — нет, это диск подвески! Он висит перед нею в воздухе, светящиеся линии на нём становятся всё ярче, символы яснее. Так уже было когда-то... и потом... и опять так.

Она смотрела на циферблат. Он больше не был зажат в её руке. Скорее заполнял большое пространство вокруг неё. Символы сияли золотым блеском. Световая линия, обозначающая прохождение времени, двигалась, касаясь то одного символа, то другого. Время ускоряется, становится игрушкой неизвестной энергии. Оно становится неясным пятном, движется так быстро, что символы сливаются друг с другом. Гвеннан чувствует биение — и это не биение её сердца. Вероятнее, другая часть её, не принадлежащая физическому телу.

Циферблат теперь огромен. Он заполняет весь мир... ничего не осталось, кроме...

Она ничего не видит, кроме огненного шара, который вьёт вокруг неё золотую сеть.

Тепло... свет...

Гвеннан шевельнулась, рука её коснулась грубой поверхности. Она стояла на коленях, слегка наклонившись вперёд, одной рукой упираясь в самый высокий камень. Солнечный свет раннего утра падал на иней на луговой траве. Вот край леса... серая линия крыши дома Лайлов.

Тор?..

Никто не стоял у подножия насыпи. Ни следа хозяина

и того чудовища, что он вызвал. Она посмотрела на циферблат.

Он изменился. Теперь это всего лишь круг фигур зодиака с единственным светлым треугольником. И он мёртв... или спит. Гвеннан ощутила потерю. Медленно, неуверенно всматривалась она в себя. Не было слов, чтобы описать, чего она добивалась. Что почти проснулось в ней?

Она коснулась чего-то... и мгновенно отшатнулась. Нет! Она ещё не готова. Даже к противостоянию Тору она не была готова. Слишком всё перенапряглось, болело, как глубокая рана от малейшего прикосновения. Она должна подождать... подождать... и тогда узнает...

Гвеннан встала. Камни казались такими же, как и всегда... грубыми скальными столбами. Она снова коснулась высокого, подержала на нём руку... но не смела просить ответа. Предупреждение... то, что она так отшатнулась от боли... ещё рано... ещё рано!

Тело её окоченело от холода, она чувствовала себя истощённой; шатаясь, спустилась к тому месту, где стоял — в гордыне и силе — Тор. На заиндевевшей траве не осталось ни следа. Был ли он вообще здесь? Да! Она поняла это по странному чувству, которое шевельнулось в ней, когда она встала на место, где в последний раз его видела. Не хотела бы она снова испытать это чувство.

Следы! Гвеннан застыла. Почерневшее место... ещё одно... третье... Они вели по лугу к деревьям. Тут девушка уловила слабый запах — зловонный. Земля выгорела, трава сожжена. И на этой почерневшей земле несомненные следы — глубоко впившиеся когти. Тут прошло существо, которому нет места в нормальном мире.

Линия следов вела от леса. Она ошибалась: не туда, а оттуда. Ночной пришелец испарился, исчез на том самом месте, где она видела его скорчившимся у ног хозяина. Вернулся в свой мир? А что с Тором? Девушка стояла, глядя на крышу дома Лайлов. Он считает теперь этот дом своим? Она не могла поверить, что он смирился с поражением.

Гвеннан втянула плечи и отвернулась. Что-то гораздо большее, чем она способна понять, борется в ней. Ей нужно время... возможность расслабиться в повседневном мире. Потому что именно в этом мире — теперь она была в этом уверена— ей предстоит ещё одна решительная встреча с Тором.

Глава 10

Солнце стояло уже довольно высоко, хотя изморозь на траве ещё не растопило. Гвеннан плотнее запахнула шарф. Она хочет только в тепло своего дома, в реальный мир, который знала всю жизнь. Слишком многое произошло; эти сны, встречи — всё это вызвало у неё сильнейшую усталость и ошеломление духа.

Медленно шагая, она старалась не наступать на эти почерневшие места и держалась как можно дальше от края леса. Ни птиц, ни звуков, только шум её шагов.

Она переносила тяжесть с ноги на ногу с притуплённой решимостью, добралась, наконец, до стены, перелезла через неё и вышла на дорогу. Мимо не проходила ни одна машина, Гвеннан шла по абсолютно пустой улице, на ней даже следов не было.

И только увидев дым над домом Ньютонов, она облегчённо передохнула. Это признак реальности. Как можно быстрее прошла к своей двери — и остановилась, прижав руки ко рту, глядя на дорогу перед своим домом, на газон по обе стороны от неё.

Чёрные, смертельно чёрные следы — как будто кто-то взял чёрную краску и с большой старательностью и искусством вывел этот грязный след. Те же ожоги, оставленные чудовищем, которые она видела на земле у стоячих камней. Гвеннан показалось, что она ощущает знакомое зловоние. Но очень слабое. Эта бродячая угроза побывала тут недавно, как позволяли предполагать следы.

Гвеннан не прошла сразу в дом, она прошла по следу. Он огибал дом, и она вернулась к тому месту, с которого начала, где следы внезапно обрывались. Существо, которое в знак угрозы или предупреждения бродило здесь, казалось, вынырнуло из ничего и туда же вернулось. Никаких следов прихода или ухода. Только этот круг доказывал, что её единственную надежду на безопасность обошёл часовой.

Девушка осторожно шагнула в сторону, стараясь не касаться следов. Это всего лишь следы, но она не хотела никакого контакта с тем, что оставило это злое существо.

Ключ — она не может вспомнить, как выходила из дома. Закрыла ли она за собой дверь? Гвеннан задержалась на пороге, рассматривая толстые доски двери. На них был вырезан старинный защитный рисунок — двойной крест

— как заклинание от зла, предупреждение тому, что может бродить по ночам. Обрывки сведений, в которых она больше не уверена, то, что она когда-то читала (или всё это появилось у неё в голове во время происшествия у камней), — всё смешалось в её голове. Она взглянула выше, на дверную раму. И увидела покрашенную металлическую дугу — подкову с поднятыми вверх концами, чтобы удерживать счастье в доме. Холодное железо по традиции — мощное оружие против невидимого.

Впервые Гвеннан заметила следы рядом с этим деревенским символом счастья. Вот деревянный столб, к которому крепилась подкова. На нём следы, но еле заметные, как те чёрточки на камне, которые видны только под определённым углом освещения.

Она попыталась рукой проследить неровности дерева, удостовериться, что глаза её не обманывают.

Это...

Она опустила руку и отступила на шаг, широко раскрыв глаза.

Она не освещала фонарём этот кусок дерева многолетней давности. Но теперь, словно прикосновение пальцев оживило их, следы стали ясно видны. Хотя и только на одно-два мгновения, потом они снова слились с серым фоном. Тень упала на дом, на двор: облако закрыло солнце. Подул холодный ветер.

Она увидела... лицо... незнакомое лицо, изо рта его поднимались и огибали голову два стебля. А второй символ ей давно знаком — анк, священный крест, который в древности считался ключом к вечности. Кто вырезал здесь эти знаки? Окружённое вствями лицо: в памяти у неё всплыла фотография резьбы в одной древней церкви за морем. Зелёный Человек! Ему посвящались лесные обряды...

Гвеннан медленно подошла к столбу. Действительно ли она это видела? Теперь дерево казалось совершенно лишённым рисунка. Может, после этой ночи у неё слишком разыгралось воображение.

Она потянула дверь и обнаружила, что действительно оставила её открытой, затем прошла в полутёмную прихожую. Девушку окружили тепло и знакомые запахи дома. Дыхание её стало похоже на рыдания без слёз. Гвеннан побежала в кухню и остановилась наконец посреди домаш-

него комфорта, стараясь здесь отыскать безопасность, как ребёнок кутается в одеяло холодной тёмной ночью.

Здесь ничего не изменилось, она не заметила никаких следов вмешательства. Гвеннан сбросила пальто, шарф, капюшон и торопливо подбросила дров в ждущую печь. В ней было ещё достаточно прикрытых пеплом углей, и дрова сразу же загорелись. Гвеннан механически начала готовить завтрак, принесла яйца, бекон, поставила на огонь кофейник, нарезала хлеб на тосты. За этими привычными занятиями она постепенно теряла ощущение отстранённости, снова стала той, кем она всегда себя считала, а всё остальное отодвинула подальше.

Взглянув на настенные часы, которые своим привычным тиканьем добавляли ей спокойствия, она вздрогнула. Десять... и заседание совета!.. Документы, которые нужно было подготовить... у неё теперь нет для этого времени. Поесть, переодеться в респектабельный костюм, в каком её ожидает увидеть миссис Эйберс, поторопиться в город.

Она быстро ела и думала, что случится, если она объяснит опоздание своими ночными приключениями. Совет немедленно займётся поисками нового библиотекаря, а бедную Гвеннан Даггерт тут же отправят в какую-нибудь тихую больницу, где её галлюцинации послужат классическим примером для тамошнего психиатра. Она даже может оказаться героиней одного из романов ужасов, на которые сейчас такой спрос.

Гвеннан принялась за выполнение привычных обязанностей, служивших теперь своеобразным якорем, удерживавшим её в действительности. Но не успела она сложить невымытую посуду — мисс Несса называла это неряшливостью — как резкий звонок телефона заставил её слегка вскрикнуть, а чашка кофе выпала из руки и разбилась, забрызгав её тёмными пятнами.

Какое-то время она не могла даже пошевелиться. Потом прошла на другую половину кухни и хрипло сказала: «Алло!»

— Гвеннан? — голос мистера Стивенса прозвучал слегка удивлённо, даже неуверенно.

Она собралась с мыслями. «Да, я. Кажется, я слегка простудилась... — по крайней мере, это объяснит странности, которые могут заметить в её поведении сегодня утром. — Но я буду на заседании».

— Уделите мне немного времени после совета, Гвеннан.

Мне кое-что нужно обсудить с вами. Хотя лучше дать вам знать пораньше, потому что дело очень важное. Вы придёте пешком?

— Конечно. Как всегда.

— У вас там одиноко.

— Меня никто не беспокоит. Мисс Несса так любила. Я приду вовремя, мистер Стивенс.

— Время, да, оно уходит. Ну, помните, что я хочу поговорить с вами после заседания... это важно, иначе я бы не стал настаивать. Ведь сегодня суббота.

Она переоделась, оставив сброшенную одежду лежать кучкой: мисс Несса очень это не одобрила бы, она долгие годы приучала Гвеннан к аккуратности. И вышла, с чемоданчиком в руке, надеясь во время доклада вспомнить всё, что собиралась сказать за последний месяц. Заглянула во двор и почему-то не удивилась, увидев, что следы исчезли, может быть, достигла такого состояния, когда её уже ничего не удивит.

Привычный распорядок жизни всё больше и больше отодвигал прошедшие часы в царство снов, и она, наконец, начала думать, не привиделось ли ей всё. Гвеннан сосредоточилась на отчёте, пользуясь искусством, которое усвоила как помощница и представитель мисс Нессы, всё внимание уделяя текущей работе и забыв обо всём остальном. Раньше её отдушиной была скромная личная жизнь, теперь — эти дикие сны. Она очень удивилась, когда в конце заседания престарелая миссис Киттеридж, придя в себя после привычной полудремоты, спросила:

— Что слышно о документах Кроудеров? Мы ведь так и не решили, что с ними делать. Эмма гордилась всеми этими письмами и книгами. Считала, что они должны перейти в какой-нибудь колледж.

Мэл Тиг, представляющий фермеров и всегда голосующий против любых новых расходов, попрочнее уселся на своём стуле.

— Кое-что в этих бумагах есть. Кроудеры, они всегда интересовались делами города. Старый Тед Кроудер первым договорился с Лайлами, когда мы приплыли по реке из Фрипорта и поселились здесь. Для своего времени он был образованным человеком, говорят, всюду отыскивал необычные вещи, да и делал их тоже — разговаривал с индейцами об их дьяволах и прочее. Он один из тех, кто просто исчез, — так говорят. Пришёл дьявол и забрал его

во время грозы. Так у нас в семье рассказывали. Мэт Тиг при этом присутствовал. Он уже никогда не был прежним. Кроудеры, они много не говорили, но вели записи, всё записывали аккуратно, очень хорошо делали. Все знают, что они любили писать, вели записи обо всём. Дедушка говорил мне, что в прежние времени, когда хотели узнать правду, было ли это или не было — ну, там, границы участков и всё такое, просто шли к Кроудерам и спрашивали.

Тогда кто-нибудь из Кроудеров доставал большую старую книгу и смотрел в неё. И там оно и есть, записано и всё прочее. Они записывали всё, что происходит. Может, слишком много записывали, и это не понравилось Лайлам — или Тед не понравился. Лайлы жили как господа, со множеством слуг, когда пришли люди из Фрипорта. И всегда дружили с индейцами, да. А этот случай с дьяволом...

— Лайлы, — своим обычным чётким голосом с подавляющей интонацией заговорила миссис Эйберс, — всегда приносили городу добро. Индейцы нападали на всю округу, но здесь никого не трогали.

— Да, а те, кто пытался напасть, плохо кончали, — заметил Мэл. — Эту историю я тоже помню. Один из Тигов был среди тех, кто набрёл на лагерь французов и индейцев. Они встретились с чем-то, чего не ожидали. Этот Тиг всегда говорил, что худшей бойни не видывал, вообще это не человеческая работа, сам дьявол приложил руку к этому делу.

— И сейчас он кое с кем пытается познакомиться, — Джим Пайрон, редактор «Уикли Кларион», выглядел крайне заинтересованным.

Гвеннан прекратила складывать бумаги в чемоданчик. Она не смела взглянуть этим пожилым людям в лицо. Все они принадлежат к семьям основателей города, и у всех в семействах много преданий и рассказов. Она же знала только то, что во время короткого поиска обнаружила в бумагах Кроудеров. Что ещё может скрываться в неоткрытых коробках?

— Последний раз он появлялся лет сто назад, — заметила миссис Киттеридж. — Я помню бабушку Уоттон, — она помолчала, потом продолжила. — Это не выдумка. Не думаю, чтобы кто-то стал отрицать: временами в этой долине появляется нечто очень странное.

— И убивает одного-двух, — реплика Мэла вызвала всеобщее молчание.

— Хорошо бы просмотреть эти бумаги, — добавил он. — Или попросить это сделать Боба Бейнса. Он шериф, у него могут возникнуть идеи...

— Никогда не думал, что закон будет охотиться за дьяволом, — заметил Джим Пайрон. — Обычно он имеет дело с последствиями его работы, а не с ним лично. Сейчас это какое-то дикое животное, может, большая кошка. Они иногда заходят сюда с севера, и чаще, чем люди знают.

— Вы всегда принимаете обе стороны, Джим, — сказал Мэл.

Издатель рассмеялся: «Это называется — не иметь предрассудков, Мэл. Я сам заглянул в наши подшивки «Клариона». Конечно, наша газета выходит только с 1830 года, но я нашёл несколько странных случаев. Согласен, что в мире гораздо больше странного, чем люди готовы признать. Эти бумаги Кроудеров — похоже, ими стоит заняться. Не только из-за историй о дьяволе. Это вообще местная история. Я мог бы завести постоянную колонку, что-нибудь вроде «Сто лет назад и сегодня», и цитировать из них. Как, Гвен, что-нибудь делалось с этими бумагами?»

— Нет. Ящики в кладовке. Я открывала один с городскими документами. С дубликатами, конечно. Они в хорошем состоянии.

— Не возражаете, если я пороюсь в них? Я, может, лучше других увижу интересное, — у Джима совершенно исчез скучающий вид, с каким он обычно сидел на таких заседаниях. Пайроны — старое семейство, но Джим в городе новичок. Он унаследовал газету от двоюродного брата и вернулся в город после обучения в колледже и службы во Вьетнаме. В городке он считался почти таким же заядлым путешественником, как Лайлы.

Миссис Эйберс подняла голову от своих старомодных галош.

— Я слышала, леди Лайл опять уехала. Говорят, она больна. Плохо... Мне не очень понравился этот её племянник. Она его представила в магазине. Если что-нибудь с нею случится, он поселится в доме Лайлов.

— Он молод, о нём ещё нечего сказать, — заметил Мэл. — Почти всё время сидит в доме. Видел его на дороге вчера вечером. Он парень ничего, но не похож на леди. Она строго себя держала, но никто никогда не слышал, чтобы

она не помогла, если попросишь. Можете спросить у преподобного. Жаль, что его нет сегодня на совете. Я слышал, Салли Эдвардс заболела, и он согласился отвезти её во Фрипорт...

— А что с Салли? — миссис Киттеридж даже слегка оживилась. — Я её два дня назад видела, она была здорова. Сказала, что ни на что не жалуется. Несчастный случай? Почему мы ничего не слышали? — она говорила даже негодующе.

— Никакого несчастного случая, — Мэл покачал головой. — Семья не хочет об этом рассказывать, но всё равно все в городе скоро узнают. Салли нашли на краю леса Бринков почти вне себя. Она была в истерике. Потом у неё случился сердечный присуп. Её должны были как можно быстрее доставить в больницу. Нам в городе нужен свой врач. Как умер старый док Андерсон, у нас нет своего. Но вся эта нынешняя молодёжь, думают, что в большом городе легче заработать, а тут у нас мало что получишь. Мы слишком здоровы.

— Лес Бринков, — Джим, который всегда выступал за то, чтобы в городе была постоянная медицинская служба, теперь заинтересовался другим в рассказе Мэла. — Это ведь по другую сторону от дома Лайлов, верно? Я там проезжал недавно и подумал: странно, что никто хворост не убирает. После сухого лета его там много, ударит молния, и у нас будет большой пожар.

— Верно. Но старую Лови Бринк ничего не заставишь сделать. Она ни о чём не заботится, пока у неё есть свой садик и чек регулярно приходит в банк. Сын её не бывал дома лет десять или больше. Лес Бринков — как раз в таком месте этот дьявол и может спрятаться. А такая женщина, как Салли, если за ней погонятся или просто она увидит что-то странное, у неё вполне может быть сердечный приступ. Мне кажется, Бейнсу стоит туда заглянуть. Я ему скажу. Ну, время идёт. Кое-что мы решили. Гвенни, приглядывай за пенни. Их нельзя бросать беззаботно! — и он тяжело поднялся со стула.

Впервые Гвеннан осознала, что мистер Стивенс, хотя и присутствовал на совете, почти ничего не сказал. Он даже отставил свой стул от стола, а когда к нему обращались, давал ничего не значащие короткие ответы. К спинке его стула был прислонен портфель, но он его не трогал, хотя она всё время ждала, что он извлечёт оттуда что-нибудь

касающееся библиотечных дел. Но он только крепче сплетал пальцы и сосредоточил на них всё своё внимание, как будто терпение его в ожидании конца совещания тоже кончалось.

Она проводила членов совета, заверила Джима Пайрона, что он может в любое время ознакомиться с бумагами Кроудеров, и вернулась в зал, где её ждал адвокат.

— Плохие новости, — сказал он. — Леди Лайл умерла.

Резкое заявление поразило девушку, но она отчасти была уже подготовлена. Подвеска, которую она носит под блузкой, — она не могла уйти от своей хозяйки, пока та была жива.

— Мне... мне очень жаль. Она была добра ко мне, — Гвеннан так часто пользовалась этими словами. Они не выражают глубины её чувства, но остальные именно их ожидают от неё.

— Она знала, что у неё очень мало шансов вернуться. И, уезжая, оставила это — чтобы передать вам, — он открыл портфель и достал оттуда большой конверт. — Что мисс Несса рассказывала вам о ваших родителях? — неожиданная смена темы изрядно удивила её.

— Моя мать была сводной сестрой мисс Нессы, но намного моложе. Она училась в колледже и сама зарабатывала на жизнь. Мисс Несса это не одобряла. Потом она встретила моего отца, ещё до окончания второго курса, и они поженились очень неожиданно. И это мисс Нессе не нравилось: она считала, что нужно заканчивать начатое. Отец... я в сущности не знаю, чем он занимался, но они всё время переезжали. Я родилась за границей, где-то в Южной или Центральной Америке. Я видела документы — они сейчас в Фрипортском банке. Но мои родители зарегистрировали меня у ближайшего американского консула, и я американская гражданка. На следующее лето они привезли меня сюда. Потом мы поехали в Индию, оттуда... но я этого не помню.

Когда я доросла до школы, они снова вернулись, оставили меня, а сами уехали на юго-запад и там погибли. Один из тех случаев, о которых приходится читать. Их самолет исчез, как в Бермудском треугольнике.

С тех пор я оставалась у мисс Нессы, а остальное вы знаете.

— Но вы приняли фамилию Даггерт. А как ваша настоящая фамилия?

Гвеннан вспыхнула: «Я... не знаю. Мисс Несса записала меня в школу под своей фамилией, она мне сказала, что теперь это и моя фамилия. Я всегда гадала: может, мама вышла за отдалённого родственника, которого не любила мисс Несса».

— Я думаю, у вас совсем другая фамилия, — он произнёс это, как приговор. — Леди Лайл с самого начала интересовалась вами, хотя до последнего времени непосредственно к вам не обращалась. Я знаю: она запрашивала о вас отчёты, иногда писала об этом из самых разных стран. Но она никогда не объясняла мне, зачем ей это. Знаете этих Лайлов; здесь они никогда больше одного-двух в поколение не появляются, но у них связи повсюду. Женятся они всегда вдали от дома, и всегда в рамках своей обширной семьи, иногда избирая ветвь из другой страны. Возможно, ваш отец — из их семьи. Это может объяснить, почему мисс Несса держала эти связи от вас в тайне.

— Но почему?

— Мисс Несса была очень гордой женщиной. Может быть, также (и, пожалуйста, не заблуждайтесь насчёт моих мотивов) она считала этот брак незаконным. Мисс Несса, как мы оба знаем, строго придерживалась морали и обычаев другого поколения. Если ваша мать не обвенчалась здесь в церкви, открыто, с человеком, хорошо известным общине, мисс Несса могла счесть её брак сомнительным.

Насколько Гвеннан знала, он прав. Но быть из семьи Лайлов! Как там назвал её Тор в их бурном разговоре — полукровка? У него нет доказательств. Может, они в конверте, который она сейчас держит.

Она открыла конверт. Мистер Стивенс застёгивал пальто. Он кивнул ей.

— Если считаете, что нужно что-то оформить по закону, Гвеннан, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне. Нужно решить некоторые вопросы, связанные с имением. Я полагаю, всё получит молодой человек... Леди Лайл признавала его ближайшим родственником, даже привезла сюда перед своим отъездом.

Он вышел, а Гвеннан села за стол. Из конверта она достала лист плотной бумаги, исписанный причудливым почерком. Кроме него, в конверте был ещё один листок, гораздо легче и тоньше. На большом листе — подробная астрологическая карта; Гвеннан недостаточно разбиралась

в астрологии, чтобы самостоятельно прочесть её. Но вверху стояла дата рождения, её дата. Это было столь явно для неё, но причину она понять не могла.

Она взяла второй листок. Почерк чёткий, напоминающий печатный текст, но с индивидуальными особенностями. Это почерк леди Лайл.

«У меня меньше времени, чем я рассчитывала. Тело моё функционирует всё хуже, и мне кажется, я знаю причину. Поэтому я не могу полностью передать тебе то, что должно составлять часть твоих знаний. Тебе придётся учиться самой, и в этом учении ты будешь расти — двери открываются, когда постучишь. А за ними скрывается многое, что ты забыла или что сознательно у тебя отобрали. Когда-то ты была другой, но многое изменилось...»

— Орта, — прошептала Гвеннан. — Она, должно быть, говорит об Орте!

«Древние знания, контроль над силами, принадлежащими тебе, всё это отнято у тебя, поэтому ты робко входишь в мир свободы. Я могу только дать тебе возможность учиться заново, укрепляться, приближаться к той личности, какой ты должна была стать. Я оставляю тебе ключ — и другие инструменты. Но никак не могу защитить тебя.

Ты должна сама выбирать, что делать, что изучать, — таков Закон Силы. В этом мы свободны. У нас всегда есть выбор. Делая выбор, мы изменяем свою жизнь, а иногда и жизнь других.

Звёзды вернулись на старые орбиты, так всегда поступают звёзды поколение за поколением. Снова они в таком же положении, в каком были когда-то при твоём прежнем рождении. И перед тобой стоит выбор.

Вот что я прошу тебя сделать. В день зимнего солнцестояния приди к стоячим камням и используй звёздный диск, как подскажет тебе инстинкт. После этого ты пройдёшь испытание. Желаю тебе его выдержать — в тебе есть то, что сближало нас в прошлом. И, если пожелает Сила, сблизит и в будущем».

Как не было приветствия и обращения в начале письма, так же не было и подписи. Должно быть, леди Лайл писала так, чтобы посторонний не смог понять. Только дата на гороскопе подтверждала, что письмо предназначено ей. Но что оно означает, ей ещё только предстоит узнать.

Глава 11

Гвеннан сидела за большим кухонным столом, единственным, способным вместить собранные ею книги и бумаги. Время немного сгладило впечатления от испытания у стоячих камней. С той ночи прошли дни и недели. В ту ночь она осознала, полностью и болезненно, что существует больше чем один мир. Новый хозяин дома Лайлов с тех пор не показывался. Насколько было известно в Уайтбридже, Тор Лайл исчез так же бесповоротно, как и его родственница.

Не было и новых следов «дьявола». Джим Пайрон порылся в бумагах Кроудеров и извлёк достаточно материала по истории города для своей колонки. У него даже появилась привычка в субботу по утрам приходить в библиотеку. Гвеннан находила его открытия и их оценку интересными, но вечерами читала сама, сколько позволяло время после выполнения обычных обязанностей.

В эти дни дом мисс Нессы не знал регулярных еженедельных уборок. Заправив кровать, вымыв посуду, подметя, сколько можно, пыль в тех двух комнатах, где она проводила жизнь, Гвеннан решала, что сделала достаточно. Чтение важнее.

Ей нужен был умный и опытный помощник, но она не знала, где его найти. Звёздная карта оставалась тайной, сколько она ни искала объяснений в многочисленных книгах по астрологии. Математика для неё всегда была трудна, а без неё трудно разобраться в этой тайной науке.

Оставались камни и линии леев. Гвеннан заказала в других библиотеках всё на эту тему. У неё выросла целая стопа разрозненных и мало связанных друг с другом выписок. В мире оказалось огромное количество стоячих камней, некоторые из них с отверстиями. Считалось, что некоторые излечивают: больной пролезал через такое отверстие, чтобы выздороветь. Другие отверстия считались священными: туда просовывали руку, давая клятву. Были и другие камни, в форме чаш; их нужно перевернуть, чтобы обеспечить удачу или проклясть. Камни, камни и камни!

Камни, которые, в соответствии с древними легендами, двигаются в определённые дни года или по ночам. Камни — бывшие грешники, вечно несущие бремя своих грехов; камни, которые дьявол презрительно бросил в священные

места, но они либо не долетали, либо способствовали ещё большей славе святых. В своём лихорадочном чтении она узнала, что Англия, вернее, все Британские острова, буквально усеяны камнями, обладающими волшебной силой. И это только в Англии!

В Британии и повсюду в Европе есть камни, хотя легенды, относящиеся к ним, не сохранились. Можно обратиться и к Южной Америке. Целая гора, покрытая каменной резьбой, которую не может выполнить ни один скульптор и понять — ни один археолог. Необычные звери, человеческая голова, которая кажется молодой утром и медленно стареет в течение дня, когда меняется освещение. Целая гора — памятник народу, совершенно забытому. Следы этого народа нельзя найти больше нигде в мире.

Гвеннан составляла списки, делала пометки на картах. Выписки становились всё хаотичней, они ставили её в тупик, а не давали знания. Время от времени, глядя на иллюстрацию в книге или читая отрывки древней легенды, она чувствовала, что что-то вспоминает — но это не её память! Она знала и теорию о народной памяти — запас древних знаний, который может извлечь далёкий потомок тех, кто когда-то жил и видел...

Множество жизней? Каков же ответ? Может быть, какая-то личная сущность отрывается от обширной личностной массы, воплощается, живёт, познаёт, а потом возвращается к истоку? Неужели она действительно когда-то была в храме Ортой — в цивилизации, уничтоженной катастрофой и полностью забытой?

Те, кто пережили эту катастрофу, эти разрывы земли, набегающее море — всё то, что она видела в зеркале, — эти люди должны были просто сойти с ума от ужаса, полностью потерять память. Они превратились в бродяг, были отброшены к временам, когда орудием становился камень, когда человек убивал другого за пищу, за безопасный ночлег. Долго ли могли они сохранить в памяти прошлое?

Но такие легенды существуют — в Индии, где люди доверяют больше памяти, чем письменным документам и научным способам познания. А в Африке существует затерянное примитивное племя, которое знает орбиту Сириуса и поклоняется ему. По всему миру распространены легенды о потопе, от которого спасаются немногие

люди и животные — на кораблях, плотах, некоторые выползают из пещер. И перед ними открывается совершенно новый мир. Они у неё все здесь, эти легенды. Теперь они записаны, напечатаны, открыты для людей, которые желают порассуждать об этой странности воображения, распространённой по всему миру. А что если это вовсе не воображение?

Стопка листов росла. Гвеннан отовсюду собирала факты, которые могли иметь отношение к тому, что она видела, испытала на протяжении одной ночи. И, хотя она никому бы не призналась в этом, она верила в реальность мира Орты, в существование линий леев.

О «дьяволе» никаких сообщений больше не поступало. С исчезновением Тора ночное чудовище тоже, казалось, пропало. Девушка больше не сомневалась, что именно Тор каким-то образом, желая того или не желая, вызвал это существо.

О таких появлениях и исчезновениях имеется множество рассказов — либо во время гроз, либо вблизи линий леев. Если это действительно линии энергии, которую собирают или передают камни, то возможно, эта неизвестная энергия, неправильно используемая или неконтролируемая, открывает ворота в другие миры. Гвеннан собрала сотни рассказов о чудовищах, которые появлялись, опустошали, убивали или только пугали, а потом были убиты или просто исчезали. Схватка рыцаря с драконом — неужели это воспоминание о реальном событии, о борьбе существа из другого мира с тем, кто обладает Силой?

Гвеннан лихорадочно стремилась узнать, какое-то глубокое внутреннее побуждение заставляло её узнавать. Но иногда верх брал воспитанный мисс Нессой здравый смысл. До сих пор ей удавалось держать своё увлечение подобными вещами в стороне от повседневной жизни; она никогда не была расположена к общению, и теперь никто не подозревал, чем она занимается.

Она откинулась в кресле и взглянула на стопку листков с выписками, которые сделала из многочисленных книг и газетных вырезок, усеивавших её стол. Это — она рукой прижала стопку к столу — единственное, что она нашла во время своих поисков. И нашла она так мало. Ни один житель городка не увидит в этих выписках смысла. Есть другие города, есть авторы книг, которые она прочла, они верят, что не всё ясно, что нужно искать. Впервые в жизни

Гвеннан задумалась о поездке, о попытке связаться с другими искателями.

Задумалась — и поняла, что это невозможно. Она никогда не хотела покидать Уайтбридж. И теперь обнаружила, что даже предположение об отъезде вызывает в ней глухое беспокойство, она отшатывается от такой мысли. Как будто обязательно должна остаться и ждать...

Леди Лайл в своём письме — она много раз перечитывала его — советует ей искать, и она именно это и делает. Но какие конкретные факты может она узнать из фольклора, рассуждений, гипотез, иногда самых диких? Пришельцы, давным давно высадившиеся на землю и воспитавшие новую расу из получеловеческих существ, мужчины и женщины, чьи способности приводили к их обожествлению, забытые города в джунглях, остекленевшие участки в пустыне, которые могут указывать на место древних атомных катастроф, открытие, что луна в небе гораздо древнее, чем считали люди, что существовали ещё две луны — тёмная Лилит и обожжённый солнцем Вулкан...

Всё это ей почти бесполезно. Гвеннан внезапно почувствовала усталость. Будто накопилось утомление от бесчисленных часов, проведённых за чтением. Она опустила голову на руки. Закрыла уставшие глаза. Ну и каков же итог? Ничего ценного.

С той ночи она не возвращалась к стоячим камням. И не пойдёт — не сейчас! Она подняла голову и посмотрела на старый письменный стол, в котором мисс Несса держала в аккуратных пакетах (каждый перетянут резинкой или упрятан в конверт) те немногие документы, которые считала важными. Акт о домовладении, налоговые квитанции за много лет, оплаченные счета, страховые полисы. Здесь ничего не касалось Гвеннан, кроме её метрики, документа, подписанного американским консулом в далёкой стране. В документе она объявлялась американской гражданкой, дочерью американских граждан. Она рылась в этих бумагах, искала свидетельство о браке, где должна быть подлинная фамилия её отца. Другие документы, если когда-то они и были, мисс Несса сознательно уничтожила.

Пока мистер Стивенс не спросил её, Гвеннан и не вспоминала, что её фамилия — в сущности не её. Вернувшись в тот день домой, она отыскала свидетельство о браке...

Кетерн — странная фамилия, ничего похожего она не встречала. Не Лайл. Предположение адвоката было неверным.

Она так устала. Девушка взглянула на часы и вздрогнула. Уже больше двенадцати. Она проснётся невыспавшейся, не готовой к работе. Чисто механически девушка собрала бумаги в груду, поставила на место книги. Но хоть и встала, спать пошла не сразу.

Выл ночной ветер. Первый снег выпал три дня назад, и в библиотеке она слышала, что приближается сильная буря. Сегодня вечером, прежде чем сесть заниматься, Гвеннан убедилась, что у неё достаточный запас дров. И надела три свитера. В шкафу у неё достаточно запасов на случай бури — в каждом доме есть такой зимой.

Завтра суббота, в библиотеке половина рабочего дня. Но всё равно придётся открывать, разве что за ночь заметёт дороги.

Гвеннан подошла к окну и выглянула. Должна быть луна, но небо покрыто тучами, и в стекло, уже затянутое морозом, стучит снег.

Она не торопясь готовилась к ночи, ей не хотелось покидать тёплую кухню. Не перенести ли постель и лечь спать на диване, как она не раз уже делала в прошлом? Но всё-таки она пошла в спальню. И хотя очень устала, сон к ней не шел.

Она обнаружила, что всё время смотрит в замёрзшее окно, через которое на неё в ночь бури смотрело существо из Тьмы. Может, холод отгонит подобных бродяг? Если это существо действительно приходило. Но она знала, что это правда.

Лёжа под грудой одеял, она сжимала в руках подвеску. Гвеннан всегда носила её с собой, хотя и прятала под одеждой. Она не смогла определить, из какого она металла. Блестит, как серебро, но это не серебро. Металл никогда не становился холодным. На её прикосновение он всегда отвечал успокаивающим теплом.

Звёздные часы — так назвала подвеску леди Лайл. Но с тех пор как Гвеннан ушла тем утром от камней, символы на циферблате стали почти неразличимы, их можно было увидеть только при сильном свете. А световой луч, двигавшийся по циферблату, вообще исчез. День зимнего солнцестояния ещё почти через месяц. И она не хочет идти к камням: может, придётся встретиться с новой серией

невероятных приключений, которые ещё больше отделят её от родного мира.

Но когда девушка сжимала подвеску в руках, прижимала её к груди, она ощущала такую уверенность, такую безопасность, будто рядом с ней, плечом к плечу, стоит верный друг. Она закрыла усталые глаза в тёмной комнате.

Холод — сжатие...

...Идёт ли она, бежит, или её уносит по этой длинной светлой линии? По обе стороны линии — стены тьмы, такой густой и угрожающей, что она поняла: безопасность — только в свете. От этой узкой светлой тропы поднимаются клубы тумана, одни белые, другие золотые. Рядом с ней они — только сгустки пара, а вдалеке как будто образуют фигуры и формы. Но как только она приближается, все эти образования растворяются.

Пирамида. Она видит это грандиозное сооружение будто с расстояния. С её скатов поднимаются полоски огня, похожие на те, что срывались с пальцев Голоса. Гвеннан приблизилась, и пирамида исчезла. На её месте появилось колесо, оно стояло как преграда, не давало ей пройти. В нём сверкала пятиконечная звезда, на каждом её конце — огненный шар, и от них тоже исходят лучи Силы.

Колесо поблекло, исчезло. А впереди замерцал хорошо знакомый символ — часть того, что вырезано на деревянной двери её собственного дома. Анк — ключ — и от его рукояти, от двойной петли вздымаются лучи Силы...

Ей уже не холодно, всё её тело омывает тепло и ощущение мира, чувство Силы, приручённой, служащей свету.

Она прошла через туман, образовывавший анк.

И вот возник знак подвески — полная луна, увенчанная полумесяцем. Теперь лучи исходили от концов рогов — и не наружу, а внутрь от каждого рога, они ограждали Гвеннан от стены мрака. И знак подвески не рассеивался, не превращался в туман, из которого сгустился. Его лучи образовали дверь, через которую её пронесло.

А что дальше? Её встречали. Тут были те, чьи лица ей знакомы по другим временам, и она рада их видеть. У неё сохранились смутные воспоминания о поездке верхом — не на земной лошади, а на животном, гордо несущем голову с единственным, украшенным золотой спиралью рогом. Она вошла в большой дворец, в котором толпилось множество людей: мужчины в великолепных кольчугах под

плащами тонкого шёлка, украшенными драгоценными камнями и нитями жемчуга, женщины, платья которых были как будто сплетены из солнечных лучей и морской пены.

...Но не всё здесь свет. Она бежала, тело её было напряжено от страха, сердце так колотилось в груди, что вот-вот могло вырвется из неё, она бежала по улице, все двери на которой были закрыты, её преследовала страшная опасность, а она должна была из последних сил бежать от неё.

...Она лежала на грязной соломе, горло пересохло от жажды, сквозь пробоину в обрушившейся стене било жаркое солнце. В ноздрях у неё стоял запах разложения — это разлагалось её смертное тело, гнило ещё до того, как лишилось жизни, и она про себя взывала к смерти, такой безжалостной, потому что никак не приходила.

...Лес, в котором деревья временами превращаются в женщин. Они насмехались над ней, когда она пыталась увернуться от цеплявшейся ветви или найти проход между стволами, которые сдвигались, преграждая ей путь.

...Она спотыкалась о камни, которые могучее море выбросило на берег; на берегу впомине не было мягкого песка, он сплошь покрыт скалами, по которым очень трудно идти; скалы — в зелёной и жёлтой слизи. Над головой пронеслась тень — какое-то крылатое существо, достаточно большое, чтбы поднять её и унести, если захочет. Поэтому она спряталась меж скал, закрывая руками голову, не надеясь остаться незамеченной.

...А теперь под ногами песок — но не намытый водой — бесконечные пески, никаких следов или дорог. Тут и там ветер причудливо обнажает скелеты — животных или людей в проржавевших доспехах — или маленькие груды костей в гниющих тканях. По этой пустыне бежало большое войско, воины один за другим падали и умирали. Она споткнулась о стоявший в песке торчком щит.

...Теперь не лес из деревьев-женщин, не скалы или песок — сплошная серость, в которой растут гигантские грибы, болезненно-жёлтые, иногда с ярко-красными шляпками на стройной ножке — они высоко вздымаются над её головой. И она не идёт и не бежит, а прыгает, тело её согнуто, трансформировано, и она даже не хочет взглянуть на своё отражение.

И всё время так — она переходила из одного места в

другое, всегда новое, некоторые были яркие и прекрасные, другие — тёмные и ужасные. И она понимала, что в каждом из них она жила — или будет жить. В каждом у неё имелась обязанность, которую может выполнить только она, выбор, который только она должна сделать. Но она ни разу не узнала, в чём эта обязанность, каков этот выбор, потому что нигде не задерживалась.

Наконец, последняя сцена — она стояла на тёмном холме. Над ней простиралось ясное безоблачное небо с хорошо видными звёздами — они казались гораздо ближе, чем всегда. Она заметила многие звёзды, которых раньше никогда не видела. Звёзды не неподвижны, они двигались торжественным маршем, образовав на небе круг, и время от времени меняя своё положение. И наконец заняли те же места, что и когда она впервые взглянула на них. Звёздное колесо завершило оборот.

И тут её охватила тьма, но не пугающая. В ней было тепло и уютно. В этой тьме она больше не видела снов.

Гвеннан проснулась. Окно спальни сплошь затянуло льдом, но дневной свет всё же проходил. Она взглянула на часы — восемь! Проспала, и теперь надо торопливо одеться, поесть и бежать на работу. На улице навалило снега, но она слышала грохот снегоуборщика. Род Андерсон, который держит снегоуборщик в своём сарае за городом, тоже направляется на работу. По крайней мере, хоть часть пути будет расчищена.

Зазвенел телефон: Ньютоны спрашивали, всё ли у неё в порядке. Она быстро успокоила их. Пол обещал попозже натаскать ей ещё дров. Гвеннан так захватили мелочи зимней жизни, что она почти забыла свои сны. Больше того, многие из них действительно совсем забылись, как обычно бывает со снами. Одной рукой она держала вилку, другой составляла список вещей, которые нужно запасти на случай непогоды.

Солнце светило довольно слабо, когда Гвеннан пробиралась по сугробам к дороге. На небе снова появились тучи. Если пойдёт снег, лучше ей закрыть пораньше и уйти домой.

Невдалеке пролетел снегоход и до Гвеннан в морозном воздухе донёсся смех пассажиров. Девушка, бредя по заснеженной дороге, снова удивилась простоте и привычности окружающего мира. Всё шире становилась пропасть между нею, между тем, что заключено в её сознании,

и всем остальным. Она покачала головой. Никакой полуночной работы больше. Никаких необычных занятий. Она не смеет. Утром у неё бывали мгновения, когда знакомая кухня, всё в доме казалось ей абсолютно чужим. То, что происходит с нею, — опасно. Нет! Нужно положить этому конец. Она должна твёрдо держаться привычной жизни.

Реальность — это хруст снега под ногами, холод, жалящий обнажённые части лица между шарфом и вязаной шапочкой. Она — Гвеннан Даггерт и только ею и хочет быть. Остальное...

Она почувствовала страх — что случится, если её одержимость станет кому-нибудь известна? Большинство горожан и так считают её странной, она это хорошо знает. И такое небольшое расстояние между странностью и признанием тебя душевнобольной. Она должна вести обычную прежнюю жизнь, как жила до этого водоворота снов и рассуждений.

Добравшись до библиотеки, Гвеннан приняла решение. Она быстро схватила цепь подвески и рывком сняла её с шеи, чувствуя, что если не освободится сразу, то никогда не сможет этого сделать.

Она была тёплая, нет, горячая, будто гневно предупреждала её. Гвеннан взяла со стола конверт, сунула туда подвеску с цепью, запечатала. Конверт в свою очередь отправился в самый угол ящика. Она соберёт все эти книги и отправит их назад, туда, откуда их прислали. С этим она покончила, если хочет сохранить здравомыслие и нормальный взгляд на мир.

Сегодня не очень много посетителей, но когда она в перерыв прибиралась на полках, зашёл Джим Пайрон.

— Погода не очень хорошая, — он стряхнул снег с тяжёлых башмаков, потом сел на стул у двери, снял обувь и прошёл к столу в толстых двойных носках. — Говорят, надвигается сильная буря. Как у вас с запасами?

— Сегодня возьму ещё, — пообещала Гвеннан. — Я принесла с собой список. Пол Ньютон подберёт меня в магазине и поможет с дровами.

— Я бы прихватил пару гроссбухов Кроудеров, если разрешите. Вы можете не открыться в понедельник. И на вашем месте я бы закрыл немедленно.

Он ушёл с книгами, а Гвеннан снова надела тяжёлое пальто и собиралась уже было закрывать, но остановилась у своего стола. Если она будет благоразумна, то оставит

подвеску в библиотеке: она тут в безопасности; а сама Гвеннан в безопасности без неё. Искушения не будет. Но Гвеннан обнаружила, что почти вопреки желанию открывает ящик, достаёт из конверта подвеску и кладёт её в карман своей лыжной куртки.

Но одновременно, как бы в противовес, она прихватила большой портфель, полный книг. Книги она подбирала всё утро. Никакого тайного чтения — три новейших детектива, две биографии, достаточно скучные, чтобы вызвать глубокий сон без сновидений, путешествия, три самых лёгких и фривольных женских романа. Вот что она будет читать дома! Она — Гвеннан Даггерт, городской библиотекарь, самая обычная и нормальная личность.

Зайдя в магазин и делая заказ, она прочно держалась представления о себе как об обычной нормальной личности. В Уайтбридже нет супермаркета, и домашние запахи этого старого здания ещё больше усилили её барьер нормальности.

Приехал Пол со своим списком, и вскоре они носили в его пикап коробки с запасами на случай непогоды. Снова пошёл снег. Солнце исчезло, небо затянули мрачные тучи. Поднялся ветер, режущий, как ножом. Стало ясно, что приближалась обещанная непогода, и Гвеннан была очень рада снова оказаться дома. Пол сначала наполнил ей дровяной ящик на кухне, потом убедился, что в сарае, куда она может пройти из кухни через внутреннюю дверь, дрова наложены до потолка.

Гвеннан собрала книги со стола, быстро сложила их в одну из магазинных коробок и унесла в морозный холод гостиной: пусть мёрзнут, решила она, её это не касается. Но свои выписки жечь не стала. Как не смогла оставить подвеску, так не смогла и уничтожить свою работу нескольких недель. Но всё же убрала их подальше с глаз в другую коробку, поверх бумаг бросила конверт с подвеской и тоже унесла в гостиную, прочно закрыв ведущую туда дверь.

Глава 12

Гвеннан ожидала, что её будут осаждать новые сны и видения и подготовилась упорно бороться с ними. Но нападения не последовало. Спала она без снов, как будто

приходила в себя после болезни. Началась обещанная снежная буря, и целых три дня Гвеннан была отрезана в своём доме, спокойно посиживая у огня, и только время от времени делая быстрые вылазки за дровами.

Девушка много спала, чувствуя странную усталость, и почти ничего не делала. Мисс Несса учила её быть постоянно занятой, но теперь мисс Нессы не было, и Гвеннан бездельничала как никогда в жизни, дремала, время от времени ела суп или, если хотелось, варила что-нибудь посложнее и потом долго с наслаждением ела.

Трижды звонили Ньютоны, проверяя, как она. Потом телефон умолк, и когда она попыталась позвонить в город Пайрону — проверить, как дела в библиотеке, обнаружилось, что линия не действует. В прошлом такие дни изоляции никогда не проходили впустую. Руки мисс Нессы никогда не отдыхали, и она не позволяла и Гвеннан избегать обязанностей: штопать толстые зимние носки, чинить уже изрядно изношенные простыни, разрезать и сшивать тряпки для половиков, хотя груды таких материалов уже лежали наготове.

На второй день, когда сумерки заставили Гвеннан зажечь запасную лампу на батареях — электричество из-за бури тоже исчезло, — она почувствовала какое-то оживление и настороженность. Очевидно, часы полусна кончались, она чего-то ждала.

Мисс Несса всегда отвергала всякое шитьё, не имеющее практического значения. Но на дне старого сундука у неё хранились несколько кусков ткани — необычно красивый шёлк и парча. Судя по форме, когда-то это были роскошные наряды, тщательно распоротые с целью, которая так никогда и не была достигнута. Когда Гвеннан была ещё маленькой, мисс Несса как большую награду изредка разрешала ей доставать их — разглаживать, разглядывать, удивляться древним вышитым узорам, таким красивым и тонким, как будто эти разноцветные нити сплавились с фоном. В узорах блестели металлические нити, потемневшие от времени, а в середине некоторых цветов были вшиты перламутровые или хрустальные бусы.

Гвеннан понятия не имела, почему об этом вспомнила, но она сходила к сундучку, порылась в тусклых обрывках — запас кухонных тряпок — и отогнула хрупкую жёлтую

бумагу, которая всегда прикрывала сокровища, лежавшие на самом дне. Откуда они взялись? Мисс Несса всегда твёрдо отвечала, что это старые вещи, они принадлежали когда-то одному из членов семейства, и смотрела на них весьма презрительно: Даггерты, многие поколения бывшие фермерами, не нуждались в таких безделушках. Неужели когда-то один из этих коренастых, лишённых воображения фермеров женился на женщине из другого круга и привёз её сюда, в это далёкое захолустье?

Какова же тогда была её жизнь? Кто распорол одежду? Тут лежали остатки не менее трёх платьев и просто куски ткани, пожелтевшей, готовой прорваться на сгибах. Ими никогда не занималась ни одна швея. Гвеннан взяла охапку древнего шёлка, расползающегося сатина, траченного временем бархата и выложила всё на стол.

Вот часть корсета. Она представила себе его форму по сохранившимся остаткам шёлка цвета морской зелени. Вырез, крайне глубокий, весьма нескромный по деревенским стандартам того времени, обшит вышивкой из металлических нитей, должно быть, серебряных, хотя сейчас они чёрные. Только остатки корсета, юбки нет.

Нижняя юбка — ярко-жёлтая, её краска почти не выцвела, на равных интервалах тщательно вышиты незабудки, поразительно одинаковые, со своими пурпурно-белыми личиками. Затем кусок бархата; Гвеннан решила, что это часть плаща. Когда-то он был гвоздично-коричневым, и на куске ещё держались обрывки кружев, жёлтых, как и юбка.

Неразрезанные куски ткани. Один пурпурный, очень тёмный — его цвет заставлял подумать о королеве, наряженной для коронации, а парча такая тяжёлая, что носить платье из неё должно быть крайне утомительно. Шёлк, который рвался даже от осторожных прикосновений Гвеннан, был слишком старый, слишком хрупкий.

А на самом дне нашёлся третий кусок. Гвеннан нахмурилась. Всё остальное она помнит. Много раз видела. Но этот почему-то забыла. В нём не было изношенного великолепия остальных. Напротив, казалось, его место среди обрывков и кухонных тряпок.

Ткань на ощупь грубоватая, особенно после прикосновения к тонким шелкам. Цвет — Гвеннан поднесла его

ближе к лампе — тёмно-зелёный. Но странно, под рукой цвет менялся, по ткани будто пробегали волны.

На свету она заметила лёгкий серебристый оттенок. Будто смотришь в бассейн, в котором медленно собирается пена. Она встряхнула ткань — ей показалось было, что у неё в руках совсем небольшой кусок, вряд ли шире обрывков плаща, под которыми он лежал, но кусок развернулся и оказался таким большим, что Гвеннан даже не поверила глазам. Он оказался жёстче, грубее шёлка и других материалов, но чем больше она касалась его, тем мягче он обволакивал пальцы. У девушки появилось странное ощущение, что чем-то эта ткань напоминает мех, что это не ткань, изготовленная древним мастером, а что-то органическое, живое, что в ней до сих пор ощущается тень жизни.

Она безжалостно сбросила остальные обрывки на диван, разворачивая, разглаживая и разглядывая свою находку. Кусок ткани растягивался всё шире и шире. Он покрыл всю поверхность большого стола и свесился по обе его стороны — да её тут целые ярды!

К тому же на свету эти серебристые пенные узоры тоже изменялись. Из неопределённых пятен, напоминавших облака, они превращались во всё более отчётливые и определённые очертания. Гвеннан остановилась и отдёрнула руки. Эти линии — действительно рисунок, — и она уже видела раньше эти рисунки, хотя теперь не могла их опознать. Что-то похожее на её беспомощные попытки воспроизвести надписи на стоячих камнях. На каком бы языке ни были сделаны эти надписи, они вплетены, вшиты в ткань, обнаруженную ею.

Возможно, последним открытием оказался покрой ткани. Она больше не напоминала несшитый, неразрезанный кусок только что из ткацкого станка. Теперь она вся развернулась на столе. И оказалось, что это предмет одежды, абсолютно не тронутый временем. Гвеннан увидела длинный плащ, без капюшона, в отличие от тех, что всегда носила леди Лайл. У шеи проходила широкая лента, покрытая тонким узором. То, что было широко разбросано по остальной поверхности, здесь собиралось воедино, узоры переплелись и были почти неразделимы. Была и пряжка — её вес заставил воротник расстегнуться. Сереб-

ро, но не потемневшее. Гвеннан показалось, что этот металл похож на тот, из которого сделана её подвеска. Пряжка по форме напоминала глаз, удлинённый, в середине вставлен молочного цвета камень, он не блестел, а его непрозрачная поверхность была разделена зелёным вертикальным узким зрачком — очень похоже на кошачий глаз при ярком свете лампы.

Гвеннан осторожно отступила. Брошь приковала к себе всё её внимание, будто это действительно был глаз, действующий независимо от тела. Возможно, её неожиданное отступление как-то подействовало на плащ, потому что он соскользнул со стола и складками лёг на пол, где в тени уже невозможно было различить его узор. Только глаз остался открытым, он ярко блестел, и Гвеннан долго пришлось убеждать себя, что зрачок, оказавшись в тени, не расширился.

Она не хотела касаться этой вещи, но её любопытство поглотило растущее беспокойство; она была уверена, что к одежде Даггертов эта вещь не имеет отношения; старую одежду хранили только из бережливости. Нет, это что-то совсем иное, и она вообще не понимала, как этот плащ оказался среди тщательно сбережённых мисс Нессой обрывков.

Гвеннан неохотно наклонилась и подобрала плащ. На ощупь ткань была жёсткой и тяжёлой, но одежда оказалась гораздо легче, чем она ожидала, — Гвеннан легко подняла её с пола одной рукой.

Никакой ветер не мог ворваться в плотно закрытую кухню, но когда девушка подняла зелёную ткань, та заволновалась и прижалась к телу Гвеннан, прежде чем она успела отстраниться. И у неё просто не оказалось возможности предотвратить последующее. Руки двигались сами по себе, они набросили плащ на плечи, тот обхватил её тело, а стоячий воротник, такой жёсткий, что поцарапал ей подбородок, встал на место. И только исключительным усилием воли она не позволила рукам защёлкнуть брошь-глаз.

Зелёная ткань закрывала девушку от горла почти до пола; глядя вниз, она совсем не видела своё тело, один только плащ. И ткань не лежала на месте спокойно. Гвеннан шевельнула плечами, прочнее взялась за края и

попыталась сбросить плащ. И почувствовала сопротивление своим усилиям. Вспыхнувший страх заставил её удвоить усилия, и ей удалось-таки частично освободиться от того, что охватывало её, как сеть охватывает рыбу.

Она обещала себе, что не будет вспоминать вычитанные легенды, но тут ей невольно вспомнился отрывок древнего предания — о людях под холмами; в нём говорилось, что у этих людей есть свои жилища под землёй, и обычный человек мог иногда попасть туда, его приглашали на ночь, а, вернувшись, он обнаруживал, что прошли годы и все, кого он знал, давно умерли.

Гвеннан умудрилась стащить с себя плащ, хотя он упрямо цеплялся за неё, как будто внутренняя сторона отрастила корни и они вросли в её домашнюю одежду. Девушка снова разложила плащ на столе и осмотрела его подкладку — что же там цепляется?

Пальцы её скользнули по внутренней поверхности зеленоватой ткани, и она тут же отдёрнула их, облизывая царапину. Какая-то булавка? Нет, она наклонилась, но никакого металла не увидела. Внутренняя поверхность плаща...

Чешуйчатая шкура? Именно эти чешуйки и порезали ей палец.

Это действительно была шкура, очень тонкая, не толще ткани, и оставшиеся чешуйки разбросаны неправильным узором. Сама подкладка серебристо-серая, но чешуйки (они мельче бусинок) — серебряные с чёрными краями, и они перекрывали друг друга в тех местах, где сохранились.

Вохможно, от огня лампы или от её собственных действий с плащом от него начал исходить запах. Но не зловоние, которое она привыкла связывать с существами из другого мира. Запах был чистый и свежий, похожий на сосновый аромат или запах других хвойных деревьев. Гвеннан складывала ткань, а запах усиливался. Её любопытство вновь пробудилось, но решимость освободиться от всего, что не связано с её временем и местом, заставила Гвеннан продолжать свёртывать ткань, хотя та упрямо не желала складываться. Девушка старательно прижимала складки, но они упрямо распрямлялись.

Наконец, запыхавшись, чувствуя усиливающееся беспокойство, она отказалась от своего намерения. Брошь-

глаз лежала так, что словно продолжала наблюдать за ней. Гвеннан встала и оттолкнула плащ, который не желал складываться. Убрала остальные тряпки; оставив только зелёную ткань. Обнаружив подлинную природу этой ткани, она теперь дотрагивалась до неё с большой неохотой. Но ведь нельзя же оставить её лежать просто так.

В конце концов она предприняла ещё одну попытку навести порядок. К этому времени запах усилился, она почти видела, как он поднимался спиралями, подобно дымку. Гвеннан, как смогла, свернула плащ и сделала быструю вылазку в гостиную, держа лампу в одной руке, а плащ в другой. И бросила своё новое открытие в ту же комнату, где уже лежало то, с чем она не хотела больше иметь дела.

Вернувшись в кухню, она дважды вымыла руки, потому что запах, казалось, въелся в кожу. Ей даже пришлось воспользоваться чистящим порошком, и пальцы у неё покраснели и сморщились. Потом она принялась готовить чай, добавив в заварку несколько сухих листочков из пакета с травами, которые так старательно собирала мисс Несса. Эти травы должны успокоить её нервы, помочь заснуть...

Снаружи по-прежнему шуршал тихо падавший снег, но кухня выглядела точно так, как и в первый день её приезда в Уайтбридж. Гвеннан поближе поставила чашку чая, свернулась клубком на диване, укрывшись двумя одеялами, и потянулась к ближайшей книге. Её воля медленно выигрывала схватку. Гвеннан успокоилась, тревога и возбуждение недавних часов улеглись.

На третий день снег прекратился. Гвеннан, которой надоело заключение и которая боялась, что не сможет удержаться и зайдёт-таки в гостиную, с радостью услышала звуки работающего снегоочистителя. По крайней мере теперь можно будет добраться до Ньютонов; а может, свет и телефон снова свяжут их с цивилизацией.

Тепло одевшись, она вышла. При этом пришлось пробираться через, а лучше сказать сквозь сугроб, почти заваливший дверь. Двор показался ей странно незнакомым: ни одного куста, только кое-где снежные груды. Род Андерсон окликнул её с дороги, размахивая руками. Гвеннан помахала ему и по расчищенной дороге направилась

к Ньютонам. Там Пол лопатой расчищал тропинки. Снег перекрыл все рекорды за прошлые годы, как узнала она из батарейного радиоприёмника у Ньютонов. Приёмник передавал бюллетени и предупреждения на фоне постоянного треска.

— Город впал в спячку, как медведь, — объявил Пол, входя в дом. — Школу закрыли на неделю. Тебе нет смысла идти, Гвен. Никто не пойдёт сейчас в библиотеку, да её и не протопишь.

Вспомнив, как мёрзнут у неё руки и ноги в библиотеке, Гвеннан с готовностью согласилась с ним.

— Многие в городе заметили что-то странное, — сообщила Флоренс, наливая Полу кофе. — Говорят, прошлой ночью в небе видели какие-то огни. Может, самолёт сбился с курса. Диктор сказал, что как только прояснится, туда собираются направить вертолёт. Никакого ответа на сигналы, и никто не объявлял о крушении. Вообще с окрестных аэродромов никто не поднимался. Все закрыты из-за бури. Продолжают звонить повсюду: может, какой-то рейс исчез; но до сих пор ничего не выяснили.

— Огни?..

Флоренс кивнула в ответ на вопрос Гвеннан. «Красные... и, говорят, жёлтые. И большое возбуждение из-за того, что самолёты не пользуются жёлтыми сигналами — наши, по крайней мере».

Пол рассмеялся: «Опять НЛО. Ведь сейчас для них не сезон. Если у марсиан есть хоть капля здравого смысла, они будут держаться подальше от наших бурь. Они много лет летают в наших небесах и знают, чего можно ожидать от погоды. Может, северное сияние...»

Флоренс покачала головой. «Огни были маленькие, говорят. И не по всему небу. Ну, если это самолёт, и он упал, его неделями можно искать. А на севере опять собираются тучи. Говорят, снова будет буря. Гвен, — искренне сказала она, — поживи у нас. Если нас опять завалит, зачем тебе жить одной? Продуктов у нас достаточно. Ты ведь не греешь весь ваш старый амбар?»

— Я переселилась на кухню, — ответила Гвеннан. — Не знаю, Флоренс... — она испытывала сильное искушение. Не только потому, что впервые в жизни почувствовала себя в прошедшие три дня пленницей, но также потому, что

можно быть подальше от всех вещей, которые она хотела бы забыть. Здесь, у Ньютонов, она не будет испытывать искушения заглянуть в гостиную.

— Флоренс права, Гвен, — кивнул Пол. — Прихвати свои вещи и поживи хотя бы до завтра; ну, а если вторая буря не начнётся, всегда можешь вернуться домой.

— Ну, хорошо! — Гвеннан как будто боролась с неслышным приказом, которому не хотела повиноваться. Она так ценит свою независимость — это часть воспитания мисс Нессы. Но если действительно идёт новая буря, в предложении Ньютонов есть смысл.

Вторая буря началась, да с такой силой, что Гвеннан была рада обществу. Их как будто перенесло в новый ледниковый период. Она сидела в удобном кресле-качалке, держала на руках чёрную кошку Ньютонов Джустину, которая сразу признала её, и слушала вой ветра. В радиоприёмнике, который с начала бури занял место на столе, слышались на фоне постоянного треска искажённые голоса. Время от времени передавали просьбы о помощи: кто-то застрял в снегу, заболел или оказался без достаточного запаса продуктов.

Однажды Пол остановился, слушая один из таких призывов, по-прежнему держа в руках охапку дров.

— Ужасная буря, — сказал он. — Я вспомнил статью в одном журнале. Я тебе о ней рассказывал, Флоренс. Парень там говорит, что мир подходит к концу: полюса меняются, и от этого приливные волны, землетрясения и всё такое. И зимы у нас холодные, каждая следующая хуже предыдущей. Может, северный полюс как раз сейчас идёт к нам.

Флоренс рассмеялась. «Конец мира? С детства слышу такие разговоры. Была какая-то церковь, её сторонники верили в конец мира, продали все вещи, оделись в белое и отправились на вершины холмов, якобы оттуда легче попасть на небо. Мама всегда говорила, что будущего никто не знает и нечего о нём беспокоиться. Все беспокойства мира его не изменят.

Если сюда идёт северный полюс, не думаю, чтобы кто-то мог подойти и сказать «Стой!» — и он остановится. Мир давно уже неспокоен. Землетрясения всегда были — посмотрите на Калифорнию. Моя племянница Марджи

пережила два. У неё все чашки на кухне побились. Даже две красивые старые тарелки, которые бабушка Хеншо завещала ей. И ещё вулкан на западе несколько лет назад. Многое происходит, но мир ещё не кончился».

Мир подходит к концу — Гвеннан не смотрит на стол в кухне Ньютонов. Она висит в пространстве над морем, полным горящих островов, от воды поднимается пар, на берег обрушиваются огромные волны, земля раскалывается и извергает огонь... она видит смерть...

— Гвен! Гвен! Что с тобой, девочка?

Мир умирает, и она ничего не может сделать, никак не может остановить...

— Гвен! Ты больна?

Её всю трясёт. Картина исчезла, огонь земли покрылся пеплом, волны разнесли этот пепел. Над ней наклонилась Флоренс, лицо её полно заботы. Не успев подумать, Гвеннан сказала: «Это уже было... когда-то...»

— Что случилось, Гвен? Ты потеряла сознание? Ты ужасно бледна. Тебе больно? — руки Флоренс лежали на плечах девушки: она боялась, что Гвеннан упадёт со стула.

— Конец мира, — Гвеннан была всё ещё ошеломлена ужасным зрелищем, увиденным в зеркале. — Приливные волны... и вулканы... земля... всё погибло, — она мигнула. К ней быстро возвращался здравый смысл. — Наверно, я слишком много читаю, Флоренс. Я читала книгу... — она попыталась быстро сочинить правдоподобное объяснение, чтобы соседи поверили. — В ней описывается теория— что мир прошёл через серию катастроф, убивавших почти всё живое, и после них всё начиналось сначала. Автор пишет очень красочно, кажется, что своими глазами видишь, как это поисходит.

— Ты имеешь в виду потоп и всё такое — в Библии, — Флоренс кивнула. — Да, Пол говорил, что в той статье в журнале было ещё много всякого. Что у всех народов земли есть предания о великом потопе, после которого спаслось очень немного. Эти племена никогда не слыхали о Библии. Как будто у всех одно и то же. Но этот писатель, о котором ты говоришь, Гвен, должно быть, он здорово написал. Ты как будто во всё это поверила...

— Мисс Несса всегда говорила, что у меня слишком сильное воображение, — Гвеннан старалась загладить

свою ошибку. —Когда я читаю, оно иногда меня совсем уносит. Не думаю, чтобы когда-нибудь узнали, что было на самом деле.

Пол сложил дрова в ящик и потряс приёмник, как будто это могло уменьшить статические разряды.

— На этот раз, вероятнее, какой-нибудь придурок сбросит бомбу. Вот уж это будет конец, — заметил он. — Мы все в эти дни живём на краю пропасти. Кажется, все понимают, что война никому не принесёт выгоды; у тех, кто выживет с обеих строн, просто нечего будет брать, — он сел и вытащил трубку. — И у нас не больше возможности остановить бомбу, чем большие волны, или вулкан, или землетрясения. Мы не такие сильные, как многие думают.

Флоренс плотнее запахнула свой свитер. «Как ужасно ты говоришь, Пол. Может, лучше сыграем в монополию? Она поможет нам отвлечься».

Да, отвлечься. В её снах было сказано: на этот раз не природа, а сам человек угрожает своему существованию. Гвеннан впилась пальцами в ладони. Сам человек — и кто в состоянии остановить его?

Глава 13

Казалось, оправдывались самые пессимистические прогнозы погоды на следующие недели. Кратковременную оттепель, во время которой Уайтбридж возобновил нормальную зимнюю жизнь, снова сменили бури и свирепые северные ветры. Несколько недель подряд Гвеннан бывала в библиотеке только раз или два в неделю. Но когда она открывала, посетителей набиралось много: во время долгих зимних вечеров город обращался к книгам.

Джим Пайрон всё ещё рылся в бумагах Кроудеров и время от времени рассказывал Гвеннан о своих новых открытиях. Именно он принёс новость, которую она, скорее, не хотела бы слышать: новость возбудила в ней мысли, казалось бы, давно уже забытые.

— Молодой Лайл вчера вечером был у Гренстона, — сообщил Пайрон. — Я считал, что у Лайлов свои запасы, но он закупал продукты. Мне кажется, это был предлог. Ему нужно было кое-что другое...

— Да? — она понимала, что голос её звучит холодно и

высокомерно, но Гвеннан не желала ничего даже слышать о Лайлах.

— Он... Гвен, может, ему казалось, что он очень хитёр, но я думаю, он просто хотел узнать, что вы делаете. Прямых вопросов не задавал, всё ходил вокруг да около.

— И что же ему сказали? — резко спросила она.

— Кто-то упомянул, что вы проводите непогожие дни у Ньютонов. Это вполне разумно. Знаете, Гвен, что-то в нём есть, в этом парне. Ему что-то нужно, очень нужно. Вы ведь дружили с леди перед её отъездом? Может, он считает, что она вам что-то рассказала... что-то, что ему нужно знать...

Гвеннан вспомнила последнее письмо. Она могла бы прочесть его наизусть и всегда сможет — она в этом уверена. Письмо и подвеска. Тору Лайлу нужна подвеска. Может быть, если отдать ему амулет, она избавится от всяких контактов с Лайлами. Это единственный выход. Но, даже думая об этом, она поняла, что не отдаст.

— Мне нечего ему сказать, — ответила она. — А он считает, что есть?

То, что Тор Лайл следит за ней, вызвало у неё новый прилив тревоги. А она считала, что избавилась от неё.

Нет! Она не собирается снова связываться с Лайлами, с этими дикими снами и галлюцинациями, которыми они, кажется, могут управлять.

— Дело не в том, что он говорит, — девушка поняла, что Джим внимательно наблюдает за ней. Это ей тоже не понравилось. — Но он что-то разнюхивает. Ему это ничего не даст. В городе его не любят. Высокомерный тип, хотя сейчас старается казаться дружелюбным. Но он слишком нетерпелив, я бы сказал, и время от времени срывается. Будьте осторожны, Гвен. У Лайлов особое положение в городе. Всегда такое было.

Никто из них ни на кого не давил. С другой стороны, никто не станет отрицать, что у них — большое влияние, если они захотят пустить его в ход. Но по большей части они держатся на расстоянии, из бумаг Кроудеров это совершенно ясно. Как будто они живут одной жизнью, а город — другой. Отдалённые знакомые, можно сказать. Этот Тор Лайл — нечто новое... слишком уж он старается. И что-то такое есть в нём, словно...

— Словно он про себя смеётся, — не раздумывая, продолжила Гвеннан и тут же пожалела, что сказала это.

— Значит, вы с ним встречались! Гвен, осторожней. Я рад, что вы живёте с Ньютонами. На своём краю города вы слишком одиноки.

— Чего мне бояться Тора Лайла? — спросила она, гордо вскинув подбородок.

Джим Пайрон перевёл взгляд на две старых гроссбуха, которые отобрал сегодня. «Может, и нечего, — медленно ответил он. — Просто этот парень... он странный, даже для Лайлов. Может, скоро исчезнет. Лайлы редко проводят здесь зиму. Ну, по крайней мере, — он рассмеялся, — погода избавила нас от дьявола, стало слишком холодно для его сатанинского величества... или его эмиссаров. Больше нет убитых цыплят или дурного запаха. Буря нам помогла. Вам ведь пора закрывать? Пол подвезёт вас домой?»

Она кивнула, обрадовавшись перемене темы. Но говорить о дьяволах и тому подобном не собиралась. Снова воспоминания, о которых она хотела бы забыть. Перед глазами мелькнули чудовища, которые сопровождали другое воплощение Тора в мире с зелёным светом, а может, отвечали на его призыв и в этом. Насколько он ответственен за появление их ночью на лугу? Почему такое существо охотилось за ней? По приказу Тора?

День Благодарения она провела у Ньютонов. Очевидно, предположение Джима Пайрона о том, что Тор Лайл покинет город, подтвердилось, потому что последнего из Лайлов снова никто не видел. Гвеннан надеялась, что он действительно исчез по обычаям своего семейства, чтобы провести остаток зимы в более тёплом климате.

Начался декабрь, и, как ни странно, погода стала мягче. Гвеннан вернулась домой и следовала обычному многолетнему распорядку жизни. Она только раз заглянула в гостиную, забрав оттуда книги и отнеся их в библиотеку, твердо решив вернуть их через межбиблиотечную систему. Свои выписки в большом конверте она оставила лежать на большом стуле, очень неудобном; на спинку этого же стула бросила плащ.

В холодной комнате запах плаща не рассеялся, а стал даже сильней. Необычная ткань постоянно испускала запах, словно распустившийся цветок. И первое впечатление, что это не ткань, а шкура некогда живого существа, только усилилось.

Гвеннан постоянно испытывала искушение вынести

плащ из гостиной и внимательней осмотреть его. Но у неё хватило силы воли не поддаться этому искушению. Она упрямо придерживалась распорядка дня, установленного ещё мисс Нессой.

В доме её тетки Рождество никогда не было особенно весёлым. Вероятно, сказывалось старинное новоанглийское представление, что это папистский праздник и его вообще отмечать не нужно. Это мнение разделяли все Даггерты, и оно дошло до поколения мисс Нессы. Гвеннан купила несколько открыток и, разложив их на столе, подумала, как мало людей она действительно знает, даже в этом городке, в котором прожила почти всю свою жизнь.

Она старательно написала по открытке семейству каждого члена попечительского совета, одну адресовала мисс Грэхэм и её матери, не забыла Ньютонов. Запечатав конверты и наклеив марки, оно отложила стопку в сторону. Несколько рождественских подарков — Грэхэмам, Ньютонам — она благоразумно выбрала по каталогам задолго до непогоды, так что недавний перерыв в почтовом сообщении на них не отразился. Осмотрела свои приготовления к празднику и впервые подумала, как они жалки.

Конечно, будет ещё печенье. Мисс Несса считала его обязательным. Пирожки она отнесёт Ньютонам на рождественский обед, и потом нужно будет испечь печенье, которое она будет держать в библиотеке всю рождественскую неделю.

Хотя она и не такая искусная повариха, как большинство жительниц города, Гвеннан смогла неплохо с этим справиться — сказывалась школа мисс Нессы. Конечно, никаких украшений для дома у неё не было, но в библиотеке она расставила зелёные растения, а класс мисс Грэхэм прислал Санта Клаусов и другие свои поделки, и она их разместила как могла лучше.

День зимнего солнцестояния...

Гвеннан стояла у стола, на котором расставила посуду, формы для печенья, все необходимые продукты, которые с таким усилием собирала в предыдущие недели.

День зимнего солнцестояния...

Значение этого дня она неожиданно ощутила всем сознанием. Как будто ей нанесли сильный удар. Девушка схватилась руками за голову, склонилась над столом. Нет! Она не хочет! Они ничем не обязана леди Лайл... Воспоминания охватили её, она ощутила холодный страх.

День зимнего солнцестояния...

Она ничего не обещала. Никогда! Её нельзя заставить это сделать, ведь она не обещала. Она ничего не просила у леди Лайл, ничего не ждала от неё, она хочет только, чтобы её оставили в покое.

День зимнего солнцестояния...

Гвеннан боролась отчаянно, но знала, что у неё нет никаких шансов на победу. Она была так уверена, что избавилась от принуждения, что она больше не орудие Лайлов. И вот поняла, как тщетны были её попытки соорудить стены и преграды, что ей дали только тень свободы, как кошка позволяет мыши немного побегать, прежде чем снова схватит её лапой. Она не свободна — она поймана.

Гвеннан опустилась на ближайший стул. Она никогда не плакала. Ещё ребёнком она встречала боль и разочарования со сжатыми губами и внутренней решимостью не плакать. Но теперь она чувствовала, как глаза её наполняются слезами, она совершенно не справлялась со своими чувствами. На ней стоит метка, она такая же слуга Лайлов, как их смуглолицая прислуга, которую она видела во время своих немногих посещений дома. Оборотная сторона всех чудес этого дома — рабство, потому что именно в рабстве Лайлы держали тех, от кого требовали службы.

Она боролась, напрягала всю свою волю и решимость. Гвеннан заставила себя встать, она даже не пыталась стереть слёзы — пусть текут. Она может и будет бороться. Руки её шевельнулись, сначала неуверенно, потом всё с большей решимостью. Она отмеряла, перемешивала, вырезала тесто с помощью старого набора жестяных форм, которые отыскала в шкафу во время уборки. Ставила печенье на противнях в печь, доставала, золотистое и рассыпчатое под слоем красного и зелёного сахара, — и всё время боролась, пыталась вырваться на свободу.

Но, насыпая печенье в подготовленные расписные коробки, девушка уже знала, что проиграла битву. Завтра утром она должна будет сделать то, о чём просила её в письме леди Лайл. Она снова будет участвовать в игре Лайлов, и спасения от этого нет.

Вечером она рано легла и завела будильник онемевшими пальцами. Перед этим сходила в гостиную и взяла оттуда плащ и конверт с подвеской. Взглянув на подвеску, она увидела, что циферблат ожил — видны были оба ряда

символов: большие и маленькие, тускло светился треугольный указатель. Она предпочла бы открыть окно и выбросить эту вещь в ближайший сугроб; но вместо этого надела цепь себе на шею. Тёплый металл удобно лёг во впадину меж грудей.

Гвеннан ждала, что ночью её будут преследовать сны, и боялась этого. Но спала она крепко и спокойно. Проснулась до звонка будильника, сразу и окончательно, будто кто-то позвал её. Методично оделась в самое тёплое платье, не стала ни есть, ни пить.

Взяла плащ и на крыльце под тускневшим светом звёзд набросила его. Снова он окутал её — с готовностью, если так можно сказать о куске ткани (и если это вообще ткань), обернулся вокруг неё, будто только ей и предназначено было носить его. Запах стал ещё сильнее. Какой-то весенний запах, предвещающий пробуждение земли к новой жизни.

Дорога была расчищена только частично. Никаких следов, никто не проходил от дома Лайлов. Стена — белая насыпь, слегка горбатая. Небо над головой серое, безоблачное — будет ясный день.

Ясный день, и солнце встаёт. День зимнего солнцестояния. К этому дню льнут тёмные тени. Очень много мыслей теснилось в голове Гвеннан. Это самый короткий день в году, и люди должны заманить солнце, вернуть его, чтобы оно служило миру. Иногда это делали при помощи жертвоприношений. Кровь проливалась на снег, когда люди, утратившие все прежние знания, старались вернуть на землю природное тепло, вернуть жизнь.

Снег не лип к краям её плаща. Больше того, казалось, что полы плаща раздвигают сугробы, через которые приходилось пробираться Гвеннан. Вскоре она оказалась у стены, много раз перелезала она через неё. Девушка, помогая себе руками, перебралась через снежный бугор.

Голые чёрные деревья на краю леса резко выделялись на белом снежном фоне. Перебравшись через стену, Гвеннан остановилась и посмотрела в ту сторону. Деревья росли густо, и даже без листвы казалось, что под ними лежит густая тень, что это чьё-то укрытие... чье? Она не знала, только сама эта мысль ей не понравилась.

Она побрела по колено в снегу, держась подальше от деревьев. Вот насыпь и камни. Хотя у них и широкие плоские вершины, снег на них совсем не держится, да и у

насыпи не было сугробов, как она обнаружила, когда начала подниматься. Вероятно, ветер постоянно обдувает холм и уносит снег.

Света было достаточно, чтобы она увидела крышу дома. Одинокий столб дыма поднимался с неё в неподвижный воздух — единственный видимый признак жизни. В лесу же было абсолютно тихо.

Гвеннан остановилась между двумя меньшими камнями, третий возвышался прямо перед ней. Сунув руку под плащ, она расстегнула молнию на куртке и достала подвеску. Циферблат ярко светился, тепло его хорошо чувствовалось рукой даже сквозь перчатку.

Она подняла диск циферблатом наружу навстречу светлым полосам на небе. Вставало солнце.

И в этот момент абсолютная тишина мира была нарушена. Рог — далёкий, слабый, призыв, который некогда мог созывать верующих в храм. Он звенел гордо, требовательно...

Гвеннан вздрогнула, посмотрела на лес внизу, почти ожидая увидеть, как что-то... кто-то выходит из него в ответ на призыв. Но там ничего не двигалось. И тут с циферблата устремился вперёд луч света. Золотая спираль нацелилась на середину высокого камня.

Встретившись с его поверхностью, спираль скользнула вверх. Знаки, которые, как она инстинктивно знала, всегда были здесь, немедленно ожили. Никаких следов выветривания. Она почувствовала, как у неё что-то вытягивают из сознания... она этого не может помнить... но...

— Фал, фал, яква, транк...

Аспекс сим, донтпекс...

Эти слова пришли к ней ниоткуда. Световая спираль извивалась в такт с ними. Гвеннан знала!

— Сила, Сила, надели меня твоей щедростью...

Открой истинную кровь... разбей замки...

В ответ луч с циферблата охватил весь камень, он стремился то вверх, то вниз, к погружённому в землю широкому основанию.

И камень, который казался столь прочно вкопанным, шевельнулся и начал постепенно отклоняться от неё. Он двигался медленно, неохотно, но было ясно, что он не может сопротивляться вынуждающей его силе.

Гвеннан произносила слова, точнее, звуки, необходимые именно в этом месте и именно в это время, и в этих звуках содержалась сила, равной которой никогда не владел человек. И столб отвечал на них.

Камень почти лёг набок. А на том месте, где он стоял, в земле показалось тёмное отверстие. Гвеннан опустила руку. Теперь свет падал в глубокий туманный колодец, а не на камень, так долго скрывавший его.

Девушка увидела ступеньку, за ней другую...

Поплотнее запахнувшись в плащ, она начала осторожно спускаться, продолжая произносить странные ритмические звуки; и не её сознание вкладывало эти слова в уста девушки.

Каменные стены вокруг неё были выточены так же грубо, как и камни наверху, и явно не предпринималось никаких попыток сгладить их. Пахло влажной землёй, но запах её плаща освежал затхлый воздух. Гвеннан спускалась по бесконечной лестнице, при свете циферблата видны были только ступеньки и каменные стены вокруг.

Сквозь своё пение она услышала скрежет. Вздрогнула и оглянулась; и в этот момент Гвеннан подумала, какую глупость совершила, войдя в отверстие. Полоса неба, видная ей снизу, быстро сужалась. Камень, поклонившийся солнцу и позволивший ей войти, снова вставал на место. Прежде чем она успеет вернуться, он преградит ей выход.

Гвеннан попыталась разорвать удерживавшее её принуждение — но слишком поздно. Камень возвращался на своё место гораздо быстрее, чем уходил.

Лестница вела дальше вниз. Гвеннан заметила, что сохранилась она не очень хорошо. На стенах тут и там зияли трещины, одна была достаточно велика, чтобы девушка смогла просунуть в неё руку. Некоторые ступеньки разбиты. В одном месте ей пришлось пробираться по самому краю, потому что в середине обвалились подряд четыре или пять ступеней.

Постепенно она начала осознавать присутствие другого света: её глаза были слишком настроены на освещение циферблата. Но впереди, с одной стороны, тьма начала рассеиваться. Гвеннан достигла последней ступени и оказалась перед грубо высеченной в стене аркой. За ней царили сумерки как в облачный, бурный день. Она увидела

зал или туннель, освещение исходило от грязных квадратов кварца, на равных интервалах вделанных в стены. Похоже на внутренние переходы тюрьмы, и она вспомнила о подземной темнице под храмом во времена Орты. Но здесь посветлее.

Туннель не очень длинный, и закончился он ещё одной дверью. Но эта дверь была прочно закрыта, поперёк её лежал тёмный деревянный брус, и никаких следов запора или петель. Тут ей не пройти. Она вспомнила камень, закрывший выход, и испугалась.

Затем в каком-то неясном порыве подняла диск подвески и направила луч по очереди на четыре угла двери — так ножом открывают консервную банку. Там, куда падал луч, пробегала щель, поднимался дымок. Дважды ещё провела она лучом, углубляя трещины.

Потом громко выкрикнула те же слова, что возникли у неё в голове наверху. В тусклом проходе голос её усилился, прозвучал решительно, даже не похоже на человеческий.

Послышался громкий треск. Преграда, которую освещал луч, упала внутрь, и оттуда ударил яркий свет, поглотивший луч подвески. Гвеннан ощутила резкий запах, отчасти пряный, отчасти каких-то химикалий.

Девушка вошла в огромный зал, заполненный странными вещами, так что она не знала, на что смотреть. Цвет боролся с цветом, и всё ярко сверкало. В воздухе плясали огненные лучи и, на мгновение останавливаясь, обвивали тот или другой предмет, как будто привлекая её внимание. Она была ошеломлена, у неё закружилась голова, она стояла, мигая, пока не потёрла глаза обратной стороной ладони в перчатке. Слишком много всего вокруг, груды вещей, никакого порядка, всё сброшено вместе. И по обе стороны, сколько Гвеннан ни смотрела, не видно стен.

Сокровищница, склад. Статуи, похожие на те, что стоят в нишах дома Лайлов, но необычная красота их теряется, потому что они кучей свалены друг на друга. Какие-то предметы, возможно, машины, металл, рычаги, колёса — всё нагромождено в полном беспорядке. Груды ящиков, коробок, сундуков с плотно пригнанными крышками. Богатства целой цивилизации свалили здесь и больше к ним не прикасались.

Гвеннан наконец заметила, что перед ней открывается извивающаяся тропа или проход, окружённый грудами предметов выше её головы. Если она захочет пойти даль-

ше, придётся двигаться по нему. Проход шёл не прямо, он огибал самые большие машины. Она прошла совсем немного, оглянулась и входа уже не увидела.

Свет циферблата погас. Вероятно, не мог соперничать со световыми столбами, скрещивавшимися над её головой. Эти движущиеся, сплетающиеся ленты света, казалось, не исходили ни из какого источника.

Время от времени один из них плыл справа или слева от неё, потом окутывал какой-нибудь предмет, будто привлекал её внимание. Но она не останавливалась, чтобы осмотреть эти предметы. И чем дальше шла, чем больше душило её накопленное тут богатство. Она могла восхищаться сокровищами в доме Лайлов, но здесь их хранилось огромное количество, они угрожали поглотить её, эти богатства, неведомые человечеству.

Тропа продолжала извиваться. По-прежнему Гвеннан не видела стен. Такой же странный сон, как и предыдущие. Она хочет выйти, увидеть камни, землю, которая ей знакома. Огибая ящик, полный ожерелий, усаженных драгоценностями, Гвеннан краем плаща задела одно, и оно со звоном упало на пол. Девушка вздрогнула и в страхе огляделась.

Но если у этого места и были какие-то охранники, они не появлялись. Гвеннан не хотела этих сокровищ. Её единственное желание — свобода.

А тропа продолжала бесконечно извиваться, и девушка уже подумала, что ходит по кругу. Возможно, это специально устроенный лабиринт, чтобы сбить с толку пришельца. Но так она никогда не доберётся до конца.

Впереди в воздухе повисли две световые ленты. Одна тёмно-зелёная, цвета её плаща, другая золотая. Как только она их заметила, полосы поплыли, танцуя друг вокруг друга. По-прежнему зависая над тропой, ленты начинали отодвигаться, как только она приближалась. Может, это проводники?

Глава 14

Вслед за двумя переплетавшимися лучами Гвеннан ступила на вторую извилистую тропу, под острым углом отходившую от первой. И вскоре оказалась перед стеной, совершенно закрытой грудами сокровищ. Её становилось

видно, если только окажешься совсем рядом. В стене — дверь. При появлении Гвеннан дверь неслышно ушла вверх, и перед девушкой оказался вход в другую комнату, гораздо меньшую.

Она тоже не пустовала, но тут всё-таки было больше порядка. Мебель тщательно расставлена, а не сброшена грудами без всякой последовательности. На равных расстояниях стояли столы — обеденные или письменные, Гвеннан не могла решить. Перед каждым сидения. Стена же слева была не из голого камня, как все предыдущие, а представляла собой ровную гладкую поверхность, напоминавшую зеркало или стеклянную пластину, хотя в ней ничего и не отражалось. Прямо напротив этой стены возвышалось одно-единственное сидение, обособленное от всех остальных и совершенно другое по форме.

Гвеннан вздрогнула. Она сразу догадалась, что это такое. Перед ней треугольное сидение пророчицы. Но ведь она не Орта, она не может призвать...

Но собственное тело больше не подчинялось ей. С внутренним криком протеста она направилась прямо к сидению. Напряжённо, неохотно, борясь с собственным телом, села.

Ну, хорошо, она сидит на месте пророчицы, но это не значит, что она собирается играть её роль. Она шевельнулась, решила встать и уйти...

Стена-зеркало затуманилось. Гвеннан увидела, как вся её поверхность затянулась паром или дымом.

Она приподняла руки и попыталась закрыть глаза, забыв на мгновение, что держит в руках подвеску. Вперёд устремился яркий свет циферблата, но, не коснувшись поверхности стены, растворился, стал дымкой над поверхностью, затем проник внутрь, и поверхность изменилась, на ней появилось изображение.

На поверхности обрисовался квадрат высотой с Гвеннан. Как будто она — школьница перед доской, и должна получить необходимый урок. Появились резко выделявшиеся символы. Гвеннан узнала воспроизведение того самого гороскопа, на котором стояла дата её рождения. Но как он мог оказаться здесь? Она хотела бы знать больше (или не знать вообще ничего, оставаться неведающей и свободной). Но она уже поняла, что не может ни закрыть глаза, ни отвести взгляд.

Голова заболела, туда будто кто-то вломился, и теперь

всё осматривает. Гвеннан осела на трёхногом сидении и застонала: отчасти от боли — убирался барьер, который для всех людей так давно был закрыт; отчасти от страха перед тем, что она может увидеть за этим барьером.

Перед ней светился ключ жизни — её жизни. Звёзды идут своими курсами, и звёздное колесо медленно поворачивается — очень медленно, незаметно для короткоживущих людей. Но оно поворачивается. И за много тысяч лет, за невообразимый промежуток времени совершает полный оборот. И вот её жизнь — она была тогда, она повторяется снова.

Никакого сна об Орте не было, она на самом деле была Ортой — и многими другими. И из каждой жизни брала дополнительный фрагмент Силы, и каждая частица больше, чем способны представить себе человеческие чувства. Теперь совершён полный оборот, она снова должна видеть, действовать, а возможностей у неё меньше, чем у Орты, потому что за прошедшее время столько забылось...

Слёзы боли, утраты (Гвеннан знала, что окончательно потеряла свою привычную безопасную жизнь) потекли по её щекам, капали с подбородка на жёсткий воротник плаща.

В зеркале, на которое она должна смотреть, происходили изменения. Она опять видела умирающий мир, видела, как выжившие опускаются до уровня безмозглых животных. Нет, ниже животных, потому что в безумии творят с подобными себе то, что животные никогда не делают даже с добычей. Она видела, как продолжается поток смерти. Время от времени рождается мужчина или женщина, унаследовавшие черты древней расы. Эти люди осторожны, скрытны, незаметны, они стараются учить, отыскивать среди звероподобных таких, кого ещё можно пробудить.

Некоторые из них, несмотря на свой отказ, провозглашаются богами и богинями. Другие отрекаются от своей цели, принимают поклонение, используют власть в своих собственных целях. Некоторые умирают, другие устают и исчезают. Но всё время работают и почти всё время терпят неудачи. Одно-два поколения они могут поднимать, учить, вести. Но потом мужчины и женщины, достигнув определённого пункта, отказываются идти дальше.

Следуют войны, убийства, эпидемии, полученные зна-

ния используются с недобрыми целями; а потом осторожный подъём, снова всё сначала.

Опекуны — так эти пришельцы из прошлого называли себя. С течением времени их число уменьшалось. У них рождалось слишком мало детей, лишь немногие из них способны к деторождению. Некоторые, изолированные среди тех, кого учили, брали себе пару. И всё равно мало, очень мало детей со смешанной кровью. В немногих таких отпрысках древняя кровь оказывалась сильна. И они становились учителями, вели свою работу тайно, приспосабливались ко времени и месту своей жизни, использовали своё невидимое влияние. Другие — в других бурлила не только древняя кровь, но и Тьма. Они искали власти, чтобы удовлетворить свою гордость и жадность. Среди них встречались великие завоеватели, предводители другого рода — они уничтожали всё так тщательно возведённое.

И никогда не кончалась эта длительная битва — небольшая победа, потом за долгие годы она забывалась, улетала, как бесформенные пыль и пепел. Казалось, что безумие правило миром, и никогда не вернутся свет и разум.

Гвеннан смотрела, как проходили столетия. Начинались события, о которых она читала, но как далеки были её знания от того, что показывало ей зеркало. Факты сознательно искажались, превращались в галлюцинации, потому что ещё со времени первых выживших в людях царил какой-то неискоренимый недостаток.

И вдруг неожиданно всё изменилось, как по чьей-то воле (собственная воля Гвеннан не имела к этому отношения, она была пассивной зрительницей, не способной вмешаться). Теперь перед ней изображалась не широкая панорама, когда внимание сосредоточивается то на одном, то на другом, когда демонстрируются события, изменяющие ход истории на целые столетия. Гвеннан увидела одного опекуна, женщину, и, несмотря на незнакомую одежду и усталый вид, она узнала эту женщину.

Эти леди Лайл, но она так истощена и измучена, какой девушка её никогда не видела. Она двигалась медленно, с трудом, как будто с каждым шагом уходила жизнь, вытекала кровь из смертельной раны. Гвеннан видела комнату с голубым освещением. Вдоль её центра тянулось возвышение, а на нём стояли хрустальные ящики, похожие на гробы.

Те, что стояли ближе к двери, через которую вошла

женщина, просвечивали, хотя среди них не было ни одного совершенно прозрачного. Стены ближайших двух были довольно затуманены, но позволяли видеть содержимое. В одном лежал мужчина, в другом — женщина. Оба тела застыли и покрыты инеем, глаза их закрыты, никаких признаков дыхания, жизни. Чем дальше гробы от входа, тем менее они прозрачны, а в самом конце они как будто вырублены их мрамора, а не хрусталя, и их обитатели совершенно не видны.

Вошедшая женщина держалась рукой за край незанятого гроба. Спина её была согнута, лицо истощено, на нём читалась крайняя усталость, сквозь плоть ясно проступали кости. Другой рукой она расстёгивала платье, чёрное, длинное, с широким белым воротником. Она тянула и дёргала его, пока платье не упало к её ногам. Потом сбросила желтоватое бельё. Надела на голову плотно прилегающую шапку-шлем, который почти полностью закрыл её седые волосы, только локоны падали на костлявые плечи женщины. Женщина очень стара, тело её похоже на ходячий скелет, было хорошо видно, что она держится из последних сил.

Оставив одежду на полу, женщина, как показалось Гвеннан, с огромным усилием подняла крышку ждавшего гроба и забралась внутрь. На лице её появилось облегчение, радость, она приветствовала смерть...

Легла, и крышка сама собой медленно опустилась. Глаза женщины уже закрыты. Гвеннан не видела никаких следов дыхания.

Но хотя погребение завершено, картина не исчезла. Какой-то внутренний голос, которого, впрочем, Гвеннан не слышала, привлёк ее внимание к белому гробу в дальнем конце линии. Опускание крышки гроба женщины как будто послужило сигналом. На поверхности дальнего гроба появилась щель. От него начали отпадать и рассыпаться в порошок куски нароста. Крышка дрогнула, разрывая накопившийся за столетия осадок.

Гвеннан еще не видела, кто там внутри; однако вдоль края гроба что-то мелькнуло, показались пальцы, рука уцепилась за край. Медленно, напряжённо в гробу сел человек. В ближайший гроб вошла и легла отдыхать женщина, но из дальнего поднялся мужчина; он долго сидел, будто набирался сил, перед тем как встать. Молодой человек, с великолепно развитой мускулатурой, он широ-

ко развёл руки, потянулся. Потом встал и сделал шаг вперёд.

Вначале у Гвеннан перехватило дыхание — Тор? Но тут он посмотрел ей прямо в лицо, начал упражняться, нагибаться, потягиваться, возвращая тело к жизни. Те же яркие золотые волосы, почти те же черты лица, что у Тора Лайла, но это был другой человек, хотя, вероятно, близкий родственник.

Проходя вдоль линии гробов, он вначале спотыкался, но с каждым шагом движения его становились всё увереннее. Он подошёл к нише в стене и достал оттуда бутылочку радужно-яркого стекла. Отлив немного из неё в такую же чашку, выпил её одним глотком. Не обращая внимания на гробы, прошёл вдоль них дальше, пока не оказался возле груды сброшенной женщиной одежды. Тут он остановился, подобрал и встряхнул одежду. Из складок выпал какой-то предмет, который человек нетерпеливо схватил. Держа находку в одной руке, он свернул одежду и сунул её в другую нишу в стене; там одежда лежала грудой несколько мгновений, потом вспышка, и одежда исчезла.

Человек повернулся и вышел из комнаты, держа свою находку в руке. Зеркало тут же потускнело. Но Гвеннан всё поняла. Одни ли только Лайлы? Или есть и другие семейства, члены которых знают такое обновление, возрождение? А как же полукровки, результаты смешанных браков? Обновляются ли и они? Или их ждёт лишь нормальное рождение, лишение всех остатков памяти, всех следов Силы — каждый раз новое начало?

Девушка снова увидела свой гороскоп — поворот звёздного колеса. Как физическую тяжесть ощутила она уверенность, что обладает тем же потенциалом, что и Орта. Она устала, как та, другая леди Лайл, которая давным-давно легла отдыхать в гроб, а недавно сделала это вновь.

Гвеннан покачала головой. Лайлы не знают смерти. Они засыпают, чтобы снова возродиться, следуя жёстко заданному циклу. А что они делают сейчас? По-прежнему ли они учителя, тайные предводители? Неужели поворот звёздного колеса для неё означает новый цикл катастроф и гибели для них?

Катастрофа, на этот раз рождённая человеком, а не силами природы. Угроза новой войны, нависшая над миром после Хиросимы, показала, что человек способен вернуть старые знания, но прилагает их к собственному

уничтожению. Безумие охватывало многие поколения. Война — и затем полное уничтожение. Что же могут сделать эти спящие, даже если они все проснутся и разойдутся по миру? Смогут ли они предотвратить катастрофу? Не больше чем когда-то, когда не сумели предотвратить падение луны и гибель своего мира.

Гвеннан ощутила глубокий упадок духа, безнадёжность, по-своему такую же злую, как те чудовища, которых Гвеннан видела на равнине. Она взглянула на гороскоп и подумала, что это насмешка над ней. Что значит для неё поворот колеса? Она не опекун...

Её внимание резко отвлекла вспышка, ощущение горячего в руке. Подвеска! Циферблат пылал, в ярком сиянии больше не видны были символы, полосы света вращались с такой скоростью, что образовали сплошной огненный круг. Полукровка... не владеющая Силой... она попыталась отделаться от подвески.

Гвеннан дрожала, тело её раскачивалось на трёхногом сидении. В голове метались мысли, полуосознанные впечатления, боль становилась нестерпимой. Чёрная волна грозила поглотить её; Гвеннан утратила связь с внешним миром и упала — вперёд, во тьму.

Тьма и пустота — но что-то она должна отыскать, получить — и удержать. Она искатель и не может отказаться от своей участи, хотя страстно хочет, чтобы темнота и покой царили вечно.

На этот раз впереди не было никакой дороги, никаких ворот, открываемых знаками Силы. Если она и двигалась (она даже в этом не была уверена), то сквозь пустоту, где существовала только её крошечная сущность — и всё сокращалась, становилась ко всему равнодушной...

Гвеннан открыла глаза. Неужели тьма наступила только потому, что она от боли закрыла глаза? В её теле жила энергия, плоть её звенела, напрягалась; эту энергию она не смогла бы контролировать, даже если бы попыталась. Она больше не сидела на треножнике, но и не упала на пол рядом с ним. Она шла, и перед ней не было зеркала, не было сверкающей стены.

Она быстро шла по коридору, шла целеустремлённо. Стены коридора не из грубых камней. Она видела тщательно отполированные большие блоки странной формы, так

старательно подогнанные друг к другу, что не было заметно даже следа скрепляющего раствора.

Потолок нависал низко. Гвеннан легко могла бы, подняв руку, провести пальцами по образующим его плитам. Света не было, кроме того, что она несла с собой — светилась подвеска в её руке, также слабо светился плащ на её плечах. Она шла в свете... она... носитель...

Гвеннан подняла свободную руку, держа её над собой и немного впереди...

Голос. Нет, у неё нет такой Силы. Но с пальцев её срывались лучи света, бледные, далеко не такие яркие, как в храме Орты. Гвеннан помахала рукой, расставив пальцы. Ленты света лениво плыли, обвиваясь вокруг неё на ходу.

Она играла, как ребёнок, обретённой Силой, и отдельные кусочки знаний связывались друг с другом. Леи — древняя вера в них справедлива! Сквозь землю, как вены в теле, проходят энергетические линии. Человек когда-то знал об их существовании, извлекал из них энергию для лечения, для защиты, для благополучия мира. Но потом они были порваны, разошлись, и остались только легенды. Но они не умерли, они постепенно восстанавливались, перестраивались. Некогда разорванные линии тут и там соединялись, заново создавались каналы; они ещё не так сильны — слишком велика была катастрофа, — но всё время усиливаются.

Заново строились храмы (это делали опекуны и те, до сознания которых они сумели достучаться), грубые, некрасивые, но способные овладеть Силой, растить её. Утраченное знание, наполовину восстановленное знание, снова утраченное — эта картина повторялась снова и снова. Здесь некогда стоял великий храм, здесь есть Сила. Слабая по сравнению с той, что некогда являлась по призыву, но она здесь!

В старинные массивные стены, окружавшие её, местами вставлены синие камни, кое-где куски кварца. Кое-где попадались отверстия, иногда маленькие, вмещающие только палец, другие побольше — с руку. Гвеннан обходила их, потому что не знала, чего от них ждать. У неё другая задача, она её ещё не понимала полностью, но надеялась постепенно понять.

Снова перед Гвеннан возникла дверь, каменная, треу-

гольная, в форме клина, вершиной вниз. В самой широкой части чуть шире её плеч. Девушка надела цепь подвески на шею, прижала к себе полы плаща и положила ладони обеих рук на камень. Но даже не пыталась нажать, повернуть, просто стояла и ждала, пока соберётся Сила и устремится в камень. И Сила полилась. Скала, подобно губке, жадно поглощала её.

Послышался резкий скрежет. Гвеннан ощутила сопротивление своему желанию. Но не собиралась отступать. Камень поднимался. Теперь её руки были уже высоко подняты над головой. Она бросилась вперёд, хорошо сознавая опасность своего поступка. Камень упал на место. Но она успела проскочить.

Так она выбралась из места этой древней кладки. Вокруг опять стояли каменные стены, но похожие на стены обычного подвала. Вдоль стен шли ряды деревянных стеллажей, окутанные паутиной, серые от пыли. На них покоились покрытые пылью бутылки и кувшины. В подвале сумрачно, почти темно. Энергия, которая вывела её из подземелья, уходила. Гвеннан ощущала огромную слабость; она вспомнила Орту, которая всегда слабела после пророчеств.

Света, впрочем, было достаточно, чтобы увидеть впереди лестницу. Гвеннан обернулась, чтобы взглянуть на треугольную дверь. И ничего не увидела — только каменную стену. С этой стороны дверь не видна. Но в её мозгу, непонятно как, возникло знание: она знает, как открыть дверь извне. Надо пройти налево, нажать на тот камень, потянуть здесь вниз. Это не откроет дверь, нет, но она станет видна ищущему.

Но у Гвеннан не было желания возвращаться, её дорога лежала впереди. Она пересекла подвал, поднялась по деревянным ступеням, придерживаясь за грубые перила. Требовались всё большие и большие усилия, чтобы идти.

На верху лестницы ещё одна дверь, со старым железным засовом, какими пользовались двести лет назад. Девушка, собрав все силы, отодвинула его и оказалась в комнате с высоким потолком. Комната была ей знакома — это библиотека в доме Лайлов. Гвеннан нисколько не удивилась, что оказалась здесь.

В просторном камине голубым огнём горели дрова,

слышался сильный ароматный запах, такой же, какой исходил от огненного шара в тот вечер, когда в её доме впервые оказался талисман леди Лайл. Большой подсвечник блестел золотом и драгоценностями, передняя часть его представляла собой фигуру человека, воина с обнажённым мечом и в кольчуге, но без шлема; на голове его золотые кудри полускрыты странной формы короной, похожей на переплетённые рога оленя. На его свирепом лице вместо глаз сияли зелёные камни, в блеске каминного огня они казались живыми.

В подсвечнике горят пять красных свечей; перед ним другой подсвечник, в форме женской фигуры; тело женщины чуть прикрыто коротким платьем; ноги и большая часть груди обнажены. В ложбинке между грудями висела на цепи подвеска, та самая, которую держит в руке Гвеннан; на высоко поднятой голове женщины — корона в виде луны. В этом подсвечнике тоже пять свечей, но они синие, и их фитили горели бледным серебристым пламенем, сравнительно с ярким золотом огня красных свечей.

Оба подсвечника стояли на столе, прочном, лишённом всяких украшений. Его столешница — срез одного ствола, такого толстого, что это даже трудно себе представить. Дерево хорошо отполировано, видны годовые кольца — внутри цвета густого мёда, ближе к краю, к коре, коричневые.

Поверхность стола настолько отполирована, что в ней отражались оба подсвечника, но отражение разорвано и искажено тремя стоящими на столе предметами. Чаша, скорее кубок, глубокого красного цвета, с длинной хрустальной ножкой, восьмиугольной по форме. А перед кубком два скрещённых ножа или кинжала, с ручками из какого-то тусклого тёмного камня, одна в виде волчьей головы (а может, это смесь волка и человека, ужасное смешение одного существа с другим), с красными камнями вместо глаз.

Ручка другого ножа Гвеннан слишком хорошо знакома. Это существо с совиной головой, которое было в своре чудовищ. Оно из серого, грязного на вид камня. Глаза у него живые, красные.

Девушка смотрела на стол, и руки её неволно потянулись к подвеске. Ей показалось, что плащ сам по себе

шевельнулся, плотнее укрывая её. Потому что перед ней, яркая и сверкающая, лежала Тьма, древняя Тьма. Каким-то образом эти предметы оскверняли комнату, принося с собой зло.

Она не смела повернуться к ним спиной. Быстрый взгляд в сторону — и она увидела дверь, через которую всегда входила в это помещение. Эта дверь ведёт в прихожую, а оттуда совсем близко до входной двери — и свободы. Что-то в этом доме изменилось. Заново обострённые чувства девушки говорили ей, что под знакомым ароматом пряностей таится болезненно-сладкое зловоние разложения.

Следы Тора! Она не сомневалась в этом, будто была свидетельницей его заклинаний. Тор не дал проснуться очередному опекуну — вот чего нужно бояться. И он сильнее неё, хотя тоже полукровка. Его ученис далеко завело его по тропе знаний — добрых или злых. Он может смеяться над ней. Почему леди Лайл именно её противопоставила ему? Древняя линия, должно быть, почти исчезла, если она сделала такой отчаянный выбор.

Гвеннан двинулась, не отрывая взгляда от стола, прислушиваясь, уверенная, что Тор покинул эту комнату ненадолго, что он в любой момент может вернуться, чтобы продолжить свои заклинания, свои тайные обряды. Дойдя до двери, она вынуждена была на мгновение прислониться к широкой панели, чтобы собраться с силами.

Пальцы её легли на ручку, она собрала всю свою решимость. Раскрыв дверь, увидела прихожую.

Никого нет, но она ждала, прислушиваясь. Эти последние несколько шагов к свободе оказались самым трудным испытанием в её жизни. Она видела, как свет отразился в глазах дерева-женщины. Статуэтка следила за ней, другие тоже. Гвеннан вцепилась во входную дверь, открыла её и, тяжело дыша, как после долгого бега, вышла на неяркое солнце — должно быть, стояла середина дня.

Глава 15

Во дворе не было видно никаких попыток расчистить снег, и никаких следов, значит, из дома никто не выходил в последнее время. Гвеннон брела через сугробы, поминут-

но оглядываясь через плечо. Глубоко посаженные окна с мелкими стёклами казались слепыми, как глаза, из которых ушла жизнь.

Но ведь в очаге горел огонь, кто-то зажёг свечи. Теперь, когда на открытом воздухе страх немного рассеялся, девушка отчётливо ощутила, что в доме пусто. Слуги? Во время её предыдущих посещений они всегда, рано или поздно, появлялись, двигаясь неслышно и незаметно. Ей даже казалось, что они живут в каком-то своём тайном мире, из которого приходят по вызову главы этого дома.

Где они теперь? И Тор... Конечно, это Тор, новый хозяин, подготовил тот стол-алтарь. Но она его не видела. Однако дом велик, она даже не знает насколько, в нём ещё много комнат, за теми, в которых она бывала. И всё же... там так тихо.

Гвеннан пришлось перебраться через два глубоких сугроба, чтобы добраться до каменных столбов, обозначавших выход на дорогу. И даже здесь снег не убирали. Но идти стало легче. Она решила не оглядываться и, шагая вдоль погребённой стены, не стала поворачивать голову и смотреть на камни на насыпи. Из леса вблизи стены послышался резкий крик. Гвеннан вздрогнула, но тут же взяла себя в руки — всего лишь крик птицы. Но насколько она помнит, ей раньше не приходилось слышать такого мрачного, громкого, далеко разносящегося крика.

Дорога повернула, Гвеннан увидела свой дом и небольшую рощицу перед домом Ньютонов. Она побежала, скользя и спотыкаясь, решив побыстрее добраться до места, которое означает возврат в нормальный мир. Как только она вышла на открытое место, принуждение, владевшее ею, отступило, и реальность, которую она знала всегда, вступила в свои права. В ней две личности, и внутри неё они борются за власть...

Дверь не закрыта. Должно быть, она так её и оставила. Прошёл почти целый день, и как она отчитается об этих пропущенных часах, если её спросят? Она прикрыла за собой дверь. В прихожей тепло. Темнело. Гвеннан закрыла дверь на засов.

И поняла, что очень голодна и устала. Головная боль прошла, но осталось неприятное ощущение слабости. Войдя в кухню, она вынуждена была посидеть немного, с благодарностью глядя на знакомое окружение — её охва-

тило ощущение безопасности, которое она всегда испытывала в этом доме. Расстегнув брошь-глаз, она позволила плащу соскользнуть с плеч, и ткань больше не задерживалась, не цеплялась за неё.

Сбросив плащ на стул и сняв остальную верхнюю одежду, Гвеннан принялась жарить яйца, резать толстые куски деревенского бекона, наполнять кофейник.

Она сла и никак не могла наесться. Закончила пригоршней печенья, отобрав разломанное или слегка подгоревшее: для библиотеки всё равно не годится. Завтра воскресенье. Она позвонит Грэхэмам и скажет, что не может идти в город. Она больше ничего не хочет, только спать, спать, спать...

Спать — но без снов! Мысль о снах вывела её из дремоты, и она заставила себя помыть посуду. Нет, никаких снов!

Но даже этот страх не смог победить усталость, она всё-таки пойдёт в спальню, ляжет, укроется. Гвеннан задёрнула занавеси на окнах. Она не хочет ничего видеть, кроме этой комнаты.

Но, раздеваясь, она не сняла подвеску с шеи. Диск как бы стал частью её тела, и она могла избавиться от него не больше, чем человек от своей собственной руки. Циферблат снова потускнел, символы стали еле видны. Ложиться ещё рано, но Гвеннан не могла больше сидеть, хоть на небе ещё видны были лучи заката.

Сон пришёл к ней быстро. И никаких сновидений не было: она погрузилась в тёплую ожидающую темноту, где нет ни сомнений, ни страха, ни памяти.

Проснулась Гвеннан в темноте. Только чуть более светлые пятна показывали, где окна. За окном слышался шорох — снова снег! Но ветер не шумел, не ударялся в стены. И тут — Гвеннан застыла, инстинктивно схватившись руками за одеяло и тёплый шарф.

Мягкий звук падающего снега прорезал крик, и слышел он был так ясно, будто окно на ночь открыли. Тот же самый громкий хриплый крик, который она слышала, уходя из дома Лайлов. Слишком громкий, слишком резкий по тембру, чтобы выйти из птичьего горла. Гвеннан хорошо знает совиный крик, но это не ночной охотник.

Подвеска на её теле потеплела. Гвеннан отвела ворот-

ник стёганой пижамы, чтобы взглянуть на неё. Подвеска была повёрнута циферблатом к её коже. Но металл и с противоположной стороны светился, он жил.

И в этот момент пробуждения у неё не оказалось никакой защиты от вновь приобретённого знания. Да, ощущение безопасности, которое ей приносит дом, — иллюзия. Гвеннан знала, что летает над домом. В её мозгу картина была так ясна, будто она видела её своими глазами.

Существо летало в небе, и снег сваливался с его чудовищно искажённого тела. Охотник шёл по следу, он теперь жил не в мире с зелёным освещением, а в этом мире — реальном, чудовищная свора спущена, бежит, никем не сдерживаемая.

Даже в древние времена Храма и Силы было известно о существовании войска Тьмы, с ним сражались, его держали в покорности. Уже тогда существовали тёмные щели между мирами, через которые пробирались такие существа, а извращённое человеческое сознание училось призывать их. Рука — конечно, Рука в последние дни мира Орты открыл им дорогу. А теперь...

— Тор! — Гвеннан прошептала это имя, и на её шёпот послышался ответ, может, не в ушах, но в голове...

— Тор! Тор! Тор!

Она съёжилась в постели, слушая не только ушами, но всем вновь зародившимся в ней существом, используя чувство, названия которого не знала. Тьма повсюду... она бродит... ищет... Но почему тогда свора не набросилась на неё? Люди в течение столетий пытались найти защиту от того, что бродит теперь в ночи. Создавали ритуалы, использовали святую воду, травы, которые, как считалось, не выносят создания Тьмы. Строили церкви и святые места. Некоторые надеялись на серебро, на древние формулы. Другие цеплялись за священные предметы религий. Но все в глубине души боялись, и страх создавал бреши в их защите.

Сам страх — величайшее оружие Тьмы — и это всегда правда. Человек рождается с зародышем, зерном страха, глубоко погребённом в нём. Этот страх в благоприятных условиях может расти, плодоносить. И вот теперь страх кричит, карабкается, бродит в ночи.

Такой страх может убивать не хуже когтей и клыков. Эти ночные охотники — его посыльные. Только миновав их, можно начать подлинную битву, встать против врага. А она — кто она против Тора? Он хвастал своими познаниями, и она не сомневалась, что он ими обладает. Может быть, он и полукровка, сошёл с правильного пути, если Рука сумел добраться до убежища и у него были потомки. Но он так же опережает её во владении Силой, как леди — Орту, или Гвеннан, каково бы ни было её имя.

Леди Лайл сейчас, должно быть, лежит в том месте, где Гвеннан видела опекунов, ушедших на отдых. Сколько времени занимает такое обновление — когда старые вновь становятся молодыми, способными призывать Силу? Годы... Сколько?.. Поколения... Столетия?.. И насколько глубоко уже погрузилась леди в этот освежающий сон?

Но...

Гвеннан широко раскрыла глаза, хотя ничего, кроме темноты, не видела. Когда она наблюдала за процессом обновления, женщина легла в свой гроб до того, как встал мужчина! Но Тор появился за недели до того, как ушла леди Лайл. Она писала в письме о факторах, которые ускорили её уход... хотя тогда её слова не имели для Гвеннан смысла.

Итак... Тор не явился из зала обновления опекунов по праву. Кто же он тогда? Где-то же леди Лайл была заменена. Тор не должен был получать доступ к Силе. Она, Гвеннан, тоже. Но за всем этим что-то есть. Девушка чувствовала, как сплетаются линии, только не могла проследить их до начала, не знала их источника.

Она избрана принять в этом участие — действовать против Тора. Конечно, леди — Голос — не стала бы вовлекать её, если бы не было хоть малой надежды на победу Света. Тор хочет, чтобы она стала его союзницей. Но он считает, что в ней доля древней крови очень мала, что он легко с помощью страха справится с ней. Иначе он не открыл бы ворота, не высвободил бы тех, кто оттуда вышел.

Гвеннан встала с кровати и начала одеваться. Услышав снова крик этого летающего существа, девушка не смогла сдержать дрожь, крик звучал близко, будто чудовище пролетело над самой крышей. Хочет выгнать её из дома,

чтобы его хозяин смог её найти. Должен быть выход, обязательно должен быть.

Она склонилась у шкафа на кухне, в который спрятала шар и поднос. Свет мигнул, тогда Гвеннан подготовила батарейную лампу и поставила её посреди стола. Под ней расстелила плащ: у неё было чувство, будто она должна использовать всё, что может хоть как-то помочь ей в предстоящей попытке.

На подносе у края оставалось ещё несколько несгоревших кристаллов. Гвеннан передвинула их ближе к основанию, на которое вновь осторожно положила шар, потом поставила всё на стол. Шар в безопасности. Гвеннан потянулась за спичками и покачала головой. Она пыталась припомнить. Эти отрывочные мысли от её постоянного чтения или из возрождённой памяти прошлого? Неважно. Важно, что они подсказывают, что ей нужно.

С лампой в руке она прошла к дровяному ящику. Ясень — недавно срубили два ясеня, и их стволы пошли на дрова. Гвеннан порылась, нашла ясеневое полено и ножом отколола длинную щепку. Сунула её конец в угли печи, щепка вспыхнула, и девушк зажгла ею голубые кристаллы, надеясь, что их осталось достаточно, чтобы помочь ей.

Наверху снова послышался крик. Гвеннан показалось, что в нём звучит призыв. Когда от кристаллов начал подниматься ароматный дым, она загасила ясеневую щепку и торопливо пошла к окнам. Снег падал густо, образуя сплошную завесу. Гвеннан почерневшим концом щепки начертила на стёклах крест с петлёй. Потом проверила, не пропустила ли хоть одно стекло.

Ещё одно забытое человеческое оружие. Но люди много поколений в него верили, и в нём собралась сила. Это давало хоть какое-то, пусть хрупкое, преимущество перед тем, что летает вверху. Вера— это зародыш силы, и символ веры защищает, когда он используется во имя Света.

Гвеннан захлопнула дверь в дровяной сарай, потом в прихожую, и на обеих начертила тот же защитный знак. Видимых следов не осталось, но это не значило, что знака нет. Глаза не всегда видят присутствующее.

Итак, воздвигнув какую могла защиту против охотника, Гвеннан снова приблизилась к столу, села, вдохнула ароматный дым и положила голову на руки, прочно упираясь локтями в стол, в поверхность плаща. Она вопросительно

смотрела на шар, искала, как ребёнок ищет помощи в школе, когда чего-то не понимает. Ведь для Орты это когда-то было так легко... эта её вторая часть должна ожить.

Гвеннан старалась использовать всю свою волю с этой целью, освободить сознание от всего, кроме этой задачи.

Дым может одурманивать; пророчицы много веков пользовались наркотиками, чтобы ослабить связь с настоящим. Запах не вызывал сонливости. Напротив, она чувствовала оживление, сознавала, что в ней просыпается вторая сущность, которую она пока ещё не понимала.

Шар от дыма затуманился, чувствовалось, как от него исходит сила.

— Покажи! — потребовала Гвеннан. — Покажи, где!

В шаре показалась дверь, но это вовсе не шар... какое-то другое место, и она там, но не как зрительница, она действует. Она узнаёт эту дверь — старая, потемневшая от времени дверь дома Лайлов. На ней тот же тяжёлый дверной молоток, но ей не нужно брать его в руки, она толкает дверь, не физически, а своим желанием: она должна туда пройти.

Дверь открывается. Перед Гвеннан прихожая, она как в тумане, потому что не она — цель Гвеннан. Не сворачивает она и в библиотеку, где Тор оставил то, что, по её мнению, служит ловушкой. Но ловушкой не для неё. Нет, ей нужно в заднюю часть дома, где она никогда раньше не была.

Ещё одна дверь, ещё один зал, снова несколько полуоткрытых дверей. Потом стена, обшитая тяжёлыми резными деревянными панелями. Когда-то они были выкрашены, но теперь краска облезла и держалась только в завитках листьев, оплетающих резные стволы. Похоже, резчик пытался на стене изобразить целую лозу, она начиналась у пола и тянулась до самого потолка.

Резьба такая глубокая, что во многих местах в неё можно вставить пальцы. Но только два таких места имеют значение, и одно из них в центре полукруга листьев. Да, присмотревшись внимательней, она разглядела маленькую голову, смеющееся лицо с живыми глазами, из кудрявых волос торчат заострённые уши. Всё изображение не больше ногтя на пальце, но оно совершенно. А вот поблизости и второе кольцо листьев, а в нём голова оленя,

гордая, как у животного, на котором ехала охотница в зелёном мире.

Нажать. Она нажимает не руками, а нацеливает мысль на эти два места. Стена начинает дрожать, трястись. Вся резьба полна жизни, она стремится освободиться. Но вот её поверхность раскалывается, между головами появляется щель; но резьба сделана так, что ни один листок не оказывается разрезанным этой щелью.

Дверь, такая узкая, что ей пришлось бы проходить боком. Гвеннан не помнила, как вошла, она уже внутри. Ступени, такие же, как под камнем на лугу. Но не тронутые временем, с острыми, не затуплёнными и обвалившимися краями; она снова спускалась.

Темно, но не для её глаз; теперь у неё не зрение внешнего мира, но внутреннее зрение; движется она быстро, быстрее, чем если бы шла здесь физически. Кажется, она спускается бесконечно, погружаясь к самому центру земли. Но у каждого действия бывает конец. Она снова перед дверью; та, как и дверь в скоровищнице, легко раскрывается.

Она видела эту комнату! Девушке нужно было найти именно её — сердце жизни опекунов — или место их смерти. Вот ряды гробов, всё более непрозрачных. Гвеннан знала, кто лежит в самом близком. Леди Лайл похожа на статую, стороны гроба только начали затуманиваться.

Теперь, когда леди легла и отдала своё тело процессу обновления, проснуться она уже не могла. Гвеннан с тоской смотрела на неё некоторое время; как бы ей хотелось, чтобы процесс пошёл в обратном направлении, чтобы леди можно было позвать. Нет, она должна отыскать другой гроб, тот, что в самом конце линии. Через мгновение она уже стояла возле него. Прочный, как камень, ни следа откалывания внешних наростов, какое она видела с сидения пророчицы.

Неужели обновление иногда не удаётся, и тот, кто лежит в гробу, остаётся мёртвым?

Она смотрела на часть гроба, под которой покоилась голова. Там только череп? Возможно, отказал древний механизм.

И тут она увидела то, что лежало на крышке гроба, как раз над сердцем спящего. Белое, как оболочка гроба, почти

невидимое на первый взгляд. Но она посмотрела пристальнее и увидела всё гораздо яснее. Символ — похожий на те два кинжала, что лежали скрещённые на столе в доме Лайлов, белые, как лёд, смертоносные, — это отнимающий жизнь холод. Тот, кто должен встать, не может этого сделать. Гроб запечатан снаружи. Если этот злой символ не снять, подлинный опекун не встанет.

Тор — только Тор мог это сделать. Гвеннан сосредоточила все силы своей мысли на этом белом невидимом ноже, пытаясь отодвинуть его, как своей волей открывала двери. Но ничего не смогла сделать. Это не подвластно воле (по крайней мере её воле); в ней недостаточно древней Силы. Не могла она и протянуть руку — та её сущность, которая совершала путешествие, не имела рук, ей нечем схватить. Нет, она должна прийти сюда физически; нет сомнений, что единственная рука, которая может это сделать, — это её рука.

Ей показали путь, поставили ясную задачу. Остальное зависело от её воли, решимости — и храбрости! Она не верила, что Тор беспрепятственно позволит угрожать его власти. Попав сюда и узнав так много, она просто обязана действовать. Отступления нет.

И поняв это, Гвеннан мгновенно очутилась у шара в тепле своей кухни, дрожа от истощения, такая уставшая, что не в силах была даже пошевелиться.

Но её оцепенение нарушил звук снаружи. Не крик охотящегося существа. Шум, вначале слабый, но всё усиливающийся. Вой сирены. Это машина шерифа...

Гвеннан вскочила, подбежала к окну и поняла, что из кухни ей не видна дорога. Она прошла в прихожую, держась рукой за стену, и открыла входную дверь. На дороге стояло множество машин, на крышах некоторых мигали сигнальные огни. Пол-Уайтбриджа двигалось по дороге мимо её дома.

Небо было освещено, но не рассветными лучами. Где-то на севере дрожало зарево. Но там только одно место, где может что-то гореть. Дом Лайлов!

Пожар от свечей, оставленных в пустом доме? Но это было несколько часов назад. Впрочем, внутри дома стены убраны панелями, очень старыми, промасленными, они должны легко загораться. И хоть сами стены сделаны из прочного камня, внутри всё может легко выгореть.

Она бросилась назад, схватила плащ, сунула ноги в ботинки. По дороге, несмотря на поздний час и холод, шли люди, она смешалась с ними, услышала возбуждённые голоса; говорили о телефонном звонке, который поднял тревогу, хотя никто не знает, кто позвонил; о том, что дом погибнет, если помощь не придёт вовремя.

Тор сделал это, чтобы скрыть место отдыха опекунов? Гвеннан думала, что ни один истинный Лайл не сможет уничтожить их убежище, место, за которое они держались много столетий. Но Тор полукровка, дом мало что для него значит, а добиться он хочет многого. Неужели он узнал об её мысленном проникновении и начал действовать, быстро и безжалостно, прежде чем она сумеет совершить задуманное?

Пожарная машина — девушка припомнила, что куплена она в основном на деньги Лайлов, — доехала до дома, за ней машина шерифа и два грузовка с людьми, которые тут же выпрыгнули и начали действовать. Но глубокий снег затруднял их работу.

Через полуоткрытую переднюю дверь виднелся огонь и дым. Ни следа слуг. Может быть, они внутри и огонь отрезал им выход? По-видимому, так считали собравшиеся. Добровольцы надели два новых пожарных костюма, их облили водой из насоса пожарной машины, и они прошли в дом; вода тут же замерзала.

Гвеннан смотрела на огонь, видимый в окнах фасада. Какие сокровища гибнут там! Если дом сгорит, она, вероятно, никогда не отыщет внутреннюю дверь, которую показал ей шар. Послышались крики; двое вошедших вернулись, они вели с собой третьего. Тот, кого они спасли, сам идти не мог. Невозможно не узнать эти светлые волосы, хотя лицо ей не было видно.

Кто бы ещё ни оставался в доме, Тор был сам застигнут в нём огнём; Гвеннан смотрела на его вялое тело, которое укладывали на носилки. Кто-то накрыл его одеялом. Умер? Нет, его положили в машину шерифа. Отвезут в полицию, вызовут вертолёт и переправят в больницу в Фримонте — если доживёт. Неподвижное тело заставило её усомниться в этом.

Вначале Гвеннан испытала одно лишь удивление, потом более сильные чувства. Она склонна была считать, что он

сам навлёк на себя гибель, может быть, потому что хотел сохранить тайну Лайлов, подчинить её себе. Сегодня он раскрыл ворота для существ из другого мира — она была так уверена в этом, словно сама видела, как он их вызывает. И сразу после этого встретить смерть? Нет! Должен быть другой ответ. Возможно, эту смерть вызвала сама леди Лайл. Та, что была когда-то Голосом, может быть безжалостной в борьбе за победу Света. Гвеннан — свидетельница этого. Устранить угрозу, которую представлял Тор, — долг опекуна, и Сарис Лайл не стала бы от него отворачиваться.

Итак, никакие чувства не привязывали эту пожилую женщину к Тору — скорее необходимость завершить задуманное. Времени у неё не было, но она должна была позаботиться, чтобы не пострадало её дело. Она пробудила Гвеннан, настроила её, подготовила к тому, что сама сделать не могла. Тор — не пустая нить, которую можно легко отбросить, он играет важную роль в ткани времени.

Итак, если он мёртв, это неудача, а не торжество леди Лайл, потому что задача осталась нерешённой. Гвеннан следила за пожарными, более сосредоточенная на своих мыслях, чем на их действиях.

Огонь за окнами явно гас. Наконец из дома показались люди, они вынесли дымящиеся обрывки ткани и побросали их в снег. В воздухе повис едкий запах дыма. Гвеннан слышала разговоры, что огонь коснулся только занавесей и ковра. Сами пожарные удивились тому, какой маленький ущерб нанёс пожар.

Говорили, что молодой Лайл отравился дымом, пытаясь в одиночку погасить огонь. И в доме больше никого не было.

Глава 16

Пока что Гвеннан в толпе никто не узнал. Люди продолжали подходить из города. Пожар, должно быть, поднял на ноги весь Уайтбридж. Они видела достаточно и хотела уйти — подумать, может быть, ещё раз взглянуть на шар. На время Тор удалён с доски, на которой идёт игра. Теперь для неё выпала единственная возможность.

Она скользнула между кустами, которые закрывали дом

Лайлов с дороги. Конечно, у дома останется охрана. То, что она должна сделать, будет делаться в тайне.

Что она должна сделать...

Внезапно поняв, что у неё мало времени, — её узнают, либо поставят охрану и она не сможет войти в дом, — Гвеннан скрылась в кустах и направилась к задней стене дома, подальше от света, машин и людей на переднем дворе. Здесь она раньше никогда не бывала и не была уверена, что найдёт неохраняемый вход с боков или сзади дома. Вопросы вызывало также отсутствие слуг. Отослал ли их Тор? Иди они сами отказались служить ему? Гвеннан не знала, сколько их вообще в доме. Женщина, неслышно помогавшая леди, мужчина, присматривавший за дверью, — иногда его можно было увидеть во дворе, ещё одна женщина, постарше, которая обычно прислуживала за столом, — вот и все, кого она знала.

Хотя снега здесь было немного, густые кусты и живые изгороди мешали ей продвигаться прямо. Гвеннан постоянно приходилось поворачивать направо или налево, чтобы избежать препятствий, многие из которых были выше её.

Она уже прошла довольно много, когда вздрогнула от крика летающего существа. Инстинктивно она прижалась к изгороди. Здесь её скрывали нависающие ветви.

Она ощутила зловоние иного мира. Услышала звуки ударов широких крыльев. Всё в ней кричало: беги, уходи отсюда. Тор оставил своих стражников. Против чудовищ его своры — какое у неё оружие? Летающий монстр не достанет её в кустах, но есть и другие охотники, и, может быть, нетерпеливый крик вверху созывает их.

Может ли сам дом послужить убежищем? Как? Во времена Орты существа из чужого мира рыскали и убивали даже в самых священных местах.

Однако дом, с его толстыми стенами, всё-таки единственное доступное для неё убежище. Она была совершенно убеждена, что те, что бродили в ночи, никем другим не интересовались. Им нужна только она, она их добыча — и добыча Тора!

Девушка не осмеливалась выйти на открытое место, она держалась за обледеневшие ветви и продвигалась под укрытием растительности. Земли она почти не видела. Подойдя к дому Лайлов сзади, она увидела стену и в ней дверь. Кусты росли почти до самой стены, так что она

оказывалась открытой, уязвимой только ненадолго. Всё зависело теперь от того, закрыта ли калитка. Если она добежит до неё, но не сможет войти...

Гвеннан неуклюже побежала к калитке в стене. Ни ручки, ни засова. Над собой она снова услышала удары крыльев, от зловонного запаха начало мутить. Она упёрлась обеими руками, надавила.

Из её полураспахнутой парки свесилась на цепочке подвеска. Из полумесяца на её верху сверкнул луч, не яркий, как на циферблате, но достаточно заметный, и коснулся двери.

Странно, но луч сам по себе наклонился, хотя она не делала попытки его нацелить, и углубился в отверстие в старом почерневшем дереве.

Гвеннан не смела оглянуться. К ней из ночи устремилось чудовище. Ей не нужно было видеть, чтобы знать это. Летело оно молча, стремительно. Тянутся ли к ней уже когти, клюв? Дверь открылась внутрь, и Гвеннан влетела в неё, держась за прочную стойку. Она тут же захлопнула дверь и долго стояла, задыхаясь; страх настолько ослабил её, что она сомневалась, сможет ли идти дальше.

Послышался крик, полный ненависти и гнева, он поднялся до высокого свиста, до головной боли, и ушёл за пределы слышимости. Что-то тяжёлое ударилось в стену, послышались звуки, будто огромные когти пытаются разорвать прочное дерево, разбить камни стены.

Гвеннан ждала. Ведь этому существу нужно только взлететь — и оно легко переберётся через стену. Но оно продолжало в слепой ярости биться в дверь. Гвеннан посмотрела на тёмные очертания дома. Перед ней лежал внутренний двор, такие она видела на рисунках старинных заморских зданий.

Дом образовывал одну сторону квадрата. Стена, у которой она стояла, не длинная, примыкала к двухэтажному строению в углу, а то в свою очередь соединялось с гораздо большим двухэтажным сооружением, напоминающим ящик. В тусклом свете девушка видела только общие очертания: огней внутри не было. Другую сторону квадрата образовывало ещё одно низкое здание, крыша его слегка блестела; в нём виднелась широкая арка.

Главное — дом. Гвеннан, подолжая слышать удары чудовища, побежала к нему. Нужно найти вход. На мощёном дворе не было снега: его, должно быть, чистили. По

крайней мере, можно не бояться поскользнуться и упасть.

Тёмные окна дома казались чёрными квадратами. В отличие от передних, эти были закрыты ставнями, и Гвеннан не сомневалась, что ставни заперты изнутри. Но была и дверь, тоже закрытая и прочная. Стоя перед ней, девушка увидела, что на ней тоже нет ни ручки, ни засова. Подвеска?..

Но когда она её подняла, не появилось никакого луча. Гвеннан прикусила губу. Тварь снаружи не прекращала своих попыток. Рано или поздно камни не выдержат яростных ударов. Тогда...

Она услышала какой-то новый звук — низкое ворчание, не резкий крик летающего существа. Должно быть, приближался ещё один ночной охотник. Дверь дома!.. Гвеннан ударила её обеими руками, и прежде чем она сумела овладеть собой, её охватила паника. Она чувствовала, что поиски убежища в других зданиях невозможны. Только в самом доме, где живет Сила, может она спастись.

Наконец, ничего больше не придумав, она наклонилась и сунула подвеску в отверстие в двери. Та легла легко, как будто для этого и предназначалась, и Гвеннан, как поступила бы с ключом, повернула её. Подвеска подчинилась ей — и дверь открылась!

Она мгновенно оказалась внутри, в холле, полном едкого запаха дыма. Прочно закрыла за собой дверь и постояла в темноте, прислушиваясь, испытывая своё недавно обретённое чувство, проверяя, есть ли в доме кто живой.

Если бы только у неё был фонарик! Эта часть дома для неё — незнакомая территория, но она решила, что тут никого нет. Она слышала отдалённые звуки: где-то в передней части дома что-то делали. Значит, пожарники и шериф всё ещё в здании.

Придерживаясь стены, Гвеннан осторожно пошла вперёд. То, что она ищет, находится за этими служебными помещениями; и от присутствия других людей зависит, сумеет ли она достигнуть своей цели. Пальцы её скользили по каменной стене (здесь не было деревянных панелей), и вскоре она нащупала закрытую дверь.

Мысль об источнике света заставила её толкнуть дверь. Та легко подалась. И Гвеннан застыла, увидев свет. Перед ней открылось огромное помещение со всеми признака-

ми, какими обладали подобные кухни за два столетия до её рождения.

Источник света — большой очаг; в нём не огонь, а скорее угли; очаг снабжён вертелом, цепями для подвески котлов и печью сбоку. Нигде ни следа современной печи. Но в тусклом свете Гвеннан увидела на столе свечу, вокруг фитиля сохранилось ещё много воска. Свеча тут же зажглась от углей очага.

Из стен торчат деревянные стержни, на них развешаны кастрюли и металлические сковороды, все ярко начищенные. Древней кухней не только пользуются, но и держат её в полном порядке. Но и в ней теперь пустота, как будто те, кто тут жил и работал, недавно ушли.

Держа свечу в руке, Гвеннан скользнула назад в холл. Но вперёд не пошла, а вернулась к наружной двери и прижалась к ней, прислушиваясь. Ничего не слышно. Если существа наконец пробрались во двор, толщина стен не давала возможности получить предупреждение. Не зная, сколько времени в её распоряжении, девушка заторопилась, стараясь при этом не шуметь.

Ещё одна полуоткрытая дверь, за ней запах дыма сильнее. За дверью слышны голоса. Потом заработали двигатели, прошумел отъезжающий грузовик. Сирена машины шерифа. Гвеннан подумала, может, их насторожила свора. Конечно, они слышали крик летающего существа.

— Погляжу... — это шериф. И не похоже, что он чем-то встревожен. Он тяжёлыми шагами шёл по соседнему холлу. Вторично обыскивает дом? Гвеннан прикрыла свечу рукой и огляделась. Или ночные чудовища слышны лишь тем, на кого охотятся?

Убежище? Их здесь должны быть сотни, но она ни одного не найдёт. Но должна найти! Кухня?

Девушка торопливо направилась к очагу. Он такой широкий. Огонь небольшой и размещается далеко в глубине, и Гвеннан сможет забраться в пещеру, предназначенную для целых брёвен. Прижаться к одной из стен. Может, её не заметят. Девушка неохотно задула свою свечу и вошла в зияющую пасть, оказавшись в небольшой покрытой сажей комнате. Стоя у стены из древнего кирпича, она бегло подумала, что пасть может на самом деле проглотить её. Видно ли её снаружи?

За дверью, которую она не закрыла, громко прозвучали шаги по полу, не покрытому ковром. Луч фонаря в сильных

руках обошёл всю кухню. Гвеннан плотнее прижалась к стене, когда луч проходил по очагу. Она ожидала, что фонарик направят внутрь, раздастся резкий приказ выходить, её заставят объяснять...

Однако простая хитрость сработала. Луч фонаря миновал её. Наконец дверь с треском закрылась. Гвеннан перевела дыхание, подняла свечу и снова зажгла её. Она была уверена, что теперь ждать недолго. После обыска дома снаружи оставят полицейского, но тому нужно будет находиться возле машины с её радио.

Теперь нужно найти ту комнату, которую ей показал шар в видении. Эта комната не может быть частью служебных помещений, но ей казалось, что она недалеко. Снова назад в холл. Гвеннан проходила по несколько шагов, прислушиваясь к звукам: закрывались двери, топали шаги по голому полу.

Она сосчитала до ста, потом снова, и ещё раз, с каждой сотней чувствуя всё большее нетерпение. Наконец она услышала стук закрывающейся входной двери, заторопилась в главный зал. И увидела то, что искала.

Вот оно! Свет был очень слабый, при нём Гвеннан едва разглядела покрытую резьбой стену. Она постаралась вспомнить, где стояла в своём видении. Так много вьющихся листьев, такая масса переплетающихся стеблей. Ей пришлось поднести свечу почти вплотную к панели и пристально всматриваться. Лицо — вот оно! Теперь олень — но его найти было уже гораздо легче.

Поставив свечу на пол рядом с ногами, Гвеннан приложила большие пальцы к этим двум изображениям и изо всех сил нажала.

Сначала ей показалось, что у неё ничего не вышло. Должно быть, у неё была простая галлюцинация: ничего не происходило. Два резных узла не поддавались, хотя она собирала всю силу.

Потом послышался звук, похожий на долгий вздох. Руки её соскользнули, их увлекли за собой резные изображения на которые она продолжала нажимать. Стена перед ней раздвинулась. Щель была так узка, что Гвеннан засомневалась, пройдёт ли она, тем более в зимней одежде. Со свечой в руке она стояла на самом верху лестницы. Прежде чем начать спускаться, Гвеннан сняла шарф, свернула его в комок и затолкала в щель: с внутренней стороны никакой ручки не было. Шерсть не даст двери закрыться, останется

щель, куда можно будет просунуть палец. Ей показалось это разумной предосторожностью, чтобы не остаться навечно закрытой.

Лестница действительно была в гораздо лучшем состоянии, чем под камнем. Можно было спускаться быстро, все ступеньки целы. Так Гвеннан оказалась в комнате с гробами. Там на мгновение остановилась у гроба леди Лайл. Спокойное красивое лицо, которое ещё было хорошо видно, казалось, смеялось над ней. Такой совершенный отдых — а все неприятности должна распутывать Гвеннан. А девушка даже не уверена в правильности своих решений. Почему ей поручили эту службу? И кто этот подлинный опекун, которого Тор так ненавидит, что использовал против него запрещённые методы.

И ему кое-что удалось. Гвеннан всегда считала, что у неё слишком мало шансов в борьбе с ним. Но правда ли это? Она смотрела на спящую леди Лайн. Хотя Тор и вызвал чудовищ, пока что они оказались не очень эффективными слугами. Да, они вызывали страх. На неё это подействовало, отрицать нельзя. Но что ещё он сумел сделать, чтобы противостоять планам леди Лайл? Как будто из-за вмешательства Тора одна из Лайлов должна была раньше времени уйти на отдых, но при этом приняла необходимые предосторожности. И главное её оружие — сама Гвеннан.

Девушка по-прежнему не верила, что она ровня Тору. Но в противостоянии с ней он показал себя удивительно неловким. Она поднесла руку к подвеске. Надёжная ли это защита? И был ли смысл во всех этих разговорах Лайлов о звёздном колесе, которое сделало полный оборот, и теперь сама Гвеннан заслуживает гораздо большего, чем она считала?

Вопросы, на которые у неё нет ответа. Ей нужно окончательное решение. И она верила, что оно заключено в последнем в ряду гробу, том самом, который прочно закрыл Тор. Это ему удалось совершить, возможно, после того, как леди Лайл преждевременно вынуждена была удалиться.

Гвеннан пошла к непрозрачному гробу, по-прежнему держа в руке подвеску. Всё точно соответствовало её видению. Не прикасаясь к гробу (у неё имелось здравое желание узнать побольше, прежде чем вмешаться), она склонилась, осматривая его. Нож или кинжал выглядел так (она хорошо видела, потому что гробы неярко светились),

словно был сплавлен с гробом и составлял с ним единое целое. Просто так его не поднимашь и не сдвинешь.

Не поднимешь? Гвеннан внимательно изучала его. Ей показалось, что между лезвием и поверхностью гроба имелась всё-таки еле заметная щель. Туда можно всунуть что-нибудь острое и использовать как рычаг. Но ничего подходящего у неё нет. Вернуться в дом и поискать? Нет, она чувствовала, что время исходит. Она должна сделать то, за чем пришла, и как можно быстрее — иначе уже ничего не нужно будет делать, Тор победит!

Поднять — эта мысль преследовала её. Наконец она использовала единственный доступный ей способ, прижав выступы рогов подвески к крышке гроба. Мгновенно руку её охватил холод. Девушка чуть не выронила металлический диск. Пальцы её онемели, ещё мгновение, и она вообще перстанет их чувствовать. Быстрее!..

Она помогла второй рукой. Пальцы ощутили тот же страшный холод, но ещё до этого она успела просунуть рог в щель (щель действительно была!). Холод поднимался по руке до плеча, но Гвеннан изо всех сил тащила к себе подвеску, пытаясь сорвать с гроба печать.

Она использовала не только всю силу рук, сконцентрировав волю и разум на этой задаче. Она чувствовала теперь холод уже в голове, она слабела, терпела поражение. Тор сопротивляется, хотя он лежит в милях отсюда, возможно, без сознания... но часть его по-прежнему борется.

Гвеннан долго не выдержит. Она уже не ощущала свои пальцы, скоро не сможет держать в них подвеску. Но девушка знала, что если потерпит поражение, второй возможности не будет. Поэтому она продолжала тянуть, напрягая всю свою волю...

Последовал взрыв звуков. Вероятно, она сама кричала: боль в руках и в голове стала почти невыносимой. И нож, слившийся с гробом, высвободился, упал с крышки на пол и разбился. Гвеннан отшатнулась, она отступала от линии гробов, пока её спина не упёрлась в стену.

И она увидела, как ожило её видение. На непрозрачном покрытии гроба появились длинные трещины, отпадали куски нароста, под ним обнажился прозрачный хрусталь. На мгновение всё застыло.

Крышка гроба поднялась в противоположную сторону от неё. Да, вот и рука, цепляющаяся за край. И по другую

сторону пальцы. Придерживаясь руками, обитатель гроба сел.

Гвеннан испустила горестный крик. Это был Тор!

Он не повернул головы в её сторону, а взглянул вверх и глубоко-глубоко вдохнул, как будто должен был до предела заполнить лёгкие. Потом, двигаясь медленно и осторожно, встал; загоревшее тело (будто он лежал под тёплым солнцем) прекрасно, как у самой совершенной статуи. Он повернулся...

Их взгляды встретились. Его глаза лишь слегка расширились. Он мгновенно увидел и понял, что произошло, узнал её, узнал, какую роль она сыграла.

— Хорошо сделано... — сказал он, и слова его гулко отозвались в помещении.

Девушка скользнула вдоль стены подальше от него. Значит, она участвовала в игре не леди Лайл — а Тора. Он какой-то хитростью привёл её сюда, чтобы освободиться. Но ведь — она почувствовала сильное удивление — ведь она видела, как его унесли. Когда это было? Час, два часа назад? Он был без сознания. Как же он тогда может прийти в себя в гробу опекуна? Галлюцинации — неужели опять одно из этих обманчивых видений? Эти двое играли с нею! Она почувствовала тупой гнев — но вся способность к сопротивлению покинула её.

— Тор! — она произнесла это имя, негодуя на собственную глупость.

— Тор? — он покачал головой. — Я не полукровка, пока нет...

Она не поняла его слов. А что он сделает с ней? Ведь теперь она для него бесполезна. Призовёт чудищ из другого мира, и они покончат с ней?

— Ты боишься... — он покачал головой, улыбнулся и протянул к ней руку. — Родственница, такое чувство недостойно тебя.

— Я не знаю, о чём ты говоришь! — выпалила Гвеннан, гнев и отчаяние придали ей силы, может быть, последний раз в жизни. — Ты Тор Лайл. Но я не понимаю, как это произошло... тебя ранило на пожаре... а теперь ты здесь. Я... я выпустила тебя... я думала, что должна...

Он кивнул, потом сделал один-два шага к ней. Она отодвинулась ещё дальше. И тут воля её покинула, девушка повернулась и побежала к лестнице, спотыкаясь, падая и снова вставая. Ей ничего не нужно, только уйти. Неудача

была так велика, так опустошающа, что в ней осталось лишь одно желание — уйти как можно дальше и не иметь ничего общего с этим. Её использовали, снова и снова. Её лишили веры в себя.

В двери, которую она открыла, по-прежнему зияла щель. Гвеннан вцепилась в неё руками, и изо всех сил тащила. Сила отчаяния позволила ей раздвинуть створки, и она оказалась в тёмном зале за ними. Она упала и несколько мгновений лежала, всхлипывая без слёз. Потом — у неё совсем не оставалось сил — поползла, цепляясь пальцами за ковёр на полу, отталкиваясь ногами. Ничего ей не нужно, только подальше от этого дома.

Руки опустились на плечи девушки, держали они крепко. Несмотря на слабое сопротивление, её подняли на ноги. Её держал человек, которого она не видела, но знала, кто он. Спасения нет. Вероятно, никогда и не было с того самого момента, как они встретились утром у стоячих камней. Больше она не может бороться.

— Я не Тор...

Голос его прозвучал у самого её уха, а дыхание мужчины шевелило локоны, выбившиеся из-под шапки.

— Ты всё поймёшь...

Глава 17

Он легко, будто она ничего не весила, поднял её и отнёс в соседнюю комнату. Мебель тёмными очертаниями виднелась у стен. Гвеннан сразу поняла, что они очутились в столовой, той самой, где когда-то за столом сидела леди Лайл. Незнакомец посадил её на тот самый стул. Девушка пыталась овладеть собой, попробовать уйти: ведь теперь он её отпустил. Но её будто связали верёвками. И она заподозрила, что это его воля.

Даже в темноте тело его было видно, он слабо светился, подобно камням, — но не белым, а золотистым светом. Она молча смотрела на него, а он отошёл к двери и вышел, оставив её одну.

Гвеннан замёрзла. Тело её дрожало от холода, который проник через руки, когда она пыталась открыть гроб. Зубы стучали, хотя она пыталась справиться с этим. Ноги в ботинках застыли так, что она их совсем не чувствовала. Девушка будто оледенела.

В тёмном доме не раздавалось ни звука. Но подвеска у неё на груди слабо светилась. Каким-то образом Гвеннан удалось оторвать застывшие руки от ручек кресла; вначале она намертво вцепилась в них, иначе могла бы безжизненной грудой упасть на пол. С усилием Гвеннан свела руки, зажав между ними подвеску.

В доме было тихо, но это не тишина смерти, конца; скорее — предчувствия, передышки перед действиями. Она начала медленно осознавать это. Руки у неё согрелись, с ним вернулась жизнь. Но одновременно сильнее проявилось ощущение плена. Она — пленница чужой воли, должна выполнять то, что не обещала — во всяком случае не сознательно.

Тело её отвечало на энергию, заключённую в куске чуждого металла, а она тем временем пыталась овладеть своим внутренним существом. Дышала она медленно и глубоко — как неведомый ей опекун, перед тем как встать. Тихорадочное биение сердца замедлилось, тепло разливалось по всему телу. Гвеннан прислушалась.

Ничего не слышно, ни малейшего движения. В воздухе витал застоявшийся запах дыма. Из комнаты проёмов окон не видно — они закрыты плотными занавесями. На столе и на одном из высоких сундуков — свечи, но у неё совсем не осталось сил встать и зажечь их.

Гвеннан поёрзала в кресле, переложила подвеску в одну руку, а второй попыталась оттолкнуться, приподнять себя. Но тут появился свет. Она повернула голову и увидела яркий свет в той двери, за которой исчез тот, кто её захватил (так она должна считать).

Свет не усиливался, оставался рассеянным. Вошёл он — второй Тор. Правую руку мужчина вытянул вперёд. В ней держал шар, точно такой, как тот, что открыл Гвеннан доступ в иные миры и показал место отдыха опекунов.

Теперь он был одет, причём в одежду Тора, и оттого ещё больше походил на того, кого она так опасалась. Но всё же при внимательном взгляде на лицо видна была разница. Полузакрытые глаза скрывали взгляд. На лице, в улыбке ни малейшей насмешки. Очертания губ как у леди Лайл. Гвеннан глубже уселась в кресле.

— У нас мало времени, — нарушил он молчание. — Открытые двери нужно закрыть. Но только тот, кто вызвал, может отправить назад...

— Ты... — девушке пришлось облизнуть губы, прежде чем она смогла заговорить.

— Нет, — он сел в кресло справа от неё и положил руки на стол, шар между ними сверкал как осколок солнца. — Вот Тор — смотри!

Она так же не могла отказаться исполнить этот приказ, как не могла встать и выйти из комнаты. В шаре образовалось знакомое завихрение. Дымка принимала очертания...

Человек лежал на койке, его плечи и руки были покрыты густой зелёной смазкой — средством от ожогов. Глаза его закрыты, но он поворачивает голову, будто ищет что-то.

— Позови его! — это приказ. И опять Гвеннан не могла не повиноваться. Она склонилась вперёд, будто в спину её толкала сильная рука.

— Позови его! — приказ прозвучал негромко, но сил на сопротивление уже не оставалось.

— Тор... — вначале имя произнеслось рваным шёпотом. Потом оно прозвучало громче, как будто Гвеннан действительно стояла рядом с раненым и возвращала его в сознание.

Глаза его не открывались, но движения стали менее беспокойными. Она не могла сказать, где он, но думала, что ещё в городке, его ещё не перевезли на вертолёте в больницу.

— Тор!..

На этот раз он открыл глаза — тусклые, невидящие...

— Тор! — в третий и последний раз призвала его Гвеннан. Он начал было вставать, но тут картина затуманилась. Шар выкатился из ладони и прокатился по столу, хотя светиться не перестал.

— Он придёт... — в голосе сидящего рядом с ней сквозила уверенность.

— Но как? — Гвеннан настолько овладела собой, что могла уже спросить. — Он ранен... обгорел... его остановят.

Он покачал головой. «Слово наложено... никто его не остановит. Идём...» — на этот раз призыв обращён к ней, не к Тору. Он протянул ту же руку, которой сжимал шар. На шар он больше не обращал внимания.

Не раздумывая, она сжала его пальцы. Это прикосновение мгновенно вернуло ей силы. Гвеннан вспомнила, как

глазами Орты видела Голос; та вызывала Силу, успокаивающую и приносящую мир. Хочет ли она такого спокойствия, такого мира? Что-то в ней сопротивлялось — она не хочет брать то, что не принадлежит её миру. Но она уже так далеко зашла по этой тропе...

Он поднял девушку из кресла, и она обнаружила, что слабость совсем покинула её, что никакого страха она не испытывает. Рука об руку они прошли по коридорам, не к передней двери, а назад, туда, откуда она тайно проникла в дом.

Когда они вышли на двор, Гвеннан обнаружила, что каким-то непонятным образом глаза её приспособились к темноте, что она видит то, чего не видела раньше. Видит... слышит... обоняет...

Существо, которое преследовало её у стены, всё ещё ждало там. К нему присоединились и другие.

— Он идёт, — сообщил её спутник.

— Но как он может? — осмелилась она спросить.

— Он должен, — последовал ответ. — Он призвал — и теперь должен сам ответить на призыв. Каждое действие вызывает последствия. Их приходится встречать — добровольно или нет.

— Кто... кто ты? — она вынуждена была признать, что он не Тор. Но чувствовала, что должна знать, кто он такой.

— Я тот, на кого лёг Долг. Я должен ждать...

Уклончивый ответ, но она не смела настаивать. Она так же боится его, как многие века назад Орта боялась Руки. Она всегда догадывалась, что Тор обладает возможностями, ей недоступными. Но этот человек (если он вообще человек) ещё сильнее.

Он закончил говорить, и всё застыло, всё затаилось в ожидании, как ждал дом за ними. Гвеннан напрягала слух, стараясь услышать хоть малейший звук. Он показал бы, что ожидание подходит к концу.

Негромкое рычание, низкое и угрожающее, нарушило тишину. Гвеннан вздрогнула. Пожатие его руки стало сильнее.

— Время...

Он прошёл вперёд, уверенно, будто никто не смел его тронуть. Она пошла за ним. Она был уже у выхода со двора, когда протянул другую руку, и ворота открылись перед

ними, распахнулись так, что створки ударились о стену.

Её ночное зрение сохранялось, но теперь она об этом пожалела. Свора оказалась та же самая, что сопровождала охотника в мире с зелёным освещением. Вот существо с головой совы, вот — с руками-крыльями, человек-волк, волосатое существо... и другие... такое собрание зла и Тьмы, какого она никогда не видела, даже в худших своих кошмарах.

Но тот, кого она освободила, уверенно прошёл вперёд. Создания из другого мира расступились, образовали проход. По нему опекун повёл Гвеннан.

Спокойствие, которое она ощутила при первом же его прикосновении, сохранялось. Она скорее чувствовала, чем видела, что существа потянулись за ними. Но они не угрожали. И молчали.

Они вдвоём прошли через густой сад. Гвеннан неожиданно догадалась, куда они шли, — к камням! Их целью могли быть только камни! Где началось её приключение, там же оно и кончится. Не одно колесо завершило свой оборот.

Теперь не нужно было перелезать через стену. Они вышли из рощи и пошли по тропе, на которой не было ни следа, а за спиной их слышался шорох шагов и ощущалось зловоние, которое всегда сопровождает порождения Тьмы.

Камни ожили. С их вершин срывались языки огня. Гвеннан уже однажды это видела. Именно к этим маякам её и вели. Темнота ночи рассеивалась, всё посерело, приближался рассвет.

И в этой серости ясно стали видны знаки на камнях. Гвеннан почувствовала, что если бы захотела, то смогла бы их прочесть, что теперь для неё здесь нет таїн. Но она не пыталась это сделать. В воздухе повисло напряжённое ожидание, а она сама была слишком возбуждена. Должно что-то произойти, что-то такое, что не принадлежит к её миру. Она боялась от этого предстоящего и в то же время приветствовала его, понимая, что должна его принять.

Подойдя к основаниям камней, они повернулись и посмотрели на дорогу. Между ними и дорогой лежало покрытое снегом поле, ослепительно белый ковёр, чистота которого заставляла его светиться. Снова звуки, низкое ворчание, вой, кашель, хриплый и грязный. Те, что сопро-

вождали их к насыпи, разделились надвое и тоже смотрели в сторону дороги.

Гвеннан поёжилась при виде этих уродов, которые сидели или стояли, переступая с ноги на ногу, — и ждали. Тут собрались существа, каких и не могли представить себе люди, напрягая самое тёмное воображение, вызывая своих личных дьяволов и чудовищ. Хуже всего были те, которые напоминали людей: становилось видно, во что может превратиться опустившийся человек.

Движение на дороге заставило чудовищ податься вперёд. Человек-волк поскакал к стене, подняв узкую голову и разведя челюсти, будто собирался завыть. Но не произнёс ни звука. А может, его вой был слишком высок для человеческого уха.

Человек, идущий по дороге, шатался из стороны в сторону, спотыкался, но не падал, хотя голова его бессильно обвисла, подбородком он касался груди и даже не смотрел, куда идёт; казалось, его влечёт какая-то невидимая сила. Пытаясь перебраться через стену, он упал и несколько мгновений барахтался в снегу, но потом снова неуверенно встал.

Тор — он шёл в ответ на её призыв. Гвеннан не понимала, как он мог уйти от тех, кто за ним присматривал. Шёл он неуверенно; было ясно, что он болен и слаб, вероятно, испытывал боль, но он шёл. Рядом с ним зашагал человек-волк в позе собаки, ожидающей приказа. Но Тор не поднимал голову и не смотрел на это существо. Он продолжал идти к камням.

Существа расступились, как у ворот перед Гвеннан и опекуном, оставив свободное пространство у основания насыпи. Здесь Тор остановился и стоял, пошатываясь, руки его безжизненно свисали, ожоги выступали из-под мази. Наконец он поднял голову, и его глаза, мёртвые глаза, устремились на двоих наверху.

Губы его раздвинулись, он зарычал, как могло бы зарычать стоявшее рядом с ним существо. К нему возвращалась жизнь. Огонь, не тот, что сжёг его плоть, внутренний огонь разгорался в нём.

— Я пришёл... — голос его звучал не слабо, не напряжённо, даже не болезненно. В нём слышался вызов.

— Ты пришёл... — ответил спутник Гвеннан.

— Во мне древняя кровь... — теперь в голосе его звучали гордость и сила. Он больше не шатался, спина его распря-

милась. Ожоги его были ужасны, но в этот момент казалось, что они просто одежда, которую можно снять и выбросить.

— В тебе древняя кровь... — опять спокойное подтверждение.

— Приказываю... — Тор поднял руку. Существа, собравшиеся вокруг, ответили гортанным ворчанием. Их красные, как угли, глаза устремились на двоих вверху. Они ждали только жеста или слова, чтобы наброситься, уничтожить.

— Я приказываю... — и тут рука, которая держала руку Гвеннан, от которой в неё вливалось ощущение силы, разжалась. Её спутник прошёл между двумя меньшими камнями и начал спускаться.

Девушка хотела крикнуть, остановить его, но знала, что это бесполезно. Они должны решить между собой, эти двое, так похожие, что их можно было принять за одного человека, если бы не ожоги Тора.

Тор не отрывал взгляда от того, кто подходил к нему. Звери голодно зашевелились. Но тот, кто сдерживал их, по-прежнему побеждал.

Опекун спустился к основанию насыпи, прошёл между двумя чудовищами и остановился на расстоянии вытянутой руки от Тора.

— Ты не можешь взять... — сказал Тор. В нём больше не было никакой насмешливости. Гнев горел в его взгляде; глаза его сверкали, как глаза ждущих чудовищ.

— Я не могу взять... — согласился опекун. — Но ты можешь дать.

Лицо Тора исказилось в гримасе; должно быть, от этого порвалась корка его ожогов. Он высоко поднял сжатые кулаки, как будто хотел нанести смертельный удар стоявшему перед ним человеку.

— Нет! — закричал он, как будто испытывал сильнейшие муки. — Нет! На этот раз всё будет моё!

Опекун продолжал молча ждать. Гвеннан, не сознавая этого, придвинулась ближе.

— Ты не можешь использовать против меня Силу! — воскликнул Тор.

— Я не стану использовать её. Выбор за тобой — и всегда был.

Руки Тора упали, кулаки разжались. На него, как плащ

на плечи, опустилась усталость. Но глаза по-прежнему сверкали.

— Ты не можешь связать меня...

— Только кровь может сделать это. Поэтому ты и не хотел видеть меня, разве не так? Кровь сильна, она связывает...

Тор испустил нечленораздельный крик: «Уйти? Я не уйду! Я свободен!»

— Разве? — одно слово, но Гвеннан видела, как задрожал Тор.

— Я свободен... — теперь слова слышались неясно, потому что Тор руками закрыл лицо. — Я... не... уйду... Я...

— Ты хозяин этих, — опекун указал на чудовищ, сидевших кругом. — Разве этого хочет подлинная кровь? Ты хотел прийти к Силе путями Тьмы?

— Есть другие наши воплощения... мы свободны...

— Свободен? Нет, ты теснее связан цепями, чем любой другой человек. Цепи на тебе не снаружи, а внутри. Как служила Сила таким, кто брал её твоим способом? Вспомни... подумай... как она им служила?

Тор стоял, по-прежнему закрывая лицо руками. «Ты не сможешь...»

— Если бы колесо не завершило оборот, возможно, и не смог бы. Посмотри на меня! — теперь голос звучал резко, в нём слышался приказ, не подчиниться которому Тор не смог.

Он опустил руки и посмотрел прямо в глаза противнику.

И в лице его Гвеннан увидела то, чего никогда не видела раньше, — боль, но не телесную боль, — дух Тора поддавался, смягчался, ломался.

— Если бы не ты... — негромко произнёс Тор. — Не ты и не время...

— Да, если бы не мы оба... и звёзды, которые сделали свой выбор. Но ты тоже ещё можешь выбрать...

Тор сделал лёгкий жест. «Какой у меня выбор? Ты уже пометил меня. Если бы я сумел удержать тебя... Сарис, она победила. Она призвала эту полукровку... — впервые он взглянул на Гвеннан. — Против вас двоих у меня не было шанса. Пусть будет по-твоему...»

Опекун покачал головой. «Не по-моему, нет. Желание должно принадлежать тебе. Нет ни поражения, ни победы. Но то, что разорвано, должно быть соединено, то, что

пошло по неверной тропе, должно быть повёрнуто на верную».

— А Тьма, которая приближается, разве она ничего не значит? — спросил Тор. — Снова Тьма, падение, потом подъём и опять падение. Неужели это будет продолжаться вечно?

— Нет ничего вечного. И Тьма никогда не бывает полной. Ты это хорошо знаешь. В одиночку ты ничего не добьёшься. Нужно множество, и никто не может считаться главным создателем образца.

Тор медленно покачал головой. Он не смотрел на чудовищ, скорее на заснеженный мир вокруг. Потом поднял правую руку и указал на лес. Чудовища зашевелились, послышалось рычание, скрежет, кашель, крики, как будто они обсуждали полученный приказ. Потом повернулись и пошли, размахивая крыльями, топая ногами и копытами. Небо потемнело от туч, и Гвеннан услышала первый раскат грома.

Чудовища достигли края леса. Тор резко опустил руку, будто пробивал невидимую преграду. Вспыхнула ослепительная молния. Гвеннан замигала. Существа исчезли. Она видела только цепочку следов — потом ничего, белизна без единого следа. Ушли в другой мир.

Тор поморщился и пошатнулся. «Дело сделано, давай кончать. Я устал...»

— Ещё нет. Для тебя это не конец. Только начало, конца у которого не будет...

— Конец того, кто сейчас я. Кто знает, что ждёт впереди. Я есть я, все люди держатся за это — даже ты.

— Даже я, — кивнул опекун. — Но всё же повторю: конца нет. Иди и увидишь... — он протянул вперёд обе руки ладонями вверх.

Тор перевёл взгляд с лица незнакомца на эти протянутые руки, потом снова посмотрел в лицо. Медленно, очень медленно он тоже поднял руки, на одной отчётливо видны были ожоги. И Тор пошёл вперед. Гвеннан видела, как он сжал губы: он шёл туда, откуда не будет возврата.

— Иду, — тяжело проговорил он и положил руки на ладони ждущего.

Они простояли так, казалось, целую вечность. Тор упал, и опекун не сделал попытки поддержать или поднять его. Тело свернулось на снегу, голова легла на руки. На лице,

несмотря на ожоги, воцарилось выражение мира — такое же, как на лице леди Лайл в гробу обновления.

— Он?... — она спустилась с насыпи и теперь стояла рядом с опекуном.

— Мёртв? Нет... Посмотри на меня.

Она посмотрела, поднесла руку ко рту и попятилась. Потом перевела взгляд на лежащее тело, потом снова на стоящего перед ней под быстро светлеющим небом человека.

— Ты...

— Я теперь завершён. Колесо повернулось. Обе мои части соединились: та, что обладала честолюбием, пыталась овладеть Силой, и та, что обладала мудростью. Он называл себя полукровкой. Но правильнее было бы называть полуцелым, хотя он этого и не знал. Мы все не избежали безумия в День Конца Мира. Некоторые были затронуты по-другому. Я тоже...

— Ты Рука... Тор... и...

— И ещё другие, множество других, и в них всегда чего-то недоставало. Теперь же я полностью восстановлен.

— Тор...

Он рассмеялся, в голосе его звучало веселье, какого она раньше не слышала. Он широко развёл руки, будто хотел обнять весь мир, сделать его своим. Действительно, в нём чувствовалась цельность и полнота, которую она не смогла бы описать, но знала, что мало таких существ видел мир со дня гибели Орты.

— Так меня будут звать в этом времени.

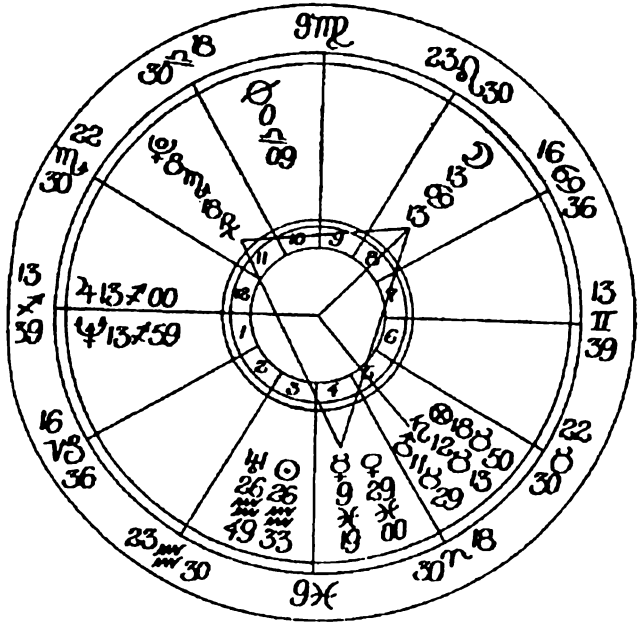
— А он... — девушка взглянула на обгоревшее искалеченное тело и вскрикнула. Оно сморщилось, съёжилось и почернело. Ни следа разложения, просто распад в пепел, подобно дереву, охваченному всепожирающим огнём.

— Это изношенное платье мне больше не нужно, — сказал ей Тор. — Двое стали одним, как и было обещано, и звёздное колесо повернулось. Так бывало и раньше, но на этот раз мы справимся лучше...

— Мы?

— Кровь нашла себе дорогу в мире, — сказал он. — И древняя кровь всегда сказывается. Родич узнаёт родича, как бы далеко дни рождения ни разводили их. Теперь ты это знаешь. Раскрой сердце, протяни руку — и ты увидишь!

Он протянул ей руку, и она взяла её, на это раз от всего сердца, чувствуя, как что-то тёплое и сильное связывает их.

1-й дом: Стрелец восходит. Стрелец даёт высоту — высокий рост и хорошее телосложение. Юпитер в соединении даёт добавочный рост. Солнце тоже высоко. Возможны рыжие волосы.

Нептун в первом доме Стрельца придаёт ей мистические аспекты и склонность к фантазии. Она постоянно мечтает и часто испытывает отчуждённость. Нептун делает её сиротой, и так как он правит также в окружении четвёртого дома, то подчёркивает у неё отсутствие подлинного дома и принадлежности.

Юпитер, правящий в первом доме в соединении, придаёт ей склонность к философским рассуждениям и желание подлинной справедливости, стремление исправить несовершенства, выполнять те же задачи, что и в прошлых существованиях. Юпитер правит сновидениями, поэтому в снах открывается её подлинная сущность и назначение.

12-й дом. В этом доме Скорпион владеет подсознанием, тайными врагами, интуицией, скрытной стороной жизни и

дверями в прошлые существования. Юпитер в двенадцатом доме в соединении действует как ангел-хранитель. Юпитер открывает, что она перенесла из прошлого существования в нынешнее задачу; эта задача теперь должна быть выполнена под охраной и защитой от недругов, которые даёт Юпитер. Скорпион правит в этом доме, а Солнце показывает, что она встретит человека, к которому её влечёт, но которому она не доверяет. Скорпион даёт ключ к подлинной сущности этого человека. Он сопровождает её из прошлых жизней как тайный враг. Но он ей не открыт, потому что двенадцатый дом скрыт от сознательного восприятия. Она должна опасаться его.

Юпитер, уходящий из двенадцатого дома, заставляет её вести замкнутую жизнь.

8-й дом: Рак — физический знак, Луна, правящая им, тоже в восьмом доме. В то время как Козерог во втором доме руководит финансовым состоянием и показывает недостаток денег, восьмой дом имеет отношение к наследству и наследованию. Луна воздействует положительно и дарует ей наследство. Луна дарит ей физические способности, которые усиливаются от того, что Луна составляет часть большой триады. Это указывает, что она, (та, чей гороскоп рассматривается) переживёт кризис в своей жизни и естественную смерть. Юпитер и Луна помогают ей пройти через испытание кармой.

Большая триада — это элемент воды от Луны в Раке к Плутону в Скорпионе и оттуда к Меркурию в Рыбах. Большая триада — это способности, таланты, одарённость, принесённые из другой жизни в эту.

Плутон здесь даёт ей друга, который будет ей очень полезен. Плутон удачно расположен в собственном знаке Скорпиона и управляет трансмутациями или метаморфозами, всеми её жизненными силами и тем, что мы называем смертью, он представляет жизнь, опыт и миссию.

Третья часть большой триады — Меркурий в Рыбах в четвёртом доме. Меркурий означает коммуникацию, Рыбы — иные миры, вместе это означает способность общаться и расширять свои физические возможности. Меркурий управляет путешествиями, он в Рыбах как части триады означает, что она будет путешествовать во времени и пространстве.

3-й дом: здесь Водолей с Солнцем и Уран. Водолей с Ураном в тесном соединении — это означает, что она соображает быстро, ей свойственны озарения, видения из прошлого и будущего. Уран правит её будущим.

Третий дом — это разум и путешествия, Уран даёт ей неожиданные и необычные путешествия.

Уран правит молниями.

Одна из самых значительных конфигураций гороскопа — это Y, или Рука Судьбы. На схеме гигантский Y между тремя планетами. Это редкое сочетание и означает, что данная личность переживёт события, которые полностью изменят её жизнь. В данном гороскопе Рука Судьбы указывает на двенадцатый дом кармы — дом тайн, двери в другие измерения, ключ к другим жизням.

Проходящие планеты в определённых пунктах своих орбит усиливают это сочетание.

Луна, как часть Y, находится в 13 градусах от Рака, точно на градусе звезды Сириус.

ОПАСНЫЕ СНЫ

Часть первая

ИГРУШКИ ТЭМИСАН

Глава первая

— Лорд Старекс, у Фустмэм она числится отличным мастером снов-действий десятой степени!

Джебис был слишком нетерпелив: он нажимал выше меры. И Тэмисан мысленно усмехнулась, но из осторожности сохранила безразличное выражение лица, бросая, правда, быстрые взгляды из-под полуопущенных век. Этот торг относился к ней, именно она была предметом спора, но ей в этом деле нечего было говорить.

Она предполагала, что они находились в обыкновенной небесной башне, которая, казалось, плыла, поскольку её подпоры, тонкие и почти незаметные, несли башню высоко над Ти-Кри. Однако ни одно из окон не выходило на настоящее небо. Все они показывали разные ландшафты, по мнению Тэмисан, — виды других планет; причём некоторые, возможно, были взяты из сновидений, запомнившихся или внушённых.

На ковре из живой травы располагался шезлонг, где полусидел-полулежал владелец башни. Но Джебису не предложили даже придвинутой к стене скамейки, и два других человека в присутствии Лорда Старекса тоже стояли. Они были настоящими людьми, не андроидами, что относило владельца башни к очень состоятельному классу. Один, как предположила Тэмисан, был телохранителем, а другой, помоложе, довольно худой и с недовольным ртом, был одет почти также, как и человек на ложе, но с некоторыми отличиями, показывающими более низкое положение в Доме.

Тэмисан запоминала всё, что видела, и откладывала информацию для будущих отчётов. Большинство мастеров снов обращали мало внимания на окружающий мир, они слишком погрязли в собственных творениях, чтобы замечать реальность. Тэмисан нахмурилась. Она была мастером снов. Джебис и Фустмэм могли подтвердить это; лежащий в шезлонге тоже сможет удостовериться в этом, если заплатит требуемую цену. Но она была и ещё чем-то, хотя и сама не была уверена, чем именно. В ней скрывалось

что-то, отличавшее её от других мастеров, и у неё хватило ума скрывать это с тех пор, как она впервые узнала, что остальные мастера в Улье Фустмэм не могли чисто выходить из снов в реальность, и поэтому некоторых приходилось кормить, одевать и заботиться о них, словно они не знали, что вдобавок ко снам ещё имеют и какие-то тела.

— Мастер снов-действий... — Лорд Старекс шевельнул плечами, и обивка кресла сама немедленно приспособилась к его перемещению с целью предоставить человеку максимум удобств. — А действие во сне — это ребячество.

Тэмисан хорошо владела собой, но внутри у неё вспыхнула искра злобы. Ребячество? О, она показала бы ему ребячество в сновидении, которое она может сплести для клиента. Но Джебиса не задело унизительное замечание возможного покупателя: в его глазах подобное являлось логичным шагом в торговле.

— Если вы желаете Е-мастера... — он пожал плечами. - Но вы ведь потребовали от Улья именно класса А...

Джебис даже рискнул быть чуточку резким. «Неужели он так уверен в этом лорде?» — подумала Тэмисан. Видимо, у него имелась какая-то информация из Дома, которая позволяла ему проявить такую самонадеянность, потому что Джебис вполне мог бы съёжившись от страха ползать на брюхе как последний нищий, если бы посчитал, что на этом заработает один-два кредита.

— Кейс, это твоя идея. Какова цена мастеру снов? — небрежно спросил Старекс.

Младший компаньон сделал два шага вперёд. Он послужил причиной её появления здесь — Лорд Кейс, кузен владельца всего этого великолепия, хотя наверняка, по мнению Тэмисан, не имел в доме никакого авторитета. А тот факт, что Старекс лежал в шезлонге, был продиктован не пренебрежением, а тем, что пряталось под шёлковым халатом, скрывавшим до половины тело Старекса. Человек, не способный более ходить прямо, вполне может найти удовольствие в действиях мастера активных сновидений.

— У неё десятая степень, — напомнил Кейс.

Чёрные брови Старекса сошлись:

— Это верно?

— Верно, Лорд Старекс, - быстро вмешался Джебис. — Из Роя этого года она лучше всех. Именно поэтому... мы и сделали Вам предложение.

— Я не стану платить только за репутацию, — надменно ответил Старекс.

Джебис не обиделся.

— Десятая степень, милорд, не требует демонстраций. Как вам известно, свидетельство Улья не может быть подделано. У меня важное дело в Броке, и я должен срочно выехать туда, поэтому только я и продаю её, рискуя разориться. Сама Фустмэм предлагала сдавать её в аренду.

Тэмисан, не имея ничего, чтобы держать пари, и никого, с кем его держать, на сей раз поставила бы на своего дядю. Дядя? Тэмисан не считала себя в кровной связи с этим насекомым в образе человека, с его морщинистым лицом, вечно бегающими глазами и худыми руками с полускрюченными пальцами, которые всегда напоминали ей вытянутые клешни краба. Конечно, её мать нисколько не напоминала дядю Джебиса, поскольку отец нашёл её в достаточной степени притягательной в постели, и не на одну ночь, а на полгода.

Не впервые Тэмисан думала о своих родителях. Её мать не создавала сны, но у неё была сестра, которая умерла (что прискорбно для семейного благосостояния) в Улье во время юношеской стимуляции как Е-мастер. Её отец пришёл из другого мира, чужак, но достаточно гуманоидный, чтобы дать потомство. Он снова исчез с планеты, когда желание бороздить звёздные пути начало слишком одолевать его. И если бы Тэмисан не выказала столь рано свой талант мастера снов, дядя Джебис и остальные члены клана Кески никогда бы не задумались об её будущем, когда мать её умерла от синей чумы.

Тэмисан была полукровкой и оказалась достаточно умна, чтобы рано понять, какое преимущество даёт ей разница между её силой и силой других в Улье. Способность творить сны - врождённый талант. Для мастеров низкой степени это был всего лишь уход из мира, хотя и такие мастера широко использовались. Но другие, которые могли передавать сновидения, включая других в цепь, брали высокую цену в соответствии с силой и стабильностью своих творений. Е-мастера, творящие эротические и сладострастные сны, обычно ценились выше, чем мастера активных снов. Но в последние годы произошёл переворот в обратную сторону, хотя Тэмисан и не знала, долго ли это продержится. Те, кому повезло иметь теперь

для продажи А-мастера, старались сбыть свой товар побыстрее, пока цена не упала.

Скрытый талант Тэмисан состоял в том, что она никогда полностью не оставалась в мире сна, как было с теми, кого она отправляла туда (она обнаружила это совсем недавно и держала это открытие при себе). И таким образом она могла в какой-то мере управлять связью, а не быть бессильной пленницей, вынужденной воплощать в снах чужие желания.

Она вспоминала всё, что знала о Лорде Старексе. То, что Джебис хотел продать её владельцу небесной башни, было ясно с самого начала, и естественно, что он выбирал, по его мнению, самую лучшую сделку. Однако, хотя по Улью бродили самые разные слухи, Тэмисан была уверена, что многое из рассказов о других мирах подавалось в неточном и искажённом виде.

Мастера снов старательно ограждались от реальной повседневной жизни, их талант лихорадочно питался и укреплялся продолжительными занятиями с проекторами Три-Ди и информационными лентами.

Старекс, в противовес большинству людей своего класса, вёл деятельный образ жизни. Он нарушил обычаи касты, отправившись в длительное путешествие к другим мирам. И только после какого-то таинственного несчастного случая, искалечившего его, он стал затворником, видимо, скрывая увечное тело. И он не из тех, кто сам идёт в Улей за товаром. Наверняка их вызвал сюда Лорд Кейс.

О Старексе трудно было что-либо сказать, пока он лежал в шезлонге, и большая часть его тела скрывалась под сказочным шёлком. Тэмисан посчитала, что стоя он окажется на голову выше Джебиса, и он выглядел хорошо сложенным и мускулистым, больше похожим на своего стража, чем на кузена.

Лицо его было весьма необычным: от широкого лба и скул оно сужалось к крепкому подбородку, и это придавало его голове клинообразную форму. Кожа имела тёмный загар, почти такой же, как у космолётчиков. Чёрные волосы были так коротко острижены, что казались плотной бархатной шапкой, особенно по контрасту с длинными прядями его кузена.

Лютрексовая туника модного цвета была сшита из дорогого материала, но менее украшена, чем у молодого человека. Широкие и свободные рукава легко соскальзы-

вали, когда он поднимал руки. На нём была единственная драгоценность - камень коросс, вставленный в покачивавшуюся на уровне челюсти серьгу.

Тэмисан не назвала бы его красивым, однако чем-то он приковывал внимание. Возможно, своей надменной уверенностью в невозможности пойти наперекор его желаниям. Но он никогда ещё не встречался с Джебисом, и теперь, возможно, даже Лорду Старексу придётся чему-то научиться.

Изгибаясь, вертясь, негодуя, убеждая и пользуясь всеми хитростями, отточенными огромным опытом в делах, Джебис торговался. Он призывал богов и демонов в свидетели его бескорыстного желания угодить, а также его отчаяния, что его неправильно понимают. Творилось настолько выдающееся представление, что Тэмисан отобрала лучшие отрывки в свой резервуар памяти для применения в сновидениях. Действие было гораздо более возбуждающим, чем Три-Ди, и она удивлялась, почему живой драматический материал не ценится в Улье. Может быть, Фустмэм и её помощницы панически боялись любого клочка реальности, способной пробудить мастеров от их постоянного погружения в собственные творения.

На минутку она подумала, что лорд Старекс тоже развлекается этим представлением. Но затем в его лице появилось нечто вроде усталости, намекающей на скуку, хотя это ненормально для любого желающего иметь личного мастера снов. Затем внезапно, как будто ему всё надоело, он перебил самую страстную мольбу Джебиса о небесном понимании его правоты одной простой фразой:

— Я устал, парень. Возьми свою цену и уходи...

И лорд закрыл глаза.

Стражник достал из своего пояса кредитную пластинку, протянул длинную руку через спинку шезлонга, чтобы лорд Старекс приложил большой палец к поверхности пластинки, утверждая платёж, и швырнул её Джебису. Она упала на пол, и маленький человечек заскрёб по ней пальцами. Тэмисан заметила выражение его бегавших глаз. Джебису не слишком нравился Лорд Старекс, но это не означало, конечно, что он презирает и кредитную пластинку, которую в это время пытался ухватить.

Он откланялся, даже не взглянув на Тэмисан. Она осталась стоять, как будто была андроидом. Лорд Кейс

шагнул вперёд и легко коснулся её руки, как бы считая, что она нуждается в руководстве.

— Пошли, — сказал он, его пальцы схватили запястье девушки и потянули за собой. Лорд Старекс не обратил никакого внимания на своё новое приобретение.

— Как тебя зовут? — Лорд Кейс говорил медленно, подчёркивая каждое слово, словно должен был пробить какую-то завесу между ними. Тэмисан догадалась, что он имел контакт с мастерами низшего класса, которые всегда теряются в реальном мире. Осторожность советовала оставить Лорда в уверенности, что она также ошеломлена. Поэтому она медленно подняла голову и посмотрела на него, всем своим видом показывая, что ей трудно сфокусировать взгляд.

— Тэмисан, — ответила она после достаточной паузы. — Я — Тэмисан.

— Красивое имя — Тэмисан, — произнёс он, как если бы обращался к слабоумному ребёнку. — Я Лорд Кейс. Я твой друг.

Но Тэмисан, столь восприимчивая к оттенкам голосов, подумала, что хорошо сделала, разыграв растерянность. Кем бы ни был Кейс, другом он ей не был, разве что это отвечало его целям.

— Вот твои комнаты, — он провёл её по холлу к дальней двери, где коснулся рукой поверхности стены, чтобы открыть световой замок. Затем он ввёл Тэмисан в овальную комнату с высоким потолком. Окон в ней не было. Центр комнаты спускался рядом широких ступеней к водоёму где маленький фонтан поднимал вокруг себя душистый туман и капал обратно в белый костяной бассейн. На ступенях лежало множество подушек и мягких ковриков нежных оттенков голубого и зелёного цвета. Овальные стены были задрапированы тканью эпдекс светло-серого оттенка с линиями и завитками бледно-зелёного цвета.

В создание и убранство комнаты было вложено много заботы. Возможно, Тэмисан завершала ряд мастеров сна, потому что это было настоящим местом отдыха, такой роскоши для мастеров не знали даже в Улье.

Полоса гобелена скользнула вверх по стене, и в комнату вошла личная телохранительница-андроид Тэмисан. Её овальную голову увенчивали фасеточные глаза-пластинки

и слушающие сенсоры. Гуманоидное голое тело было белым, как слоновая кость.

— Это Пурпей, — сообщил Кейс. — Она будет следить за тобой.

«Мой страж», — подумала Тэмисан. Работа робота-андроида, возможно, будет ей неприятна, а самое главное — Тэмисан в этом не сомневалась — белое существо воспрепятствует любой попытке выбраться на свободу.

— Если ты что-нибудь пожелаешь, скажи Пурпей, — Кейс выпустил её руку и повернулся к двери. — Когда Лорд Старекс пожелает видеть сны, он пошлёт за тобой.

— Я в его распоряжении, — пробормотала Тэмисан нужный ответ.

Она проводила Кейса глазами и повернулась к Пурпей. Тэмисан имела все основания считать, что андроид запрограммирован записывать каждое её движение. Но неужели кто-нибудь здесь думает, что мастер снов может иметь желание стать свободным? Мастер снов желает только сна: это её жизнь, вся жизнь. Оставить место, которое благоприятствовало такой жизни, было бы сродни самоубийству, о чём дисциплинированный мастер снов и подумать не может.

— Я хочу есть, — сказала она андроиду.

— Пища готова, — Пурпей подошла к стене и снова откинула в сторону полосу ткани, за которой скрывался ряд кнопок: андроид быстро набрала сложную последовательность.

Вскоре прибыл закрытый поднос с яствами, каждое в своём горячем или холодном отделении, и Тэмисан поела. Она узнала обычные блюда диеты мастеров, только они были приготовлены гораздо лучше и поданы красивее, чем в Улье.

Девушка ела, пользовалась ванной, скрытой за другой стеной, куда Пурпей водила её, и ей так хорошо спалось на подушках рядом с бассейном, где лёгкая игра воды выводила бесконечную убаюкивающую мелодию.

Время почти ничего не значило в овальной комнате. Тэмисан ела, спала, купалась и смотрела Три-Ди, который по её просьбе принесла Пурпей. Будь она такой же, как остальные в Улье, такое существование было бы для неё идеальным. Но Тэмисан, наоборот, становилась беспокойной, когда её долго не звали показать своё искусство.

Она оказалась здесь пленницей, и никто из обитателей небесной башни, похоже, не знал о ней.

Можно предпринять только одно — решила Тэмисан после второго пробуждения. Мастеру снов разрешалось, хотя в обязанность это и не вменялось, изучать личность хозяина, которому она должна служить, если она имела статус личного мастера, а не была арендована от Улья. Теперь она имела право просить ленты, касавшиеся Старекса. По сути дела, могло бы даже показаться странным, если бы она этого не сделала, так что она и потребовала их. Таким образом, она узнала кое-что о Старексе и его домочадцах.

Кейс имел когда-то личное состояние, которое улетучилось в результате какой-то катастрофы, когда он был ещё ребёнком. Он был в некотором роде усыновлён отцом Старекса, главой клана, и после болезни Старекса действовал в качестве его поверенного. Личным телохранителем служил Улфилес, инопланетный наёмник, которого Старекс привёз из своих звёздных странствий.

Но Старекс, если не считать небольшого набора голых фактов, оставался загадкой. Он как-то совсем не походил на других. Он искал перемен в других мирах, но то, что он смог найти там, не излечило его от вечной усталости жить. Данные об его личной жизни были очень скудны. Теперь Тэмисан была уверена, что любой из домочадцев был для него только орудием, которым он без раздумий пользовался или отбрасывал. Он не был женат, а связи с женщинами, которых он приближал к дому (больше их стараниями, чем прямыми действиями с его стороны), не длились долго. По существу, он настолько затворился в раковине безразличия, что Тэмисан сомневалась, а есть ли в этом укрытии реальный человек.

Девушка стала размышлять, почему Лорд позволил Кейсу добавить её к его собственности. Чтобы хорошо использовать мастера снов, хозяин должен быть готовым участвовать в сновидении, а прочитанные Тэмисан ленты ясно давали понять, что безразличие Старекса ставит барьер любому активному сновидению.

Чем больше Тэмисан узнавала, тем более это казалось ей вызовом. Она лежала возле бассейна в глубоком раздумье, хотя мысли блуждали даже больше, чем она сама догадывалась, от жёстких упражнений, полагающихся мастеру десятой степени. Придумать сон, который может

пленить Старекса, — это действительно вызов. Лорд хотел действия, однако, как ни хороша была подготовка Тэмисан, её не хватало, чтобы увлечь его. Следовательно, её действие должно принять новый оборот.

Они жили в сверхискушённом веке, когда звёздные путешествия стали обычным фактом, и хотя ленты не указывали детально, чем Старекс занимался в других мирах, было ясно, что Лорд много экспериментировал с природой своего времени.

Значит, он будет удовлетворён неизвестным. Она не нашла в лентах даже намёка на садистские или извращённые наклонности, и она знала, что если бы он тянулся к такого рода снам, она, Тэмисан, не годилась для этого. Да и Кейс выставил бы в Улье иные требования.

В Доме имелось множество исторических лент, из которых она могла бы кое-что взять, но все они были копаны и перекопаны. Будущее было чересчур затаскано, надоело. Тёмные брови Тэмисан сдвинулись над закрытыми глазами. Банально. Всё, о чём она думала, было банальным! И вообще, чего ради она беспокоится? Она даже не знает, почему её так сильно увлекает желание создать сон, который вытряхнет Старекса из его раковины и докажет ему, что Тэмисан достойна своего ранга. Может, отчасти потому, что он и не думает посылать за ней, чтобы предоставить ей возможность доказать свою силу. Судя по его безразличию, он наверняка думает, что она не сможет предложить ничего нового.

Тэмисан имела право затребовать хоть всю библиотеку лент из Улья, а это было самое большое собрание на звёздных путях. Ну, ещё бы! Многие корабли посылались только для того, чтобы привезти новые знания, которые будут питать воображение мастеров сна!

История... Её мысли вернулись к прошлому, хотя оно было слишком затёрто для её цели. История... Что такое история? Серия событий, действий личностей или наций. Действия имели результаты. Тэмисан села на подушках. Р е з у л ь т а т ы д е й с т в и я! Иногда одно единственное действие имело следствием далеко идущие результаты: смерть правителя, исход битвы, посадка звёздного корабля... или его гибель при посадке.

Так...

Мерцающий огонёк идеи окреп. История может иметь множество путей рядом с уже известным. Но могла ли

Тэмисан воспользоваться этим? Ведь тут имелись бесчисленные возможности. Руки Тэмисан сжали полы халата. Решение проблемы начало вырисовываться. Но требуется время... Тэмисан больше не сетовала на равнодушие лорда. Пусть оно даже продлится — ей дорога каждая минута.

— Пурпей!

Андроид материализовался из-за гобелена.

— Мне нужны некоторые ленты из Улья, - она заколебалась. Несмотря на нетерпение, она должна действовать гладко и точно. — Послание Фустмэм: прислать Тэмисан ленты истории Ти-Кри пятилетней давности.

Ей нужна была история единственного города, который создал небесные башни. Тэмисан начнёт с малого, но опробует свою идею. Сегодня это будет один город, завтра — планета, а затем — кто знает, может, и звёздная система. Она обуздала своё возбуждение. Сделать предстояло многое. Ей нужно время и записывающее устройство. Но, во имя Четырёх Грудей Власты, только бы ей удалось это сделать!

Время, похоже, у неё имелось, хотя в душе постоянно тлела искорка страха: вызов лорда мог прийти в любое время. Но вот из Улья прибыли ленты и рекордер, и она заметалась от одного к другому, делая выписки из того, что узнавала. Когда ленты были прокручены, она принялась лихорадочно изучать заметки. Теперь новая идея означала для неё больше, нежели просто инструмент для развлечения трудного хозяина. Идея поглотила Тэмисан целиком, словно она была мастером низшей степени, попавшей в собственное творение.

Когда Тэмисан осознала опасность такого положения, она бросила изучение и вернулась к лентам дома, чтобы разузнать всё, что можно, о Старексе.

Но когда наконец пришёл вызов, она снова пробежала свои заметки. Тэмисан не знала, сколько времени провела в небесной башне, потому что дни и ночи в овальной комнате не имели различий. Она ела и спала только заботами Пурпей.

За Тэмисан пришёл Лорд Кейс. Она еле-еле успела исполнить свою роль растерянного мастера, когда он вошёл.

— Ты здорова, счастлива? — спросил он, как это было принято.

— Радуюсь хорошей жизни.

— Лорд Старекс желает войти в сон, — Кейс потянулся к её руке, и она не возражала. - Лорд Старекс требует многого. Предложи же ему самое лучшее, мастер снов, — он как бы предупреждал её.

— Мастер снов спит, — ответила она неопределённо, — и её сон можно разделить.

— Правильно, но лорду Старексу трудно угодить. Сделай для него самое лучшее, мастер.

Она не ответила. Он вывел её из комнаты в серый коридор, а затем вниз, к нижнему уровню. Комната, в которой они в конце концов очутились, имела знакомую ей обстановку: ложе для мастера, второе для разделяющего сон, и между ними связующая машина. Но тут стояло ещё и третье ложе. Тэмисан удивлённо взглянула на него.

— Спят двое, а не трое.

Кейс покачал головой.

— Лорд Старекс хочет, чтобы ещё один человек разделил сон. Связь новой модели машины, очень сильная. Это уже проверено.

Кто же будет третьим? Улфилес? Неужели лорд Старекс хочет затащить телохранителя с собой в сон?

Дверь отворилась, и вошёл лорд Старекс. Он шёл с трудом, волоча ногу, словно не мог ни согнуть её в колене, ни управлять ею мышцами, и потому тяжело наваливался на андроида. Когда слуга уложил его на кушетку, он даже не взглянул на Тэмисан, а только слегка кивнул Кейсу.

— Займи своё место, — приказал он.

Может быть, Старекс боялся сонного состояния и хотел иметь Кейса в качестве контроля, поскольку Кейс определённо спал и раньше.

Затем Старекс повернулся к Тэмисан и, взяв корону для сна, повторил движения, которыми Тэмисан прилаживала такой же обруч на свою голову.

— Ну, показывай, что ты можешь предложить.

В его голосе промелькнула тень враждебности и вызова, из чего она заключила, что он не верит в её возможности.

Глава вторая

Девушка не могла позволить себе сейчас думать о Старексе: она должна думать только о сне. Она должна творить, не сомневаясь, что её творение будет идеальным.

Тэмисан закрыла глаза, укрепила волю, потянула в своё воображение все нити изученных лент и стала ткать сон.

С минуту всё было, как и в начале любого сна, а потом...

Она не следовала, а лишь наблюдала, внимательно и критически, за тем, что сама проворно пряла. Но получилось так, как будто сеть внезапно стала реальной и туго сплела Тэмисан, как паутина фис-паука запутывает синекрылого мотылька.

Такого сна Тэмисан ещё никогда не создавала и паника так охватила её, что она не могла даже крикнуть, да и голоса не осталось. Она падала всё ниже и ниже из какой-то точки наверху, пока не свалилась на кустарник, немного задержавший её падение, и, наконец, больно ударилась, отчего почти потеряла сознание. Она лежала неподвижно, тяжело дыша, с закрытыми глазами, и боялась открыть их и увидеть, что она и в самом деле попала в какой-то кошмар, а не в правильное сновидение.

Наконец она медленно справилась с кружащей голову растерянностью и попыталась обрести контроль не только над своими страхами, но и над своими силами мастера снов. Затем она осторожно открыла глаза.

Над ней простиралось бледно-зелёное небо со следами тонких серых облаков, похожих на длинные слепившиеся пальцы. Небо было таким же реальным, как и любое небо, находись она в собственном мире и времени. В с о б с т в е н н о м в р е м е н и и м и р е!

Она подумала об идее, которую реализовала, чтобы поразить Старекса. Разум её оживился. Неужели то, что она работала с новой теорией, пытаясь создать новый поворот сновидениям, могущим пробить безразличие усталого человека, вызвало это?

Тэмисан села, вздрагивая от боли ушибов и огляделась. Она находилась на гребне небольшого бугра. Местность вокруг отнюдь не была дикой... Земля была ровной, обработанной, тут и там виднелись скалы, разумно обтёсанные и обвитые цветущими виноградными лозами. Но некоторые скалы были абсолютно голые, мрачные и все они спускались к стене. Они имели самую разнообразную форму: от смутно приемлемой гуманоидной до гротескно чудовищной. Тэмисан, разглядев их поближе, решила, что их вид ей не нравится. Они были не из её воображения.

За стеной теснилась группа строений. И поскольку Тэмисан привыкла видеть небесные башни и меньшие, но

зато более основательные здания, эти показались ей необычно приземистыми и тяжёлыми. Насколько она могла видеть, самый высокий дом имел всего три этажа. Здесь люди не тянулись к звёздам, а жались к земле.

Но где это — з д е с ь? Это не её сон. Тэмисан закрыла глаза и сосредоточилась на начале того сна, который она планировала. Они должны были попасть в мир, созданный её воображением, а вовсе в не этот. Её основная идея была довольно проста, но, насколько она знала, ни один мастер ею не пользовался. Идея же состояла в том, что прошлая история мира Тэмисан могла быть изменена много раз за время своего течения. Тэмисан взяла три основные точки перемен и изучала, что могло бы произойти, если бы судьба дала этим точкам противоположное решение.

Зажмурившись, чтобы не видеть этой кажущейся реальности, в которую она попала, Тэмисан сосредоточилась на выбранных ею точках.

Приветствие Верховной Королевы Ахты — первая точка.

Что бы случилось, если бы первый звёздный корабль при своём приземлении не был бы принят за сверхъестественное явление, и маленькое королевство, в котором он коснулся почвы, не приняло бы его экипаж как богов, а встречало бы его отравленными дротиками?

Потеря «Странника», — вторая точка.

Это был корабль колонистов, отклонившийся от предписанного ему курса из-за поломки бортового компьютера. Ему пришлось приземлиться здесь, иначе его пассажиры могли погибнуть.

Что бы произошло, если бы поломки компьютера не было, и «Странник» продолжил бы свой путь?

Смерть Силта Сладкоголосого до того, как он добрался до алтаря Иктио — третья точка.

Этот проповедник не оказался бы той жестокой силой, что повела кровопролитное восстание от храма к храму и погрузила во тьму три четверти планеты.

Тэмисан выбрала эти точки, но вовсе не была уверена, что одна не может зачеркнуть другую. Силт повёл восстание против колонистов со «Странника». Если бы приветствие не состоялось... Тэмисан не знала, она лишь пыталась найти рисунок событий, а затем вообразить современный ей мир, исходя из этих перемен.

Она снова открыла глаза. Нет, это не её воображаемый мир. Во сне никто не ушибает рёбра, не сидит на влажной

земле, не чувствует ветра и не позволяет дождю мочить волосы и платье.

Она подняла руки к голове: что с сонной короной?

Её пальцы коснулись металлического плетения, но шнуров не оказалось. Тут она впервые вспомнила, что была связана со Старексом и Кейсом, когда это случилось.

Тэмисан встала и огляделась вокруг, надеясь увидеть их где-нибудь поблизости... Нет, она была одна, а дождь всё усиливался. Возле стены виднелся навес, и Тэмисан поспешила к нему. Три кривых столба поддерживали маленький купол. Стен не было, и она встала в самом центре, чтобы избежать приносимой ветром влаги. Она никак не могла избавиться от ощущения, что это не сон, а самая настоящая реальность.

Тэмисан попыталась победить панику и обдумать случившееся. Неужели она попала в вероятностный Ти-Кри, который мог бы существовать, если бы выбранные ею три ключевые точки и в самом деле получили бы другое решение? А если так, не может ли она вернуться, пересмотрев эти точки в обратном порядке? Она закрыла глаза и сосредоточилась.

Выворачивающее желудок головокружение... Она покачнулась. Сотрясаемая тошнотой, она оставила попытку и открыла глаза дождю. Она силилась понять, что же произошло. Это головокружение напоминало ощущение нарушенного сна, но это означало, что она во сне. Однако было совершенно ясно, что она здесь пленница. Но к а к и п о ч е м у? Глаза её сузились, хотя она смотрела внутрь себя, а не на дождь. И з - з а к о г о?

«Допустим... допустим, что один или оба из тех, кто делил мой сон, также появились в этом месте, хотя оно и неправильное. Тогда я должна найти их. Мы должны вернуться вместе, потому что оставшийся станет якорем для остальных. Нужно найти их как можно скорее!»

В первый раз она взглянула на мокрое платье, прилипшее к её стройному телу. Это был не серый балахон мастера снов, а длинное, хлопающее по лодыжкам платье тёмно-фиолетового цвета, почему-то показавшееся ей уместным и приятным.

От колен до самого низа по платью шла кайма замысловатой вышивки. Узор был так запутан, что Тэмисан не могла выделить ни одной его детали. Но, как ни странно, чем дольше она рассматривала его, тем более вышивка

казалась ей не нитями на ткани, а словами на странице рукописи, какие она видела на видеолентах по древней истории. Нити эти были металлически-зелёные и серебряные, и среди них мелькнуло только несколько мелких штрихов более светлого оттенка фиолетового.

По талии протянулся пояс из серебряных звеньев с широкой пряжкой того же металла, усыпанный пурпурными камнями. К поясу была пристёгнута сумка. Платье от горловины до пояса зашнуровывалось серебряными шнурками, продетыми сквозь металлические петли в ткани. Рукава длинные, широкие, разрезанные от локтя вниз на четыре части, отлетевшие от рук, когда Тэмисан подняла их, чтобы снять корону сна.

Но сняла она отнюдь не знакомую ей полусферу, плотно прилегавшую к её коротко остриженным волосам, а нечто вроде серебряного обруча, от которого поднимались вверх проволочки или полоски металла по крайней мере на фут и там сходились конусом. На его верхушке крепилось прекрасно изготовленное летающее существо со слегка опущенными крыльями и крошечными блестящими камешками глаз.

Когда она слегка повернула корону, длинная шея существа изменила положение, и крылья его дрогнули. Тэмисан сначала так испугалась, что чуть не выронила корону, подумав, что существо живое.

Но она вспомнила одну из исторических лент. Такая птица могла быть только флакаром Олавы. Тэмисан носила её, значит, она была Устами Олавы — частично жрицей, частично чародейкой и, как ни странно, — частично шутом. Но судьба благоприятствовала ей в этом. Уста Олавы могли свободно бродить где угодно и, кажется, просто заниматься своими обычными делами.

Тэмисан провела рукой по голове, прежде чем снова надеть корону, и пальцы её коснулись не короткого ёжика мастера снов, а мягких влажных прядей, завивавшихся на лбу и шее.

Конечно, она всегда придумывала себе одежду для сна; но на этот раз она представляла себя не такой, и то, что она стала Устами Олавы, тоже случилось не по её воле. Но ведь время Олавы относится ко времени правления Верховной Королевы. Значит, Тэмисан каким-то образом перенеслась назад во времени. Чем раньше она узнает, где она и когда, тем будет лучше.

Дождь утихомирился, и Тэмисан вышла из-под купола. Взбираясь обратно на холм, она приподнимала платье обеими руками. Поднявшись на вершину, девушка медленно обвела взглядом окрестности, пытаясь обнаружить кого-нибудь ещё в этом странном мире.

Но вокруг не было никого и ничего, кроме каменных фигур и редкой растительности. Под ногами остались стена и купол. Но позади Тэмисан обнаружила второй холм, выше этого, наверху которого выглядывала крыша, видимая только отдельными частями сквозь кроны деревьев. Крыша имела гребень, заканчивавшийся с каждой стороны резким завитком, так что здание как бы имело на каждом конце уши. Крыша ярко блестела зелёным цветом, несмотря на тучи над ней.

Направо и налево Тэмисан мельком увидела изгиб стены, опять каменные фигуры и цветы или кустарники.

Подобрав подол, девушка стала подниматься по склону высокого холма в поисках дороги или тропинки, ведущей к зданию. Она обнаружила её, обойдя густой плотный куст с громадными красными цветами. Это была широкая дорога, вымощенная мелкими цветными камешками по прочному основанию, и вела она к воротам здания на вершине холма.

Строение по форме показалось чем-то знакомым, но чем, Тэмисан не смогла определить. Может, что-то похожее она видела на Три-Ди. Дверь была такая же блестяще-зелёная, как и крыша, а стены — бледно-жёлтые, и в них через правильные интервалы были прорезаны узкие окна, высотой от основания до крыши.

Пока Тэмисан стояла, недоумевая, где же она видела такой дом, из него вышла женщина. На ней было такое же, как и у девушки, платье, зашнурованное на груди и с разрезанными рукавами, но только зелёное, как дверь дома, так что когда она встала в дверях, хорошо видны были только её голова и руки. Она красноречиво взмахнула рукой, и Тэмисан внезапно поняла, что это именно её зовут и ждут. И снова она почувствовала неловкость.

В своих снах она широко использовала встречи и прощания, но они всегда были придуманы ею самой, и ничто не происходило помимо её желания. Люди в её снах были игрушками, фишками, двигавшимися туда или сюда только по её желанию, и она всегда управляла ими.

— Тэмисан, тебя ждут, иди скорее! — закричала женщина.

Тэмисан на минуту задумалась, не убежать ли ей в другую сторону, но необходимость узнать, что же всё-таки происходит, заставила её зашагать навстречу возможной опасности — к женщине.

— О, ты вся промокла! Сейчас не время гулять по саду. Первая просит вестей из Уст. Если ты рассчитываешь на щедрость её кошелька, поспеши — иначе ей надоест ждать!

Дверь открылась в узкий проход, и женщина подтолкнула Тэмисан ко второй двери, расположенной напротив первой. Они вошли в большую комнату, в центре которой кружком стояли кушетки. Возле каждой находился маленький столик, заставленный блюдами. Прислуживающие девушки уже уносили их — видимо, трапеза закончилась. Между кушетками стояли высокие, в рост Тэмисан, подсвечники со свечами толщиной в руку, от которых исходил не только яркий свет, но и нежный запах.

В середине круга диванчиков возвышалось кресло с высокой спинкой и балдахином, в котором сидела женщина со стаканчиком в руке. На ней был меховой плащ, закрывающий почти всё её платье, только кое-где мерцало золото, выхваченное огнём свечей. Капюшон из той же, похожей на металл, ткани открывал только её лицо, лицо старой женщины с глубокими морщинами и ввалившимися глазами.

Диваны занимали мужчины и женщины — женщины рядом с креслом, а мужчины как можно дальше от древней благородной дамы. Прямо напротив неё стояло другое внушительное кресло, только без балдахина и перед ним — стол, на четырёх углах которого размещались небольшие чаши: кремовая, бледно-розовая, светлоголубая и зелёная, как морская пена.

Кладовая знаний Тэмисан выдала ей некоторую установку. Сидение предназначалось для магии Уст, и от Тэмисан требовалось услуги предсказательницы. Что же она сделала, позволив привести себя сюда? Сможет ли она сыграть роль достаточно хорошо, чтобы обмануть эту компанию?

— Я голодна, Уста Олавы. И жажду, но не того, что питает тело, а того, что удовлетворяет разум, — старая женщина слегка наклонилась вперёд. Голос её был слабым от возраста, но нёс в себе силу власти, силу человека,

который очень давно не встречал противодействия своему слову или желанию.

«Придётся импровизировать», — решила Тэмисан. Она была мастером снов и разрабатывала в сновидениях многие странные ритуалы, и теперь нужно было только вспомнить. Её мокрые юбки липли к ногам и бёдрам, когда она, не оглядываясь на женщину позади себя, прошла вперёд и села в кресло напротив своей клиентки. Она потянулась к слабым всплескам памяти, которая внезапно оказалась вроде бы и не совсем её собственной, но Тэмисан ещё не осознала это полностью.

— Что ты хочешь знать, Первая? — она инстинктивным жестом подняла руки и коснулась пальцами висков.

— Что будет со мной... и с моими... — последние два слова были произнесены почти как вздох.

Руки Тэмисан двинулись сами собой, и она задохнулась в изумлении. Она словно повторяла действия, известные ей также хорошо, как и техника мастера снов. Левой рукой она зачерпнула песок из кремовой чаши. Он был немного темнее, чем сама чаша. Резким движением девушка бросила песок, и он рассыпался по столу тонким, как плёнка, гладким слоем.

Это не было её сознательным действием: будто кто-то другой руководил ею. Женщина в кресле наклонилась вперёд, и по её молчанию было ясно, что всё идёт правильно.

Опять-таки без приказа разума правая рука Тэмисан взяла синего песку из голубой чаши. На этот раз она не бросила песок, а сжав в кулаке его мелкие зёрна, медленно провела им над столом, так что песок сыпался тонкой струйкой и оставил рисунок на первом слое.

Это был именно рисунок, а не случайный разброс. Он изображал меч с эфесом чашкой и чуть изогнутым лезвием, сужающимся до тонкого острия.

Теперь рука Тэмисан потянулась к розовой чаше. Песок в ней был тёмно-красный, он казался крупинками только что пролитой крови. Тэмисан также сжала его в кулаке, и высыпавшаяся струйка превратилась в космический корабль. По своим контурам он слегка отличался от тех, что Тэмисан видела всю жизнь, но ошибиться было невозможно. Это был корабль, и он парил над столом, как бы угрожая спуститься на остроконечный меч. А может, это меч угрожал ему?

Тэмисан услышала вздох изумления, а возможно, и страха. Но звук этот исходил не от женщины, которая ждала предсказаний; он вырвался, видимо, у какого-то другого члена общества, напряжённо следившего, как Тэмисан рисует цветным песком.

Теперь она потянулась к последней чаше, но взяла оттуда только щепотку. Она высоко подняла руку над рисунком и разжала пальцы. Зелёные пылинки поплыли вниз и собрались в знак в виде круга, в котором не хватало одной части.

Тэмисан всмотрелась в него, и под силой её взгляда он немного изменился. Он стал символом, который Тэмисан хорошо знала. Это была эмблема, правда, упрощённая, но легко читаемая — эмблема Дома Старекса, и она легла одновременно на край корабля и на эфес меча.

— Прочти это! — резко потребовала благородная дама.

К Тэмисан откуда-то пришли слова:

— Это меч Ти-Кри, поднятый для защиты.

— Точно, точно! — пробежал шепоток по диванам.

— Корабль идёт как опасность.

— Эта штука? Но это не корабль.

— Это корабль со звёзд.

— Вай, вай, вай! — раздался уже не шёпот, а крик страха.

— Во времена наших отцов мы имели дело с фальшивыми существами. Ахта, пусть твой дух будет нашим щитом, нашим мечом!

Благородная дама жестом призвала всех к молчанию.

— Хватит! Клича почитаемых духов, можно вызвать их, но это не значит, что они будут помогать нам, а не сражаться в собственных интересах. Во времена Ахты здесь бывали небесные корабли, и мы имели с ними дело — в н а ш и х интересах. Если такой корабль придёт — мы предупреждены, а значит, и вооружены. Но что заключено в зелёном, о Уста Олавы? Это удивило даже тебя.

Тэмисан имела время подумать. Если правда, что она привязана к этому миру теми, кого привела сюда, то она должна их найти, и совершенно ясно, что в этой компании их нет. Следовательно, ей придётся поработать на себя.

— Зеленый знак — это боец, способный вступить в бой. Но о нём ничего не известно, кроме того, что знак указывает на него, и, возможно, это увидит только тот, кто имеет дар.

Тэмисан взглянула на благородную даму. Встретившись

со взглядом старческих глаз, она почувствовала холод, и этот холод исходил не от всё ещё влажной одежды девушки — он шёл от этих тёмных глаз, которые привыкли безжалостно допрашивать и не принимать ничего без доказательств.

— И что же, тот, кто, как ты говоришь, имеет дар, будет обыскивать весь Ти-Кри, загородную местность, а может, и до границ мира?

— Если понадобится — да, — твёрдо ответила Тэмисан.

— Долгое же будет путешествие и много опасных шагов. А если корабль придёт раньше, чем будет найден боец? Я думаю, о Уста, что будущее города, королевства и народа висит на слишком тонкой нитке. Смотри как хочешь, но я бы сказала, что у нас имеются более проверенные способы борьбы с непрошенными гостями. Однако, Уста, поскольку ты сделала предупреждение, пусть оно запомнится.

Старуха опёрлась на подлокотники кресла и встала. Вся её свита тоже поднялась, две женщины поспешили к ней, чтобы она положила руки им на плечи для поддержки. Она вышла, не взглянув на Тэмисан, и мастер снов не встала, чтобы проводить её взглядом, потому что внезапно почувствовала себя выдохнувшейся, уставшей, как бывало в прошлом, когда сон ломался и оставлял её вялой и опустошённой. Но этот её сон не был нарушен; он держал её перед столом с песчаными рисунками, и она смотрела на зелёный символ, всё ещё крепко державший её в паутине другого мира. Женщина в зелёном вернулась, держа обеими руками стаканчик, и предложила его Тэмисан.

— Первая направилась в Большой Замок к Верховной Королеве. Она повернула в ту сторону. Выпей, Тэмисан, и быть может, сама Верховная Королева призовёт тебя для ясновидения.

Тэмисан? Это её настоящее имя; женщина уже два раза назвала её так. Откуда его знают во сне? Однако девушка поостереглась задавать вопросы. Она выпила горячую пряную жидкость, изгнавшую холод из её тела.

Здесь оказалось так много того, чему следовало научиться и что следовало узнать, но узнавать не прямо, чтобы не выдать себя.

— Я устала.

— Место для отдыха готово, — ответила ей женщина. — Идём.

Тэмисан поднялась почти с таким же трудом, с каким вставала благородная дама. У неё закружилась голова, и она схватилась за спинку кресла, а потом пошла за своей провожатой, мучительно надеясь хоть что-нибудь узнать.

Глава третья

«Можно ли спать во сне, накладывая, так сказать, сон на сон?» — подумала Тэмисан, вытягиваясь на кушетке, на которую указала ей хозяйка. Но когда она сняла корону и положила голову на валик, служивший подушкой, она ещё больше встревожилась, мысли её путались в диком беспорядке, она чувствовала себя такой же слабой, какой вставала с кресла.

В песчаном рисунке символ Старекса перекрывал меч и космический корабль: означает ли это, что она найдёт то, чего желает, только в том случае, если сила этого мира встретится с мощью звёздных людей? Неужели она и вправду попала в прошлое и переживает теперь первое появление в Ти-Кри космических путешественников? Но ведь благородная дама упоминала о прошлых столкновениях с ними, которые закончились в пользу Ти-Кри.

Тэмисан попыталась представить современный ей мир, история которого пошла по другому пути. Но здесь было слишком много от прошлого. Значит ли это, что без решений, приводящих к её собственному времени, мир Ти-Кри почти не изменялся от столетия к столетию?

Р е а л ь н о е, н е р е а л ь н о е, п р о ш л о е, н а с т о я щ е е. Она, мастер активных снов, потеряла всё управление действием. Теперь она не играла в игрушки, передвигая их по своей воле, а сама была захвачена в серию событий и не могла ни предвидеть, ни управлять ими. Однако же, женщина дважды назвала её настоящим именем. И она, Тэмисан, помимо своей воли, воспользовалась навыками Уст Олавы для предсказаний, словно делала это не впервые.

М о ж е т л и т а к о е б ы т ь? Тэмисан прикусила губу и почувствовала боль, как чувствовала ушибы, полученные ею при резком вторжении в этот таинственный мир. Может ли быть, чтобы сон был так глубок, так хорошо

соткан, что стал реальностью для мастера? Разве не было это уделом «закрытых», мастеров, которые не имели ценности для Улья? Разве не переживали они бесчисленное количество жизней во время своих трансов? Но ведь она не «закрытый» мастер!

Надо проснуться! Она ещё раз применила свою технику для выталкивания себя из сна, но опять оказалась в дикой пустоте, где крутилась до тошноты, беспомощная, привязанная к якорю, который не выпускал её в безопасность. Этому могло быть только одно объяснение: где-то в этом странном Ти-Кри находятся те двое, кто делили её сон, их надо найти, и тогда она сможет вернуться.

Итак, чем раньше, тем лучше! Но где искать? Слабость сковывала её тело и делала её движения такими медленными, как будто она шла против штормовой волны. Но Тэмисан всё-таки встала с кушетки. Повернувшись, чтобы взять корону Уст Олавы, она взглянула в овальное зеркало и застыла в испуге. Лицо, увиденное ею в зеркале, было совсем не тем, которое она видела всегда.

У неё изменились не только платье и корона — она сама стала другой. С тех пор, как она себя помнила, у неё была бледная кожа мастера снов, редко бывающего на солнце, коротко остриженные волосы. А лицо в зеркале было смуглым, почти коричневым. Широкие скулы, большие глаза и очень красивые губы. А брови... Она даже наклонилась поближе к зеркалу, чтобы увидеть, почему они так странно скошены вверх, и решила, что они либо выщипаны, либо подбриты. Волосы были значительно длиннее и не прежнего знакомого цвета, а тёмные и кудрявые. Она не была той Тэмисан, которую знала, но и эта незнакомка не была продуктом её воли.

Если она не похожа на обычную себя, то можно сделать логический вывод, что и те двое тоже не такие, какими она их помнила... Следовательно, её поиски будут трудными вдвойне. Сможет ли она когда-нибудь узнать их?

Испуганная, она села на кушетку перед зеркалом. Она старалась не дать воли страху, потому что он мог сломить её самоконтроль, и тогда она окончательно пропадёт. Логика, даже в этом нелогичном мире, должна прояснить её мысли.

Правдиво ли было её предсказание? Во всяком случае, она никак не влияла на падение песка. Возможно, Уста Олавы должны иметь сверхъестественные силы. В про-

шлом, творя сны, она играла с идеей магии, но то было её собственное творчество. Может ли она пользоваться этими силами по своей воле? Похоже, что эта незнакомая её половина черпала силы из какого-то неизвестного источника.

Надо укрепить мысли на одном из тех людей и постоянно держать его в мозгу. Может ли связь сна притянуть сё к Кейсу или Старексу? О своём хозяине она знала только то, что было в лентах, но ленты дают лишь поверхностные сведения. Нельзя хорошо изучить особу лишь по малопонятным сведениям и действиям за вуалью, которая скрывает больше, чем показывает. Кейс непосредственно говорил с ней, его рука касалась её. Если выбирать, кто может притянуть её, то лучше выбрать Кейса.

Тэмисан построила в уме его образ, как строила предварительный узор для сна. Внезапно изображение Кейса замерцало, изменилось; она увидела совсем другого человека. Он был выше Кейса, и носил униформу и космические сапоги; черты его лица было трудно рассмотреть. Это видение оставалось очень недолго.

К о р а б л ь! Символ касался корабля и меча в видении песка. Наверное, легче найти человека на корабле, чем бегать по улицам чужого города и искать другого Старекса.

И с такой малостью надо начинать поиск! Корабль то ли приближается к Ти-Кри, то ли нет, — и каков будет ему приём? Допустим, Кейс или его двойник будет убит. Станет ли это якорем для неё навеки? Тэмисан решительно загнала подобные негативные размышления в дальний угол сознания. С а м о е г л а в н о е: к о р а б л ь е щ ё н е п р и з е м л и л с я. Когда же это случится, она должна быть уверена, что окажется среди тех, кто готовит ему встречу.

Решив это, она наконец смогла уснуть, потому что её усталость вернулась стократно усиленной. Она как пьяная упала на кушетку и ничего больше не помнила до самого пробуждения. Женщина в зелёном стояла над ней и осторожно трясла её за плечо.

— Проснись, пришёл вызов.

«Вызов для сна?» — с изумлением подумала Тэмисан, но вид незнакомой комнаты полностью привёл её в себя.

— Вызвала Первая, Джесса, — голос женщины звучал возбуждённо. — Это сказал её посланец, он привёл колесницу для тебя, и ты поедешь в Большой Замок! Может

быть, ты увидишь саму Верховную Королеву! Однако я выговорила для тебя немного времени, чтобы ты успела помыться, поесть и переодеться. Взгляни, я залезла в свой сундук с приданым! — она указала на стул, через спинку которого было перекинуто платье цвета пурпурного вина. — Это единственное подходящего цвета, — женщина любовно провела рукой по пышным складкам... — Но всё же, поторопись, — добавила она быстро. — Как Уста Олавы, ты имеешь право приготовиться, чтобы появиться перед высоким обществом, но слишком долгое промедление вызовет гнев Первой.

В дальней комнате нашёлся бассейн, достаточно большой, чтобы попользоваться им в качестве ванны. Женщина принесла ей свежее бельё. Когда Тэмисан вновь встала перед зеркалом, чтобы застегнуть серебряный пояс и водрузить на место корону Уст, она чувствовала себя освежённой, обновлённой и полной благодарности.

Но женщина жестом отмела слова признательности.

— Разве мы не одного клана, кузина? Пусть кто-нибудь скажет, что Нейра держится за свои тряпки! Наш клан гордится, что ты Уста Олавы, позволь же нам радоваться через тебя!

Женщина принесла закрытую чашу и стаканчик. Тэмисан съела кушанье из сушёных фруктов и мелко нарезанного мяса. Это было очень вкусно. Она съела всё до последней крошки и опустошила стакан сладкого напитка.

— Счастливого пути, Тэмисан! Это великий день для клана Фримонта, когда ты едешь в Большой Замок и, быть может, предстанешь перед Верховной Королевой. Как знать, вдруг то видение не для плохого, а для хорошего. Ты ведь только Уста Олавы, а не Та, что распоряжается судьбой всех нас — кому жить, кому умереть.

— Прими мою благодарность за твою помощь и добрые пожелания, — ответила Тэмисан. — Я тоже надеюсь, что в этот день счастье придёт раньше несчастья. «И это чистая правда, — подумала она. — Я должна ухватить удачу обеими руками и крепко держать её, иначе я проиграла».

Посланник Первой — Джессы, оказался офицером. Волосы его были забраны под шлем, чтобы служить дополнительной защитой головы в бою; голубая эмалевая нагрудная пластина с двойной короной Верховной Королевы и меч выдавались вперёд, как будто он уже шагал по улицам воюющего города. В колесницу был впряжён

маленький грифон, и два вооружённых человека стояли наготове — один у головы грифона, а другой откинул занавеску, когда офицер подсаживал Тэмисан в колесницу. Он быстро опустил занавеску, не спрашивая согласия Тэмисан, и она решила, что её визит в Большой Замок, видимо, являлся секретным делом.

В просвет между занавесками Тэмисан разглядывала этот Ти-Кри. Частично он был ей чужим, но и было и достаточно сходства, чтобы укрепить её в понимании реальности происходящего. Небесных башен и других инопланетных архитектурных форм, занесённых космическими скитальцами, здесь не было, но сами улицы и множество зелёных лужаек и цветников были теми же, какими она знала их всю жизнь.

Когда они миновали город и ехали вдоль реки, Тэмисан увидела Большой Замок и глубоко вздохнула: он тоже был частью её мира, но тогда это были уже очень древние развалины. Частично он был разрушен во время восстания Силта, на него смотрели как на несчастливое место и обходили стороной. Эти развалины посещали только инопланетные туристы, искавшие необычного.

Здесь же он стоял во всём своём великолепии и был гораздо обширнее, чем в Ти-Кри из реальности Тэмисан, как если бы поколения, разрушившие его в её мире, здесь дорожили им и постоянно обустраивали. Большой Замок представлял собой не одно здание, а целый город. Но там не было ни лавок, ни общественных зданий. Он давал кров благородным, которые часть года должны были находиться при дворе, всем их слугам и всем официальным лицам королевства.

В центре комплекса стояло здание, давшее имя всему городку: созвездие башен, поднимавшееся значительно выше других зданий у их подножья. Цвет стен башен, начинаясь с серого у основания, постепенно переходил в глубоко синий у вершины. Остальные постройки в основном были целиком серые с тёмно-синими крышами.

Колесница тряслась на своих двух колесах, грифон шествовал ровным шагом вровень с человеком, который шёл у его головы. Они миновали толстую арку во внешней стене и двинулись по улице между домами, которые, хотя и казались карликами в сравнении с башнями, но, в свою

очередь, выглядели великанами против тех, кто шёл или ехал мимо них.

Вторые ворота. Ещё больше зданий. Третьи ворота, и наконец, открытое пространство вокруг центральных башен. После первых же ворот они повстречали множество людей. Много было солдат стражи, но некоторые из вооружённых людей носили другие цвета и эмблемы. Они, как подумала Тэмисан, служили у придворных лордов. Время от времени гордо выходил какой-нибудь лорд, и его челядь проворно выстраивалась за ним по трое в ряд, и это зрелище забавляло Тэмисан. «Как будто следующее по пятам особы число слуг увеличивает её важность и значимость», — думала она.

Её высадили с несколько большей церемонией, чем сажали; офицер предложил ей руку, его люди пошли позади, а грум поторопился отвести экипаж, чтобы тоже присоединиться к её почётному эскорту.

Башни Большого Замка были такими громоздкими, такими внушающими страх, что Тэмисан была рада эскорту. Чем дальше они шли по холмам, тем беспокойнее она становилась. Ей казалось, что она попала в лабиринт, откуда нет выхода, и потеряется там навсегда.

Дважды они поднимались по лестницам, высоким как горы, так что у Тэмисан даже заболели ноги. Затем отряд вошёл в длинный холл, освещённый не только свечами, но и редкими лучами солнца, пробивавшимися через окна. Окна были пробиты так высоко над головой, что сквозь них нельзя было ничего увидеть. Часть Тэмисан, которая была знакома с этим миром, знала, что это Проход Благородных, и общество, собравшееся здесь теперь, состояло из Третьих — ближайших ко входу, затем Вторых, и в дальнем конце голубой ковровой дорожки, по которой вели Тэмисан — Первых. Первые сидели; рядом с расположенным в центре на возвышении с тремя ступеньками троне разворачивались два полукруга кресел с балдахинами. Верх трона был увенчан двойной короной, сверкавшей драгоценными камнями. На ступенях застыли воины стражи и другие воины в ярких мундирах и с длинными, до плеч, волосами.

Офицер вёл Тэмисан к трону. Когда они проходили через ряды Третьих, послышалось тихое бормотание голо-

сов. Девушка не глядела ни вправо, ни влево; она хотела видеть только Верховную Королеву, поскольку стало ясно, что Тэмисан удостоена полной аудиенции. Но тут что-то шевельнулось внутри Тэмисан, как булавочный укол. Она не поняла причины — разве что впереди её ждало что-то очень важное.

Теперь они поравнялись с первыми креслами, и Тэмисан увидела, что большинство сидевших в них были женщинами, в основном средних лет. Тэмисан подошла к возвышению. Она не опустилась на одно колено, как это сделал офицер, а лишь прикоснулась кончиками пальцев к своей короне. Ещё одна вспышка полузнания подсказала ей, что в этом месте она не кланяется, как другие, а лишь подтверждает, что человеческая преданность Верховной Королеве стоит на втором месте после другой, самой великой преданности, принятой в ином месте.

Верховная Королева смотрела на Тэмисан пристально и оценивающе, а Тэмисан смотрела на неё снизу вверх. Она увидела женщину, пребывавшую как бы вне возраста: может быть старая, может быть — молодая, потому что годы не оставили следов на ней. На её полной фигуре было платье мягкого перламутрового цвета без всяких украшений, кроме пояса из сплетённых серебряных цепочек и напоминающего ошейник ожерелья, тоже серебряного, с бахромой из каплевидных, молочного цвета камней. Диадема из таких же камней почти скрывалась в пламени блестящих рыжих волос. Красива ли она? Тэмисан не смогла бы ответить, но в жизненной силе Королевы не было сомнений. Даже когда она сидела спокойно, вокруг неё витала аура энергии, которая говорила, что это только пауза между деяниями великими и необходимыми. Это была самая самоуверенная особа, какую Тэмисан когда-либо видела, и внутренняя охрана мастера снов тут же пришла в действие. «Служить такой госпоже, — подумала Тэмисан, — значит дать высушить всю свою личность, так что слуга станет только кусочком зеркала».

— Добро пожаловать, Уста Олавы, высказавшая чрезвычайно странные вещи, — голос Верховной Королевы был насмешливым и вызывающим.

— Уста не говорят ничего, Великая, кроме того, что им дано высказать, — Тэмисан нашла в себе готовый ответ, хотя сознательно не формулировала его в своём разуме.

— Мы привыкли так говорить, но, возможно, боги состарились и устали. Или это только людская участь? Но теперь мы желаем, чтобы Уста Олавы говорили снова, если час благоприятный. Да будет так!

Как если бы эти слова были приказом, тут же среди стоявших на ступеньках началось движение. Два стража принесли стол, третий — стул, четвёртый — поднос с четырьмя чашами с песком. Всё это они поставили перед троном.

Тэмисан заняла своё место за столом и снова коснулась пальцами висков. Сработает ли это вторично, или ей придётся самой изображать рисунки из песка? Она почувствовала лёгкую дрожь и постаралась овладеть нервами.

— Что желает Великая? — девушка порадовалась тому, что голос её ровен и не выдает её беспокойства.

— Что случится, скажем, за четыре оборота солнца?

Тэмисан ждала. Возьмёт ли верх та, другая личность, или сила, или что там ещё могло быть? Её рука не шевелилась. Зато странный, тревожный укол в глубине души стал сильнее. Она почувствовала, как будто на её лоб надели петлю и поворачивали голову, и повернулась, следуя приказу этого рывка, взглянув на то, что хотели видеть её глаза. Она увидела только ряд офицеров на ступенях трона; они смотрели сквозь неё, и ни один не подавал знака, что узнал её. С т а р е к с! Она ухватилась за эту надежду, но никто из офицеров не походил на человека, которого она искала.

— Олава не спит? Может, её Уста потерялись в пространстве? — резкий голос Верховной Королевы отвлёк внимание Тэмисан, и она вновь взглянула на трон и на женщину на нём.

— Устам не положено говорить, пока Олава не пожелает, — начала было Тэмисан, чувствуя невероятную нервозность; но тут что-то сжало её левую руку, и рука как бы не слушалась более её приказов, а подчинялась чьей-то чужой воле. И эта рука зачерпнула коричневый песок и бросила его в виде изображения заднего плана.

На этот раз Тэмисан взяла не синий песок: её ладонь нырнула в красный и прошла над столиком, рисуя очертания космического корабля и один красный кружок над ним.

После минутного колебания её пальцы потянулись к золотому, захватили щепотку, и вновь появился символ Старекса.

— Одно солнце, — прочитала Верховная Королева. — Один день до появления врага. Но что означает оставшееся слово Олавы, Уста?

— Здесь должен быть тот, кто является ключом к победе. Он встанет против врага, и от него придёт удача.

— Вот как! Кто же этот герой?

Тэмисан снова взглянула на ряд офицеров. Рискнёт ли она довериться инстинкту? Что-то в ней требовало этого.

— Позволь каждому из этих защитников Ти-Кри, — она показала на офицеров, — выйти вперёд и взять песок видения. А также позволь Устам коснуться каждой руки, и быть может, мы получим ответ. Возможно, Олава желает сделать его ясным.

К удивлению Тэмисан, Верховная Королева рассмеялась.

— Такой способ выбора бойца не хуже любого другого. А вот остаться ли верным выбору Олавы — это другое дело. — Её улыбка погасла, когда она взглянула на мужчин, словно какие-то мысли встревожили её.

По её кивку они стали подходить по одному. Под тенью шлемов их лица были очень похожи, поскольку они были одной расы, и Тэмисан, вглядываясь в каждого, не видела возможности сказать, кто из них Старекс.

Каждый брал щепотку зелёного песка, опускал руку и разжимал пальцы, в то время как Тэмисан прикасалась кончиком пальца к суставам руки офицера. Песок высыпался, не создавая никакого рисунка.

Но когда подошёл последний офицер, песок упал в виде символа, который уже дважды появлялся на столе. Тэмисан подняла глаза. Офицер смотрел не на неё, а на песок, губы его напряглись, а лицо было лицом человека, стоявшего спиной к стене, в то время как острия мечей окружают его горло.

— Вот ваш человек, — объявила Тэмисан. Он — Старекс? Она должна быть уверена. Ах, если бы она могла узнать сейчас правду!

Но её заботы были отмстены.

— Выбор Олавы неверен! — выкрикнул офицер, стоявший позади Тэмисан. Тот самый, что привёл её сюда.

— Может быть, не стоит плохо думать о решении

Олавы? — голос Верховной Королевы стал гортанным, мурлыкающим. — Может быть, его Уста не полностью преданы его службе, говоря иной раз за других, а не за Олаву? Хаверел, значит, ты будешь нашим бойцом.

Офицер упал на колено и медленно протянул руки, как бы показывая всем, что он не тянется к какому-либо оружию.

— Меня никто не выберет, кроме Великой, — несмотря на заметную напряжённость тела, он говорил ровно и без дрожи в голосе.

— Великая, этот изменник... — два офицера шагнули вперёд, как бы для того, чтобы оттащить его.

— Нет. Разве Олава не сказал? — насмешка в голосе Верховной Королевы была теперь очень отчётливой. — Но для уверенности, что воля Олавы будет выполнена, мы хорошенько позаботимся о нашем будущем бойце. Поскольку Хаверел будет сражаться за нас с проклятым звёздным человеком, мы должны сберечь его для этого. И, — она посмотрела на Тэмисан, испуганную таким быстрым поворотом событий и враждебностью к выбору Олавы, — пусть Уста Олавы разделят с Хаверелом это ожидание. Возможно, она вольёт в выбор Олавы ту мощь и силу, какие требуются нашему избранному защитнику для битвы, — каждый раз слово «защитник» или «боец», Верховная Королева произносила с презрением и лёгкой угрозой. — Аудиенция закончена.

Королева встала и шагнула за трон. Все вокруг Тэмисан упали на колени. Затем Верховная Королева исчезла. Офицер, приведший Тэмисан, встал рядом с ней. К Хаверелу вплотную подошли два стражника и быстро вытащили меч из его ножен. Затем Хаверела повели, и Тэмисан была вынуждена пойти за ним, хотя её никто не коснулся.

В тот момент она была даже рада идти, в надежде, что ей удастся доказать правильность своей догадки — что Хаверел и Старекс одно и то же лицо, и что она нашла первого из последовавших за мастером снов.

Они прошли множество коридоров и наконец подошли к двери. Один из сопровождавших Хаверела открыл её. Пленник вошёл, и эскорт Тэмисан слегка подтолкнул её следом за ним. Дверь за девушкой с лязгом захлопнулась, и Хаверел повернулся на этот звук.

Под защитным козырьком шлема глаза его горели холодным огнём, и он казался человеком, готовым вцепиться врагу в горло. Его голос прозвучал хриплым шёпотом:

— Кто... кто послал тебя желать моей смерти, ведьма?

Глава четвертая

Его ладони тянулись к её горлу. Тэмисан подняла руку в попытке защититься, и отпрянула назад.

— Лорд Старекс!

А, что, если это ошибка, если... Хотя пальцы его уже коснулись её плеч, он не схватил её, но отступил на шаг назад, тяжело дыша полуоткрытым ртом.

— Ведьма! Ведьма! — рычал он, и слова его вылетали, как дротики из древнего арбалета.

— Лорд Старекс! — повторила Тэмисан, чувствуя себя несколько в большей безопасности, в то время как он был поражён изумлением и не собирался больше нападать. Его реакция на это имя показала девушке, что она была права, хотя он, похоже, не узнавал сё.

— Я Хаверел из Ваноры, — хрипло проговорил он.

Тэмисан огляделась вокруг. Комната была с голыми стенами без каких-либо тайных мест для подслушивающих устройств. В её времени и реальности она могла бы опасаться таких аппаратов, но в этом Ти-Кри вряд ли они известны. Склонить Хаверела-Старекса к сотрудничеству было просто необходимо.

— Ты — Лорд Старекс, — смело повторила она, надеясь, что тон её достаточно убедителен. — Так же как я — Тэмисан, мастер снов. И мы попали в сон, который ты заказал мне.

Он поднёс руку ко лбу, ощупал шлем и неторопливо сбросил его, так что тот покатился по гладкому полу. Волосы, сплетённые в виде защитной подушки, торчали над головой, придавая ему странное сходство с Тэмисан. Они были такие же чёрные и густые, а кожа коричневого оттенка, как и у новой Тэмисан. Теперь она могла лучше разглядеть его лицо, но не нашла в нём никакого сходства с надменным хозяином небесной башни. Кроме того, Хаверел был более молодым и менее уверенным в себе.

— Я Хаверел, — упрямо повторил он. — Ты пытаешься

поймать меня в ловушку, а может быть, ловушка уже захлопнулась, и ты теперь хочешь, чтобы я сам обвинил себя. Говорю тебе — я не изменник. Я — Хаверел, и свято храню клятву крови, принесённую мной Великой.

Тэмисан решила быть терпеливой. Она не считала Лорда Старекса тупым человеком, но его здешнему аналогу явно недоставало не только внешнего сходства со своим другим «я».

— Ты — Старекс, и это всё сон! — будь это не так, она не рискнула бы пойти на такой спор. — Помнишь небесную башню? Ты купил меня у Джебиса для плетения снов. Потом ты вызвал меня и Лорда Кейса и велел мне доказать, что я стою своей цены.

Сдвинув брови, он уставился на неё.

— Что тебе дали или пообещали за то, что ты сделала со мной? Я не враг тебе и твоему клану.

Тэмисан вздохнула:

— Значит, ты отрицаешь, что тебе знакомо имя Старекс?

Он долго молчал, затем отвернулся и сделал пару шагов. Он запнулся за свой шлем и отшвырнул его ногой подальше. Тэмисан ждала. Он снова повернулся к ней.

— Ты — Уста Олавы...

Покачав головой, она перебила его:

— У нас мало времени для подобного фехтования, Лорд Старекс. Ты знаешь это, и я думаю, ты вспомнишь также и остальное, хотя бы в какой-то мере. Я же — Тэмисан, мастер снов.

Теперь пришла его очередь вздохнуть.

— Мало ли что ты скажешь.

— Я буду продолжать говорить, и, возможно, услышишь не только ты.

— Так я и думал! — вспыхнул он. — Ты хочешь, чтобы я сам себя продал.

— Если ты подлинный Хаверел, как пытаешься уверить, то что ты можешь выдать?

— Ладно, так и быть. Я... в двух лицах. Я — Хаверел и кто-то ещё, у кого странные воспоминания и который, возможно, является ночным демоном, спорящим с Хаверелом за обладание этим телом. Ну, вот, теперь ты знаешь. Иди и скажи тем, кто тебя послал, и пусть меня проведут сквозь ряды стрелков для быстрого конца. Наверное, это лучше, чем быть полем битвы двух различных «я».

«Может, он и в самом деле не упрямится», — подумала Тэмисан. Возможно, сон захватил его сильнее, чем её. В конце концов, она была тренированным мастером и привыкла к опасностям иллюзий, сотканных воображением.

— Если ты не можешь вспомнить хоть что-либо, тогда слушай, — она придвинулась к нему и стала говорить тихим голосом, и не потому, что боялась быть подслушанной, а просто на всякий случай. Она быстро рассказала обо всей этой путанице и о своём участии в ней.

Закончив, она с удивлением заметила определённую твёрдость в его лице, так что теперь он выглядел более решительным и менее похожим на попавшего в лабиринт без проводника.

— И всё это правда?

— Какую клятву ты хочешь получить от меня? Какими богами или силами я должна поклясться? — она была раздражена и расстроена его долгими сомнениями.

— Не нужно. Это объясняет то, что раньше было необъяснимым, делало мою жизнь адом сомнений и что навлекло на меня подозрения. Я был двумя личностями. Но если всё это сон, почему же это так?

— Я не знаю, — Тэмисан выбрала откровенность, как наиболее подходящую её нуждам. — Это не похоже ни на один сон, который я творила.

— В чём же дело?

— Частью обязанностей мастеров снов является изучение личности хозяина, чтобы следовать его желаниям, даже если они явно не выражены и скрыты. Из того, что я узнала о тебе, Лорд Старекс, я подумала, что ты уже слишком много видел, испытал и знал, значит, я должна была найти новый подход, иначе ты сказал бы, что сновидение просто бесполезно.

И вот мне внезапно пришла мысль, что я поведу сон не в прошлое и не в будущее — это слишком общий подход для мастера активных снов, — но сделаю его сюжет более утончённым. В историческом прошлом бывали времена, когда будущее зависело от одного решения. И я выбрала некоторые из этих решений и представила себе мир, в котором эти решения имели противоположное значение, и предположила, как действия в прошлом скажутся на настоящем.

— Так вот что ты задумала! И какие же решения ты выбрала для того, чтобы переписать историю? — теперь он был весь во внимании.

— Я выбрала три. Первое — приветствие Верховной Королевы Ахты; второе — высадка корабля колонистов «Странник»; третье — восстание Силта. Приветствие Королевы стало бы отталкивающим, корабль колонистов не появился бы здесь, Силт потерпел бы поражение — это создало бы мир, который, как я думала, интересно бы было посмотреть во сне. Я прочла все исторические ленты, какие смогла достать. Так что, когда ты вызвал меня творить сон, у меня была готова идея. Но всё сработало не так, как должно было. Вместо того, чтобы раскручивать настоящий сон и творить инциденты должным порядком, я сама накрепко завязла в мире, которого не создавала и не знаю.

Говоря это, она следила за переменой в нём. Он потерял весь свой жаркий антагонизм первой атаки. Она ещё больше и больше убеждалась, что общается с личностью Лорда Старекса, пробивающуюся сквозь незнакомую оболочку этого человеческого тела.

— Значит, это сработало неправильно?

— Да, как я уже говорила, я сама оказалась во сне, не имея возможности управлять действием и не узнавая факторов творения. Я не понимаю.

— Не понимаешь? Возможно, есть объяснение, — хмурая линия вновь появилась между его бровями, но этот сердитый взгляд не относился к Тэмисан. Старекс словно старался вспомнить что-то важное, ускользавшее от него. — Есть одна очень старая теория — параллельные миры.

При всём широком знакомстве с лентами, Тэмисан ни разу не встречалась с этим понятием, и поэтому почти резко спросила:

— Что это такое?

— Не ты первая обратила внимание, что иногда будущее истории висит на тонкой нити и может качнуться в ту или иную сторону от любой случайности. Однажды была выдвинута теория, что в этом случае создаётся второй мир: в одном из них решение пошло вправо, а в другом, в том, который мы знаем — влево.

— Но где и как существуют, в таком случае, альтернативные миры?

— Возможно, на разных уровнях, слоях, — он протянул

руки одну выше другой. — Если даже рассказы, придуманные для развлечения, о людях, которые путешествовали во времени не вперёд или назад, а сквозь него, с одного параллельного мира на другой.

— Но мы-то здесь. Я — Уста Олавы и не похожу на себя, так же как и ты по виду не Лорд Старекс.

— Возможно, мы стали бы такими, если бы наш мир пошёл в другом направлении от твоих трёх решений. Для мастера снов это мудрый способ творить, Тэмисан.

— Но я не думаю, что я сотворила этот мир. Я же явно не могу управлять им.

— Ты пыталась разбить этот сон?

— Конечно, но я привязана... скорее всего, тобою и Лордом Кейсом. Пока мы трое не попытаемся сообща прервать сон, вряд ли кто-нибудь из нас сможет вернуться.

— И ты должна найти Кейса с помощью этих фокусов со столом и песком?

Она покачала головой.

— Я думаю, Кейс — член экипажа того космического корабля, который вот-вот приземлится. Я уверена, что видела его, хотя лица его не разглядела, — она улыбнулась с лёгкой дрожью. — Похоже, что хотя я, в основном, прежняя Тэмисан, однако имею также кое-что от сил Уст Олавы, кроме того... ведь и ты одновременно Хаверел и Старекс.

— Чем больше я слушаю тебя, — сказал он, — тем больше становлюсь Старексом. Значит, мы должны найти Кейса на корабле, чтобы выпутаться из этой неразберихи. Это как раз может оказаться серьёзной проблемой. Я достаточно Хаверел и знаю, что корабль получит обычный для здешних мест приём: обман и уничтожение. Твои три точки были именно такими, как ты придумала: здесь было не приветствие, а резня; никакой колонистский корабль не появлялся здесь, а Силт был убит копьём вооружённого всадника, как только поднял голос, чтобы собрать толпу. Хаверел знает это как истину, а как Старекс я знаю, что эта истина радикально изменила жизнь на этой планете. Ну, а теперь скажи: ты отыскала меня с определённой целью, а твоя басня о бойце предназначалась для нашего моста к Кейсу?

— Нет, во всяком случае я ничего не устраивала

сознательно. Я же сказала, что у меня имеются какие-то силы Уст Олавы — вот они и выступили тут.

Он издал резкий звук, который, собственно, был не смехом, но чем-то сродни ему.

— Клянусь кулаком Джимсэма Тарагона! У нас всё осложнено магией! И я полагаю, ты не сможешь точно сказать, много ли тут могут сделать Уста Олавы в смысле предвидения; предварительного вооружения или освобождения из твоей ловушки?

Тэмисан покачала головой:

— Уста упоминались в исторических лентах, когда-то они были чрезвычайно важны. Но после мятежа Силта они были либо убиты, либо исчезли. За ними охотились с двух сторон, и в основном мы знаем о них только из легенд. И я не могу сказать тебе, что я могу делать. Иногда что-то, может, память этого тела, берёт верх, и тогда я делаю странные вещи. Но я никогда не желаю и не понимаю их.

Он принёс из дальнего угла комнаты две табуретки.

— Мы прекрасно можем и сидя выяснить, что у нас есть от памяти этого мира. Это нужно делать сообща, тогда мы узнаем больше, чем поодиночке. Беда в том... — он протянул руку, и Тэмисан машинально коснулась её странным церемониальным жестом, о значении которого даже не догадывалась. Он подвёл её к стульям, и они с удовольствием сели.

— Беда в том, — повторил он, усевшись на другой табуретке, вытянув длинные ноги и дёргая перевязь с печально пустыми ножнами, — что я здорово одурел, когда проснулся, если можно так сказать, в этом теле. Мои первые реакции, видимо, произвели на окружающих впечатление умственного расстройства. К счастью, часть Хаверела довольно быстро взяла верх, и это спасло меня. Но у этой личности был ещё один недостаток — я и так был под подозрением, так как приехал из местности, охваченной мятежом. А здесь, в Ти-Кри, я, в сущности, не столько член охраны, сколько заложник. Я не имел возможности задавать вопросы и узнавал всё урывками и кусочками. Настоящий Хаверел — абсолютно честный и простой солдат, горячо преданный короне и страдающий от подозрений против него. Интересно, как принял своё пробуждение Кейс. Если он сохранил остатки своего прежнего «я», он, наверное, теперь хорошо устроился.

Удивлённая Тэмисан спросила, надеясь на честный и прямой ответ:

— Ты не любишь... У тебя есть причины бояться Кейса?

— Любить? Бояться? — тонкая тень Старекса, покрывавшая Хаверела, стала более заметной. — Это все эмоции. В последнее время я мало имел дел с эмоциями.

— Однако же ты хотел, чтобы он разделил твой сон?

— Правильно. Я не эмоционален по отношению к моему уважаемому кузену, но я человек осторожный. Поскольку твоё присоединение к моему имуществу произошло по его настоянию и фактически им устроено, я подумал, что будет неплохо, если он разделит задуманное им развлечение. И я знаю, что Кейс очень внимателен к своему кузену-калеке и всегда готов служить ему, не щадя своего здоровья и энергии.

— Ты подозреваешь его в чём-нибудь? — ей показалось, что она почувствовала то, что скрывалось за его словами.

— Подозревать? В чём? Он был, как любой подтвердил бы тебе, моим лучшим другом — насколько я позволял это, — он взглянул на неё, как бы советуя не углубляться в эту гущу. — Кузен-калека, — повторил он как бы про себя. — Во всяком случае, ты оказала мне услугу на правой стороне шкалы, — он показал на свою правую ногу с несвойственным Старексу удовлетворением. — Ты добыла мне тело в хорошем состоянии, и оно мне понадобится, поскольку в этом мире зло перевесило добро.

— Хаверел, Лорд Старекс... — начала было Тэмисан, но он перебил её:

— Называй меня всегда Хаверелом. Не нужно добавлять что-то к и без того тяжёлому грузу подозрений, окружающих меня в этих стенах.

— Хаверел, не я выбирала тебя в бойцы, это сделала сила, непонятная мне и работавшая через меня. Если они согласятся, у тебя будет удобный случай найти Кейса. Ты даже можешь потребовать, чтобы именно он сражался с тобой.

— А как его найти?

— Могут послать меня, чтобы я выбрала нужного из инопланетников. Наш план побега висит на тонкой нити, но лучшей я не вижу.

— И ты думаешь, что рисующий песок укажет на него, как ранее указал на меня?

— Но ведь он указал на тебя!

— Не отрицаю.

— В первый раз, когда я предсказывала для одной из Первых, это произвело на неё такое впечатление, что она вызвала меня сюда предсказать для Верховной Королевы.

— Магия! — он снова хохотнул.

— В чужих мирах встречается многое, что космические путешественники могли бы назвать магией.

— Хорошо сказано. Я видел странные вещи. Да, сам видел, и не во сне. Прекрасно, я добровольно вызываюсь встретиться с вражеским бойцом, и тогда твой песок укажет нужного. А если тебе удается обнаружить Кейса, что дальше?

— Просто мы проснёмся.

— Ты, конечно, возьмёшь нас с собой?

— Если мы так связаны, что не можем оставить этот мир поодиночке, то, значит, проснёмся все вместе.

— А ты уверена, что нам нужен Кейс? В конечном счете, ты задумала этот сон для меня!

— Уйдём и оставим Лорда Кейса здесь?

— Трусливое отступление — ты думаешь? Я уверяю тебя, мастер снов, это решило бы многое. А ты не можешь вывести меня и вернуться за Кейсом? Я хотел бы знать, что происходит теперь со мной в нашем собственном мире. Разве мастер снов не даёт клятву, что тот, для кого сработан сон, имеет преимущество перед мастером?

Его втайне тревожила связь с Кейсом, но по сути дела он был прав. Прежде чем он понял, что она хочет сделать, она схватила его за руку и произнесла формулу пробуждения. И снова туман небытия окружил её. Но ничего другого не произошло. Первая её догадка оказалась правильной: они всё ещё связаны. Она открыла глаза в той же комнате. Хаверел обмяк и чуть не упал с табурета, так что Тэмисан встала на колени и поддержала его тело плечом. Затем его мускулы окрепли, он рывком выпрямился, открыл глаза и взглянул на Тэмисан с той же холодной злобой, с какой встретил её у входа в комнату.

— В чём дело?

— Ты же просил...

Он опустил веки, и она не видела больше этой ледяной злобы.

— Да, просил. Но я не думал, что меня обслужат так быстро. И теперь ты доказала свою точку зрения: либо

трое, либо никто. И так будет до тех пор, пока мы не найдём нашего третьего.

Он больше ни о чём не спрашивал, и она была рада этому, потому что это кружение в «ничто», в бесплодной попытке проснуться, сильно утомило её. Она отодвинула свою табуретку, чтобы иметь возможность прислониться к стене и оказаться подальше от Хаверела. Он очень скоро встал и начал расхаживать по комнате, как будто в нём горело желание действовать, не давая сидеть спокойно.

Снова открылась дверь, но их не вызвали. Стражник принёс им еду и питьё, в то время как другой держал наготове арбалет.

— О нас хорошо заботятся, — Хаверел открыл крышки чаш и осмотрел содержимое. — И мы, видимо, важные птицы. Эй, Ругвард, когда мы выйдем из этой комнаты? Мне уже надоело.

— Не беспокойся, тебе хватит дел, когда пожелает Великая, — ответил офицер с арбалетом. — Корабль со звёзд уже виден: маяки на горе вспыхивали уже дважды. Корабль, похоже, нацелен на равнины позади Ти-Кри. Удивительно, до чего все они одинаково мыслят и садятся в один и тот же загон. Наверное, Дельскол правильно сказал, что они вообще не думают сами, а подчиняются приказам инопланетной силы, которая не позволяет им иметь независимое суждение. Время твоей службы приближается. Уста Олавы, — офицер сделал жест и шагнул к Тэмисан, — Великая сказала, что в твоих собственных интересах следовало бы лучше читать цветной песок. Фальшивые пророки дают такие предсказания тем, кого хотят принизить, и с ними будут поступать как с людьми, опозорившими возможное решение.

— Всем известно, — ответила Тэмисан, — что я не имею дела с обманом, и в нужном времени и месте это станет ясно.

Когда стражники ушли, проголодавшиеся Тэмисан и Хаверел честно разделили между собой еду и не оставили от неё ни крошки. Затем он сказал:

— Поскольку ты читала историю и знаешь старинные обычаи, ты наверняка помнишь обычай, о котором сейчас неприятно вспоминать: у некоторых рас было принято давать хороший обед пленнику, ожидающему смерти.

— Приятную тему ты выбрал для размышления.

— Это ты выбрала — ведь это твой мир, не забывай этого, мастер снов!

Тэмисан закрыла глаза и откинулась к стене. Раздался внезапный шум, и они очнулись от дремоты. В комнате было темно, однако дверь ярко осветилась: в проёме стоял офицер, а позади его копьеносцы.

— Время пришло.

— Мы долго ждали, — сказал Хаверел, встал и раскинул руки, как бы показывая, что он давно готов. Потом он повернулся к Тэмисан и предложил ей руку. Она предпочла бы идти без его помощи, но у неё затекли ноги, так что волей-неволей пришлось принять его руку.

Они шли через коридоры, спускались по лестницам и, наконец, вышли в ночь. Их ожидала крытая повозка, запряжённая двумя грифонами. Повозка была много шире той колесницы, в которой Тэмисан приехала в Большой Замок.

По приказу стражников они сели в повозку. Стражник опустил занавески и укрепил их застёжками снаружи, так что сидящие внутри при всём желании не могли выглянуть. Когда повозка двинулась, Тэмисан постаралась по звукам угадать, куда их везут.

Но звуков почти не доносилось, как будто они ехали по спящему городу. В темноте повозки она скорее почувствовала, чем увидела движение, потом прикосновение к своему плечу и услышала тихий шёпот:

— Выехали из замка.

— Куда?

— Думаю, в запретное место — поле посадки.

Память этого мира дала Тэмисан объяснение: место, где приземлились два других космических корабля, но не взлетели более. Один, приземлившийся пятьдесят лет назад, так и не был демонтирован — груда ржавого металла служила предупреждением: никаких вторжений со звёзд, и Ти-Кри всегда настороже.

Тэмисан казалось, что эта поездка никогда не кончится. Но вдруг — резкая остановка. И сразу же яркий свет ослепил глаза Тэмисан, едва занавески раздвинулись.

— Выходите, боец и его творец!

Хаверел повиновался первым и повернулся с целью снова помочь Тэмисан, но был оттеснён в сторону, и офицер скорее вытащил, чем вывел её из повозки. Их окружили копьеносцы с факелами. Позади толпилась

пёстрая масса народа, и двойной ряд стражников барьером отделял толпу от тёмной местности.

— Посмотри вверх, — Хаверел снова был рядом с Тэмисан.

Она подняла глаза и чуть не ослепла от внезапно вспыхнувшего столба света в ночном небе. Космический корабль спускался с помощью хвостовых ракет, плавно приземляясь.

Глава пятая

Огни осветили всю равнину. Вдалеке стояла громада несчастного корабля, навсегда оставшегося на планете. Там стояли, вытянувшись в линию, копьеносцы, арбалетчики и офицеры с мечами. Однако это были не войска, а почётная стража Верховной Королевы, восседавшей на очень высокой колеснице.

Люди на корабле, вероятно, смотрели с презрением на архаическое вооружение. Как могли люди Ти-Кри захватить корабль и его экипаж? Обманом и изменой, как сказала бы жертва. Хитроумными трюками, как считала та часть Тэмисан, что была Устами Олавы.

Земля кипела под струями огня опускавшегося корабля. Затем огни исчезли, оставив равнину в полутьме, пока глаза людей не привыкли к факельному освещению.

В ожидающей толпе не чувствовалось страха. Хотя по внешним атрибутам — одежде и вооружению — они на столетия отстали от технических знаний вновь прибывших, они держались своей истории и знали, что стоят не перед богами неведомых сил, а перед обычными смертными, с которыми они успешно сражались раньше.

«Что даст им эта поза перед звёздными стражниками, — думала Тэмисан, — и почему они так противятся любому контакту со звёздными цивилизациями? По-видимому, они удовлетворены, застыв на уровне цивилизации лет на пятьсот позади моего мира. Не производят ли они промывку мозгов тем, кто желает жить по-другому?»

Корабль сел. Он не подавал признаков жизни, но Тэмисан знала, что его сканеры должны в это время тщательно собирать информацию, и предоставлять её на видеоэкраны. Если они засекли покинутый корабль, это послужит хорошим предупреждением для прибывших.

Тэмисан перевела взгляд с молчаливого корабля на Верховную Королеву как раз вовремя, чтобы увидеть, как правительница подняла руку. Четыре человека вышли из рядов стражи и знати. На них не было ни доспехов, ни шлемов, только чёрные туники. В руках они держали луки — не арбалеты, а ещё более древние луки мастеров-лучников.

У здешней части Тэмисан захватило дух, потому что эти луки не были похожи ни на какие другие в стране, и люди, державшие их, не походили на других лучников. Ничего удивительного, что обычные мужчины и женщины расступились перед ними: это была чудовищная группа. На голове каждого из них была укреплена искусно сделанная маска, казавшаяся вовсе не маской, а природными чертами, только черты эти не были человеческими: маски были скопированы с громадных голов, увенчивающих защитные стены Ти-Кри по одной на каждую сторону света. Не человек и не животное, а нечто среднее между ними.

Луки были изготовлены из человеческой кости, тетивы сплетены из человеческих волос — костей и волос древних врагов и древних героев; их смешанная сила готова была послужить живым.

Из закрытых колчанов каждый воин достал по стреле, и стрелы эти ярко блестели при свете факелов, казалось, что они сгущают сияние до тех пор, пока сами не станут твёрдым светом. Положенные на тетивы, они производили гипнотический эффект, притягивая всеобщее внимание. Тэмисан внезапно поняла это и постаралась сбить впечатление, но в этот момент стрелы вылетели, и она повернула голову, как и все остальные, чтобы проследить за полётом стрел. Они казались огненными линиями в тёмном небе, когда поднимались вверх, потом над тёмным кораблем, и по кривой скрылись из виду позади него.

Тэмисан поразило, что в своём полете они оставляли за собой громадные дуги света, которые не гасли сразу, а долго ещё бросали слабые отблески на оболочку корабля. Здешняя часть Тэмисан знала, что это основано на древней магии и должно повлиять на людей в корабле. Но часть мастера снов не могла поверить в эффективность подобной церемонии.

Стрелы летели с пронзительным высоким визгом, так что люди зажимали уши. И откуда-то поднялся ветер и с ним громкий треск. Тэмисан увидела над головой Верхов-

ной Королевы громадную птицу, хлопающую синими с золотым крыльями. При более внимательном рассмотрении стало ясно, что это не птица, а знамя, искусно изготовленное так, что оно развевалось на ветру, имитируя живое действие.

Лучники в чёрном стояли строем, чуть отступив от ряда стражи. Хотя Верховная Королева вроде бы не сделала никакого знака, стражники, окружавшие Хаверела и Тэмисан, погнали своих пленников вперёд, пока они не оказались против чёрных лучников и колесницы Верховной Королевы.

— Ну, боец, намерен ли ты выполнить дело, которое тебе поручили Уста? — в голосе Королевы слышалась язвительная насмешка, как если бы она не верила в пророчество Тэмисан, но позволяла жертве обмана идти на гибель.

Хаверел встал на одно колено и положил поперёк второго пустые ножны, показывая этим отсутствие у него оружия.

— По твоему желанию, Великая, я готов. Но по твоей ли воле битва между мной и врагом должна произойти даже без стали?

Тэмисан увидела улыбку на губах Верховной Королевы и почувствовала, что правительнице хотелось бы такой судьбы для Хаверела. Но если Верховная Королева и порадовалась такой мысли, она быстро отмела её и сделала жест:

— Дайте ему сталь, и пусть он пользуется ею. Уста сказали, что он является главной нашей защитой на этот раз. Не так ли, Уста? — она бросила жестокий взгляд на Тэмисан.

— Он был выбран в дальновидении, и это было прочитано дважды, — ответила Тэмисан твёрдым голосом, словно читала декрет.

Верховная Королева рассмеялась:

— Будь твёрже, Уста, поставь свою волю за своим выбором. Ты пойдёшь с ним и дашь ему поддержку Олавы!

Хаверел принял меч от офицера, стоявшего рядом, поднялся на ноги и, взмахнув мечом, салютовал с воодушевлением, которое показывало, что если он и знал, что идёт на верную смерть, то намерен идти под звуки труб и барабанов.

— Правое дело будет силой твоей руки, защитой твоему

телу, — нараспев произнесла Верховная Королева, но в голосе её не слышалось искренности, и чувствовалось, что слова — это только ритуал, не предназначенный даже для ободрения воина.

Хаверел повернулся к молчаливому кораблю. От сожжённой земли вокруг посадочного места поднимались клубы пара и дыма. Светящиеся дуги, оставшиеся после полёта стрел чёрных лучников, теперь исчезли.

Хаверел двинулся вперёд. Тэмисан шла за ним на шаг позади. Если корабль так и останется закрытым, если не откроется люк и не спустится трап, она не могла даже представить, как они смогут выполнить свой план. Не думает ли Верховная Королева заставить их ждать час за часом решения командира корабля — иметь с ними контакт или нет?

К счастью, экипаж корабля оказался более предприимчивым. Возможно, вид старого корпуса на краю поля принуждал их узнать побольше. Люк открылся, но не большой, входной, а маленькая дверца над стабилизатором. И из неё вылетел луч станнера.

К счастью для Хаверела и Тэмисан, этот луч ударил их до того, как они достигли полосы уныло горевшего дёрна, так что их внезапно ставшие беспомощными тела не упали в огонь. Сознания они не потеряли, но лишились способности управлять ослабевшими мышцами.

Тэмисан упала вниз лицом, и только случай, что к земле прижалась одна её щека, дал ей возможность дышать. Взгляд её упёрся в горящую траву, огонь неумолимо подползал к ней. Увидев это, она забыла обо всём. Это были худшие минуты в её жизни. В прошлом она придумывала трудные обстоятельства в снах, но всегда знала, что в последний момент возможен выход. А здесь выхода не было, а только её беспомощное тело и линия надвигающегося огня.

С внезапностью взрыва, потрясшего всё её тело, она была схвачена поперёк чем-то вроде гигантских щипцов. Они сомкнулись вокруг тела девушки и потащили вверх. Дым и жар от горящей растительности душили её. Она кашляла, крутясь в жестоком захвате, но вскоре её втащили в корабль.

Она очутилась в слепящем свете. Затем руки обхватили её, потянули вниз, положили на спину. Действие луча станнера истощилось, видимо, луч был минимальной

мощности. Затем заколoло в ногах и отяжелевших руках. Она смогла чуть-чуть приподнять голову, чтобы увидеть стоявших над ней людей в космической форме. На них были шлемы, как если бы они собирались выйти во враждебный мир, у некоторых были опущены забрала. Двое из них подняли её и понесли по коридору, а затем небрежно бросили в маленькую кабину, подозрительно напоминавшую клетку.

Тэмисан лежала на полу, потихоньку обретая власть над собственным телом и пытаясь думать. Хаверела они тоже взяли? Не было причин думать иначе, но в этой камере его не было. Теперь она уже смогла сесть, прислонилась к стене и неуверенно улыбнулась. Мысль о том, что их предполагаемый бой так быстро сведён на нет, вызвала улыбку. Это не совсем то, чего желала Верховная Королева, но Тэмисан и Старекс выиграли многое для своего дела — они были в корабле, где, как она была уверена, находился и Кейс. Только бы им троим войти в контакт, и они оставят сон. «А не разрушит ли наш уход этот мир сна? На сколько он реален?» Она ни в чём не была уверена, но и беспокоиться заранее не стоит. Сейчас надо сосредоточиться только на Кейсе.

Что делать? Стучать в дверь и требовать переговоров с командиром корабля? Просить показать ей весь экипаж, чтобы она могла узнать Кейса в его здешнем маскараде? У неё было подозрение, что никто не поверит её рассказу. Хотя Хаверел-Старекс принял его.

Нужно что-то предпринять, чтобы обрести свободу и возможность поиска.

Дверь открылась. Тэмисан вздрогнула от столь быстрого ответа на свои мысли.

Человек, стоявший в дверях, не носил шлема, но на нём был мундир с эмблемой высшего офицера, слегка отличающийся от того, какой Тэмисан знала в своём Ти-Кри. Офицер направил на неё станнер; на его шее висело устройство-переводчик.

— Я пришёл с миром.

— С оружием в руках? — спросила Тэмисан.

Офицер удивлённо взглянул на неё: он предполагал услышать ответ на чужом языке, а она ответила на Бэйсике, который является вторым языком Конфедерации Планет.

— У нас есть основания полагать, что оружие необходимо при общении с вашим народом. Я — Глендон Торк из Инспекции.

— Я — Тэмисан и Уста Олавы, — девушка подняла руку к голове и обнаружила, что, несмотря на перелёт по воздуху, её корона всё ещё на месте. Тогда она задала важный вопрос:

— Где боец?

— Твой спутник? — станнер больше не смотрел на неё, и тон офицера стал менее воинственным. — Он в безопасности. А почему ты называешь его бойцом?

— Потому что он... пришёл вызвать в а ш е г о на честный поединок.

— Понятно. И мы должны в свою очередь выбрать бойца, так? И что это за честный поединок?

Она ответила сначала на его последний вопрос:

— Если ты заявляешь права на землю, ты встречаешься с бойцом от лордства этой земли в честном поединке.

— Но мы не требуем земли, — запротестовал он.

— Вы потребовали, когда посадили свой корабль на полях Ти-Кри.

— Значит, ваш народ рассматривает посадку как вторжение? И это можно разрешить одной битвой между двумя бойцами? И мы выбираем своего человека...

Тэмисан перебила его:

— Не так. Выбирают Уста Олавы; вернее, выбирает пескови́дение. Поэтому я и пришла, хотя вы и не встретили меня с честью.

— Как ты выбираешь бойца?

— Как я уже сказала — через видение.

— Не понял, но, без сомнения, всё выяснится в своё время. И где должен состояться этот поединок?

Она кивнула рукой в сторону, где, по её мнению, были стены корабля.

— Там, на земле, которую требуют.

— Логично, — согласился он и затем заговорил как бы в пространство: — Всё записано? — а поскольку воздух не ответил, офицер, похоже, удовлетворился молчанием. — Это, значит, ваш обычай, леди Уста Олавы. Но поскольку он не наш, мы должны обсудить его. Мы так и сделаем, а тебя пока оставим.

— Как пожелаешь.

Ей повезло. Он назвал себя членом Инспекции, а это

означало, что его учили необходимости понимать чужие обычаи. Главным принципом такого обучения было насколько возможно следовать обычаям планеты. Если экипаж примет идею единоборства, то захочет также следовать ей полностью. Она увидит каждого члена экипажа и таким образом найдёт Кейса.

«Однако, — сказала себе Тэмисан, — не рассчитывай на слишком лёгкий конец этого приключения...» В глубине её сознания таилось маленькое назойливое сомнение, связанное с теми мёртвыми стрелами и руинами корабля. Народ Ти-Кри, с виду так слабо защищённый, ухитрялся столетиями охранять свой мир от космических пришельцев. Она пыталась рыться в памяти здешней Тэмисан, чтобы выяснить, каким образом это достигалось, но ответ говорил о магических силах, понятных только частично. Она знала лишь, что стрелы были первым шагом в применении этих сил. А дальше, похоже, была только вера, что силы эти сродни её власти Уст, которой Тэмисан не понимала, хотя и пользовалась ею.

Тэмисан вдруг осознала, что она принимает всё это, как будто этот мир существует в действительности, что он не сон, вышедший из-под её контроля. Возможно, Старекс был прав, предположив, что они попали в альтернативный мир.

Терпение её лопалось, Тэмисан жаждала действия, и ожидание тяготило её. Она была уверена, что на неё направлены разного рода сканеры, и она должна играть роль Уст Олавы и не выказывать нетерпения, а быть спокойной и уверенной в своей миссии. Поэтому она держалась, как могла.

Возможно, ожидание только показалось ей долгим. Торк вернулся, вывел её из камеры и проводил вверх по лестнице с одного уровня на другой. Длинные юбки сильно затрудняли ей подъём.

Она вошла в большую, хорошо обставленную каюту, где сидело несколько человек. Тэмисан испытующим взглядом оглядела их, но ничего не смогла сказать. Она не почувствовала беспокойства, охватившего её в тронном зале, когда там оказался Хавсрел. Это, конечно, означало, что в этой группе Кейса нет, хотя корабль Инспекции не имел обычно большого экипажа, на нём, в основном, летали различные специалисты. По всей вероятности,

было ещё человек десять-двенадцать, кроме шести, присутствующих здесь.

Торк подвёл её к удобному креслу, и она села.

— Капитан Левольд, врач Тром, психотехник Симс и технолог Эль Хэмди, — Торк называл имена, и каждый подтверждал его полупоклоном. — Я передал им твоё предложение, и они обсудили его. Каким образом ты будешь выбирать бойца среди нас?

Песка у Тэмисан не было, и она впервые осознала это препятствие: ей придётся рассчитывать только на прикосновение; она почему-то была уверена, что оно выдаст ей Кейса.

— Пусть ваши люди подходят ко мне и касаются моей руки, — она положила свою руку на стол ладонью вверх. — Я узнаю, кого выберет Олава, и сожму руку.

— Довольно просто, — сказал капитан. — Ну что ж, давайте сделаем, как советует леди. — Он наклонился и на секунду приложил ладонь к её ладони. Ответа не было, как не последовало его и с другими. Капитан вызывал по интеркому, и члены экипажа один за другим подходили к Тэмисан и касались руками её ладони. Тэмисан забеспокоилась и начала уже думать, что ошиблась, может быть, только песок мог бы определить Кейса. Она смотрела в лицо каждому, когда тот садился напротив неё и касался её руки, но не находила сходства с кузеном Старекса и не ощущала внутреннего предупреждения, что нужный человек здесь.

— Все, — сказал капитан, когда последний член команды встал. — Так кто же наш боец?

— Его здесь нет, — выпалила она; её тревога пробилась сквозь осторожность.

— Но ты коснулась рук всех людей на борту, — ответил капитан. — Значит, это какой-то трюк?

Его прервал звук, такой резкий, что мог испугать. Числа, посыпавшиеся из интеркома, ничего не значили для Тэмисан, но остальных в кабине привели к немедленному действию. Станнер в руках Торка тут же ударил в Тэмисан, прежде чем она успела встать, и она снова потеряла способность двигаться, хотя оставалась в сознании. И пока другие офицеры поспешно выскакивали за дверь, Торк протянул руку и удерживал вялое тело Тэмисан в кресле, а другой рукой нажимая кнопку на столе.

На его вызов быстро явились два члена команды, взяли

Тэмисан и снова втолкнули её в маленькую кабину-клетку.

«Это становится слишком уж регулярной процедурой», — сердито подумала Тэмисан, когда её небрежно бросили на койку, даже не взглянув, не свалится ли она на пол. Что бы ни означала эта тревога, именно она вновь сделала Тэмисан пленницей.

Видимо, уверенные, что луч станнера удержит Тэмисан, они оставили дверь полуоткрытой, так что ей слышны были топот бегущих ног и резкие звуки, вероятно, повторной тревоги.

Какую атаку могли предпринять силы Верховной Королевы против хорошо вооружённого и уже предупреждённого корабля? Однако было ясно, что эти люди считают себя в опасности и собираются защищаться.

Старекс и Кейс. Где же Кейс? Капитан ей сказал, что она видела всех. Означает ли это, что её прежнее видение было фальшивым, что безликий человек в космической форме был просто созданием её чрезмерно активного воображения?

«Я не должна терять уверенности... Кейс здесь, о н д о л ж е н б ы т ь з д е с ь!» Она пыталась теперь догадаться по звукам, что же происходит. Но за первой волной шума и движения наступила тишина. А где же Хаверел?

Действие станнера затихало. Она с трудом приподнялась, когда в дверях показались Торк и капитан.

— Уста Олавы или кто ты там на самом деле, — начал капитан с холодом в голосе, что напомнило Тэмисан прежнюю ярость Хаверела, — я не знаю, твоя ли это выдумка — оттянуть время с помощью вздора о бойцах и честном поединке. Твои правители, возможно, обманули и тебя тоже. Но теперь это не имеет значения. Они сделали, что смогли, доставив нам пленников, и теперь не отвечают на наши сигналы к переговорам, так что мы должны использовать тебя как посланника. Скажи своей правительнице, что мы задержали её бойца и готовы использовать его как ключ к воротам, захлопнувшимся перед нашим носом. Наше оружие далеко превосходит мечи и копья. Превосходит даже то, которое не смогло спасти людей на том, другом корабле. Ваша правительница может привязать нас здесь на некоторое время, но мы порвём эти узы. Мы пришли не как захватчики, что бы вы об этом ни думали; и мы не одиноки. Если наш сигнал не дойдёт до

нашего второго корабля на орбите, с вами произведут такой расчёт, какого ваша раса никогда не видела и даже представить себе не может. Сейчас мы выпустим тебя, и ты расскажешь всё это вашей Королеве. Если она до зари не пришлёт людей говорить с нами — ей же будет хуже. Поняла?

— А Хаверел? — спросила Тэмисан.

— Хаверел?

— Боец. Вы оставляете его здесь?

— Как я уже сказал, у нас есть способы сделать его ключом к дверям вашей крепости. Скажи ей это, Уста. Из того, что мы прочли в мозгу твоего бойца, мы поняли, что ты имеешь некоторый авторитет и можешь повлиять на вашу Королеву.

«Прочли в мозгу Старекса? Что они имеют в виду? — Тэмисан внезапно испугалась. — Что-то вроде зонда? Но тогда они узнали и остальное». — Она была полностью сбита с толку, и ей трудно было сосредоточиться на деле, на том, что она должна передать Верховной Королеве это дерзкое послание. Поскольку она не могла протестовать против этого, ей придётся подчиниться.

«Какой приём ожидает меня в Ти-Кри?» — Тэмисан вздрогнула, когда Торк сдёрнул её с койки и потащил по коридору.

Глава шестая

Вот и в третий раз Тэмисан в тюрьме, но на этот раз не в гладких стенах кабины космического корабля, а в древних каменных стенах Большого Замка. Расчёт капитана Левольда на её влияние на Верховную Королеву быстро провалился, и её просьба согласиться на переговоры с космонавтами сразу же была отвергнута. Угроза их оружия и таинственного использования Хаверела в качестве «ключа» вызвала только смех. Тот факт, что люди Ти-Кри в прошлом успешно справлялись с подобной угрозой, давал им полную уверенность, что те самые способы послужат им и в этот раз. Каковы были эти способы — Тэмисан не имела представления, если не считать того, что с кораблём что-то произошло ещё до того, как её столь бесцеремонно выкинули оттуда.

Хаверела они оставили на борту, Кейс исчез, а пока она

не будет иметь под рукой обоих, она останется пленницей. Кейс... Её мысли снова вернулись к тому, что его не нашлось среди членов экипажа. Левольд уверял, что она видела всех.

Постой! Она стала вспоминать каждое его слово: «Ты коснулась рук всех людей на борту», но он не сказал — всего экипажа. Мог кто-нибудь находиться вне корабля? Всё, что она знала о космических путешествиях, она почерпнула из лент, но ленты давали множество деталей, поскольку должны были снабдить мастеров сна фактическим материалом и вдохновением, из которого строились фантастические миры. Этот корабль назвался судном Инспекции и действовал не в одиночку. Итак, у него был компаньон на орбите, и Кейс мог быть там. Но если это так, у неё не было никаких шансов добраться до него.

Если же тогда был просто сон... Тэмисан вздохнула, откинула голову к стене, но тут же отдёрнула её назад, потому что холод камня вонзился в плечи.

Сон...

Она выпрямилась, настороженная и, чуточку возбуждённая.

«Что, если я усну во сне и таким образом найду Кейса? Возможно ли это?» Не попробуешь — не скажешь. У неё не было ни стабилизатора, ни усилителя, а они нужны при разделяемом сне. Она могла надеяться только на себя.

«Но если я усну во сне, могу ли я в какой-то степени вести дело правильно?» Ах, да зачем спрашивать, если ответа не получишь до того, как испытаешь?

Она вытянулась на каменном полу и решительно блокировала те участки своего мозга, которые извещали о дискомфорте тела. Она воспроизвела глубокое ровное дыхание мастера, закрепила мысли на рисунке самогипноза, который служил дверью в сон. Её целью был Кейс, каким он был в реальности. Жалкий проводник...

Ей удалось, она ещё могла спать.

Вокруг неё поднимались стены, но они просвечивали, и сквозь них проплывали мягкие и приятные цвета. Это не космический корабль. Сцена заколыхалась, и Тэмисан быстро отогнала сомнения, которые могли проколоть ткань сна. Стены стали отчётливыми и крепкими; это был коридор, и перед Тэмисан возникла дверь. Она захотела

увидеть, что за дверью, и сразу, как это бывает во сне, оказалась в комнате. Стены её были увешаны той же блестящей сетчатой тканью, какой была задрапирована её комната в небесной башне. Разыскивая Кейса, она вернулась в свой родной мир! Но она удерживала сон, пытаясь узнать, как и почему привело её сюда. Неужели она ошиблась, и Кейс не отправился с ними? Но тогда почему же она и Старекс застряли в том сне?

В комнате никого не было, однако её тянуло сюда. Она искала Кейса, и что-то говорило ей, что он здесь. Там была вторая комната. Войдя, Тэмисан вздрогнула: она хорошо знала эту комнату — комнату мастера снов. Кейс стоял у пустой кушетки, а вторая была занята...

На мастере была разделяющая сон корона, но на другом ложе никто не спал, а стоял низкий металлический ящик, к которому шли провода для сна, и мастером была не Тэмисан. Она предполагала увидеть себя, но в трансе находилась другая, с заторможенным мозгом, что безошибочно доказывалось полной пустотой её лица. Силу сна здесь творил, похоже, не мастер, а этот ящик.

Выведя такое заключение, Тэмисан стала разглядывать остальное. Это была не та комната, в которой заснула она: та была больше. Кейс и не думал спать, он напряжённо следил за шкалами на крышке ящика. Мастер и ящик, соединённые вместе, возможно, и удерживали её и самого Старекса в том мире.

«Но откуда же то слабое видение Кейса в космической форме? Чтобы сбить меня с толку? Или это обманный сон, продиктованный подозрением Старекса по отношению к своему кузену?» Такие подозрения вполне обосновывали отправку её и Старекса в мир сна и закрытие там с помощью другого мастера сна и ящика машины. Что же здесь реальность, а что сон?

Видима ли она для Кейса? Если это сон, то должна быть видима. Если она вернулась в реальность... Её голова кружилась от перечисления того, что могло быть настоящим, ненастоящим, наполовину настоящим; и чтобы доказать себе хоть что-то, она шагнула вперёд и положила свою руку на руку Кейса как раз тогда, когда он нагнулся к ящику, что-то исправляя.

Он испуганно вскрикнул, отдёрнул руку и повернулся. Он смотрел прямо на Тэмисан, но ничего не видел. Она

была бестелесна, как призрак в старых сказках. Однако если он не видел, то всё-таки почувствовал... что-то.

Кейс снова склонился к ящику, внимательно вглядываясь в него и, возможно, предполагая, что почувствовал удар или излучение из ящика. Мастер на ложе не шевелилась. Она казалась мёртвой, но по её слабому дыханию Тэмисан определила, что та крепко спит. Лицо её было истощенным и бесцветным; Тэмисан встревожилась, глядя на него. Орудие Кейса находилось во сне слишком долго. Её должны были разбудить, если она не разрушила сон сама. Одной из опасностей творения сна являлась потеря возможности нарушить сон. Такое случалось, и страж должен был вмешаться. Большая часть корон мастера снабжалась необходимым для этого стимулятором. Но корона на голове этого мастера была такой модификации, какой Тэмисан никогда не видела, и она, наверное, наоборот, предупреждала пробуждение.

Что произойдёт, если Тэмисан удастся разбудить мастера? Освободит ли это её и Старекса, где бы он ни был, от сна, вернёт ли их в нормальный мир? Она была хорошо тренирована в технике разрушения сна и пользовалась этими знаниями, когда в реальности стояла возле жертвы, превысившей своё время сна.

Она протянула руку, коснулась пульса на горле спящей и хотела было сделать лёгкий массаж, но её руки только ей самой казались телесными и крепкими, а для пребывающих в данной реальности это было не так. Для проверки Тэмисан сильно ткнула пальцем в подушку под головой спящей. Палец не оставил ни малейшего следа, а просто вошёл в неё, как будто плоть и кости Тэмисан не имели материальной субстанции.

Но был и другой метод: он считался грубым и использовался лишь в самых крайних случаях. Однако у Тэмисан не было выбора. Она приложила свои бесплотные пальцы к вискам спящей, точно под краем короны, и сосредоточилась на одной лишь команде.

Мастер зашевелилась. Лицо её исказилось и она слабо застонала. Кейс издал восклицание и снова навис над ящиком, нажимая кнопки с осторожностью, свидетельствующей, что это была весьма тонкая задача.

«Проснись!» — внушала Тэмисан, собрав все свои силы.

Руки спящей медленно поднялись к короне, но глаза её

были закрыты. Лицо её теперь выражало боль. Кейс, часто дыша, возился с ящиком.

Так вели они молчаливую борьбу за обладание мастером. Тэмисан вынуждена была признать, что сила, заключающаяся в ящике, превосходила всю технику, какую знала она сама. Но чем дольше Кейс будет удерживать эту беднягу, тем больше будет расти её слабость. И дело может кончиться смертью мастера, что, возможно, Кейса вовсе и не беспокоит.

Если Тэмисан не удастся разбудить мастера и разбить оковы, привязывающие Старекса и её к тому миру, тогда ей придётся каким-то образом взять в тот мир самого Кейса. Ведь он всё-таки заметил её прикосновение.

Тэмисан отошла от изголовья кушетки и встала позади Кейса. Он выпрямился, в лице его отразилась успокоенность, потому что ящик, видимо, сообщил ему, что никаких помех больше нет.

Тэмисан подняла руки к его голове и широко расставила пальцы, так что они прикрыли его голову точно корона мастера, а затем крепко сжала его виски, хотя реального физического давления выполнить и не могла.

Он приглушённо вскрикнул и затряс головой, как бы освобождаясь от обволакивающего его облака. Но Тэмисан крепко держала его. Она видела, как это делалось однажды в Улье; но тогда это проводилось на послушном объекте, а контролируемый и мастер находились на одном уровне реальности. Теперь же она надеялась, что сможет нарушить ход мыслей Кейса и заставить его самого освободить мастера. И она направила на эту цель всю свою волю. Кейс не только тряс головой, но и сам качался и поднимал руки к голове, как бы пытаясь сорвать то, что его держало. Но коснуться Тэмисан он тоже не мог.

Весь запас энергии, помогавшей Тэмисан творить необычайные миры и удерживать их для следующего за ней спящего, был теперь послан с заданием повлиять на Кейса. Но, к её разочарованию, он лишь прекратил свои яростные движения. Глаза его закрылись, лицо скривилось в выражении ужаса. К ящику он не подходил. Затем он неожиданно покачнулся и упал поперёк кушетки. При падении он задел за ящик и смахнул его на пол, а ящик потянул за собой корону мастера.

Девушка несколько раз глубоко вздохнула и её измученное лицо слегка порозовело. А Тэмисан, испуганная ре-

зультатом своих действий над Кейсом, начала думать, не станет ли теперь для них хуже. Она не знала, насколько ящик связан с их транспортацией в альтернативный мир, и смогут ли они вернуться, если ящик этот сломался.

«И ещё одно дело, — думала Тэмисан. — Я должна вернуться в тюремную камеру в Большом Замке, иначе Старекс-Хаверел потеряется навсегда; но тогда Кейс останется здесь без контроля и снова задействует свою машину... Нет! Но как же тогда?»

Тэмисан смотрела на шевелящегося мастера снов. Девушка выбиралась из глубины сна в бессознательном состоянии и не понимала, что происходит вокруг неё. В таком состоянии она может оказаться восприимчивой к внушению. Нужно попытаться.

Оставив Кейса, Тэмисан вернулась к мастеру. Она снова коснулась висков и лба девушки и постаралась повлиять на неё. Мастер села так медленно, словно её тело было непереносимо тяжёлым. Медленным, болезненным жестом она поднесла руки к голове, ища корону, которой больше там не было. Глаза всё ещё были закрыты. Тэмисан напрягала все свои силы, чтобы вложить в мозг мастера свои приказы.

Не открывая глаз, мастер ощупала край кушетки, пока её пальцы не наткнулись на провода, идущие от короны к ящику; слабые пальцы дёргали их, пока не отсоединили от ящика.

Держа корону в одной руке, она соскользнула с кушетки и упала на колени; верхняя часть её тела легла на вторую кушетку, коснувшись щекой лежавшего без сознания Кейса.

Напряжение Тэмисан было очень велико. И несколько раз её контроль над мастером ослабевал, и тогда слабые руки мастера бессильно опускались. Но Тэмисан каждый раз находила в себе силы снова вернуть эти руки к действию, так что наконец корона оказалась на Кейсе, а провода присоединены к ящику.

Такая большая удача с таким ничтожным оборудованием! Тэмисан не могла быть уверена, она только надеялась. Она убрала контроль над девушкой, и та теперь лежала на одном краю кушетки, в то время как Кейс лежал на другом.

Тэмисан собрала всё, что имела из того, чем обладала всегда — то небольшое отличие от других мастеров,

которым тайно дорожила. Она ещё раз коснулась лба спящей девушки и разрушила свой сон во сне.

Было так, словно она поднималась в гору со страшно тяжёлым грузом, будто тащила чье-то тяжёлое мёртвое тело через болото, засасывающее её вниз. Это было такое тяжёлое усилие, какого она не могла вынести...

Потом тяжесть исчезла, и Тэмисан радостно почувствовала, что её ничто больше не тянет. Наконец она открыла глаза, и даже такое малое усилие утомило её.

Она находилась не в небесной башне. Вокруг замыкались каменные стены, тусклый свет пробивался в узкую щель в стене. Она была в Большом Замке, из которого перебралась во сне в свой родной Ти-Кри. Но хорошо ли она поработала там?

Сейчас она слишком устала, чтобы связно думать. Обрывки всего того, что она видела и делала с тех пор, как впервые проснулась в э т о м Ти-Кри, проплывали в её мозгу, не складываясь в конкретный узор.

Возник мысленный образ Хаверела, каким она его видела в последний раз, когда они шли к космическому кораблю. Она вспомнила угрозу капитана, от которого Верховная Королева отмахнулась. Если Тэмисан и вправду сломала замок Кейса, закрепивший их здесь, то этой угрозы можно было бы избежать. Но теперь в Тэмисан совсем не осталось силы. Она пыталась вспомнить формулу пробуждения и почувствовала удар холодного страха, когда память подвела её. Она не может сделать этого сейчас: нужно время, чтобы отдохнули тело и разум. Теперь она почувствовала мучительные голод и жажду.

«Неужели они оставят меня здесь без пищи?»

Тэмисан прислушалась, затем чуть-чуть повернула голову. Она была не одна.

Кейс!

Значит, ей удалось притянуть за собой Кейса? Если так, то у него не было аналога в этом мире, и он всё ещё в собственном обличье?

Но у нее не оказалось времени изучить эту возможность, так как раздался громкий скрип, и полоса света отметила открытую дверь. Там, освещённый факелом, стоял тот же офицер, что привёл её сюда. Опираясь на руки, Тэмисан стала подниматься, и в то же время из дальнего угла послышался крик. Кто-то шевельнулся там, поднял голову

и показал лицо, которое она видела в небесной башне. Это был Кейс в его истинном теле. Он покачивался, а офицер и стражник смотрели на него, не веря своим глазам.

Губы Кейса оттянулись в странном оскале, ничем не напоминающем улыбку. В его руке возник маленький лазерный пистолет. Тэмисан даже не шелохнунулась: он собирался сжечь её. В эту минуту она была так уверена в этом, что даже не испытала страха и только ждала.

Но его оружие было нацелено за неё — на дверь. Офицер и стражник упали. Держась одной рукой за стену, Кейс брёл к Тэмисан. Он отошёл от стены, переложил лазер в левую руку, а правой вцепился в плечо Тэмисан.

— Вставай! — с трудом выговорил он, словно был таким же обессиленным, как и она. — Не знаю как, почему и что...

Факел, выпавший из обуглившейся руки стражника, тускло мерцал. Кейс повернул Тэмисан, чтобы увидеть её лицо. Он так напряженно смотрел на неё, как будто сила его взгляда могла сорвать с неё маскирующее её тело и показать прежнюю Тэмисан.

— Ты — Тэмисан! Иначе не может быть! Не знаю, как ты это проделала, дьяволица! — он со злобой затряс её, так что она больно ударилась о стену. — Где он?

Однако из её пересохшего горла вырвался только хриплый звук.

— Ладно, неважно! — Кейс теперь стоял тверже, голос его стал более сильным. — Где бы он ни был, я его найду. И тебя не отпущу, чёртово отродье, потому что ты — мой путь назад. А что касается Лорда Старекса, то здесь ему не будет ни стражников, ни щитов. Наверное, это лучшая возможность. Ну, отвечай, что это за место? — И он ударил её ладонью по лицу. Голова девушки опять ударилась о стену, так что край короны Уст врезался в кожу. Тэмисан вскрикнула от боли.

— Говори! Что это за место?

— Большой Замок Ти-Кри, — прохрипела она.

— Что ты делаешь в этой норе?

— Я пленница Верховной Королевы.

— Пленница! Что ты имеешь в виду? Ты же мастер снов, и это твой сон. Так почему же ты пленница?

Тэмисан была так потрясена, что не могла подобрать слова. Она смутно понимала, что Кейс ни в коем случае не поверит её объяснению, какое она давала Старексу.

— Не... полностью... сон, — выдавила она.

Он, казалось, не удивился.

— Значит, контроль имеет такое свойство — внушать чувство реальности, — он впился в неё взглядом. — Ты не можешь управлять этим сном, так? И тут судьба благоприятствует мне. Где Старекс?

Она рада была ответить правду, поскольку ей казалось, что она не сумеет убедительно солгать.

— Не знаю.

— Но он где-нибудь в этом сне?

— Да...

— Тогда ты найдёшь его для меня, Тэмисан, и быстро. Нам надо обыскать этот Большой Замок?

— В последний раз я видела его не здесь.

Она боялась повернуть глаза к двери, к тому, что лежало там. Но Кейс толкнул её вперёд, и её чуть не вырвало. Она не знала, смогут ли они выйти в городок, окружавший Большой Замок. Те, кто привёл её сюда, шли не к центру башни, а повернули от первых ворот кругом и спускались по длинным пролётам лестниц. Она сомневалась, что они выйдут отсюда так же легко, как предполагал Кейс.

— Пошли, — он потащил её вперёд, оттолкнув ногой лежащих в дверях. Тэмисан зажмурилась, но запах смерти был так силён, что она вся сжалась, затем зашаталась и устояла на ногах только потому, что Кейс тащил её.

Дважды она смотрела остекленевшими глазами, как он сжигал сопротивление. Ему помогала удача и неожиданность. Так они дошли до лестницы и начали подниматься. И Тэмисан держалась только надеждой. Теперь её силы в какой-то мере вернулись, и она уже не боялась упасть, если Кейс выпустит её. Когда они наконец вышли на воздух, и ветер унёс острый и сырой запах подземелья, Тэмисан почувствовала себя чистой и обновлённой и смогла думать более ясно.

Кейс тащил её вовсе не из-за её слабости, которую он считал притворной. Его оружие, чуждое этому миру и, однако, столь эффективное, вполне могло пробить им путь к Старексу. Но это не значило, что, когда они доберутся до него, она станет повиноваться Кейсу. Она чувствовала, что Кейс, очутившись лицом к лицу со своим лордом, потеряет свою уверенность в успехе.

Их остановили не вездесущие стражники, а массивные

ворота. Кейс, осмотрев засов, засмеялся, поднял лазер и направил тонкий, как игла, луч в определённую точку. Откуда-то сверху закричали. Кейс спокойно повернул луч к узкой лестнице, ведущей на укрепления, и снова засмеялся, услышав испуганный вопль и звук падения тела.

— Пошли, — Кейс толкнул плечом ворота, и они открылись неожиданно легко для своего веса. — Так где же Старекс? Если солжёшь... — Его улыбка откровенно угрожала.

— Там, — Тэмисан уверенно показала туда, где факелы ярко освещали корпус приземлившегося космического корабля.

Глава седьмая

— Космический корабль! — Кейс остановился.

— Осаждённый здешним народом, — сообщила Тэмисан. — Старекс — заложник на борту, если он ещё жив. Они грозились использовать его каким-то образом в качестве оружия, но Верховная Королева, насколько я знаю, не обратила внимания на эту угрозу.

Кейс повернулся к ней; весёлость его исчезла, усмешка сменилась яростным оскалом, и он затряс головой.

— Это твой сон, контролируй его!

Тэмисан заколебалась. Можно ли сказать ему то, что она считала правдой? Кейс и его оружие были её единственной надеждой добраться до Старекса. Пойдёт ли он в лобовую атаку, когда узнает, что это их единственный шанс достичь цели. С другой стороны, если она признастся, что не сможет разрушить сон, Кейс просто сожжёт её. Затем она решила, что у нее всё-таки есть решение.

— Твоё вмешательство исказило рисунок, Лорд Кейс. Некоторые элементы я не могу контролировать и не могу разбить сон до тех пор, пока Лорд Старекс не будет с нами, потому что мы связаны последовательно в этом рисунке.

Её спокойный ответ, казалось, произвёл на него некоторый эффект. Правда, он снова пребольно дёрнул её и непристойно выругался, но с трезвым расчётом осмотрел факелы и слабо видимый корпус корабля.

Они сделали большой круг, чтобы обойти большую часть факелов, расположенных на открытом пространстве

к югу от корабля. Небо посерело, показывая, что близок рассвет. Теперь они видели лучше. Похоже, корабль был наглухо закрыт. Не было видно ни одного открытого люка, не было трапа; и лазер в руке Кейса не мог тут помочь, как в случае с воротами Большого Замка.

По-видимому, эти затруднения пришли на ум и Кейсу, потому что он рывком остановил Тэмисан, пока они ещё оставались в тени, далеко от линии факелов, квадратом окружающих корабль. Наблюдая за происходящим, они укрылись в небольшой яме.

Факелы теперь находились не в руках людей, а были воткнуты в землю с правильными интервалами. Пёстрая масса людей, окружавших Верховную Королеву и её придворных при первом появлении Тэмисан на посадочном поле, теперь исчезла; осталась только линия стражников вокруг закрытого корабля.

«Почему корабль не улетел?» — удивлялась Тэмисан. Может быть, суматоха в последнюю минуту её пребывания на борту означала, что он не может взлететь? Они говорили тогда о другом корабле на орбите. Похоже, что он и не подумал помочь им. А впрочем, Тэмисан не имела представления, сколько времени прошло с тех пор, как она была здесь в последний раз.

Кейс снова повернулся к ней:

— Ты можешь послать сообщение Старексу?

— Могу попробовать. А зачем?

— Проси его, чтобы нас пустили к нему.

«Неужели он так глуп и не соображает, что в любом сообщении, которое мне удастся послать, я дам предупреждение? Или он принял меры предосторожности против этого? Но смогу ли я дотянуться до Старекса?»

Она погружалась во второй сон, чтобы войти в контакт с Кейсом. Но сейчас у неё и не было столько времени в запасе. Сейчас она может воспользоваться только техникой мысли, чтобы вызвать сон и посмотреть, что из этого получится. Она сказала об этом Кейсу, но успеха не обещала.

— Делай, что сможешь! — резко приказал он.

Тэмисан закрыла глаза и представила себе Хаверела, как он стоял рядом с ней на этом поле. Она слышала тяжёлое дыхание Кейса. Открыв глаза, она увидела Хаверела,

вернее, его бледную копию, качающуюся и расплывающуюся, и быстро проговорила:

— Скажи им, что мы пришли с посланием от Королевы и должны увидеть капитана.

Очертания Хаверела растаяли в ночи. Кейс злобно пробормотал:

— Чего хорошего можно ждать от этого призрака?

— Не могу сказать. Если он вернётся к тому, чьей частью является, он может передать сообщение. А дальше... — Тэмисан пожала плечами. — Я уже говорила тебе, что не могу управлять этим сном. Иначе, разве мы стояли бы здесь?

Его тонкие губы скривились в безрадостной усмешке.

— Ты-то нет, я знаю, мастер! — он внимательно оглядел линию факелов и стоявших перед ними стражников. — Если мы подойдём ближе к кораблю, можем мы надеяться, что нам откроют?

— В прошлый раз они взяли нас с помощью станнера, — предупредила Тэмисан. — Они могут так поступить и сейчас.

— Станнер? — он показал на лазер. Тэмисан надеялась, что этот жест не означает опрометчивой атаки на корабль.

Он толкнул её вперед, к линии факелов.

— Если они откроют, — пояснил он, — я приму меры.

Тэмисан подобрала длинную юбку; она была изодрана от грубого обращения и могла превратиться в лохмотья, если при ходьбе наступить на кайму. Здесь рос жёсткий кустарник, так что Тэмисан всё время спотыкалась, когда Кейс тащил её за плечо, и так уже покрытое синяками.

Они дошли до линии факелов. Стражники стояли лицом к кораблю. Все они были вооружены арбалетами, но не костяными, какие носили люди в чёрном. Стрелы против мощи корабля. Это выглядело смехотворным, жутким, радующим простака. Однако корабль здесь, и Тэмисан помнила испуг людей, допрашивавших её на борту.

В корпусе корабля появилось тёмное пятно, и люк неожиданно открылся. Она узнала боевой люк, хотя видела его только на лентах.

— Кейс, они собираются стрелять!

Лазерным лучом они могли бы сжечь всё на этом поле, а то и дальше, до самых стен Большого Замка.

Она попыталась вырваться из рук Кейса, бежать назад,

хотя знала, что погибнет на первых же шагах. Но Кейс крепко держал её.

— Оружия нет, — сказал он.

Тэмисан старалась разглядеть сквозь мерцающий свет. Может, это сверкнула молния в небе, и при её свете было видно, что тут нет оружия. Но всё же это была боевая амбразура.

Люк закрылся так же быстро, как и открылся. Корабль был снова плотно запечатан.

— Что это?

— То ли они не могут воспользоваться оружием, — ответил Кейс, — то ли им предписано сделать что-то лучшее... В любом случае у нас есть шанс. Оставайся здесь, иначе тебе не поздоровится! Не думай, что я не разыщу тебя!

Она осталась. Да и куда ей было идти? Если она попадётся на глаза любому стражу, её отведут обратно в тюрьму, и всё закончится смертью. Если она хочет покинуть этот мир, она должна добраться до Старекса.

Стражники с интересом разглядывали корабль, и Кейс воспользовался этим. Он подполз к одному из стражников с ловкостью, удивительной для человека, привыкшего к роскоши небесной башни.

Она не видела, каким оружием он воспользовался, во всяком случае, не лазером. Он внезапно возник позади ничего не подозревающего стражника и, казалось, только слегка коснулся рукой его шеи. И тот без звука упал. Кейс подхватил его и оттащил назад, к яме, где ждала Тэмисан.

— Быстро, — приказал Кейс, — сними с него плащ и шлем.

Он быстро содрал с себя мундир с экстравагантными эполетами, пока Тэмисан, встав на колени, неумело отстёгивала большую брошь, скрепляющую плащ стражника. Кейс выхватил край плаща из её рук, выдернул остальную часть его из-под вялого тела, надел на себя, приладил шлем и взял в руки арбалет стража.

— Иди передо мной, — велел он Тэмисан. — Если у них есть полевой сканнер, то я хочу показать им пленницу под стражей. Может, они захотят взять её для переговоров? Это довольно слабый шанс, но лучшего у нас нет.

Он не мог знать, что это, возможно, наилучший шанс, поскольку он не знал, что Тэмисан была в корабле, и что

экипаж, вероятно, ждёт её возвращения с посланием от Верховной Королевы. Но открыто пройти мимо линии факелов — тут везенье Кейса могло не сработать: ведь их увидят и другие стражники, едва они пройдут четверть пути к кораблю. Но она ничего не могла предложить взамен.

Такого приключения она никогда не переживала во сне и была уверена, что если умрёт сейчас, то умрёт по-настоящему и не вернётся невредимой в свой собственный мир. Её плоть сжималась от страха, руки дрожали под складками платья. В любую секунду она могла почувствовать удар стрелы, услышать крик обнаружения и...

Но Тэмисан всё шла и шла вперёд, настороженно прислушиваясь к слабому скрипу сапог Кейса за собой. Её удивляло его презрение к опасности, которая для неё была более чем реальна, но он, видимо, всё ещё был уверен, что она может управлять этим сном, а, значит, следить надо было только за ней. Она не могла найти слов, чтобы убедить его в страшной ошибке.

Тэмисан так напряжённо ждала нападения сзади, что не заметила, как подошла к кораблю. Внезапно она увидела открытый люк и стала ждать слепящего разряда станнера.

Атаки, которой она ждала, не произошло. Небо ярко осветилось, хотя солнце ещё не показывалось. Посыпались первые капли грозового дождя, а затем факелы зашипели, затрещали и наконец погасли.

Они подошли к кораблю вплотную и остановились. Тэмисан была на грани истерики. Что если корабль откажется принять их? Не могут же они стоять тут вечно, а другого способа пробиться внутрь нет. Не слишком ли был уверен Кейс в её общении с призраком Хаверела?

Пока она думала, что их дело пропащее, над ними раздался лёгкий звук, в стене корабля открылся люк и оттуда спустился узкий трап.

— Пошли! — Кейс толкнул её вперед. Она с трудом стала подниматься. Тяжёлые, обтрёпанные юбки тянули её назад, но она вцепилась в единственный поручень трапа и упорно продвигалась вверх. Почему никто из стражников не двинулся? Неужели их обмануло переодевание Кейса, и они подумали, что Тэмисан действительно послана для переговоров?

Она почти уже добралась до люка, когда заметила там людей, ожидавших в тени. Они держали наготове танглеры, чтобы выпустить кружащуюся паутину и спеленать обоих гостей. Но прежде чем их скользкие нити были выброшены вперёд, чтобы найти плоть и закрепиться на ней, два космонавта отлетели в стороны, хватаясь уже мёртвыми руками за обугленную грудь мундиров, из которых поднимались маленькие спиральки дыма.

Они считали, что стражник вооружён арбалетом, а встретили лазер Кейса. Толчок плечом в спину бросил Тэмисан на тела тех, кто ждал их. Она услышала шарканье, затем её пинком отшвырнули в сторону, чтобы она не загромождала вход. Она пролетела вперёд, поскольку отступления не было, затем наткнулась на стену коридора и обернулась назад.

Два человека лежали мёртвыми, а Кейс направлял лазер на третьего. Не оглядываясь, он отдал приказ, и она механически повиновалась:

— Возьми танглер!

Тэмисан подползла обратно к люку и взяла оружие. Она хотел взять и второй танглер для собственной защиты, но Кейс не дал ей времени сделать этого:

— Давай его сюда!

Не отводя лазера от груди третьего члена экипажа, Кейс протянул свободную руку назад.

«У меня нет выбора, и я сделаю это! Если Кейс думает, что полностью запугал меня...» Не теряя времени на прицеливание, Тэмисан вскинула танглер и нажала кнопку.

Толстая плеть взвилась в воздухе, ударилась о стену и задела руку человека, неподвижно стоявшего под прицелом Кейса, перекинулась с руки на грудь, оттуда по воздуху на руку Кейса, державшую оружие, через грудь на другую руку и тут же приклеилась с обычной эффективностью, связав вместе нападавшего и его жертву.

Кейс, отбиваясь, повернул лазер в сторону Тэмисан. Хотел ли он сжечь её в ярости — она не знала, но танглер сделал достаточно, чтобы она смогла отойти от линии возможного огня. Теперь, видя их обоих на время обезвреженными, Тэмисан облегчённо вздохнула.

Она отпустила кнопку танглера, как только увидела, что

Кейс не может двигать руками. Потом она снова включила оружие, чтобы спутать Кейсу ноги. Он остался стоять, но был так же беспомощен, как если бы получил заряд станнера.

Она осторожно подошла к нему. Поняв её намерение, он дико забился, чтобы клейкие нити танглера коснулись и её тела тоже. Но она оторвала подол своего платья и обмотала им руку, чтобы избежать риска быть пойманной.

Несмотря на сопротивление Кейса, ей удалось вырвать лазер из его рук и на секунду ощутить прилив уверенности.

Кейс не издал ни звука, но глаза его выражали дикую злобу; он оскалил зубы, и из уголков его рта стекали струйки слюны. Бесстрастно глядя на него, Тэмисан думала, что он близок к помешательству.

Член команды зашевелился. Она повернулась и предупреждающе подняла лазер. Человек двигался вдоль стены; не связанные ноги давали ему большую подвижность, хотя нити танглера надёжно склеили его с Кейсом. Тэмисан осмотрелась, отыскивая то, к чему он явно стремился. Это был интерком.

— Стой на месте! — приказала она. Он застыл, боясь лазера. Продолжая держать его под прицелом, она быстро глянула через плечо на люк. В свою очередь скользнув вдоль стены, она захлопнула люк и, засунув танглер за пояс, повернула рукоять запора.

Пользуясь лазером, точно указкой, она предложила члену команды подойти ближе к интеркому, но неподвижный Кейс оказался для него крепким якорем.

— Отодвинься!

Он ничего не сказал за всё это время, но повиновался с поспешностью, давшей понять, что вид орудия в её руках нравится ему ещё меньше, чем в руках Кейса. Он натянул нити до предела. Кейс исходил руганью, которая для Тэмисан не значила ровным счётом ничего. Пока Кейс не освободился, он был всего лишь хорошо закреплённым грузом. А член команды был ей нужен. Подтянув к нему интерком, она жестом указала на него. Она старалась сыграть как можно лучше в этой отчаянной игре.

— Где Хаверел, местный житель, которого взяли на борт?

Конечно, он мог солгать, и она не узнает об этом. Но он, похоже, был рад ответить, видимо, считая, что правда заденет её куда сильнее, чем любая ложь.

— Он в лаборатории, где его доводят до кондиции, — он усмехнулся так же недобро, как и Кейс.

Она вспомнила угрозу капитана сделать Хаверела орудием против Верховной Королевы и её армии. Неужели она опоздала? Оставался только один путь, и она уже выбрала его в те несколько секунд, когда овладела танглером и пустила его в ход. Она проговорила медленно и отчётливо:

— Ты вызовешь командира и скажешь, чтобы Хаверела освободили и привели сюда.

— Зачем это? — с заметной наглостью ответил космонавт. — Что ты можешь сделать? Ну, сожжёшь меня? Это не нарушит планов капитана, пусть хоть половина команды сгорит.

— Возможно, — кивнула она. Не зная капитана, она не могла сказать, правда это или блеф. — Но захочет ли он пожертвовать своим кораблём?

— А что ты можешь сделать? — начал было человек, но замолчал. Усмешка его увяла, он внимательно взглянул на Тэмисан. В её внешности, вероятно, не было ничего такого страшного, чтобы угрожать кораблю, но откуда ему знать? Из своего времени и реальности она твёрдо знала: космолётчиков учат прежде всего не доверять ничему на новых планетах. Он вполне мог подумать, что она управляет какими-то неведомыми силами.

— Что я могу сделать? Очень многое, — она быстро воспользовалась его колебанием. — А можете ли вы поднять корабль? — она отчаянно надеялась, что её догадка правильна. — Можете вы связаться с вашим кораблём на орбите?

Выражение лица космолётчика ответило ей, и надежда вспыхнула ярким пламенем. Корабль был пригвождён к земле, и они не могли уничтожить то, что держало его.

— Капитан не будет слушать, — угрюмо проговорил космонавт.

— А я думаю, будет. Скажи ему, чтобы Хаверел был здесь, причём чтобы он пришёл сам, с помощью своих ног, иначе мы всерьёз покажем вам, что случилось с тем остовом корабля на краю поля.

Кейс молчал. Он смотрел на неё, но не с той осторож-

ностью, как смотрел бы член команды корабля, а с каким-то непонятным чувством. Удивление? Или оно маскировало какой-то коварный план сорвать её блеф?

— Говори! — поторопилась Тэмисан. Ведь люди в корабле, наверное, удивлялись, почему пленников до сих пор не привели. Да и снаружи люди Верховной Королевы наверняка уже доложили, что Тэмисан и стражник вошли в корабль — враги могли окружить их с обоих сторон.

— Я не могу включить интерком, — ответил пленник.

— Тогда скажи мне, как это сделать.

— Красная кнопка.

Девушке показалось, что в глазах его что-то блеснуло. Тэмисан протянула руку и нажала з е л ё н у ю кнопку. Не обвиняя его в обмане, она сказала ещё более повелительно:

— Говори!

— Говорит Сеннард, — космонавт наклонился к ящику. — Меня взяли. Русо и Кэмбр мертвы. Они хотят забрать местного...

— В хорошем состоянии, — прошипела Тэмисан, — и немедленно!

— Они хотят его немедленно и в хорошем состоянии, — послушно повторил Сеннард. — И они угрожают кораблю.

Ответа из интеркома не последовало. Может, она действительно нажала не на ту кнопку из-за своей чрезвычайной подозрительности? Но что может случиться? Она не могла больше ждать.

— Сеннард, — послышался из интеркома металлический голос без человеческих интонаций.

— Да, сэр?

Но тут Тэмисан так толкнула его, так что он проехал вдоль стены назад и натолкнулся на Кейса; узы обоих мужчин немедленно соединились, образовав один брыкающийся свёрток. Тэмисан заговорила в интерком:

— Капитан, я не шучу. Пришлите сюда вашего пленника или посмотрите на те обломки корабля и скажите себе: «Вот что будет и с моим кораблём». Так и будет, и это так же точно, как то, что я стою здесь и держу в плену вашего человека. Пошлите Хаверела одного и молитесь всем бессмертным богам, чтобы он смог прийти сам! Время не ждёт, и вы не обрадуетесь, если не сделаете по-моему.

Член команды тщетно пытался оттолкнуться от Кейса

ногами, но его усилия только уронили обоих на пол. Тэмисан опустила руки и, тяжело дыша, прислонилась к стене. Всей своей волей она хотела управлять действиями, как всегда делала во сне, но теперь всё зависело только от судьбы.

Глава восьмая

Даже опираясь на стену, Тэмисан чувствовала себя как в стальном футляре. Время шло так медленно, а скованность тела и духа усиливались. Кейс и его противник прекратили борьбу. Лица космонавта она не видела, но у Кейса, повёрнутого к ней лицом, появился странный искажённый взгляд, как будто он на её глазах стал совсем другим человеком.

Со времени возвращения в небесную башню во втором сне она знала, что Кейса следует опасаться. Хотя тело его было надёжно пленено, она непроизвольно отступила, словно сила этого враждебного взгляда могла стать оружием и убить её. Но он молчал и лежал так спокойно, как если бы предвидел полный её провал.

Она так мало знает, думала Тэмисан, а ведь она всегда гордилась своим обучением, ценностью знаний, получаемых ею для сонных действий. Команда корабля могла впустить в этот короткий коридорчик ядовитый газ или воспользоваться каким-нибудь тайным лучом и покончить с ними. Тэмисан провела руками по стенам, изучая ровную поверхность в поисках места, откуда может выйти невидимая смерть.

В конце коридора находилась ещё одна дверь, а в нескольких шагах от внешнего люка поднимась лестница к закрытому трапу. Голова Тэмисан всё время поворачивалась от одного входа к другому, но затем она взяла себя в руки.

«Им стоит только подождать, чтобы обнаружить мой блеф... Только подождать...»

ДА! ОНИ ЖДУТ И...

Воздух в помещении изменился: в нём появился запах, но не неприятный, хотя даже самые лучшие духи показались бы вонючими в этих условиях. И свет изменился: раньше он был как дневной, а теперь стал синеватым. Её коричневая кожа приобрела в нём странный оттенок.

«Я п р о п а д у т у т! Не открыть ли снова люк, впустить свежего воздуха?»

Тэмисан доплелась до люка, схватила заклинивающее колесо и собрала все силы. Кейс снова завертелся, пытаясь освободиться от своего невольного партнёра. Странное дело, но космонавт лежал вяло и неподвижно, голова его болталась, когда Кейс дёргал его тело, хотя глаза его были открыты. В это время Тэмисан открыла люк и изумилась: неужели воображение заставило её поверить, что она в опасности? Она глубоко вдохнула... и чуть не вскрикнула: она не потеряла, а получила новые силы! Она вдыхала полной грудью этот пахнущий воздух, дышала всё глубже и медленнее, как будто её тело желало такого питания. Это восстанавливало силы.

И у К е й с а т о ж е?

Она повернулась к нему. В то время как она дышала глубоко и без опасений, он задыхался, его лицо казалось прозрачным в изменившемся освещении. Затем он затих, голова откинулась также бессильно, как и у члена команды.

Какова бы ни была перемена здесь, она подействовала на мужчин, но не на неё. Теперь её тренированное воображение совершило ещё прыжок. Возможно, она была не так уж неправа, когда угрожала людям корабля. Правда, она не догадывалась, каким образом это было сделано, однако стало ясно: это ещё одно странное оружие в арсенале Верховной Королевы.

А Хаверел? Космолётчики наверняка не собирались посылать его. Рискнуть самой пойти на его поиски? Тэмисан посмотрела на лестницу, на другую дверь. Если все в корабле так отреагировали на странный воздух, тогда, возможно, её никто не остановит. Если же она убежит из корабля, она потеряет ключи от своего мира и может попасть в злые руки Верховной Королевы. Ведь она бежала из тюрьмы и оставила позади себя двух мёртвых. Как Уста Олавы, она содрогалась от приговора, какой ей вынесут за такие сверхъестественные действия.

Тэмисан решительно пошла к двери в конце коридора. По правде говоря, выбора не было вовсе. Она должна найти Старекса и привести его сюда, где они будут все трое вместе. И им нужно некоторое время, чтобы разрушить сон, иначе она полностью пропала.

Она поддёрнула платье как можно выше. На поясе болтались танглер и лазер, бывший ранее у Кейса. Вдобавок появилось ощущение подъёма сил, прекрасное самочувствие, хотя внутреннее чувство предупреждало Тэмисан против излишней самоуверенности.

Дверь открылась от её толчка. Глазам Тэмисан предстала сцена, которая сначала её испугала, а затем успокоила. В коридоре валялись члены экипажа, но они лежали врастяжку, как будто были захвачены по пути. Лазеры — несколько иного вида, чем был у Кейса, — выпали из их рук; у троих-четверых были танглеры.

Тэмисан осторожно обошла их и собрала всё оружие в подол, как девочка в поле собирает весенние цветы. Люди были живы, она это ясно видела — и они мирно спали.

Один танглер она взяла в обмен на свой, поскольку опасалась, что его заряд мог кончиться, а всю остальную коллекцию отнесла в дальний конец коридора и направила на неё луч лазера, так что от оружия осталась лишь масса бесполезного металла.

Её представления о конструкции корабля были крайне скудны. Она решила искать до тех пор, пока не найдёт Старекса и начала с самого верха. Тэмисан воспользовалась лестницей с одного уровня на другой и три раза натыкалась на спящих. Каждый раз она обезоруживала их, а потом шла дальше.

Голубой цвет освещения становился глубже и придавал странный вид лицам спящих... Тэмисан добралась до третьего уровня, когда услышала звук — первый за всё время с тех пор, как она ушла от люка.

Она прислушалась и решила, что звук идёт как раз с этого уровня. С лазером наготове она пошла на этот звук, хотя он и вводил в заблуждение и мог исходить из любой каюты. Поэтому она шла и открывала каждую дверь. Там обнаружилось много спящих, кто на койках, кто на полу, кто сидя и положа голову на стол. Теперь она уже не останавливалась, чтобы собрать оружие; необходимость как можно быстрее выполнить свою задачу и уйти с этого корабля подгоняла её так же резко, как плеть по вздрагивающим плечам раба.

Внезапно звук усилился: она дошла до последней двери, толкнула её и очутилась в кабине, которая предназнача-

лась не для жизни, а скорее, для смерти. Двое мужчин в простых мундирах лежали у порога, словно что-то предупредило их об опасности, и они хотели выбежать, но не успели. За ними стоял стол, а на столе — тело, вполне живое и настойчиво сражающееся с удерживающими его путами.

Хотя череп его был гладко выбрит, в человеке безошибочно можно было узнать Хаверела. Он не только пытался освободиться от скоб и ремней, но ещё и вертел головой, чтобы сбросить диски, укреплённые у него на висках и подсоединённые к машине, занимавшей четверть маленькой каюты.

Тэмисан перешагнула через лежавших, подошла к столу и сбросила диски с головы пленника — видимо, его яростные движения в какой-то мере ослабили их. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но либо она не слышала, либо он потерял голос. Но когда она выключила аппарат, Хаверел издал торжествующий крик.

— Освободи меня! — скомандовал он.

Девушка уже осматривала нижнюю часть стола, отыскивая механизм, державший ремни и зажимы. Через несколько секунд она смогла выполнить его приказ.

Он сел на столе, голый до пояса. На столе, где до этого лежали его плечи и позвоночник, располагалась серия дисков. Прежде чем Тэмисан успела что-либо сказать, он схватил лазер, который она положила на край стола, пока освобождала зажимы, и сделал жест, показывающий, что им надо побыстрее уходить, и что с оружием в руках он считает себя хозяином положения.

— Они все спят, — сказала она. — И Кейс тоже. Он пленник.

— Я не думал, что ты найдёшь его. Среди членов команды его не было.

— Не было. Но теперь я его держу, и мы сможем вернуться.

— Сколько времени это займёт? — он встал на колени, обыскивая людей на полу. — И какая подготовка тебе понадобится?

— Не могу сказать, — искренне ответила она. — Но долго ли продлится их сон? Я думаю, он вызван каким-то фокусом Верховной Королевы.

— Они этого не ожидали, — согласился Хаверел. — И

ты, наверное, права: это предварительное действие, чтобы напасть на корабль! Я многое узнал тут: их инструменты и большая часть аппаратуры стали работать до такой степени неправильно, что люди не могли им доверять. Иначе я бы не выжил как личность, — добавил он угрюмо.

— Давай, пошли! — теперь, когда ей так повезло, она не хотела, чтобы что-то помешало их побегу.

Они вернулись к люку. Весь корабль спал. Старекс наклонился над Кейсом и с изумлением обернулся к Тэмисан:

— Но ведь это настоящий Кейс!

— Да, вполне настоящий, — согласилась Тэмисан, — и для этого есть причина. Но стоит ли сейчас обсуждать это? Если люди Верховной Королевы придут брать корабль, то, будь уверен, они встретят нас похуже, чем тебя встретили здесь. У меня достаточно воспоминаний здешней Тэмисан — Уст Олавы, так что я знаю.

Он кивнул:

— Ты можешь прервать сон здесь?

Она несколько нерешительно огляделась.

«Нет, здесь почему-то я не могу мыслить ясно», — подумала Тэмисан. Похоже, что действие этого пахнущего воздуха высушило её, и с этим ушло то, в чём она больше всего нуждалась...

— Я... Боюсь, что нет, — сказала она вслух.

— Ну что ж, остаётся одно, — он снова осмотрел нити танглера. — Мы уйдём туда, где ты сможешь.

Он поставил лазер на самую малую мощность и пережёг нити, связывающие Кейса с космолётчиком. Но самого кузена освобождать не стал.

«А что, если мы выйдем из люка прямо в руки воинов Верховной Королевы», — подумала Тэмисан. На их стороне был лазер, танглер и, может быть, улыбка фортуны. Придётся рискнуть.

Тэмисан открыла внутреннюю дверь люка. Мертвецы лежали там, где упали. Тэмисан посторонилась и пропустила вперёд Старекса, который нёс на плече Кейса и шёл довольно медленно. Пленника завернули в плащ, чтобы предохранить тело Старекса от контакта с нитями танглера. Внешний люк был открыт.

Порывистый ветер с ледяным дождем жестоко ударил их. Когда Тэмисан входила в корабль, начинался рассвет,

а теперь стоял день, но было ничуть не светлее. Факелы были погашены. Тэмисан тщетно пыталась рассмотреть линию стражи. Возможно, суровая погода разогнала их. По крайней мере, у подножья трапа их никто не ждал. Но стражники могли прятаться за стабилизаторами корабля, и такую возможность следовало учесть. Она сказала об этом Старексу, и тот кивнул.

— Куда мы пойдём?

— Куда-нибудь за город. Мне нужно какое-то укрытие и время.

— Рука Вермера над нами, и мы сможем это сделать, — сказал он. — Возьми-ка!

Он кивнул на что-то на металлическом полу, и она увидела лазер одного из мертвецов. Она взяла его в одну руку, Старекс с грузом не мог идти первым, и Тэмисан должна была сыграть в реальной жизни такую роль, которую она не раз придумывала для сна. Только тут это было уже не развлечение, а стремление убежать в любое сколько-нибудь безопасное место, и так быстро, как позволяют ветер и дождь.

Трап имел наклонные ступени, и она боялась поскользнуться, поэтому сунула танглер за пояс, взялась одной рукой за поручень и двигалась медленнее, чем приказывало её сильно бьющееся сердце. Она боялась, как бы Старекс не оступился и не упал на неё.

Сила ветра была такова, что приходилось бороться за каждую ступеньку, но всё-таки Тэмисан благополучно спустилась. Она не была вполне уверена, в каком направлении им следует идти, чтобы обойти замок и город. Её память как бы отшибло грозой, и оставалось только гадать. И она боялась потерять контакт со Старексом, потому что как ни медленно она шла, он всё равно тащился значительно отстав.

Вскоре девушка наткнулась на какой-то кол и, ощупав его, поняла, что это погашенный дождём факел. Это означало, что они дошли до барьера, и что стражников здесь нет. Как видно, гроза оказалась спасительной для троих беглецов.

Тэмисан остановилась, поджидая Старекса. Он подошёл, схватился за факел и опёрся на него.

— Благодаря Хаверелу у меня хорошее тело, но я не грузчик-андроид. Нам надо найти кров, прежде чем я докажу это.

Слева что-то темнело, возможно, рощица. Но даже деревья или большие кусты могли в какой-то мере укрыть их.

— Туда, — указала она.

Он слегка выпрямился под своим грузом и пошёл дальше, равномерно покачиваясь.

Им пришлось пробиваться через поросль. Тэмисан, освободив руки, проламывала тропку для Старекса. Можно было бы воспользоваться лазером, но они берегли заряды для для дальнейшей защиты. Наконец, ценой исхлёстанных ветвями и исколотых шипами тел, они вышли на сравнительно открытое место. Старекс уронил свой груз на землю.

— Теперь ты можешь разрушить сон? — он присел на корточки рядом с Кейсом, а Тэмисан тяжело опустилась поблизости.

— Могу... — она не договорила. Раздался звук, перекрывший даже шум грозы, и те части Тэмисан и Старекса, что относились к этому миру, с дрожью узнали его. Он означал охоту. Если они были в состоянии услышать его, значит, охота шла на них.

— Айтер-собаки! — прошептал Старекс.

— И они бегут за нами! — Уста Олавы знали, что если Айтер-собаки идут по следу, от них нет защиты, потому что они становились неуправляемыми, как только их спускали охотиться. — Мы можем защититься...

— Не слишком надейся, — ответил он. — Да, у нас лазеры, оружие не из этого мира. То, что усыпило людей на корабле, не подействовало на нас; поэтому очень возможно, что чужое оружие здесь сработает по-другому.

— Но Кейс... — ей показалось, что она нашла слабую точку в его рассуждениях.

— Кейс — в собственном теле: он, возможно, ближе к экипажу корабля, чем мы. Да, кстати, как он очутился здесь?

Она коротко рассказала о своём сне во сне и о том, как она нашла Кейса. Старекс засмеялся.

— Так я и знал, что в центре этой паутины сидел мой драгоценный кузен. Но теперь он так же запутался в ней, как и мы. Как очередная жертва, он, вероятно, будет более склонен к сотрудничеству.

— Целиком и полностью, мой благородный Лорд! — раздался голос из темноты.

— Ага, ты проснулся, кузен. Ну, нам пора проснуться окончательно. Здесь успешно воюют два отряда врагов — и те и другие не прочь сделать из нас третий. Нам лучше побыстрее убраться куда-нибудь, если мы дорожим нашими шкурами. Как насчёт этого, Тэмисан?

— Мне нужно время.

— Я сделаю всё, чтобы добыть его тебе, — это прозвучало как клятва на мече. — Если лазеры действуют вне законов этого мира, то они, возможно, остановят даже Айтер-собак. Ну, действуй!

У нее не было настоящего проводника, не было ничего, кроме воли и необходимости. Вытянув руки, она коснулась мокрого плеча Старекса и очень осторожно выбрала место на Кейсе, чтобы не дотронуться до нитей танглера. Затем напрягла волю и стала смотреть внутрь.

Бесполезно. Её мастерство пропало. Появилось было минутное ощущение взвешенности между двумя мирами, а затем она вернулась назад, в тёмные кусты, ничуть не задерживающие дождь.

— Я не могу разбить сон. Нет энергетической машины, чтобы восстановить силу, — но она не добавила, что, возможно, могла бы сделать это для себя одной.

Кейс засмеялся:

— Похоже, моя печать всё ещё действует, несмотря на твоё вмешательство, Тэмисан. Боюсь, мой благородный Лорд, что тебе придётся доказывать эффективность своего оружия. Кстати, ты мог бы освободить меня и дать мне оружие, раз уж мы связаны вместе.

— Тэмисан! — голос Старекса вывел её из тупой боли провала. - Вспомни, этот сон не был обычным. Не может ли открыться дверь ещё одного, другого мира?

— Какого? — в её памяти закружились видеоленты. Беззвучный клич Айтер-собак, на который э т а Тэмисан была настроена, заставлял её тело сжиматься и дрожать и ещё больше притуплял её мышление.

— Какой? Да любой!.. Думай, девушка, думай! Старайся!

— Не могу. Собаки впереди. Они идут! Мы — мясо для клыков бегущих тёмными тропами под безлунным небом, — личность Тэмисан растворялась в Устах Олавы, а Уста Олавы исчезли в свою очередь, и теперь она была голым, беззащитным существом, скорчившимся под тенью смерти, против которой у неё не было щита. Она...

Голова её качнулась, щека вспыхнула болью от шлепка Старекса.

— Ты — мастер сна! — повелительно сказал он. — Усни теперь, как никогда не спала раньше, потому в тебе есть то, что ты можешь использовать, если захочешь.

Пощёчина произвела такое же действие, как и пахнущий воздух в корабле: её воля возродилась, мозг укрепился. Тэмисан-мастер вытолкнула другую, слабую Тэмисан.

«Но какой мир? Дайте мне хоть одну только решающую точку истории!» — думала она.

— Яааах! — крик, вырвавшийся из горла Старекса, не предназначался для подбадривания Тэмисан. Наверное, это был боевой клич Хаверела.

Бледная фосфоресцирующая морда просунулась сквозь кусты. Тэмисан скорее почувствовала, чем увидела, как Старекс выстрелил.

РЕШЕНИЕ: вода хлещет вокруг меня. Ветер поднимается, желая вырвать нас из жалкого убежища и сделать лёгкой добычей для охотников. Плещет океан, море... Морские короли Кейта!

Тэмисан лихорадочно ухватилась за это. Она мало знала о Морских Королях, которые когда-то владели островами к востоку от Ти-Кри. Они угрожали самому Ти-Кри так давно, что эта война стала легендой, а не подлинной историей. И они были преданы, их король и его военачальники были изменнически схвачены.

Злая Чаша Кейта... Тэмисан заставила себя вспомнить, задержаться на этом. И теперь, когда выбор был сделан, её мозг вновь стал устойчивым. Она протянула руки, снова коснулась Старекса и Кейса. Она не думала о Кейсе, но её руки снова потянулись к нему, как будто он обязательно должен был включён, иначе всё пропадёт.

Злая Чаша Кейта — на этот раз она не будет выпита!

Тэмисан открыла глаза. Нет, не Тэмисан — Тэм-син! Она села и огляделась вокруг. Мягкое бледно-зелёное покрывало спало с её нагого тела. Осматривая это тело, она заметила, что оно больше не тёпло-коричневое, а жемчужно-белое. Она сидела в кровати, сделанной в виде громадной раковины, часть которой выгибалась над головой, как у дивана.

И она была не одна. Она осторожно повернулась, чтобы

увидеть своего спящего компаньона.. Голова его была повернута чуть в сторону, так что она видела только изгиб плеча, такого же белого, как кожа у неё, и плотно прилегающие к голове кудрявые волосы красно-коричневого оттенка выброшенных штормом морских водорослей.

Очень осторожно, кончиком пальца прикоснулась она к этому плечу и узнала. Он вздохнул и повернулся к ней. Девушка улыбнулась и сложила руки под маленькими высокими грудями.

Она была Тэм-син, а он был Кильвером, который ранее был Старексом и Хаверелом, а теперь стал Лордом Лок-Кера Ближнего Моря. Но ведь был ещё третий! Улыбка её увяла, память обострилась. К е й с! Она в тревоге оглядела комнату, её перламутровые стены и бледнозелёные драпировки, так знакомые Тэм-син.

Кейса здесь не было, но это не означало, что его нет вообще: он мог где-нибудь притаиться — подрывной фактор, если его природа осталась прежней.

Горячая рука обвила её тело. Вздрогнув, она взглянула в зелёные глаза, которые знали и её, и другую Тэмисан. Губы его улыбались.

Голос его был знаком и, тем не менее, странен.

— Я думаю, это будет очень интересный сон, моя дорогая Тэм-син!

Он притянул её к себе. Она не возражала. Возможно — нет, даже наверняка — он был прав.

Часть вторая

КОРАБЛЬ В ТУМАНЕ

Глава первая

Тэм-син, бывшая Тэмисан, мастер снов, стояла в узкой щели окна скалистой башни. Внизу плескалось море, подкидывая кружево пены так близко к Тэм-син, что она могла бы, наклонившись, набрать горсть солёной пряжи.

Грядёт страшная штормовая ночь. Но перед всей растущей яростью воды внизу Тэм-син не чувствовала никакого страха, а только возбуждение, пьянящее, точно выдержанное вино, и согревающее её скудно одетое жемчужное тело.

Позади неё находилась комната, в которой она проснулась, с перламутровыми стенами, постелью-раковиной, драпировками и зеленовато-голубым ковром; она была частью морского мира, как народ Ближнего Моря был в какой-то мере частью окружающих их островов. Море составляло их жизнь, а кого пугает дыхание жизни?

— Миледи... — раздался сонный, ленивый голос с постели-раковины, — ты что-то ищешь?

Она медленно повернулась к мужчине, который всё ещё нежился; шёлковое одеяло почти сползло с его тела.

— Милорд, — она возвысила голос, чтобы перекрыть непрерывную песню воды, — я вспомнила Кейса.

Его зелёные глаза сузились, улыбка удовлетворения исчезла. В его лице, в этом новом его лице, она замечала черты, какие, возможно, могла видеть только она: стоическую сдержанность Старекса, недоумение Хаверела — тех, кем он был в прошлом, и того, кто теперь ещё должен был оставаться в его мозгу.

— Да, Кейс, — его голос потерял теплоту, звучал устало, словно человек очнулся от приятного полусна и снова взвалил на себя какой-то груз.

Полусон? То, что держало их, было больше, чем любой сон. Тэм-син знала сны; она могла вызывать их и отсылать прочь по своей воле; сны и люди в них были только игрушками, которыми она играла как хотела. Так было до тех пор, пока она не создала сон для Лорда Старекса, и они оба нырнули в такие опасные авантюры, которыми она не могла управлять. Убегая от опасности неконтролируемого сна, она каким-то образом привела их сюда, к новым индивидуальностям, новым приключениям и, без сомнения, новым опасностям. Но где Кейс, кузен лорда и его враг, который стремился положить конец им обоим в двух временах, двух мирах, и который должен был вломиться с ними и сюда?

Мужчина сел в постели. Мягкая ткань покрывала придавала зеленоватый оттенок его белой коже. Такие как у него, каштановые волосы, она видела и у себя, когда смотрелась в зеркало из полированного серебра на стене.

— Я — Кильвер, Лорд Лок-Кера, — медленно произнёс он, как бы подтверждая истину этого установления личности. — Какой сон ты сработала на этот раз, моя Тэм-син?

— Это мир, в котором Злая Чаша Кейта не коснулась губ морского народа, нашего народа, милорд.

— Чаша Кейта — предательство, погубившее Морских Королей, — он слегка нахмурился, как бы с трудом вспоминая — памятью не Кильвера, но Старекса. — Значит, это чёрное дело не поглотило Кейт?

— Так я пожелала, милорд.

Он улыбнулся;

— Тэм-син, если ты можешь изменять историю, то ты и в самом деле великий мастер. Я думаю, что Лок-Кер придётся мне куда больше по вкусу, чем мир Хаверела. Но, как ты сказала, примешивается дело Кейса. Мы ещё хлебнём с ним горя. Ты притащила его с нами?

— Мы же были связаны, Лорд. Мы не могли уйти оттуда, не взяв его с собой.

— Ну, что же делать, — Кильвер встал. Его тело оказалось не таким крепким, как у Хаверела, а жаберные складки на горле казались ошейником отстающей кожи. Однако вокруг его нагого тела витала та же аура власти, что и у Старекса. — И я не слишком рад тому, что Кейс не здесь, где я мог бы не спускать с него глаз, — добавил он. — Он может уйти обратно, к самому началу?

— Нет, — уверенно сказала Тэм-син. — Его мастер сна проснулась перед тем, как я увела его! Нет, он слишком тесно связан с нами.

— Миледи власти! — он быстро шагнул к ней, и их тела слились так радостно, как если бы они намеревались сделать то же с той властью, что принадлежала им от рожденья. — Ты очень красива. И ты — Тэм-син, которая выбрала жизнь, объединённую со мной.

Она отдалась его ласкам, зная, что Тэмисан, мастер снов, потускнела, и что она — действительно Тэм-син, и он желает её. И она была довольна.

Его губы нежно коснулись её закрытых глаз. Затем очарование их близости было прервано скорбным гудящим призывом.

— Сигнал раковины... — он выпустил её из объятий.

Словно сбросив маску любовника, он мгновенно стал лордом, когда потянулся к украшенному раковинами поясу и юбке из чешуйчатой кожи. А Тэм-син держала

наготове его меч, сделанный из огромной смертоносной пилы с морды с п а л л е к с а; его зубчатые края прятались в ножнах из прочной кожи этого же зверя.

Пока Кильвер опоясывался и прицеплял к поясу меч, Тэм-син надела короткое платье без рукавов и взяла свой кинжал из резного зуба таскана. Пока они торопливо одевались, горн прозвучал ещё два раза и гул прокатился эхом по комнатам, вырубленным в толще морского утёса.

Личность Тэм-син знала, что этот зов был сигналом опасности. И тут же пришла мысль о Кейсе — не от него ли идёт беда? Он так стремился убить своего кузена во время первого сна, что от него можно было ожидать всего. Ведь со смертью Старекса богатство и власть в Доме переходила к Кейсу. Но в Ти-Кри Тэмисан удалось разрушить замыслы Кейса. Не создал он ли и здесь какую-то потенциальную угрозу?

Она вышла из комнаты вслед за Кильвером. Стенам коридора не хватало гладкости жилых помещений: это был грубый естественный камень. Большие комнаты соединяли узкие извилистые проходы: Тэм-син и Кильвер спускались по истёртым за века ступеням, и камень доносил до них вибрацию волн, бьющихся за стеной слева.

Тэм-син знала, что теперь они оказались почти на уровне моря, и следовала по пятам Кильвера, когда они прошли через гладко обтёсанный портал в обширное пространство с каменным потолком; там плескалось море, образуя длинную ленту между двумя уровнями площади над самой высокой точкой прилива. Здесь стояло на якоре маленькое судёнышко. Хотя Морской Народ чувствовал себя в воде, как дома, он нуждался в кораблях для перевозки товаров; как раз такой корабль стоял здесь. Люди сходили с него, умело прыгая на естественные пирсы, между которыми стояло судно.

Другие люди, вооружённые мечами и подводными ружьями, салютовали Кильверу, когда он шёл сквозь их ряды навстречу морякам с корабля. Все они были из Кейта, потому что хотя здесь и бывали береговые торговцы, они не пользовались внутренними гаванями. Глава моряков поднял руку, приветствуя Кильвера. Кильвер поблагодарил.

Их было только четверо, а не вся команда: на палубе никого больше не было. И в них чувствовалось напряже-

ние, которое Тэм-син заметила так же легко, как если бы они кричали о тревоге.

Она знала капитана Пигоуса. Его нелегко было потрясти. Охотник за спаллексами в их собственных водах не знал страха. Однако с его тревогой, которую чувствовала Тэм-син, смешивался налёт страха.

— Лорд... — Пигоус замялся, как бы не находя слов, чтобы высказать то, что́ хотел.

— Ты вернулся, — Кильвер, как полагалось главе клана, положил руку на плечо капитана, — с какими-то новостями. Говори же. Может, береговые жители показывают зубы? Но это не может беспокоить того, кто командовал в Битве Ущелий.

— Береговой мусор? — Пигоус покачал головой. — Не совсем так, Лорд. Хотя, возможно, что за этими вещами стоит какое-то их колдовство. Это такое... — он глубоко вздохнул и начал торопливо объяснять. — Мы обследовали рифы Лочека, поскольку поступили донесения, что спаллексы направились в эти отмели по каким-то причинам. Стоял туман, какой бывает на рассвете, и в тумане мы обнаружили покинутый корабль. Это было судно береговых торговцев, и его груз был цел и запечатан. Я думаю, судно было отнесено течением от восточных земель. Это был трофей, потому что на борту не было ни одного человека. Однако, шлюпки оказались все на месте. Поскольку береговые не могут долго жить в воде, они должны были взять шлюпки.

Там даже осталась еда, от которой люди поспешно встали, но не было и признака какого-либо сражения или другой неприятности, и никаких разрушений от шторма, если бы они попали в него. Мы подумали, что Власта улыбнулась нам, поскольку корабль был хорош во всех отношениях и тяжело нагружен добром. И вот я оставил на борту четырёх человек и взял судно на буксир.

Туман был очень плотным, и, хотя судно-трофей было привязано к корме «Тайкенна», мы не видели его, а видели только канат, удерживающий его. Я приказал Гайкеру, которого поставил главным на борту судна, трубить в раковину при каждом обороте песочной склянки. Он трубил три раза, а затем, мой Лорд, наступила тишина. Мы окликали их, но не получили ответа. Тогда мы вернулись и поднялись на борт. Лорд, все мои люди исчезли, словно их никогда и не было! Но если их взяло море, то почему бы

им не вернуться на «Тайкенн». Мы нашли только раковину-горн, валявшуюся на палубе.

— А корабль?

— Лорд, я во второй раз сделал злой выбор. Венд, брат Райкера, и Виткор, его соратник, просили, чтобы я позволил им подежурить на судне и узнать, что за странные вещи творятся на борту. И я согласился. И опять мы были окутаны туманом, и снова горн-раковина замолк. И люди исчезли, — Пигоус развёл руками в беспомощном жесте. — И я поклялся, что приведу этот корабль, чтобы люди Лок-Кера могли осмотреть его. Но когда мы снова вернулись на «Тайкенн» и туман сгустился... Лорд, этому трудно поверить, но канат ослаб; мы потянули его, и он оказался обрезанным!

Глава вторая

— Корабль береговых, — задумчиво повторил Кильвер. — Я уверен, что вы хорошо обыскивали его каждый раз.

Пигоус кивнул:

— Лорд, там не осталось ни одного местечка, которое бы мы не осмотрели. А грузовой люк запечатан, и печать цела.

— Однако, капитан, должен же быть ответ на вашу тайну! — прозвучал голос высокий и такой неприятный по тону, что Тэм-син оглянулась через плечо на человека, подходившего к пирсу. Он шёл неуклюже, клонясь в сторону, лицо его кривилось от раздражения, но он имел сходство с Кильвером, и здешняя Тэм-син знала его. Райс, брат Кильвера. Два сезона назад он покалечился во время зимней охоты, и это сделало его угрюмым и резким. В её мозгу шевельнулось и другое воспоминание: в скалистом замке Райс был её врагом. Не открытым, но с такой злой волей, которую заметил бы любой сенситив (а все мастера снов были сенситивами). Сейчас он даже не взглянул на неё, а проковылял к Кильверу, стоявшему против капитана.

— Лорд Райс, — объявил Пигоус куда более официальным тоном, — я могу сказать только о том, что знаю. Мы обыскали судно от носа до кормы. Шлюпки висели на своих местах, а на борту не было ни одной живой души.

— Ни одной живой души? — повторил Кильвер. — Это

звучит так, словно ты, Пигоус, имеешь какое-то объяснение не от живого мира.

Капитан пожал плечами:

— Лорд, все наши предки жили в море, морем и на море. Но разве не остались ещё тайны, которые ни мы, ни старые записи не объясняют? Существуют страшные бездны, куда наша раса не может спуститься. Кто знает, что скрывается там?

— Но здесь, — настаивал Райс, — не мифические бездны, а поверхность моря и судно береговых людей. Они не имеют дел с нашими тайнами; они боятся нас.

Тэм-син подумала, что в этом утверждении слышалась гордость. Возможно, из-за того, что Райс так много потерял в жизни, он хватался за мысль, что другие боятся их расы.

— Говорю только о том, что видел, что слышал и что произошло, — спокойно повторил Пигоус. Он совсем не смотрел на Райса, а обращался прямо к Кильверу. Райса недолюбливали в Лок-Кере: его сварливый характер проявлялся достаточно часто.

— Хотел бы я иметь твою карту, Пигоус, — сказал Кильвер. — Возможно, корабль всё ещё плавает. Ты говоришь, что канат был обрезан; может, это работа спаллекса?

Пигоус повернулся и сделал знак одному из моряков. Тот прыгнул на палубу судна и вернулся с тяжёлым витком каната на плече. Капитан взял болтавшийся конец и предъявил его для осмотра. Даже Тэм-син, мало знакомая с корабельным оборудованием, увидела, что канат обрезан острым ножом или топориком.

Кильвер провёл пальцем по жёсткому концу.

— Тут нужна сила и острое оружие. Он был обрезан на борту корабля или где-то между ним и вами?

— Возле корабля, Лорд, судя по длине, — сразу же ответил Пигоус. — И его не перепиливали, а обрезали одним ударом.

Райс визгливо рассмеялся.

— Его мог обрезать человек, решивший, что ради ценного груза можно погубить товарищей. Если судно береговых не повреждено, как ты сказал, его легко можно продать в Инсигале, где, как всем известно, живут не слишком честные люди.

Пигоус первый раз взглянул прямо в лицо Райсу:

— Лорд, если бы кто спрятался на борту, мы нашли бы его. Мы знаем корабли, а на этом мы обнюхали даже днище. А если это намёк на то, что мои люди надумали сыграть такой трюк... — взгляд, который он бросил теперь на брата Кильвера, был близок к смертоносному.

— Нет, Пигоус, — вмешался Кильвер, — никто не намекает, что ты или твои люди могли бы отдать найденное имущество Инсигалу, а не в наши руки, — он нахмурился, но не взглянул на брата.

Тэм-син невольно вздохнула. Иногда Кильверу стоило бы увидеть Райса таким, каким он был: озлобленным смутьяном, вечно раздувающим искры и рассчитывающим, что Кильвер не даст ему сгореть, когда искры эти превратятся в открытое пламя. Она не могла ничего требовать от своего лорда, она это знала. Райс мог убедить Кильвера, когда хотел, а её он ненавидел. Она не должна допустить, чтобы вбили клин между нею и Кильвером.

— Дай-ка мне свою карту, — продолжал Кильвер. — Я спрошу у Лордов Лок-Райса и Лочека, не видели ли они чего, или, может быть, у них есть записи; если ты наткнулся на это покинутое судно за Рифами, то эта территория патрулируется их силами.

Карта области Рифов была разложена на столе в зале совета, и Кильвер созвал тех старейшин, чьи знания странных морских легенд превосходили всё, что было собрано в архивах. Он заставил Пигоуса повторить рассказ о скрывшемся в тумане корабле, а затем посмотрел на старейшин.

— Случалось ли когда-нибудь подобное? — спросил Лорд Лок-Кера, когда после детального рапорта Пигоуса воцарилась тишина. Долгое время все молчали. Затем Фоллан, который, как все знали, десятки раз путешествовал на восток, встал, подошёл к карте и пальцем начертил линию пути, указанного Пигоусом.

— Лорд, такое случалось, но не в этих водах.

— Где и когда? — коротко спросил Кильвер.

— К востоку от Кинквара есть место, где видели покинутые корабли, даже поднимались на их борт. Но ни одному капитану не удалось вывести эти корабли. Однажды это вызвало такую большую опасность, что люди не желали больше плавать в Кинквар, и торговля с этим городом заглохла; его народ бежал на острова или за море,

и там остались только руины. Но шли годы, призрачный корабль не появлялся, и Кинквар поднялся снова, но уже никогда не стал тем великим городом, каким был когда-то.

— Кинквар, — задумчиво произнёс Кильвер. — Это очень далеко, через всё море. А на этом берегу видели когда-нибудь такие корабли?

— Вот теперь увидели, — ответил Фоллан. — Лорд, мне это очень не нравится. Точно такие же действия происходили на призрачных кораблях Кинквара. Если их держит какая-то сила, которая теперь ложится на нас, то быть беде!

— Лорд, птицы-посланники... — человек быстро подошёл к столу, держа на каждом запястье по птице. Птицы смотрели на всех яркими свирепыми глазами, недовольно переступая лапами по тяжёлым перчаткам мастера птиц. Это были морские орлы, способные без устали лететь над волнами, с врождённым интеллектом, натренированные для переноски посланий из одного скалистого замка Морских Королей в другой.

Кильвер взял кусочки вощёной кожи морской змеи и написал на них кодовые слова, а затем вложил послания в трубочки, привязанные к ноге каждой птицы.

— Теперь выпусти их, — приказал он, — и проследи, когда они вернутся.

— Будет сделано, лорд.

— А пока, — продолжал Кильвер, — пусть готовят наш боевой корабль. Мы сами поищем это призрачное судно, если оно ещё плавает, и найдём людей, которые, используя корабль как приманку, таятся в ловушке. Пигоус, какого вида печать на грузовом люке? Ты помнишь её?

— Лорд, она была такого рисунка, — капитан взял лоскуток змеиной кожи и палочкой для письма начертил несколько линий. — Я такой никогда не видел, — добавил он, кладя палочку и передавая набросок лорду.

Тэм-син шагнула вперёд, не обращая внимания на взгляд Райса, и посмотрела через плечо Кильвера. У неё захватило дух. Тэм-син из Лок-Кера не знала такого изображения, но Тэмисан из Ти-Кри знала его очень хорошо... И она увидела, почти ощутила внезапное напряжение тела Кильвера, когда он тоже узнал его.

— Похоже, брат, — заявил Райс, — что, если храбрый капитан и не знает этого символа, зато его знает та, что разделяет с тобой ложе?

Шестиконечная звезда, прочерченная зубчатой линией молнии — герб Старекса из Ти-Кри, из реального Ти-Кри. Да, конечно, ошибки быть не может!

Глава третья

Тэм-син не ответила на слова Райса, брошенные как обвинение. Она была уверена, что Кильвер тут же узнал знак собственного Дома в другом времени, откуда они были унесены в эти сны из-за происков Кейса. Поэтому она оставила за Кильвером право сказать — да или нет. Но первым заговорил Фоллан с той серьёзностью, которая казалась частью его личности:

— Леди Тэм-син, ты и в самом деле знаешь этот знак?

Она внимательно взглянула на него, однако не почувствовала в нём той ненависти, какую её дух улавливал в Райсе. И здешняя Тэм-син знала, что Фоллан был её другом с самого её появления в этом месте: она родилась не в Лок-Кере, а в маленькой, куда менее значительной скалистой башне, находящейся ближе к побережью.

— Мы оба его знаем, — ответил Кильвер ещё до того, как она успела подобрать слова. — Это знак материкового Дома, имевшего в своё время немалую власть. Теперь этот знак может оказаться знаком врага, — он, конечно, подумал о Кейсе. Не могло ли случиться так, что в этом мире сна Кейс — Лорд клана Старекса, и существует ли этот клан вообще? — Мне не нравится, — продолжил Кильвер, — что этот знак стал частью дела с судном-призраком.

При этом ответе Кильвера все глаза обратились к Тэм-син. Она заметила только злобный и быстрый взгляд Райса и, решительно вздёрнув подбородок, пристально посмотрела на него. Райсу не удалось поссорить с ней э т о г о Кильвера, хотя в прошлом он несомненно боролся с той Тэм-син, что предоставила ей здесь плоть и кровь.

— Материковые! — взорвался капитан. — Разве они когда-нибудь угрожали нам? Да и с какой стати? Мы не хотим их неподвижной территории и не запрещаем им пользоваться морем, когда они набираются храбрости и путешествуют по нему! Так почему же они встали против нас, если всегда остерегались этого?

— У них врождённая жадность, — ответил Фоллан. — Им всегда мало того, что они имеют, они всегда хотят

большего. Верховной Королеве не нравится, что наши лорды не кланяются до полу при её дворе и не посылают ей даров. К тому же, они видят, что мы можем жить там, где не могут они, — он коснулся пальцами своих закрытых теперь жабер, — мы не из их породы. И они боятся того, чего не понимают. Нельзя отрицать, что и мы поступаем так же в подобных случаях. Это корабль материковых, и естественно, что он носит печать Дома.

— Приманка в капкане, — высказался Райс, вставая рядом с Кильвером, по другую сторону которого стояла Тэм-син. — Этот корабль — приманка, брат. Уже шесть человек пропало на нём безвозвратно. Они хотят, чтобы мы пытались ещё и ещё... И каждый раз теряли бы людей. Не лучше ли воспользоваться морским огнём и сжечь это судно полностью?

— И таким образом, — сухо продолжил Пигоус, — уничтожить также возможность узнать, где наши люди, и найти их.

— Не думаешь ли ты, что они ещё живы? — бросил Райс. — Вроде бы ты не полный идиот, капитан?

Рука Пигоуса потянулась к рукоятке ножа, а Райс улыбнулся. Он сознательно провоцировал капитана для какой-то своей цели, в этом Тэм-син не сомневалась.

— Успокойся, Райс, — сказал Кильвер тихо, но таким тоном, что лицо его брата вспыхнуло. — Мы подождём ответа Лок-Райса и Лочека; если у них имеются сведения об этом корабле, то и нам стоит иметь их. А затем на восходе солнца мы отплывём на военных кораблях и посмотрим, что сумеем обнаружить. Если вы, Старейшины и капитан, можете что-то предложить в качестве совета, то подумайте над этим, и когда соберётся следующий совет, мы выслушаем вас.

Те молча вышли. Кильвер проводил их взглядом, всё ещё держа руку на карте. Только Райс не вышел.

— Я ещё раз скажу — это западня.

— Возможно, ты прав, брат. Но мы должны удостовериться, какого сорта эта западня, прежде чем пытаться её обезвредить. И кто ставил такую ловушку Кинквару в прошлом? Мы не имеем теперь дел с северо-восточными странами, потому что они опустошены Камоками, которым не нужно море и которые не пускают торговцев в пределы захваченных ими стран... Вполне возможно, что тот, кто задумал сравнять Кинквар с землёй, сменил поле

действия из-за этих самых Камоков. Однако я не вижу выгоды в этом деле. Корабли не были ограблены, это ясно, разве что груз взяли, а люк снова запечатали, во что я не верю. Пигоус достаточно опытный моряк, чтобы отличить нагруженный корабль от пустого. Но не слишком ли хитра ловушка, чтобы поймать горстку моряков, рискнувших подняться на борт покинутого, как они думали судна?

— Шесть человек из десяти, брат, не так уж мало.

— Это по нашему счёту. Но если такая игра идёт давно... — Кильвер нахмурился. — И только бы пришёл ответ от Лочека и Лок-Райса, мы, может быть, узнаем чуть больше... Если посланцы вернутся, я буду у себя.

Он протянул руку, Тэм-син положила пальцы на его запястье, и они оставили Райса одного.

Они не обменялись ни одним словом, пока не очутились в своей комнате. Кильвер подошёл к узкому окну.

— Большой шторм идёт, — отметил он. — И вполне возможно, что ни один корабль не сможет отплыть, как бы не подгоняла его необходимость.

— Кильвер!

Он повернулся. Тэм-син быстро огляделась по сторонам. У неё было странное ощущение, что даже здесь их подслушивают, а может быть, и видят. Однако та часть её, которая хорошо знала эту башню, понимала, что подобная форма шпионажа здесь невозможна.

— Печать... — продолжила она.

— Да, печать, — он подошёл ближе к ней, как будто тоже чувствовал себя под наблюдением. — Ты говорила, что эти сны сделали нас такими, какими мы могли бы быть, если бы история в прошлом повернулась по-другому.

— Я так считала.

— Считала? Значит, теперь ты сомневаешься?

— Просто не знаю. В числе моих предков нет морских людей. А у тебя, милорд?

— Не знаю. Но, похоже, что мой Дом существует и здесь, только я не член его.

— Там Кейс.

— Верно. Ты не знаешь, Тэм-син, мог ли он каким-то поворотом судьбы стать Лордом клана?

Она покачала головой.

— Лорд, я говорила тебе в нашем первом приключении, что это не обычный сон, на действие которого я могу влиять. Я сама запуталась в этих снах, а этого не должно

быть. Я могу прервать сон — во всяком случае, надеюсь, что могу, но как ты знаешь, нас должно быть трое. А Кейса у нас нет.

— Если только он не часть того корабля-призрака.... Раскрывая секреты этого судна, мы можем наткнуться на него. Тем не менее, хотя я и не беспочвенный фантазёр, я чувствую беду, так же, как тогда при Дворе Верховной Королевы.

— Следи за Райсом, — предупредила она. Это казалось ей наиболее важным. — Он дурной человек и, как и Кейс, злится, что ты имеешь то, чего ему не хватает. Кейс жаждал управления кланом и твоего богатства. Райс хочет того же и, кроме того, в нём горит злоба, что ты здоров, а он калека и отрезан этим от полноценной жизни.

— Моя здешняя часть, — медленно проговорил Кильвер, — возмущается твоими словами. Но ты права. Узы крови сдерживают его — всё-таки мы братья. Но братская ненависть может быть хуже всякой другой. А ты ненавидишь его ещё больше. Наш брак для него позор, потому что ты — Певица Моря и из малого замка. И он будет удерживать меня, если сможет, от другого наследника.

«Певица Моря», — повторила она про себя и стала рыться в памяти здешней её личности. Да, она в самом деле была Певицей Моря; как только она освободила память Тэм-син, в ней проснулось знание. Странное знание, чуждое всему, что она знала. Надо хорошенько обыскать память, узнать больше об этой власти, принадлежавшей другой расе и другому времени.

Жестокий порыв ветра коснулся её сквозь щель окна, и Кильвер быстро натянул на отверстие щит.

— Так и есть, шторм, — заметил он.

Но Тэм-син подумала, что едва ли меньший шторм набираст силу здесь, в этом замке.

Глава четвертая

Шторм бушевал и тревожил массивную скалистую башню всю ночь. Тэм-син то и дело просыпалась и слышала гул барабанов ярости снаружи. И когда она лежала, напряжённая и дрожащая, руки Кильвера искали её, и она успокаивалась от его близости и прикосновения.

Она обыскивала память Тэм-син, чтобы узнать, какова

власть той, чьё тело она теперь носила. Когда-то она была мастером снов, затем Устами Олавы, теперь она — Певица Моря, которая песней загоняет рыбу в сети и может «видеть» на далёком расстоянии любой корабль Морских Королей. В каждой из жизней она имела таланты, которые не были обычными для её народа.

Морская Певица могла мысленно следовать за кораблём, если была связана с кем-то у него на борту. Если таких связей не было, она не могла различить корабль. И Тэмисан стремилась извлечь из личности Тэм-син всё, чем могла бы теперь воспользоваться.

— Лорд, — шепнула она, — как ты думаешь, что лежит в сердцевине этого дела?

— Любые догадки одинаково хороши, — ответил он тоже шёпотом. — Но мне неприятно, что на грузе стояла известная мне печать.

Он замолчал, и она тоже лежала, спокойно положив голову ему на плечо, и знала, что они оба чувствуют опасность впереди.

Они больше не говорили, и когда первый серый свет появился на краю оконного щита, Кильвер встал с постели, тут же подняв и Тэм-син.

— Лорд, возьми меня с собой, когда пойдёшь охотиться за тем судном.

— Не могу, и ты знаешь это. Закон этого народа запрещает брать женщину, если возможен бой.

Да, в памяти Тэм-син это лежало. Но боязнь потерять Кильвера была невыносима... Остаться одной...

Тэм-син видела по его лицу, что он не может или не хочет идти против обычаев Морского Народа.

— Ты знаешь, — сказала она, и губы плохо слушались её, — если с тобой что-либо случится, а меня не будет поблизости, этот сон никогда не прервётся.

Кильвер кивнул:

— Я знаю, но ничего не поделаешь. Как Морской Король, я должен идти этим курсом. Ты Певица, ты можешь связаться со мной.

— Правильно, но у меня не будет силы помочь, даже если мои мысли соприкоснутся с твоими и я узнаю, что тебя постигла страшная судьба.

Она отвернулась, не желая, чтобы он прочёл то, что было написано на её лице. Кильвер уйдёт по волнам, когда шторм стихнет. А она останется одна... здесь.

Но чуть позднее она овладела собой и стояла вполне невозмутимая, когда он поднимался на борт боевого корабля, и его вассалы в чешуйчатой броне салютовали подаренным морем оружием. Тэм-син смотрела, как корабль поднял якорь и пошёл под управлением человека в шлеме через проход в открытое море.

Шторм действительно стих. Птицы вернулись через час после рассвета, и каждая принесла послание. Корабли Лок-Райса видели корабль-призрак и потеряли четырёх человек. Лочек ничего не мог сообщить о судне. Тем не менее, оба Лорда собирались присоединиться к Кильверу на Рифах.

Тэм-син смотрела, как корабль, уносивший её лорда, вышел в открытое море. Слабый солнечный свет заиграл на чешуйчатой броне, и знамя Лок-Кера цвета свежей крови полоскалось на ветру.

Она следила, пока корабль не исчез из вида. Только тогда она заметила Райса, который прищуренными глазами смотрел не столько на уходящее судно, сколько на неё. Взгляд его был нагло оценивающим, словно она была колдовской книгой, и он хотел получить для себя её тайны. Она ответила ему спокойным взглядом.

Губы его дрогнули, и она подумала, что Райс заговорит. Но он промолчал, только сгорбился как от сильного ветра и заковылял прочь, нахально повернувшись к ней спиной и невежливо предоставив Тэм-син возвращаться одной.

Она высоко держала голову: ни одна из замешкавшихся здесь женщин, провожавших своих мужей в такое сомнительное плавание, не должна подумать, что её смутило это открытое пренебрежение к её положению в Лок-Кере.

Вернувшись во внутренние проходы, она поднялась по узкой лестнице через все уровни башни на самый верх утёса. Здесь, стоя на ветру, она искала последний след корабля Кильвера. Но он, видимо, уже ушёл слишком далеко, и его скрыл замок Лочека, стоявший между их башней и северными Рифами.

Морские птицы кричали над ней и ныряли вниз, искать в обломках, принесённых штормом, рыбу или другую пищу. Поглядев вниз, Тэм-син увидела множество женщин и детей Лок-Кера, уже работавших там. Они, как и птицы, искали, что пришло от щедрот моря. Но Тэм-син не намеревалась присоединяться к ним. Она села, присло-

нившись к каменному выступу, обняла руками колени и смотрела на море. Она снова обыскивала память Тэм-син и приводила в порядок всё, что смогла узнать от своей другой половины.

Многое её изумляло. Как оккультное знание Уст Олавы пришло к ней в предыдущем сне, так теперь просачивались или пробивались в её мозг таланты Тэм-син. Некоторые она отодвигала в сторону, стараясь найти то, что пригодится ей сейчас. Но в данный момент она не пыталась наладить связь с Кильвером, потому что сначала хотела узнать, с чем она может столкнуться, когда такая связь осуществится.

— Миледи.

Голос раздался так внезапно, что она вздрогнула и повернула голову. Это был старейшина Фоллан. Он смотрел на неё, как перед этим смотрел Райс, но во взгляде Фоллана не было и следа той злобы, какая возникала в Райсе, когда он видел Тэм-син.

— Фоллан, — спросила она, — что ты ещё знаешь о кораблях Кинквара?

— Ничего, кроме того, что я сказал нашему Лорду, Леди. Это загадка, и конца её я не слышал.

— Но как могут люди исчезнуть с палубы буксируемого корабля?

— Я не знаю. С материковыми жителями — да: внезапная паника, налетевший шквал, могущий угрожать кораблю... или безумие, пославшее их в бездну. Такое безумие приходит, когда едят порченное зерно. Подобных объяснений много, но все они не относятся к людям Пигоуса. И капитан — опытный и осторожный хозяин. Но на борту мог оказаться тайник, который не был обнаружен и обыскан.

— И какая угроза могла быть в нём? — спросила Тэм-син, когда Фоллан замялся.

— Леди, в мире и в море есть много такого, о чём нет никаких сведений. Только... — он снова сделал паузу и добавил грустно: — Леди, ты предана моему Лорду во всём, и ты его избранница. И я должен предупредить тебя: будь осторожна.

— Я догадываюсь об этом, старейший. Меня не любят в Лок-Кере.

Казалось, он был рад, что она так быстро приняла его предостережение.

— Здесь всегда болтают, — пояснил он, — и для безмозглых слушателей в болтовне всегда находится частичка истины, и они в это верят. Ты не здешняя, и некоторые считают, что наш Лорд мог сделать лучший выбор. И что Морская Певица не ровня другим...

— Фоллан, я благодарю тебя за откровенное высказывание. Я уже узнала, что есть здесь такие, кто жаждет прогнать меня с этого места. Но я не думала, что они выступят так открыто.

Она сжала руки. У Райса есть сторонники, но разве она когда-нибудь думала, что их нет? Какого сорта басню он придумает по поводу её гибели? А что если Кильвер не вернётся?

— Ты избранница нашего Лорда, — повторил Фоллан, — и тебе стоит только приказать, и большинство нас готово слушаться твоих приказов.

Она чуть заметно улыбнулась.

— Старейший, такие слова для меня всё равно что щит и меч. Я только надеюсь, что мне не понадобится это оружие.

Но лицо его оставалось встревоженным:

— Миледи, веди себя осторожно. По нашим обычаям, во время отсутствия нашего Лорда всем командует Лорд Райс. Он калека, и мы не выберем его Морским Королём, но как раз это и усугубляет его желание отдавать приказы, пока есть возможность.

Глава пятая

Тэм-син лежала в постели-раковине. Глаза её были широко открыты, но она не видела замысловатой мозаики из ракушек на потолке. Она воспользовалась вторым зрением и видела перед собой Кильвера, стоящего на палубе корабля. Вокруг него свивались щупальца тумана, серого, как кости давно умерших людей.

Она видела его так ясно, что, казалось, стоит протянуть руку, положить её на мускулистое плечо Морского Короля, и он обернётся и встретится с ней глазами. Однако тела их разделяло немалое пространство.

— Кильвер! — она шевелила губами, но не произносила его имени вслух. И была уверена, что он слышит её беззвучный зов, потому что в этот момент он повернул

голову и взглянул через плечо. И как раз тогда же тело его напряглось, и Тэм-син поняла, что он что-то услышал, чего не слышала она. Дело в том, что мысленная связь не могла нести никакого звука и была только зрительной. И было ещё нечто вроде бессловесного общения, которым она пока не решалась воспользоваться, чтобы не отвлекать Кильвера от его главнейшей задачи.

Из тумана вышел другой человек, и Тэм-син узнала Пигоуса, хотя его изображение колыхалось и не было таким чётким, как изображение самого Кильвера, возможно, из-за того, что с Пигоусом у неё не было настоящей связи.

Капитан показал рукой влево, как бы призывая своего Лорда обратить на что-то внимание. А когда Кильвер шагнул к поручням, чтобы взглянуть в густой туман, Тэм-син тоже увидела... узкий нос судна, пробивающий складки тумана, как игла прокалывает ткань.

Однако странное судно не шло по своему курсу, а меняло его с каждой волной. И Тэм-син была уверена, что им никто не управляет. Она увидела, что Кильвер вновь повернулся, увидела движения его губ. На палубе позади него появились люди, спустили маленькую лодку, Итак, её Лорд действительно собирался на туманный корабль-призрак.

Страх ударил её так крепко, что она ослабила контроль. Кильвер, висящие в тумане корабли — всё исчезло. Тэм-син лежала с влажными ладонями, с пересохшим ртом. Отчаянный страх... Она собрала всю свою волю. Это не был нормальный страх человека, оказавшегося перед неведомой опасностью; нет. Это была паника, какой Тэм-син никогда не испытывала. Как будто некая плотская эманация со странного судна ударилась прямо в основание её собственного сенситивного чувства.

Нет, она должна вернуться, увидеть Кильвера, хотя её плоть сжималась и всё тело дрожало, как от ледяного зимнего ветра.

Кильвер! Она ещё раз приготовилась, чтобы отогнать страх и возобновить связь. А там... смерть? Нет, что-то другое, разрушительное для их рода, оно ждало на слабо различимом в тумане корабле. Тэм-син знала это, как если бы видела своими глазами чудовище, встающее за поручнями и протягивающее котти, чтобы схватить добычу.

Кильвер! Тэм-син собрала свои почти деморализованные силы и построила мысленное изображение. Мир как бы затрясся, и она вернулась, но уже в другое место: она стояла с Морским Королём на палубе покинутого судна.

Это судно, насколько она могла видеть сквозь туман, по размерам было средним между кораблем Пигоуса и боевым, которым командовал сё Лорд. Оно не имело чистых линий кораблей Морского Народа, было более округлым, созданным для перевозки больших грузов, какими не обладали Морские Короли. Кильвер смотрел на люк; крепящие его верёвки были прочно завязаны и запечатаны большой, размером с ладонь, печатью. Когда Кильвер встал на колено, чтобы осмотреть изображение печати, Тэм-син ничуть не удивилась, увидев то, что Пигоус рисовал им.

Кильвер жестикулировал, отдавал приказы, но Тэм-син не могла их слышать. Люди вылезли из лодки и отправились попарно, с оружием в руках, обыскивать судно. Сам Кильвер прошёл в офицерскую каюту.

Там стоял стол, привинченный к полу для безопасности во время шторма, стул, скамейка и у дальней стены койка, покрытая малиновой тканью с пятнами от соли. На полу валялся кувшин. У стены располагалась стойка для мечей — всё было на месте; под ней — стенд с двойными абордажными топорами. Однако не было и признака кого-либо живого, кроме Кильвера и его людей. Люди возвращались с рапортами. Тэм-син по его лицу видела, что Лорд не узнал ничего, кроме того, что уже сообщал Пигоус: корабль был пуст.

Тем не менее угроза, которую Тэм-син чувствовала в приступе паники, всё ещё скрывалась там: Тэм-син из последних сил держала связь. Ей показалось невероятным, что она не видит сидящего в засаде, хотя оно было более субстанцией, нежели тенью. При всех её стараниях она не могла зацепиться ни за что конкретное, а только знала, что ОНО присутствует тут.

Отрапортовала последняя пара. Кильвер сидел, поставив локти на стол и подперев кулаками подбородок. Затем он заговорил, но Пигоус, похоже, с ним не соглашался и что-то оживлённо доказывал, но Кильвер резко оборвал его. Глядя мимо капитана, он указал на двух ожидавших воинов; Тэм-син знала их как давних соратников Лорда. И в ответ они подняли обнажённые мечи в салюте.

Питоус снова начал было протестовать, но по приказу Кильвера вышел из каюты. С ним вышли и остальные, кроме выбранных Лордом воинов. Тэм-син догадывалась, каковы были приказы Кильвера: он решил сам остаться на борту судна, чтобы найти разгадку тайны. Её снова захлестнула паника, связь ослабла и она вернулась в башню к новому сражению со страхом.

На сей раз борьба была более продолжительной. Возможно, её воля несколько ослабла в первой встрече со страхом. Но она мужественно боролась, как могла. Когда же она наконец дотянулась до Кильвера, в каюте стало темновато. Два корабельных фонаря, стоявшие на столе, светили слабо, освещая лишь небольшой участок. Кильвер сидел на стуле. На столе перед ним лежал не только обнажённый меч, но и два двойных топора. Стойка с мечами теперь опустела. Видимо, Кильвер собрал оружие, чтобы никто не смог тайно вооружиться.

Он сидел в настороженной позе прислушивающегося, но Тэм-син была уверена, что он не слышит ничего подозрительного, а только ждал, что таковое проявится само. Время от времени он открывал рот и, скорее всего, окликал своих людей, стоявших на страже за дверью каюты.

Время тянулось бесконечно. Свет фонарей стал мигать. Иногда Кильвер вставал и прохаживался по каюте. В таких случаях он брал меч, как если бы не хотел быть неожиданно захваченным врасплох неизвестными врагами.

Внезапно он закричал, метнулся к столу и схватил в левую руку топор, а затем прыгнул в тень, куда не доходил свет фонарей. Но выбежал ли он на палубу?

Наверное, так, потому что Тэм-син увидела занавес тумана; это был не обычный туман: в нём витали мелкие искорки, которые летали взад и вперёд точно насекомые. И сквозь туман просвечивало что-то тёмное, шатающееся. Тёмная фигура человека как раз упала, когда Кильвер вломился в толщу тумана. Он сделал второй прыжок, встал одной ногой по другую сторону упавшего тела, его меч был готов разить, а голова слегка наклонилась, как будто ему было трудно что-то разглядеть.

И в этот момент ужас, дважды изгнанный Тэм-син, снова ударил её с полной силой. Она скатилась во мрак

абсолютного ужаса, коренящегося в том, чего она не смела видеть и не имела никакой надежды вообразить. Так было до тех пор, пока наконец она не перестала вообще понимать и мыслить.

Глава шестая

— Миледи!

Звали откуда-то издалека. Она не хотела слышать... покидать безопасность....

— Миледи!

Тэм-син постепенно стала ощущать своё тело, но она всё ещё не хотела открывать глаза. Её память возвращалась к последнему мысленному изображению её Лорда, окутанного туманом с искрами дьявольского света. Но на её плече лежала рука, и голос настойчиво окликнул её в третий раз!

— Миледи!

Тэм-син нехотя приоткрыла глаза. Алтама, её горничная, склонилась над ней, и лицо её выражало испуг. За её плечом Тэм-син заметила Фоллана. То, что старейшина пришёл в её личные покои, доказывало, что произошло нечто страшное.

Тэм-син села.

— Наш Лорд, — хрипло проговорила она, — стоит перед лицом опасности.

— Леди, — сумрачно ответил Фоллан, — птица принесла известие, что когда Лорды Локрайс и Лочек прибыли на место встречи, наш Лорд исчез с двумя своими людьми, а покинутый корабль опять дрейфует пустой.

— Он не умер!

— Леди, они обыскали корабль-призрак. И не нашли никого, никаких признаков жизни.

— Он не умер, — резко повторила она. — Я бы узнала об этом, старейший. Когда к одному из мысленно связанных людей приходит смерть, другой испытывает такой шок потери, что ошибиться нельзя. Я была на связи, когда наш Лорд вступил в бой...

— В бой с кем? — быстро спросил Фоллан. — Что ты видела, Леди?

— Ничего... ничего, кроме тумана с кружащимися искрами света. Но этой силы я не знаю. И я была отрезана...

Фоллан покачал головой.

— Леди, известия слишком ясны. Наш Лорд покинул нас, живой или мёртвый, но ушёл. Теперь настал день Райса, потому что, получив известие, он потребовал регентства. Человек с искривлённым телом не может править замком, но он может держать власть до тех пор, пока по прошествии времени наши люди наконец не признают, что наш Лорд действительно умер.

— Но я объявлю, что наш Лорд жив.

— Леди, кто из людей, связанных с Райсом, захочет слушать тебя? Они будут уверены, что ты просто хочешь править здесь. Райс много говорил за последние часы. Он говорил, что ты навела чары на нашего Лорда при вашей первой встрече, и из-за этого колдовства Кильвер пошёл на смерть. Он выдумал логичную басню, и те, кто не имеет твоих талантов, могут ей поверить.

Тэм-син провела языком по внезапно пересохшим губам. Да, она видела логику в выдумках Райса, но что она могла противопоставить ей? Она была Морской Певицей, это верно, но те, кто не имел такого дара, из зависти держались настороженно.

— Что он хочет сделать со мной? — прямо спросила она Фоллана.

— Леди, за дверью уже стоят два стража. Не знаю, что у него на уме, но, во всяком случае, ничего хорошего не жди.

— Однако ты пришёл предупредить меня.

— Леди, я знаю тебя с того самого дня, когда мой Лорд посватал тебя. Ты его избранница и, по-моему, ты никогда не сделаешь никому зла. Ты сейчас сказала, что мой Лорд жив, но где же он?

Он подошёл ближе, пристально глядя ей в глаза. В его взгляде проскальзывало что-то неистовое и свирепое. Так смотрят на человека морские орлы.

— Я не знаю, но уверена, что он жив. И теперь я должна... отправиться искать его. Мы были мысленно связаны; на борту этого дьявольского корабля должен остаться какой-то след, и я могу найти его. Но я не могу сделать это отсюда. А ты говоришь, что за дверью стражники... — она быстро взглянула на служанку. — Алтама, хочешь послужить мне?

— Леди, я твоя, — просто ответила горничная. — Твоё желание — моё.

— Стражники пропустят тебя?

— Думаю, да, Леди. Только сначала удостоверятся, что я не несу никакого послания.

— Что ты задумала? — спросил старейшина.

— Это моя единственная надежда. Фоллан, ты всегда был предан моему Лорду. Каков же ты по отношению ко мне?

— Ты говоришь, что наш Лорд не умер, и что твоё чувство может отыскать жизнь и отделить её от смерти в таком деле? Леди, я с тобой. Что ты задумала?

— Вот что, — она снова взглянула на Алтаму. — Я могу своей силой стать похожей на Алтаму. Ненадолго, но надеюсь, что смогу выйти отсюда. А чтобы Райс не обвинил её в моём побеге, я привяжу её к этой кровати. Ты согласна, Алтама?

Служанка энергично закивала:

— Леди, если ты можешь сделать такое, то делай поскорее. Женщины здесь о многом шепчутся, и некоторые больны от страха... Теперь власть в руках Райса, а он боится и ненавидит тебя. Но куда ты пойдёшь? Ни один корабль не выйдет отсюда без ведома тех, кто тут же доложит о тебе Лорду Райсу.

— Я не поплыву на корабле. И, Алтама, если я ничего не скажу тебе, они не смогут выдавить из тебя ответ. Уверяй, что ненавидишь меня, что я тронулась умом из-за гибели своего Лорда, и ты уверена, что я пошла по тёмной дороге самоуничтожения из-за любви к нему и в страхе перед Райсом. Мысль, что я настолько боюсь его, будет ему так приятна, что он услышит только это.

Она встала. Фоллан туго связал запястья и лодыжки Алтамы и забил ей в рот тряпку, но так, чтобы она смогла её вытолкнуть и позвать на помощь стражников.

Тэм-син надела юбку служанки, постояла некоторое время с закрытыми глазами, наводя на себя иллюзию внешности горничной. Она услышала возглас Фоллана и открыла глаза.

— Леди, если бы я не видел сам, то сказал бы, что этого не может быть.

— Я не смогу удерживать иллюзию долго, — заметила она. — Проводи меня в бухту, где роются в штормовых наносах.

— Это я могу гарантировать, — спокойно ответил он.

Итак, облачённая в иллюзорный облик Алтамы, Тэм-син зашагала по коридорам, почтительно держась в двух шагах позади от старейшины, который прошёл мимо стражи, будто их и не было. Он и Тэм-син спустились по узкой лестнице, потом по более широкой и вышли на открытое место. Теперь она слышала, как перекликались женщины, занятые перебором даров шторма на берегу. Тэм-син поспешила обогнать старейшину, как будто ранее её что-то удерживало от охоты за сокровищами и теперь она жаждала добраться до обломков, а поскольку вблизи входа в башню всё было расчищено, она должна была бежать дальше.

Они поднялись на груду камней, омываемых волной. Фоллан последовал за ней.

— Леди, здесь нет корабля, чтобы уплыть отсюда.

Она кивнула:

— Я знаю, старейший, но у меня есть особые силы. Они приведут меня туда, где исчез мой лорд, — и она пошла дальше по камням, над которыми взлетали брызги, омывая их поверхность.

Когда Тэм-син добралась до последнего камня, она посмотрела вниз, а затем назад, на Фоллана.

— Старейший, а что сделает Райс, когда узнает, что ты так поддержал меня?

Фоллан криво улыбнулся:

— Ничего. Я был свидетелем, как ты отдала себя Морю, нашей Матери, в помрачении ума. Но будь уверена, Миледи, Райсу будет нелегко управлять Лок-Кером, законно или нет. Ему я не окажу никакой поддержки.

— Добрый друг, — медленно проговорила Тэм-син, неуверенно улыбнувшись. Фоллана нелегко было понять, но то, что он сделал для неё, выглядело почти по-родственному. — Скажи, что захочешь, но, по возможности, не правду.

Она расстегнула юбку, и на ней остался только пояс с длинным ножом, подаренным ей Кильвером при их обручении. Затем она повернулась лицом к морю и, приложив руки трубкой ко рту, послала высокий звенящий зов. Три раза она звала, и на третий увидела вдали что-то, появившееся на секунду над волнами, и поняла, что её услышали и ответили.

Страшно довольная, Тэм-син скользнула в объятия

моря, выбрав удачный момент, чтобы её не бросило волной о скалы, и поплыла. И очень скоро те, кого она звала, присоединились к ней по обеим сторонам; их округлые голубоватые тела были видны только наполовину. Она положила руки им на спины и вскоре почувствовала, что каждая её рука была ласково, но крепко зажата пастью, вооружённой огромными зубами, но это оружие никогда не будет угрожать той, кто знает тайну вызова. Теперь её тянули вперёд со скоростью, равной которой не было ни у одного из пловцов, даже у Морского Народа. С теми, кто служил ей, она не нуждалась в корабле, чтобы достичь Рифов.

Глава седьмая

Временами Тэм-син плыла сама, а локсы держались рядом, готовые помочь, когда она устанет. Слабый солнечный свет исчез, и небо, когда бы Тэм-син не поднималась на поверхность для обозрения, имело глубокий пурпурно-красный цвет заката. Водяной мир, по которому она плыла, был знаком ей, как собственная комната в Улье мастеров сна, из которого пришла другая её половина. Некие тёмные массы иногда прокладывали рядом себе путь, но ни одна не поворачивала к ней, увидев охраняющих её локсов.

Они были существами высокого интеллекта, но образ их мышления был настолько чужд человеческому, что общаться с ними было чрезвычайно трудно, и общение это поневоле сильно ограничивалось. Они знали, куда она спешит, и поэтому не спрашивали у неё объяснений.

Взошла луна, и Тэм-син вновь понесли её плавучие компаньоны. Затем подплыли ещё два локса, сменяя прежних, чтобы оказать ей ту же помощь.

Она проголодалась и хотела пить, но нужды тела теперь следовало отодвинуть в сторону. Только бы ей добраться до Рифов, там она сможет ослабить несгибаемую волю, которая управляла локсами и несла её вдаль.

Время потеряло всякое значение. Тэм-син казалось, что она плывёт уже бесчисленные часы. Затем, поднявшись на поверхность, она увидела впереди тёмную массу корабля. На секунду ей показалось, что это корабль-призрак, но тут

она услышала звук гонга, пронёсшийся над водой, и поняла, что это сторожевое судно Морского Народа.

Сейчас она не имела желания искать какой-нибудь корабль, кроме того, зловещего и дрейфующего в море тумана. Если она случайно наткнётся на корабль Кильвера, то вполне может быть, что среди команды имеются люди Райса. Она никогда не сомневалась, что тот имел на борту своих шпионов. И если она будет приветствовать боевые корабли Лочека и Лок-Рейса, конечный результат может быть таким же. Следовательно, ей нужно плыть к Рифам и ждать шанса отыскать ловушку, захватившую отряд Кильвера.

Локсы взяли в сторону, отводя Тэм-син подальше от корабля. Плыли они под водой, так что ночью никто не мог их заметить. А затем перед ними выросли скалы, и девушка поняла, что добралась к подножью стены, чей зазубренный верх образовывал поверхность Рифов. Отпустив локсов, она медленно поплыла туда. Цепляясь за выступы руками и ногами, она вышла из волн в ночной воздух, такой холодный, что у неё захватило дух, пока она добралась до зазубренной поверхности. Держась ниже гребня, чтобы движения её тела не привлекли внимание какого-нибудь остроглазого наблюдателя, она глубоко дышала, снова впустив воздух в лёгкие, и прекратила действие жабер.

С этого места она видела свет трёх кораблей. Они, видимо, стояли на якоре. Тумана не было, и Тэм-син подумала, что судно-призрак, должно быть, само производило туман, чтобы скрыть зло, явно обитающее там.

Глаза не могли ей помочь теперь, и она должна была искать с помощью своих чувств, искать сквозь покров ночи тот мозг, с которым могла связываться. Сначала она обнаружила слабую внутреннюю и внешнюю структуру, но не стала пытаться прояснить её: это были мысли локсов, не представлявшие для неё ценности. Всё дальше, всё шире закидывала она сеть поиска, надеясь найти хоть слабую искру, которая приведет её к Кильверу, но безуспешно...

Она дошла почти до границы, какую имеет такой поиск, если он не питается связью. Затем она сжала руки в кулаки и повернула голову к северу. Собрав всю свою силу, она послала зонд в том направлении..

Нет, настоящей связи не получилось. Она нашла только как бы обрывок нити вместо целого куска ткани. Но и этого

было достаточно: теперь она знала, что поле её поиска лежит в том направлении. Ободрённая, Тэм-син снова скользнула в воду, где её встретили локсы, даже не ожидая её зова.

Теперь их было уже шестеро. Локсы вообще очень любопытны, особенно в том, что касается людей. Хорошо известно, что они часто сопровождали Морской Народ на расстоянии и просто наблюдали за действиями людей. К Тэм-син они подошли близко потому только, что она пользовалась древним призывом. Теперь они плыли рядом с обоих сторон её, и уши девушки улавливали лишь слабые следы их визгливых криков, которые, как и их мысли, то быстро входили в сферу её сознания, то выходили. Гладкие тела локсов, вдвое длиннее тела Тэм-син, составляли устрашающее кольцо защиты, и они будут таким образом охранять её, пока она не доберётся до цели — чего, собственно говоря, могло и не произойти.

Поскольку локсы плыли под водой, и тащили Тэм-син со скоростью, которой они могли легко достичь, она оставила свою транспортировку на них и сосредоточила все свои мысли на определении следа, который завлёк её сюда.

Это не было настоящей связью, она знала. Вроде того, как если бы видеть лёгкую тень вместо человека. Но она знала, что ошибки нет, и что какая-то форма контакта с Кильвером существует.

Однако по мере приближения контакт не становился сильнее, как она надеялась. В конце концов, она ослабила связь с локсами и всплыла на поверхность. Над ней...

Сердце её подпрыгнуло от торжества и страха. Вокруг тяжёлыми складками лежал туман... Он скрывал поверхность моря, так что она не смогла бы сказать, где восток, юг, запад или север. Локсы высунули морды из воды и смотрели вдаль. Тэм-син ещё раз постаралась наладить контакт с ними и получила слабое подтверждение. Туман не был преградой для морских созданий: за ним скрывалась вещь, сделанная человеком.

И это мог быть только корабль-призрак! Тэм-син напрягла волю и послала желание — подплыть к скрытой туманом вещи. Но к её удивлению, локсы в первый раз отказались помочь ей.

Она почувствовала их протест, хотя и не могла слышать

их ультразвуковых голосов или же встретиться с ними мыслью. То, что качалось на волнах в тумане, почему-то их пугало.

Её это тоже пугало. Но она решительно поплыла вперед, зная, что локсы сопровождают её на расстоянии, пытаясь отвести её обратно от этой, по их понятиям, опасной территории. Только её сила воли заставила их, хоть и неохотно, уступить ей дорогу. Теперь они уже не плыли по бокам её, а тянулись сзади, и расстояние между ней и ими росло. Локсы решительно никого не боялись в море, и Тэм-син это знала. И их теперешнее недовольство служило предупреждением, что она сознательно делает безумный шаг.

Туман стал таким плотным, что казался стеной, задерживающей её. Она нырнула под воду, чтобы не видеть этой стены. Вперёд, вперёд, к фосфоресцирующей линии, которая могла быть только килем корабля. Это свечение само по себе было предупреждением, потому что исходило от раковин существ, которым лучше жилось на дереве, долгое время омываемом солёными волнами: И такое большое скопление их означало, что судно в море очень давно, и его корпус никогда не очищался.

Тэм-син держала курс прямо на источник тусклого света. Она знала, что локсы остались далеко позади, и все её мысли направлены были теперь на то, как ей подняться на борт. Ей это может удаться только в том случае, если где-нибудь с борта свешивался канат.

Поднявшись на поверхность, она подняла голову и поплыла вертикально, касаясь рукой обшивки судна. Никакой верёвки не оказалось — может, якорная цепь?

Она подплыла к корме и увидела цепь, даже услышала, как она трётся о дерево, отполировав его и очистив от ракушек и водорослей. Якорь исчез, но цепь осталась и висела достаточно близко к воде, чтобы Тэм-син, сделав рывок вверх, схватилась рукой за полуразжатое звено.

Лезть было очень трудно, но Тэм-син всё же добралась до отверстия, откуда выходила цепь. Отверстие было слишком мало даже для её узкокостного тела, но она нашла, за что ухватиться над этим отверстием и, задохнувшись от усилий, наконец перевалилась через расщеплённые поручни на палубу. Туман скрывал всё. И она стала прислушиваться — не мозгом, а ушами.

Глава восьмая

На корабле была жизнь, Тэм-син чувствовала её. Но жизнь была чуждой, подобно разуму локсов; и она перекрывала и почти сглаживала следы Кильвера. В одном Тэм-син была уверена: она ничего не найдёт ни в каютах, ни в коридорах судна. Поиски там были произведены добросовестно, не осталось ничего, что человек не мог бы найти...

Однако что-то здесь жило...

Босые ноги Тэм-син бесшумно ступали по палубе. Нож в руке был наготове. Она достала его просто инстинктивно, хотя знала, что скрывающееся здесь зло нельзя убить никаким лезвием.

Если не на корабле, то где же?

Клубящийся туман окутал почти всю палубу, за исключением той части, что лежала непосредственно перед Тэм-син. И как она ни прислушивалась, она ничего не слышала, кроме плеска волн о борт судна и скрипа качающейся взад и вперёд якорной цепи.

Что-то тёмное показалось в тумане. Тэм-син медленно подошла. Это оказался всего лишь край запечатанного люка. Опёршись левой рукой о край, она ощупала широкий квадрат, опутанный верёвками. Запечатанный трюм оставался единственным местом, которое не обыскали те, кто попал в ловушку дьявольского судна.

Поскольку верёвки были туго связаны и выглядели неповреждёнными, к тому же там стояла печать, никто из поднявшихся на борт не задумался над этим. А ведь это было единственное место, где могло скрываться то, что и делало корабль угрозой.

Тэм-син потянулась к печати. Даже при тусклом свете, который составлял как бы часть тумана, хорошо видна была эмблема Дома, которым в реальном мире правил Старекс.

Тэм-син встала на колени на мокрую от сконденсировавшегося тумана палубу. Откуда-то повеяло холодом. Она вздрогнула, взялась за печать, покрывавшую узлы веревки, и дёрнула.

Ей показалось, что перекрещивающиеся верёвки подались. Она дёрнула сильнее. Печать свободно соскользнула, и концы верёвки рассыпались сами собой. Значит, люк

не был по-настоящему запечатан — это была одна лишь видимость.

Она торопливо работала, открывая задвижки люка. Хватит ли у неё сил поднять крышку — это был другой вопрос. Крышка была двухстворчатой с щелью в середине. Зажав нож в зубах, Тэм-син запустила пальцы в щель и изо всех сил потянула.

Девушка чуть не потеряла равновесие, потому что створки поднялись очень быстро, точно были много легче, чем выглядели, или же там скрывалась какая-то пружина, помогавшая им открываться.

Снизу вырвался свет, бледный, зеленоватый и удивительно противный. Вместе со светом поднялась вонь, подобной которой Тэм-син в жизни не встречала.

Она отшатнулась в ожидании, какой ещё ужас покажется оттуда. Но кроме света и запаха ничего не появилось. Зажав нос, Тэм-син снова подошла к отверстию и заглянула внутрь, хотя все её предостерегающие чувства и даже кожа противились этому.

Она не сразу поняла, что видит, так это было страшно. Но она заставила себя осмотреть всё, что там было, и зафиксировать увиденное в своём мозгу.

Прямо в центре внизу стоял длинный ящик или сундук. И в нём лежал человек. На его голове покоился сияющий шар, от которого исходило зеленоватое свечение.

С каждой стороны открытого сундука были навалены... тела? Тэм-син прижала руки к губам, чтобы удержать вопль. Некоторые из тел лежали там, по-видимому, уже очень давно, потому что их пергаментная кожа прилипла к костям — оболочка того, что было некогда человеком. У самого сундука, близ его изголовья лежал сам Кильвер! И с ним его оруженосцы. Они лежали позади трёх других, вероятно, людей Пигоуса; по их ввалившимся и широко раскрытым глазам она решила, что они мертвы.

Кильвер! Её ищущая мысль пробилась в мозг вялого тела. Вялого, но не мёртвого.

Но как могла она освободить его из этой зачумлённой тюрьмы?

Она схватила верёвки, свисающие с люка, и связала их вместе — в одну длинную. Она ещё не понимала значения увиденного ею, но была уверена, что у Кильвера осталось очень мало времени.

Тэм-син закрепила верёвку за поручень у палубы и

проверила каждый узел, возвращаясь вдоль своей импровизированной лестницы к люку.

Теперь перед ней встала нелёгкая задача — спуститься вниз самой и придумать, как вытащить Кильвера и его людей, если они ещё живы. И потребовалась вся её решительность, чтобы начать этот спуск по верёвке.

Когда она встала над Морским Королём, то осознала, какая страшная сила исходила из этой ужасной ловушки. Она чувствовала что-то страшно сытое, шевелящееся во сне от пресыщения... Её тоже могли схватить... и она должна была воспользоваться тем, что о н о было сыто!

Она наклонилась и взяла меч Кильвера. Он был много тяжелее её кинжала, и она неумело подняла его, так как никогда не училась пользоваться таким оружием. Свет стал ярче. Она взглянула на шар: в нём что-то крутилось.

Это была жизнь!...

Что-то приближалось к ней, охватывая её столь крепко, как бы желая задушить, вытягивая воздух из её лёгких, оставляя только тошнотворную вонь. Оно хотело... взять её!

Тэм-син схватила Кильвера за плечо и потрясла. Искра жизни ещё тлела в нём, она это знала. Он должен проснуться, помочь самому себе. Потому что теперь она встретилась с силой, далеко превосходящей те силы, с которыми она когда-либо сталкивалась во сне или наяву.

— Кильвер! — выкрикивала она, чувствуя, что он слабо шевельнулся. Она не могла подтащить его к верёвке: он был слишком тяжёл для неё в качестве мёртвого груза. Он чуточку качнулся к ней и прижал её к сундуку. Она в первый раз увидела лицо человека, лежавшего в нём, увидела и... узнала.

Кейс! Спал ли он или был мёртв и вытягивал жизненную силу из других?

Шар пульсировал ярким светом. От него исходила надменная самоуверенность. Это существо никогда не знало поражений, оно собирало жизни жертв, и ни одна из них не могла противостоять ему.

Тэм-син призвала ту свою часть, которая была мастером снов. Существо не было человеком, насколько она понимала, оно далеко превосходило любую классификацию, которую её знания могли предложить. Но найти Кейса,

лежавшего здесь... Почему-то это укрепило и усилило ту её часть, которая тоже никогда не знала поражений.

Интересно, шар сам питался или питал охраняемого им человека? На теле Кейса не было и следа разложения. Ей показалось даже, что грудь его поднимается и опускается в очень медленном дыхании.

Шар...

То, что жило в нём, стало сильнее, оно было готово осилить её. Тэм-син повернула меч. Острые зазубренные края больно врезались в её плоть, когда она подняла меч и ударила его рукоятью по шару.

Шар не разбился, как она надеялась, но от удара свет злобно закружился, и она пошатнулась от ответного злобного усилия. Она ударила во второй раз. Лезвие стало липким от крови из порезов на её руках.

Его нельзя разбить. И через секунду его сила возьмет верх над ней. Что же...

Тэм-син снова повернула оружие. У неё оставалась только секунда, и в это время пришла страшная догадка. Держа меч как можно крепче, она нацелила его остриё прямо в грудь лежащего в сундуке человека. Другого выбора у неё не было.

Глава девятая

Раздался воющий звук, но не из горла Тэм-син — в основном, потому что она в этот момент не могла издать ни звука. Она качнулась и упала на груду тел, отчаянно цепляясь за гаснущую искру своей жизни.

Вой мучил её уши, а свет слепил глаза. Она слабо застонала. У неё не оставалось сил, она только терпела, насколько могла.

Рядом возникло движение.

Получив ответный удар энергии, она уже не знала, ударила она человека в сундуке или нет.

Каким-то образом Тэм-син притянула к себе последние остатки сил. Она боролась, чувствуя отвращение к тому, что лежало внизу, вокруг неё. Свет больше не терзал её залитые слёзами глаза: он мерцал в шаре, как если бы тоже находился при последнем дыхании.

И та страшная ненависть, которая ударила её, исчезла.

Тэм-син положила руку на сундук, вцепилась пальцами в его края и с этой поддержкой смогла наконец встать.

В шаре металось что-то, подобное раненой змее. Тэм-син жалела, что у неё нет ни топора, ни сил, чтобы ударить по шару, безжалостно и беспрепятственно.

— Тэм-син!

Хотя вой утих, она едва расслышала своё имя. Она заглянула в сундук. Меч Кильвера стоял рукояткой вверх, воткнувшись между рёбрами спящего. Но это был уже не спящий... Плоть его сморщилась, кожа плотно прилипла к костям.

— Тэм-син!

Её плечи обняли руки, пока она боролась с тошнотой.

— Кейс, — она дрожащей рукой указала на то, что выглядело теперь давным-давно умершим человеком.

Злоба, невероятная злоба, бессильная злоба. Хотя Тэм-син чувствовала обнимавшие её руки, она не могла отвести глаз от шара. Он уже не представлял собой безукоризненно-правильную сферу света, он выгибался так, как будто жившее в нём выбиралось на свободу.

— Уйти, — с трудом выговорила она. — Уйти...

Рука потянула её от шара, от сундука, ближе к верёвке. Зеленоватый свет в шаре всё ещё корчился, но борьба его ослабела. Руки повернули Тэм-син лицом к верёвке и приподняли её тело над полом. Едва сознавая, что она делает, Тэм-син вцепилась в верёвку. Но в ней совсем не осталось сил, и она не могла лезть наверх.

— Лезь, Тэм-син!

Резкий приказ пробился сквозь её заторможенность и вызвал слабое стремление к повиновению. Кто-то стоял над ней и понуждал её подниматься. Каким-то образом она всё-таки поднялась и упала на палубу. Но встать у неё уже не осталось сил.

— Лежи! — снова прозвучал резкий приказ. — А я пойду за Травендом и Лотаром.

Веки её опустились. Она ещё никогда не была такой обессиленной. То, что билось в шаре, кажется, вытянуло из неё всю энергию. Но она больше не беспокоилась об этом, с неё было достаточно и того, что она вышла из этого чумного места на морской ветер.

Тэм-син повернулась, чтобы видеть люк. Верёвка была туго натянута и слегка подёргивалась.

Над краем люка показалась голова, и на палубу ступил мужчина.

Кильвер. Она даже не поверила, что видит его. Слишком многое ушло из неё.

Он повернулся и стал тянуть верёвку, пока не показалась вторая голова, бессильно поникшая. Кильвер вытащил неподвижное тело и положил его рядом с Тэм-син, а сам снова исчез в глубине, чтобы вынести второе тело, такое же беспомощное, как и первое.

Следом за спасённым пришёл слепящий глаза свет. Из люка вырвалось пламя, словно хватая спасителя, который оттаскивал второго человека в безопасное место.

— Пожар! — закричал Кильвер, схватил Тэм-син, поставил на подгибающиеся ноги и толкнул к поручням. — Уходи отсюда!

Она вцепилась в поручни и смотрела, как Кильвер прыгнул к люку с мечом и начал рубить часть его крышки. Затем он подтащил выдержанное сухое дерево к поручням и перебросил в воду. Увидев его на волнах, он повернулся к Тэм-син:

— Прыгай! Я спущу их к тебе, а ты положишь их на плот.

Она прыгнула в воду, не слишком чистую, но всё же омывшую её тело, и подплыла к импровизированному плотику. Кильвер спустил тела своих оруженосцев на эту качающуюся на волнах поверхность, прыгнул сам и лёг рядом с Тэм-син, держа своих людей за пояса.

Туман позади пылал, как будто тоже был охвачен огнём. Тэм-син тупо следила, как пламя ползло по поручням судна. И что-то, возможно, жар от горящего судна, победило туман, высушило его, едва люди на плоту успели оттолкнуться от судна.

Кильвер передвинул неподвижные тела на середину плотика.

— Это, — он указал на горящий корабль, — захотят осмотреть. Мы можем продержаться здесь до тех пор.

— Пожар! — Тэм-син следила за разрушением призрачного корабля безо всякого волнения. Испытания этой ночи как бы лишили её способности чувствовать.

— Существо, жившее в шаре, — сказал Кильвер, — разбило своё жилище — вот и результат.

Что-то она должна была сказать ему, но её мозг не мог сейчас логически мыслить... Что-то важное, но она не могла сосредоточиться.

— Рррууууу!

Позади корабля кто-то гудел в раковину-горн. Кильвер встал на колени, осторожно балансируя на качающемся плоту, и послал зов, такой же звонкий, как звук горна. И через мгновение ему ответили криком.

— Тэм-син, — его тёплая рука нежно легла на её плечо, — это идут за нами.

Она не ответила, даже когда он положил её голову к себе на колени. Сквозь дымку усталости она увидела, что один из тех, кого спас Кильвер, повернул голову и смотрел теперь на своего Лорда.

Туман исчез. Тэм-син увидела звёзды над головой. Горящий корабль рассеивал яркий свет над волнами. И этот свет был прорезан носом другого корабля, полным ходом идущего к ним.

Тэм-син едва сознавала, как её подняли на борт и уложили на койку, а Кильвер укрыл её тёплым одеялом и ушёл. Он вернулся раньше, чем она полностью осознала, что его нет, и принёс стаканчик. Приподняв девушку за плечи, он поднёс стаканчик к её губам, и она, хоть и почуяла запах крепкого вина, слишком устала, чтобы протестовать, и залпом проглотила огненную жидкость.

— Но... это существо, — прошептала она,

Кошмарная мысль возникла в её мозгу. А что, если это существо, освободившееся теперь из своего контейнера, будет преследовать их?

— Оно погибло, или, во всяком случае, исчезло, — быстро успокоил её Кильвер. — Спи, моя дорогая Леди, и знай, что здесь нам ничто не может повредить.

Она позволила уложить себя снова. Когда-нибудь она разберётся в том, что произошло, но сейчас она больше не беспокоилась, так как её ждал сон.

Глава десятая

Полоса серого рассвета вползла в один из иллюминаторов каюты и коснулась Кильвера, развалившегося на кресле, закрыв глаза и откинув голову на спинку. Тэм-син смотрела на него, пока собирала воедино воспоминания недавнего прошлого — призрачный корабль и то, что лежало в его недрах. Она опять мысленно увидела того, кто казался спящим под губительным светом шара.

Кейс!

Только теперь она поняла, что может выйти из её атаки на этого спящего. Трое были связаны в этом сне-реальности, который существовал явно вне её контроля. И если Кейс умер...

Но она видела своими глазами тело, которое после удара мечом мгновенно высохло, сморщилось, словно умерло уже очень давно. Мог ли это быть тот самый корабль, который посетил в своё время побережье Кинквара? Если так, то Кейс в этом мире был уже очень давно мёртв или жив наполовину, оберегаемый шаром.

Какое удивительное и страшное колдовство лежало за тем, что жило на этом корабле.

Кильвер пошевелился, открыл глаза и выпрямился. Затем он быстро взглянул на Тэм-син, и она нашла в себе силы улыбнуться.

— Миледи! — он быстро подошёл к ней.

— Милорд! — тепло откликнулась она, чувствуя, что он нуждается в ней, как в якоре.

— Ты решилась пойти... ТУДА... — он взял её руки и сжал их крепко, до боли, однако она не возражала.

— А как же иначе, раз это было необходимо? — спросила она. — Но, в конце концов, т в о я сила вытащила нас обоих, Кильвер. Что это было?

Он медленно покачал головой.

— Не могу назвать. Это... это питалось жизненной силой тех, кого захватывало. И у него было много жертв.

Тэм-син вздрогнула, вспомнив лежащих вокруг сундука. Она провела языком по пересохшим губам. Если он не знает, она должна немедленно рассказать ему увиденное. А ей это было тяжело.

— Кильвер, ты видел, кто лежал в сундуке?

— Один из мертвецов...

— Не совсем... я думаю. По крайней мере до тех пор, пока я не убила его твоим мечом. Кильвер, это был Кейс!

— Кейс? Ты хорошо видела его?

— Видела и узнала. Он не изменился, как ты и я, у него было прежнее лицо. И... ты понимаешь, Кильвер... Я убила его!

Он ошеломлённо смотрел на неё.

— Кейс? — повторил он. — Однако этот корабль, должно быть, путешествовал с давних времён.

Тэм-син стало совсем плохо, когда полное значение

того, чему она была свидетельницей, полыхнуло в её уме. Кейс, перенесённый в этот мир сна, был заключён в свой здешний аналог и стал частью мёртво-живого тела, управляемого существом из шара. Сознавал ли он, что с ним случилось? Нет, она не могла, не смела поверить этому!

Руки Кильвера обняли её, прижали к теплу его тела, как будто он хотел защитить и укрыть её от мыслей, тех мыслей, которые свивались теперь в открытый ужас.

— Если то был Кейс в этом мире, то мы тут ни при чём.

— Лорд, но ведь это мои власть и воля привели нас сюда.

— Чем спасли от явной смерти, — возразил он. — Я не знаю, что послужило причиной гибели корабля. Поскольку шар сохранял живым двойника моего кузена, возможно, Кейс сам и смастерил эту ловушку с самого начала. Очевидно, что шар и он были тесно связаны между собой, потому что когда ты убила Кейса, шар словно взбесился. Это было смертоносное существо, кем бы оно не являлось. И ты ни в коем случае не должна порицать себя, Тэм-син!

— Однако я привела его сюда... к этому... — голос её упал почти до шёпота.

— Ты привела нас всех к безопасности, ты сама знаешь. Но в этом мире Кейс, видимо, имел дело со злыми силами, иначе он не был бы связан с этим пожирателем жизней.

— Мы не можем быть уверены.

Она желала успокоиться, поверить в правильность догадок Кильвера, но как они могли знать?

— Не забудь, что я был там, — он ласково отвёл волосы с её лба. — Я был добычей, какую искало это существо. Даже если бы пришлось убить полсотни моих кровных родственников, я отдал бы такой приказ, потому что столь нечистое создание нельзя терпеть в этом мире. Оно хотело только убивать и убивать, безжалостно и с такой жадностью, о которой человеку и думать-то противно. Кейс, мёртвый или живой, был связан с ним в этой ловушке. Не думаешь ли ты, что кто-нибудь скажет, что при таких обстоятельствах Кейс не заслужил смерти?

— Ты не понимаешь! — Тэм-син попыталась вырваться из его объятий. — Кейс умер... и я не смогу теперь прервать этот сон! Мы никогда не вернёмся обратно!

Лицо его обесцветилось, даже глаза его как бы повернулись внутрь. Только теперь он понял, что не захочет и не сможет забыть, что она сделала. Они потерялись в этом

сне, они никогда не вернутся в Ти-Кри, где он правил в своём королевстве небесной башней.

— Ты уверена, что это так? — спросил он ровно, голосом невыразительным, как и его лицо.

— Да, — с отчаянием ответила Тэм-син. Она ненавидела Кейса за то, что он пытался сделать, за его намерение увидеть Старекса мёртвым в том сне, который она сама соткала. Однако она обязана была сохранить его, чтобы они могли вернуться...

— Пусть так и будет! — Кильвер улыбался, лицо его сияло. — Разве ты не помнишь, моя Тэм-син? В том Ти-Кри я был лишь наполовину человеком, привязанным к телу, которое больше не повиновалось моим командам. Как Хаверел, я был наполовину человеком в другом смысле, потому что он был ограниченным. недалёким, и я не смог бы так долго жить. Но здесь, — он гордо вскинул голову, — здесь я имею всё, чего искал! И я не думаю, что прошлое лучше настоящего. Нет! Я — Лорд Лок-Кера, и у меня есть моя Леди! Если Кейс умер, давай примем это за факт и повернёмся лицом к будущему. Смотри! — он поднял её на руки и поднёс к иллюминатору.

Солнечный свет играл на волнах. Тёмное тело выпрыгнуло из воды и на секунду зависло в воздухе. Огромная морда повернулась к ним, и Тэм-син не сомневалась, что локс увидел и узнал её.

— Тэм-син, это новый день. Мы вышли из ночи туманов в день, который всецело отдан нам... и мы воспользуемся им. Ты жалеешь о прошлом?

— Нет!

Конечно, нет! Она была мастером снов, но был ли этот сон, в котором их теперь полностью захлопнуло, нематериальным — это её больше не тревожило. Она была Тэм-син, и с ней Кильвер, а не Старекс; и они могли свободно идти не извилистой тропинкой запланированного сна, а по самой жизни. Она радостно улыбнулась, когда губы Кильвера коснулись её губ, и пришло счастье.

Содержание

НОЧЬ МАСОК 3

ЗВЁЗДНОЕ КОЛЕСО 155

ОПАСНЫЕ СНЫ 331

Андрэ Нортон

НОЧЬ МАСОК

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И. З.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Художественный редактор
Прилипко К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Лицензия ЛР № 070157 от 2.10.91. Сдано в набор 01.06.93 г. Подписано в печать 25.07.93 г. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 28,6. Физ. п. л. 14. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3395. «С» – 11.

Издательство «Зеленоградская книга». 103489, Москва, Зеленоград, корп. 448, кв. 1.

Подготовлено к печати издательством «Новинтех-Пресс».

Верстка АО «Музыка сфер»

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Тверском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

